

Тысяча и одна ночь

Перевод с арабского
Михаила Салье

ФТМ

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь

«ФТМ»

Эпосы, легенды и сказания

Тысяча и одна ночь / Эпосы, легенды и сказания — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-2989-0

Книга сказок и историй 1001 ночи некогда поразила европейцев не меньше, чем разноцветье восточных тканей, мерцание стали беспощадных мусульманских клинков, таинственный блеск разноцветных арабских чаш. «1001 ночь» – сборник сказок на арабском языке, объединенных тем, что их рассказывала жестокому царю Шахрияру прекрасная Шахразада. Эти сказки не имеют известных авторов, они собирались в сборники различными компиляторами на протяжении веков, причем объединялись сказки самые различные – от нравоучительных, религиозных, волшебных, где героями выступают цари и везири, до бытовых, плутовских и даже сказок, где персонажи – животные. Книга выдержала множество изданий, переводов и публикаций на различных языках мира. В настоящем издании представлен восьмитомный перевод 1929–1938 годов непосредственно с арабского, сделанный Михаилом Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского по калькуттскому изданию.

ISBN 978-5-4467-2989-0

© Эпосы, легенды и сказания

© ФТМ

Содержание

Предисловие	5
Рассказ о царе Шахрияре и его брате	11
Рассказ о быке с ослом	15
Сказка о купце и духе (ночи 1–2)	17
Рассказ первого старца (ночь 1)	19
Рассказ второго старца (ночь 2)	22
Рассказ третьего старца (ночь 2)	24
Сказка о рыбаке (ночи 3–4)	26
Повесть о везире царя Юнана (ночи 4–5)	31
Рассказ о царе ас-Синдбаде (ночь 5)	34
Сказка о коварном везире (ночь 5)	35
Рассказ заколдованного юноши (ночи 7–8)	44
Рассказ о носильщике и трех девушках (ночи 9–19)	50
Рассказ первого календера (ночи 11–12)	62
Рассказ второго календера (ночи 12–14)	66
Сказка о завистнике и внушившем зависть (ночь 13)	72
Рассказ третьего календера (ночи 14–16)	80
Рассказ первой девушки (ночи 17–18)	91
Рассказ второй девушки (ночь 18)	97
Рассказ о трех яблоках (ночи 19–20)	104
Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате (ночи 20–24)	109
Сказка о горбуне (ночи 25–34)	141
Рассказ христианина	144
Рассказ надсмотрщика (ночи 27–28)	152
Рассказ врача-еврея (ночи 28–29)	157
Рассказ портного (ночи 29–31)	162
Рассказ цирюльника о самом себе (ночь 31)	170
Рассказ о первом брате цирюльника (ночь 31)	171
Рассказ о втором брате цирюльника (ночи 31–32)	174
Рассказ о третьем брате цирюльника (ночь 32)	177
Рассказ о четвёртом брате цирюльника (ночь 32)	179
Рассказ о пятом брате цирюльника (ночи 32–33)	181
Рассказ о шестом брате цирюльника (ночь 33)	185
Рассказ о двух везирях и Анис аль-Джалис (ночи 34–38)	189
Конец ознакомительного фрагмента.	196

Тысяча и одна ночь

Предисловие

Без малого два с половиной столетия прошло с тех пор, как Европа впервые познакомилась с арабскими сказками «Тысячи и одной ночи» в вольном и далеко не полном французском переводе Галлана, но и теперь они пользуются неизменной любовью читателей. Течение времени не отразилось на популярности повестей Шахразады; наряду с бесчисленными перепечатками и вторичными переводами с издания Галлана вплоть до наших дней вновь и вновь появляются публикации «Ночей» на многих языках мира в переводе прямо с оригинала. Велико было влияние «Тысячи и одной ночи» на творчество различных писателей – Монтескьё, Виланда, Гауфа, Теннисона, Диккенса. Восхищался арабскими сказками и Пушкин. Первые познакомившись с некоторыми из них в вольном переложении Сенковского, он заинтересовался ими настолько, что приобрёл одно из изданий перевода Галлана, которое сохранилось в его библиотеке.

Трудно сказать, что больше привлекает в сказках «Тысячи и одной ночи» – занимательность сюжета, причудливое сплетение фантастического и реального, яркие картины городской жизни средневекового арабского Востока, увлекательные описания удивительных стран или живость и глубина переживаний героев сказок, психологическая оправданность ситуаций, ясная, определённая мораль. Великолепен язык многих повестей – живой, образный, сочный, чуждый обиняков и недомолвок. Речь героев лучших сказок «Ночей» ярко индивидуальна, у каждого из них свой стиль и лексика, характерные для той социальной среды, из которой они вышли.

Что же такое «Книга тысячи и одной ночи», как и когда она создавалась, где родились сказки Шахразады?

«Тысяча и одна ночь» не есть произведение отдельного автора или составителя, – коллективным творцом является весь арабский народ. В том виде, в каком мы её теперь знаем, «Тысяча и одна ночь» – собрание сказок на арабском языке, объединённых обрамляющим рассказом о жестоком царе Шахрияре, который каждый вечер брал себе новую жену и на утро убивал её. История возникновения «Тысячи и одной ночи» до сих пор далеко не выяснена; истоки её теряются в глубине веков.

Первые письменные сведения об арабском собрании сказок, обрамлённых повестью о Шахрияре и Шахразаде и называвшемся «Тысяча ночей» или «Тысяча одна ночь», мы находим в сочинениях багдадских писателей X века – историка аль-Масуди и библиографа ан-Надима, которые говорят о нем, как о давно и хорошо известном произведении. Уже в те времена сведения о происхождении этой книги были довольно смутны и её считали переводом персидского собрания сказок «Хезар-Эфсане» («Тысяча повестей»), будто бы составленного для Хумаи, дочери иранского царя Ардешира (IV век до н. э). Содержание и характер арабского сборника, о котором упоминают Масуди и ан-Надим, нам неизвестны, так как он не дошёл до наших дней.

Свидетельство названных писателей о существовании в их время арабской книги сказок «Тысячи и одной ночи» подтверждается наличием отрывка из этой книги, относящегося к IX веку. В дальнейшем литературная эволюция сборника продолжалась вплоть до XIV–XV веков. В удобную рамку сборника вкладывались все новые и новые сказки разных жанров и разного социального происхождения. О процессе создания таких сказочных сводов мы можем судить по сообщению того же ан-Надима, который рассказывает, что старший его современник, некий Абд-Аллах аль-Джахшияри – личность, кстати сказать, вполне реальная – задумал составить книгу из тысячи сказок «арабов, персов, греков и других народов», по одной на ночь, объёмом каждая листов в пятьдесят, но умер, успев набрать только четыреста восемьдесят повестей.

Материал он брал главным образом от профессионалов-сказочников, которых сзывал со всех концов халифата, а также из письменных источников.

Сборник аль-Джахшьяри до нас не дошёл, не сохранились также и другие сказочные своды, называвшиеся «Тысяча и одна ночь», о которых скупо упоминают средневековые арабские писатели. По составу эти собрания сказок, по-видимому, отличались друг от друга, общим у них было лишь заглавие и сказка-рамка.

В ходе создания таких сборников можно наметить несколько последовательных этапов.

Первыми поставщиками материала для них были профессиональные народные сказители, рассказы которых первоначально записывались под диктовку с почти стенографической точностью, без всякой литературной обработки. Большое количество таких рассказов на арабском языке, записанных еврейскими буквами, хранится в Государственной Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде; древнейшие списки относятся к XI–XII векам. В дальнейшем эти записи поступали к книготорговцам, которые подвергали текст сказки некоторой литературной обработке. Каждая сказка рассматривалась на этой стадии не как составная часть сборника, а в качестве совершенно самостоятельного произведения; поэтому в дошедших до нас первоначальных вариантах сказок, включённых впоследствии в «Книгу тысячи и одной ночи», разделение на ночи ещё отсутствует. Разбивка текста сказок происходила на последнем этапе их обработки, когда они попадали в руки компилятора, составлявшего очередной сборник «Тысячи и одной ночи». При отсутствии материала на нужное количество «ночей» составитель пополнял его из письменных источников, заимствуя оттуда не только мелкие рассказы и анекдоты, но и длинные рыцарские романы.

Последним таким компилятором был и тот неизвестный по имени учёный шейх, который составил в XVIII веке в Египте наиболее позднее по времени собрание сказок «Тысячи и одной ночи». Самую значительную литературную обработку получили сказки также в Египте, двумя или тремя столетиями раньше. Эта редакция XIV–XVI веков «Книги тысячи и одной ночи», обычно называемая «египетской», – единственная, сохранившаяся до наших дней – представлена в большинстве печатных изданий, а также почти во всех известных нам рукописях «Ночей» и служит конкретным материалом для изучения сказок Шахразады.

От предшествующих, возможно, более ранних сводов «Книги тысячи и одной ночи» сохранились лишь одиночные сказки, не входящие и «египетскую» редакцию и представленные в немногих рукописях отдельных томов «Ночей» или существующие в виде самостоятельных рассказов, имеющих, однако, – разделение на ночи. К числу таких рассказов относятся наиболее популярные у европейских читателей сказки: «Алад-дин и волшебная лампа», «Али Баба и сорок разбойников» и некоторые другие; арабский оригинал этих сказок имелся в распоряжении первого переводчика «Тысячи и одной ночи» Галлана, по переводу которого они и стали известны в Европе.

При исследовании «Тысячи и одной ночи» каждую сказку надлежит рассматривать особо, так как органической связи между ними нет, и они до включения в сборник долгое время существовали самостоятельно. Попытки объединить некоторые из них в группы по месту их предполагаемого происхождения – из Индии, Ирана или Багдада – недостаточно обоснованы. Сюжеты рассказов Шахразады сложились из отдельных элементов, которые могли проникнуть на арабскую почву из Ирана или Индии независимо один от другого; на своей новой родине они обросли чисто туземными наслоениями и издревле стали достоянием арабского фольклора. Так, например, случилось с обрамляющей сказкой: придя к арабам из Индии через Иран, она утратила в устах сказочников многие первоначальные черты.

Более целесообразным, нежели попытку группировать, скажем, по географическому принципу, следует считать принцип объединения их, хотя бы условно, в группы по времени создания или же по принадлежности к социальной среде, где они бытовали. К древнейшим, самым устойчивым сказкам сборника, возможно существовавшим в той или иной форме уже в

первых редакциях в IX-X веках, можно отнести те рассказы, в которых сильнее всего проявляется элемент фантастики и действуют сверхъестественные существа, активно вмешивающиеся в дела людей. Таковы сказки «О рыбаке и духе», «О коне из чёрного дерева» и ряд других. За свою долгую литературную жизнь они, по-видимому, многократно подвергались литературной обработке; об этом свидетельствует и их язык, претендующий на известную изысканность, и обилие поэтических отрывков, несомненно вкрапленных в текст редакторами или переписчиками.

Более позднего происхождения группа сказок, отражающих жизнь и быт средневекового арабского торгового города. Как это видно из некоторых топографических подробностей, действие в них разыгрывается главным образом в столице Египта – Каире. В основе этих новелл лежит обычно какая-нибудь трогательная любовная история, осложнённая различными приключениями; действующие в ней лица принадлежат, как правило, к торговой и ремесленной знати. По стилю и языку сказки этого рода несколько проще фантастических, но и в них много стихотворных цитат преимущественно эротического содержания. Интересно, что в городских новеллах наиболее яркой и сильной личностью зачастую является женщина, смело ломающая преграды, которые ставит ей гаремная жизнь. Мужчина же, обессиленный развратом и праздностью, неизменно выведен простаком и обречён на вторые роли.

Другая характерная черта этой группы сказок – резко выраженный антагонизм между горожанами и кочевниками-бедуинами, которые обычно являются в «Книге тысячи и одной ночи» предметом самых едких насмешек.

К лучшим образцам городских новелл принадлежат «Повесть о любящем и любимом», «Рассказ о трех яблоках» (включающий и «Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате»), «Сказка о Камар-аз-Замане и жене ювелира», а также большинство рассказов, объединяемых «Сказкой о горбуне».

Наконец наиболее поздними по времени создания являются сказки плутовского жанра, по-видимому включённые в сборник в Египте, при его последней обработке. Рассказы эти тоже сложились в городской среде, но отражают уже жизнь мелких ремесленников, подённых рабочих и бедняков, перебивающихся случайными заработками. В этих сказках с наибольшей яркостью отразился протест угнетённых слоёв населения средневекового восточного города. В каких курьёзных формах выражался подчас этот протест видно, например, из «Рассказа о Ганиме ибн Айюбе» (см. наст. изд., т. II, стр. 15), где раб, которого его господин хочет отпустить на волю, доказывает, ссылаясь на книги законоведов, что тот не имеет права это сделать, так как не научил своего раба никакому ремеслу и освобождением обрекает последнего на голодную смерть.

Для плутовских сказок характерна едкая ирония изображения представителей светской власти и духовенства в самом неприглядном виде. Сюжетом многих таких повестей является сложное мошенничество, имеющее целью не столько ограбить, сколько одурачить какого-нибудь простака. Блестящие образцы плутовских рассказов – «Повесть о Далиле-хитреце и Али-Зейбаке каирском», изобилующая самыми невероятными приключениями, «Сказка об Ала-ад-дине Абу-ш-Шамате», «Сказка о Маруфе-башмачнике».

Рассказы этого типа попали в сборник непосредственно из уст сказителей и подверглись лишь незначительной литературной обработке. На это указывает прежде всего их язык, не чуждый диалектизмов и разговорных оборотов речи, насыщенность текста диалогами, живыми и динамичными, как будто прямо подслушанными на городской площади, а также полное отсутствие любовных стихов – слушатели таких сказок, видно, не были охотниками до сентиментальных поэтических излияний. Как по содержанию, так и по форме, плутовские рассказы представляют одну из ценнейших частей собрания.

Кроме сказок упомянутых трех категорий, в «Книгу тысячи и одной ночи» входит ряд крупных произведений и значительное количество небольших по объёму анекдотов,

несомненно заимствованных составителями из различных литературных источников. Таковы огромные рыцарские романы: «Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане», «Рассказ об Аджибе и Гарибе», «Рассказ о царевице и семи везирях», «Сказка о Синдбаде-мореходе» и некоторые другие. Таким же путём попали туда назидательные притчи и повести, проникнутые идеей о бренности земной жизни («Повесть о медном городе»), назидательные рассказы-вопросники типа «Зерцал» (рассказ о мудрой девушке Таваддуд), анекдоты о знаменитых мусульманских мистиках-суфиях и т. п. Мелкие повестушки, как уже упомянуто, по-видимому, были добавлены составителями, чтобы заполнить нужное количество ночей.

Сказки той или иной группы, родившись в определённой социальной среде, естественно имели в данной среде наибольшее распространение. В этом прекрасно отдавали себе отчёт и сами компиляторы и редакторы сборника, о чем свидетельствует такая пометка, переписанная в одну из поздних рукописей «Ночей» с более древнего оригинала: «Рассказчику надлежит рассказывать в соответствии с тем, кто его слушает. Если это простолюдины, пусть он передаёт повести из «Тысячи и одной ночи» о простых людях – это повести в начале книги (имеются, очевидно, в виду сказки плутовского жанра. – М.С.), а буде эти люди относятся к правителям, то надлежит рассказывать им повести о царях и сражениях между витязями, а эти повести – в конце книги».

Такое же указание мы находим и в самом тексте «Книги» – в «Сказке о Сейф-аль-Мулуке», попавшей в сборник, по-видимому, на довольно позднем этапе его эволюции. Там говорится, что некий сказочник, который один только знал эту сказку, уступая настойчивым просьбам, соглашается дать её переписать, но ставит переписчику такое условие: «Не рассказывай этой сказки на перекрёстке дорог или в присутствии женщин, рабов, рабынь, глупцов и детей. Читай её у эмиров¹, царей, везирей и людей знания из толкователей Корана и других».

У себя на родине сказки Шахразады в разных социальных слоях издревле встречали разное отношение. Если в широких народных массах сказки всегда пользовались огромной популярностью, то представители мусульманской схоластической науки и духовенства, блюстители «чистоты» классического арабского языка неизменно отзывались о них с нескрываемым презрением. Ещё в X веке ан-Надим, говоря о «Тысяче и одной ночи», пренебрежительно замечал, что она написана «жидко и нудно». Тысячу лет спустя у него тоже нашлись последователи, которые объявляли этот сборник пустой и вредной книгой и пророчили её читателям всевозможные беды. Иначе смотрят на сказки Шахразады представители передовой арабской интеллигенции. Признавая в полной мере большую художественную и историко-литературную ценность этого памятника, литературоведы Объединённой Арабской Республики и других арабских стран углублённо и всесторонне изучают его.

Отрицательное отношение к «Тысячи и одной ночи» реакционно настроенных арабских филологов XIX века печально отразилось на судьбе её печатных изданий. Научного критического текста «Ночей» ещё не существует; первое полное издание сборника, выпущенное в Булаке, под Каиром, в 1835 году и неоднократно перепечатанное впоследствии, воспроизводит так называемую «египетскую» редакцию. В булакском тексте язык сказок претерпел под пером анонимного «учёного» богослова значительную обработку; редактор стремился приблизить текст к классическим нормам литературной речи. В несколько меньшей мере деятельность обработчика заметна в калькуттском издании, опубликованном английским учёным Макнатеном в 1839–1842 годах, хотя и там тоже представлена египетская редакция «Ночей».

Булакское и калькуттское издания положены в основу существующих переводов «Книги тысячи и одной ночи». Исключение составляет лишь упомянутый выше неполный французский перевод Галлана, осуществлённый в XVIII веке по рукописным источникам. Как мы уже говорили, перевод Галлана послужил оригиналом для многочисленных переводов на другие

¹ Эмир – военачальник, полководец.

языки и более ста лет оставался единственным источником знакомства с арабскими сказками «Тысячи и одной ночи» в Европе.

Среди других переводов «Книги» на европейские языки следует упомянуть английский перевод части сборника, выполненный непосредственно с арабского оригинала известным знатоком языка и этнографии средневекового Египта – Вильямом Лэном. Перевод Лэна, несмотря на его неполноту, можно считать лучшим из существующих английских переводов по точности и добросовестности, хотя язык его несколько труден и высокопарен.

Другой английский перевод, выполненный в конце 80-х годов прошлого века известным путешественником и этнографом Ричардом Бёртоном, преследовал совершенно определённые, далёкие от науки цели. В своём переводе Бёртон всячески подчёркивает все сколько-нибудь непристойные места оригинала, выбирая самое резкое слово, наиболее грубый вариант, придумывая и в области языка необычайные сочетания слов архаических и ультрасовременных.

Наиболее ярко отразились тенденции Бёртона в его примечаниях. Наряду с ценными наблюдениями из быта ближневосточных народов они содержат огромное количество «антропологических» комментариев, многословно растолковывающих всякий попадающийся в сборнике непристойный намёк. Нагромождая грязные анекдоты и подробности, характерные для современных ему нравов пресыщенных и скучающих от безделья европейских резидентов в арабских странах, Бёртон стремится оклеветать весь арабский народ и пользуется этим для защиты пропагандируемой им политики хлыста и винтовки.

Тенденция подчеркнуть все мало-мальски фривольные черты арабского подлинника характерна и для французского шестнадцатитомного перевода «Книги тысячи и одной ночи», законченного в первые годы XX века Ж. Мардрюсом.

Из немецких переводов «Книги» новейшим и лучшим является шеститомный перевод известного семитолога Э. Лигтмана, впервые изданный в конце 20-х годов нашего века.

История изучения переводов «Книги тысячи и одной ночи» в России может быть изложена очень кратко.

До Великой Октябрьской революции русских переводов непосредственно с арабского не было, хотя переводы с Галлана начали появляться уже в 60-х годах XVIII века. Лучший из них – перевод Ю. Доппельмайер, вышедший в конце XIX века.

Несколько позже был напечатан перевод Л. Шелгуновой, выполненный с сокращениями с английского издания Лэна, а лет через шесть после этого появился анонимный перевод с издания Мардрюса – самый полный из существовавших тогда сборников «Тысячи и одной ночи» на русском языке.

В 1929–1938 годах был опубликован восьмитомный русский перевод «Книги тысячи и одной ночи» непосредственно с арабского, сделанный М. Салье под редакцией академика И. Ю. Крачковского по калькуттскому изданию.

Переводчик и редактор стремились по мере сил сохранить в переводе близость к арабскому оригиналу как в отношении содержания, так и по стилю. Лишь в тех случаях, когда точная передача подлинника была несовместима с нормами русской литературной речи, от этого принципа приходилось отступать. Так при переводе стихов невозможно сохранить обязательную по правилам арабского стихосложения рифму, которая должна быть единой во всем стихотворении, переданы лишь внешняя структура стиха и ритм.

Предназначая эти сказки исключительно для взрослых, переводчик остался верен стремлению показать русскому читателю «Книгу тысячи и одной ночи» такой, как она есть, и при передаче непристойных мест оригинала. В арабских сказках, как и в фольклоре других народов, вещи наивно называются своими именами, и в большинстве скабрёзных, с нашей точки зрения, подробностей не вкладывается порнографического смысла, все эти подробности носят характер скорее грубой шутки, чем нарочитой непристойности.

В настоящем издании отредактированный И. Ю. Крачковским перевод печатается без значительных изменений, с сохранением основной установки на максимально возможную близость к оригиналу. Язык перевода несколько облегчён – смягчены излишние буквализмы, кое-где расшифрованы не сразу понятные идиоматические выражения.

М. Салье

Рассказ о царе Шахрияре и его брате

Слава Аллаху, господу миров! Привет и благословение господину посланных, господину и владыке нашему Мухаммеду! Аллах да благословит его и да приветствует благословением и приветом вечным, длящимся до судного дня!

А после того поистине, сказания о первых поколениях стали назиданием для последующих, чтобы видел человек, какие события произошли с другими, и поучался, и что бы, вникая в предания о минувших народах и о том, что случилось с ними, воздерживался он от греха. Хвала же тому, кто сделал сказания о древних уроком для народов последующих.

К таким сказаниям относятся и рассказы, называемые «Тысяча и одна ночь», и возвышенные повести и притчи, заключающиеся в них.

Повествуют в преданиях народов о том, что было, прошло и давно минуло (а Аллах более сведущ в неведомом и премудр и преславлен, и более всех щедр, и преблагосклонен, и милостив), что в древние времена и минувшие века и столетия был на островах Индии и Китая царь из царей рода Сасана², повелитель войск, стражи, челяди и слуг. И было у него два сына – один взрослый, другой юный, и оба были витязи храбрецы, но старший превосходил младшего доблестью. И он воцарился в своей стране и справедливо управлял подданными, и жители его земель и царства полюбили его, и было имя ему царь Шахрияр; а младшего его брата звали царь Шахземан, и он царствовал в Самарканде персидском. Оба они пребывали в своих землях, и каждый себя в царстве был справедливым судьёй своих подданных в течение двадцати лет и жил в полнейшем довольстве и радости. Так продолжалось до тех пор, пока старший царь не пожелал видеть своего младшего брата и не повелел своему везирю³ поехать и привезти его. Везирь исполнил его приказание и отправился, и ехал до тех пор, пока благополучно не прибыл в Самарканд. Он вошёл к Шахземану, передал ему привет и сообщил, что брат его по нем стосковался и желает, чтобы он его посетил; и Шахземан отвечал согласием и снарядился в путь. Он велел вынести свои шатры, снарядить верблюдов, мулов, слуг и телохранителей и поставил своего везиря правителем в стране, а сам направился в земли своего брата. Но когда настала полночь, он вспомнил об одной вещи, которую забыл во дворце, и вернулся и, войдя во дворец, увидел, что жена его лежит в постели, обнявшись с чёрным рабом из числа его рабов.

И когда Шахземан увидел такое, все почернело перед глазами его, и он сказал себе: «Если это случилось, когда я ещё не оставил города, то каково же будет поведение этой проклятой, если я надолго отлучусь к брату!» И он вытащил меч и ударил обоих и убил их в постели, а потом, в тот же час и минуту, вернулся и приказал отъезжать – и ехал, пока не достиг города своего брата. А приблизившись к городу, он послал к брату гонцов с вестью о своём прибытии, и Шахрияр вышел к нему навстречу и приветствовал его, до крайности обрадованный. Он украсил в честь брата город и сидел с ним, разговаривая и веселясь, но царь Шахземан вспомнил, что было с его женой, и почувствовал великую грусть, и лицо его стало жёлтым, а тело ослабло. И когда брат увидел его в таком состоянии, он подумал, что причиной тому разлука со страной и царством, и оставил его так, не расспрашивая ни о чем. Но потом, в какой то день, он сказал ему: «О брат мой, я вижу, что твоё тело ослабло и лицо твоё пожелтело». А Шахземан отвечал ему: «Брат мой, внутри меня язва», – и не рассказал, что испытал от жены. «Я хочу, – сказал тогда Шахрияр, – чтобы ты поехал со мной на охоту и ловлю: может быть, твоё сердце развеселится». Но Шахземан отказался от этого, и брат поехал на охоту один.

² Потомки полумифического царя Сасана, или Сасаниды, правили Персией в III–VII веках. Причисление к ним царя Шахрияра – поэтический анахронизм, каких немало в «1001 ночи».

³ Везирь – первый министр в арабском халифате.

В царском дворце были окна, выходившие в сад, и Шахземан посмотрел и вдруг видит: двери дворца открываются, и оттуда выходят двадцать невольниц и двадцать рабов, а жена его брата идёт среди них, выделяясь редкостной красотой и прелестью. Они подошли к фонтану, и сняли одежды, и сели вместе с рабами, и вдруг жена царя крикнула: «О Масуд!» И чёрный раб подошёл к ней и обнял её, и она его также. Он лёг с нею, и другие рабы сделали то же, и они целовались и обнимались, ласкались и забавлялись, пока день не повернул на закат. И когда брат царя увидел это, он сказал себе: «Клянусь Аллахом, моя беда легче, чем это бедствие!» – и его ревность и грусть рассеялись. «Это больше того, что случилось со мною!» – воскликнул он и перестал отказываться от питья и пищи. А потом брат его возвратился с охоты, и они приветствовали друг друга, и царь Шахрияр посмотрел на своего брата, царя Шахземана, и увидел, что прежние краски вернулись к нему и лицо его зарумянилось и что ест он не переводя духа, хотя раньше ел мало. Тогда брат его, старший царь, сказал Шахземану: «О брат мой, я видел тебя с пожелтевшим лицом, а теперь румянец к тебе возвратился. Расскажи же мне, что с тобою». – «Что до перемены моего вида, то о ней я тебе расскажу, но избавь меня от рассказа о том, почему ко мне вернулся румянец», – отвечал Шахземан. И Шахрияр сказал: «Расскажи сначала, отчего ты изменился видом и ослаб, а я послушаю».

«Знай, о брат мой, – заговорил Шахземан, – что, когда ты прислал ко мне везиря с требованием явиться к тебе, я снарядился и уже вышел за город, но потом вспомнил, что во дворце осталась жемчужина, которую я хотел тебе дать. Я возвратился во дворец и нашёл мою жену с чёрным рабом, спавшим в моей постели, и убил их и приехал к тебе, размышляя об этом. Вот причина перемены моего вида и моей слабости; что же до того, как ко мне вернулся румянец, – позволь мне не говорить тебе об этом».

Но, услышав слова своего брата, Шахрияр воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, почему возвратился к тебе румянец!» И Шахземан рассказал ему обо всем, что видел. Тогда Шахрияр сказал брату своему Шахземану: «Хочу увидеть это своими глазами!» И Шахземан посоветовал: «Сделай вид, что едешь на охоту и ловлю, а сам спрячься у меня, тогда увидишь это и убедишься воочию».

Царь тотчас же велел кликнуть клич о выезде, и войска с палатками выступили за город, и царь тоже вышел; но потом он сел в палатке и сказал своим слугам: «Пусть не входит ко мне никто!» После этого он изменил обличье и украдкой прошёл во дворец, где был его брат, и посидел некоторое время у окошка, которое выходило в сад, – и вдруг невольницы и их госпожа вошли туда вместе с рабами и поступали так, как рассказывал Шахземан, до призыва к послеполуденной молитве. Когда царь Шахрияр увидел это, ум улетел у него из головы, и он сказал своему брату Шахземану: «Вставай, уйдём тотчас же, не нужно нам царской власти, пока не увидим кого-нибудь, с кем случилось то же, что с нами! А иначе – смерть для нас лучше, чем жизнь!»

Они вышли через потайную дверь и странствовали дни и ночи, пока не подошли к дереву, росшему посреди лужайки, где протекал ручей возле солёного моря. Они напились из этого ручья и сели отдыхать. И когда прошёл час дневного времени, море вдруг заволновалось, и из него поднялся чёрный столб, возвысившийся до неба, и направился к их лужайке. Увидев это, оба брата испугались и взобрались на верхушку дерева (а оно было высокое) и стали ждать, что будет дальше. И вдруг видят: перед ними джинн⁴ высокого роста, с большой головой и широкой грудью, а на голове у него сундук. Он вышел на сушу и подошёл к дереву, на котором были братья, и, севши под ним, отпер сундук, и вынул из него ларец, и открыл его, и оттуда вышла молодая женщина с стройным станом, сияющая подобно светлому солнцу, как это сказал, и отлично сказал, поэт Атьгия:

⁴ Джинны, ифриты или марида – в арабском фольклоре добрые или злые духи.

Засияла во тьме она – день блистает.
И сверкают стволов верхи её светом.
Она блещет, как много солнц на восходе.
Сняв покровы, смутит она звезды ночи.

Все творенья пред нею ниц упадают,
Коль, явившись, сорвёт она с них покровы.
Если же в гневе сверкнёт она жаром молний,
Льются слезы дождей тогда безудержно⁵.

Джинн взглянул на эту женщину и сказал: «О владычица благородных, о ты, кою я похитил в ночь свадьбы, я хочу немного поспать!» – и он положил голову на колени женщины и заснул; она же подняла голову и увидела обоих царей, сидевших на дереве. Тогда она сняла голову джинна со своих колен и положила её на землю и, вставши под дерево, сказала братьям знаками: «Слезайте, не бойтесь ифрита». И они ответили ей: «Заклинаем тебя Аллахом, избавь нас от этого». Но женщина сказала: «Если не спуститесь, я разбужу ифрита, и он умертвит вас злой смертью». И они испугались и спустились к женщине, а она легла перед ними и сказала: «Вонзите, да покрепче, или я разбужу ифрита». От страха царь Шахрияр сказал своему брату, царю Шахземану: «О брат мой, сделай то, что она велела тебе!» Но Шахземан ответил: «Не сделаю! Сделай ты раньше меня!» И они принялись знаками подзадоривать друг друга, но женщина воскликнула: «Что это? Я вижу, вы перемигиваетесь! Если вы не подойдёте и не делаете этого, я разбужу ифрита!» И из страха перед джинном оба брата исполнили приказание, а когда они кончили, она сказала: «Очнитесь!» – и, вынув из-за пазухи кошель, извлекла оттуда ожерелье из пятисот семидесяти перстней. «Знаете ли вы, что это за перстни?» – спросила она; и братья ответили: «Не знаем!» Тогда женщина сказала: «Владельцы всех этих перстней имели со мной дело на рогах этого ифрита. Дайте же мне и вы тоже по перстню». И братья дали женщине два перстня со своих рук, а она сказала: «Этот ифрит меня похитил в ночь моей свадьбы и положил меня в ларец, а ларец – в сундук. Он навесил на сундук семь блестящих замков и опустил меня на дно ревущего моря, где бьются волны, но не знал он, что если женщина чего-нибудь захочет, то её не одолеет никто, как оказал один из поэтов:

Не будь доверчив ты к женщинам,
Не верь обетам и клятвам их;
Прощенье их, как и злоба их
С одной лишь похотью связаны.

Любовь являют притворную,
Обман таится в одеждах их.
Учись на жизни Иосифа⁶, –
И там найдёшь ты обманы их.
Ведь знаешь ты: твой отец Адам
Из за них уйти тоже должен был.

А другой сказал:

⁵ Во всех томах поэтические отрывки переведены без сохранения единой рифмы, проходящей, согласно правилам арабского стихосложения, через все стихотворение. Приблизительно передан лишь размер, или, вернее, ритм оригинала.

⁶ Намёк на библейский рассказ об Иосифе Прекрасном, перешедший в мусульманскую повествовательную литературу.

О несчастный, сильнее от брани любимый!
Мои проступок не столь велик, как ты хочешь.
Полюбивши, свершил я этим лишь то же,
Что и прежде мужи давно совершали.
Удивленья великого тот достоин,
Кто от женских остался чар невредимым...»

Услышав от неё такие слова, оба царя до крайности удивлялись и сказали один другому: «Вот ифрит, и с ним случилось худшее, чем с нами! Подобного не бывало ещё ни с кем!»

И они тотчас ушли от неё и вернулись в город царя Шахрияра, и он вошёл во дворец и отрубил голову своей жене, и рабам, и невольницам.

И царь Шахрияр еженощно стал брать невинную девушку и овладевал ею, а потом убивал её, и так продолжалось в течение трех лет.

И люди возопили и бежали со своими дочерьми, и в городе не осталось ни одной девушки, пригодной для брачной жизни.

И вот потом царь приказал своему везиру привести ему, по обычаю, девушку, и везирь вышел и стал искать, но не нашёл девушки и отправился в своё жилище, угнетённый и подавленный, боясь для себя зла от царя. А у царского везиря было две дочери: старшая – по имени Шахразада, и младшая – по имени Дуньязада. Старшая читала книги, летописи и жития древних царей и предания о минувших народах, и она, говорят, собрала тысячу летописных книг, относящихся к древним народам, прежним царям и поэтам. И сказала она отцу: «Отчего это ты, я вижу, грустен и подавлен и обременён заботой и печалью? Ведь сказал же кто-то об этом:

Кто заботами подавлен,
Тем скажи: «Не вечно горе!
Как кончается веселье,
Так проходят и заботы».

И, услышав от своей дочери такие слова, везирь рассказал ей от начала до конца, что случилось у него с царём. И Шахразада воскликнула: «Заклинаю тебя Аллахом, о батюшка, выдай меня за этого царя, и тогда я либо останусь жить, либо буду выкупом за дочерей мусульман и спасу их от царя». – «Заклинаю тебя Аллахом, – воскликнул везирь, – не подвергай себя такой опасности!» Но Шахразада сказала: «Это неизбежно должно быть!» И везирь молвил: «Я боюсь, что с тобою случится то же, что случилось у быка и осла с земледельцем». – «А что же было с ними?» – спросила Шахразада.

Рассказ о быке с ослом

Знай, о дочь моя, – сказал везирь, – что один купец обладал богатством и стадами скота, и у него была жена и дети, и Аллах великий даровал ему знание языка и наречий животных и птиц. А жил этот купец в деревне, и у него, в его доме, были бык и осел. И однажды бык вошёл в стойло осла и увидел, что оно подметено и побрызгано, а в кормушке у осла просеянный ячмень и просеянная солома, и сам он лежит и отдыхает, и только иногда хозяин ездит на нем, если случится какое-нибудь дело, и тотчас же возвращается. И в какой-то день купец услышал, как бык говорил ослу: «На здоровье тебе! Я устаю, а ты отдыхаешь, и ешь ячмень просеянным, и За тобою ухаживают, и только иногда хозяин ездит на тебе и возвращается, а я должен вечно пахать и вертеть жёрнов». И осел отвечал: «Когда ты выйдешь в поле и тебе наденут на шею ярмо, ложись и не подымайся, даже если тебя будут бить, или встань и ложись опять. А когда тебя приведут назад и дадут тебе бобов, не ешь их, как будто ты больной, и не касайся пищи и питья день, два или три, – тогда отдохнёшь от трудов и тягот». А купец слышал их разговор. И когда погонщик принёс быку его вечерний корм, тот съел самую малость, и наутро погонщик, пришедший, чтобы отвести быка на пашню, нашёл его больным, и опечалился, и сказал: «Вот почему бык не мог вчера работать!» А потом он пошёл к купцу и сказал ему: «О господин мой, бык не годен для работы: он не съел вчера вечером корм и ничего не взял в рот». А купец уже знал, в чем дело, и сказал: «Иди возьми осла и паши на нем, вместо быка, целый день».

Когда к концу дня осел вернулся, после того как весь день пахал, бык поблагодарил его за его милость, избавившую его на этот день от труда, но осел ничего ему не отвечал и сильно раскаивался. И на следующий день земледелец пришёл и взял осла и пахал на нем до вечера, и осел вернулся с ободранной шеей, мёртвый от усталости. И бык, оглядев осла, поблагодарил его и восхвалил, а осел воскликнул: «Я лежал развалившись, но болтливость мне повредила! Знай, – добавил он, – что я тебе искренний советчик; я услышал, как наш хозяин говорил: «Если бык не встанет с места, отдайте его мяснику, пусть он его зарежет и порежет его кожу на куски». И я боюсь за тебя и тебя предупреждаю. Вот и все!»

Бык, услышав слова осла, поблагодарил его и сказал: «Завтра я пойду с ними работать!» – и потом он съел весь свой корм и даже вылизал языком ясли. А хозяин слышал весь этот разговор. И когда настал день, купец и его жена вышли к коровнику и сели, и погонщик пришёл, взял быка и вывел его; и при виде своего господина бык задрал хвост, пустил ветры и поскакал, а купец засмеялся так, что упал навзничь. «Чему ты смеёшься?» – спросила его жена, и он отвечал: «Я видел и слышал тайну, но не могу её открыть – я тогда умру». – «Ты непременно должен рассказать мне о ней и о причине твоего смеха, даже если умрёшь!» – возразила его жена. Но купец ответил: «Я не могу открыть эту тайну, так как боюсь смерти». И она воскликнула: «Ты, наверное, смеёшься надо мною!» – и до тех пор приставала и надоедала ему, рока он не покорился ей и не расстроился; и тогда он созвал своих детей и послал за судьей и свидетелями, желая составить завещание и потом открыть жене тайну и умереть, ибо он любил свою жену великой любовью, так как она была дочерью его дяди⁷ и матерью его детей, а он уже прожил сто двадцать лет жизни. Затем купец велел созвать всех родственников и всех живших на его улице и рассказал им эту повесть, добавив, что когда он скажет свою тайну, он умрёт. И все, кто присутствовал, сказали его жене: «Заклинаем тебя Аллахом, брось это дело, чтобы не умер твой муж и отец твоих детей». Но она воскликнула: «Не отстану от него, пока не скажет! Пусть его умирает!» И все замолчали. И тогда купец поднялся и пошёл к стойлу, чтобы совершить омовение и, вернувшись, рассказать им и умереть. А у купца был петух и с ним пятьдесят кур, и ещё у него была собака. И вот он услышал, как собака кричит и ругает петуха,

⁷ Частое в арабских сказках обращение, отражающее древний обычай выдавать девушку замуж за двоюродного брата.

говоря ему: «Ты радуешься, а наш хозяин собирается умирать». – «Как это? – спросил петух; и пёс повторил ему всю повесть, и тогда петух воскликнул: «Клянусь Аллахом, мало ума у нашего господина! У меня вот пятьдесят жён – то с одной помирюсь, то к другой подлажусь; а у хозяина одна жена, и он не знает, как с ней обращаться. Взять бы ему тутовых прутьев, пойти в чулан и бить жену, пока она не умрёт или не закается впредь ни о чем его не спрашивать».

А торговец слышал слова петуха, обращённые к собаке, – рассказывал везирь своей дочери Шахразаде, – и я сделаю с тобой то же, что он сделал со своей женой».

«А что он сделал?» – спросила Шахразада.

И везирь продолжал: «Наломав тутовых прутьев, он спрятал их в чулан и привёл туда свою жену, говоря: «Подойди сюда, я тебе все скажу в чулане и умру, и никто на меня не будет смотреть». И она вошла с ним в чулан, и тогда купец запер дверь и принялся так бить свою жену, что она едва не лишилась чувств и закричала: «Я раскаиваюсь!» А потом она поцеловала мужу руки и ноги, и покаялась, и вышла вместе с ним, и её родные и все собравшиеся обрадовались, и они продолжали жить приятнейшей жизнью до самой смерти».

И, услышав слова своего отца, дочь везиря сказала: «То, чего я хочу, неизбежно!»

И тогда везирь снарядил её и отвёл к царю Шахрияру. А Шахразада подучила свою младшую сестру и сказала ей: «Когда я приду к царю, я пошлю за тобой, а ты, когда придёшь и увидишь, что царь удовлетворил свою нужду во мне, скажи: «О сестрица, поговори с нами и расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонную ночь», – и я расскажу тебе что-то, в чем будет, с соизволения Аллаха, наше освобождение».

И вот везирь, отец Шахразады, привёл её к царю, и царь, увидя его, обрадовался и спросил: «Доставил ли ты то, что мне нужно?»

И везирь сказал: «Да!»

И Шахрияр захотел взять Шахразаду, но она заплакала; и тогда он спросил её: «Что с тобой?»

Шахразада сказала: «О царь, у меня есть маленькая сестра, и я хочу с ней проститься».

И царь послал тогда за Дуньязадой, и она пришла к сестре, обняла её и села на полу возле ложа. И тогда Шахрияр овладел Шахразадой, а потом они стали беседовать; и младшая сестра сказала Шахразаде: «Заклинаю тебя Аллахом, сестрица, расскажи нам что-нибудь, чтобы сократить бессонные часы ночи».

«С любовью и охотой, если разрешит мне безупречный царь», – ответила Шахразада.

И, услышав эти слова, царь, мучавшийся бессонницей, обрадовался, что послушает рассказ, и позволил.

Сказка о купце и духе (ночи 1–2)

Первая ночь

Шахразада сказала: «Рассказывают, о счастливый царь, что был один купец среди купцов, и был он очень богат и вёл большие дела в разных землях. Однажды он отправился в какую-то страну взыскивать долги, и жара одолела его, и тогда он присел под дерево и, сунув руку в седельный мешок, вынул ломоть хлеба и финики и стал есть финики с хлебом. И, съев финик, он кинул косточку – и вдруг видит: перед ним ифрит высокого роста, и в руках у него обнажённый меч. Ифрит приблизился к купцу и сказал ему: «Вставай, я убью тебя, как ты убил моего сына!» – «Как же я убил твоего сына?» – спросил купец. И ифрит ответил: «Когда ты съел финик и бросил косточку, она попала в грудь моему сыну, и он умер в ту же минуту». – «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся!» – воскликнул купец. – Нет мощи и силы ни у кого, кроме Аллаха, высокого, великого! Если я убил твоего сына, то убил нечаянно. Я хочу, чтобы ты простил меня!» – «Я непременно должен тебя убить», – сказал джинн и потянул купца и, повалив его на землю, поднял меч, чтобы ударить его. И купец заплакал и воскликнул: «Вручаю своё дело Аллаху!» – и произнёс:

Два дня у судьбы: один – опасность, другой – покой;
И в жизни две части есть: та – ясность, а та – печаль.
Скажи же тому, кто нас превратной судьбой корит:
«Враждебна судьба всегда лишь к тем, кто имеет сан.

Не видишь ли ты, как вихрь, к земле пригибающий,
Подувши, склоняет вниз лишь крепкое дерево?
Не видишь ли – в море труп плывёт на поверхности,
А в дальних глубинах дна таятся жемчужины?

И если судьбы рука со мной позабавилась
И гнев её длительный бедой поразил меня,
То знай: в небесах светил так много, что счесть нельзя,
Но солнце и месяц лишь из-за них затмеваются.

И сколько растений есть, зелёных и высохших,
Но камни кидаем мы лишь в те, что плоды несут.
Доволен ты днями был, пока хорошо жилось,
И зла не страшился ты, судьбой приносимого.

А когда купец окончил эти стихи, джинн сказал ему: «Сократи твои речи! Клянусь Аллахом, я непременно убью тебя!» И купец сказал: «Знай, о ифрит, что на мне лежит долг, и у меня есть много денег, и дети, и жена, и чужие залогов. Позволь мне отправиться домой, я отдам долг каждому, кому следует, и возвращусь к тебе в начале года. Я обещаю тебе и клянусь Аллахом, что вернусь назад, и ты сделаешь со мной, что захочешь. И Аллах тебе в том, что я говорю, поручитель».

И джинн заручился его клятвой и отпустил его, и купец вернулся в свои земли и покончил все свои дела, отдав должное, кому следовало. Он осведомил обо всем свою жену и детей,

и составил завещание, и прожил с ними до конца года, а потом совершил омовение, взял под мышку свой саван и, попросившись с семьёй, соседями и всеми родными, вышел, наперекор самому себе; и они подняли о нем вопли и крики. А купец шёл, пока не дошёл до той рощи (а в тот день было начало нового года), и когда он сидел и плакал о том, что с ним случилось, вдруг подошёл к нему престарелый старец, и с ним, на цепи, газель. И он приветствовал купца и пожелал ему долгой жизни и спросил: «Почему ты сидишь один в этом месте, когда здесь обиталище джиннов?» И купец рассказал ему, что у него случилось с ифритом, и старец, владелец газели, изумился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, о брат мой, твоя честность истинно велика, и рассказ твой изумителен, и будь он даже написан иглами в уголках глаза, он послужил бы назиданием для поучающихся!»

Потом старец сел подле купца и сказал: «Клянусь Аллахом, о брат мой, я не уйду от тебя, пока не увижу, что у тебя случится с этим ифритом!» И он сел возле него, и оба вели беседу, и купца охватил страх и ужас, и сильное горе, и великое раздумье, а владелец газели был рядом с ним. И вдруг подошёл к ним другой старец, и с ним две собаки, и поздоровался (а собаки были чёрные, из охотничьих), и после приветствия он осведомился: «Почему вы сидите в этом месте, когда здесь обиталище джиннов?» И ему рассказали все с начала до конца; и не успел он как следует усесться, как вдруг подошёл к ним третий старец, и с ним пегий мул. И старец приветствовал их и спросил, почему они здесь, и ему рассказали все дело с начала до конца, – а в повторении нет пользы, о господи мои, – и он сел с ними. И вдруг налетел из пустыни огромный крутящийся столб пыли, и когда пыль рассеялась, оказалось, что это тот самый джинн, и в руках у него обнажённый меч, а глаза его мечут искры. И, подойдя к ним, джинн потащил купца за руку и воскликнул: «Вставай, я убью тебя, как ты убил моё дитя, последний вздох моего сердца!» И купец зарыдал и заплакал, и три старца тоже подняли плач, рыдания и вопли.

И первый старец, владелец газели, отделился от прочих и, поцеловав ифриту руку, сказал: «О джинн, венец царей джиннов! Если я расскажу тебе, что у меня случилось с этой газелью, и ты сочтёшь мою повесть удивительной, подаришь ли ты мне одну треть крови этого купца?» – «Да, старец, – ответил ифрит, – если ты мне расскажешь историю и она покажется мне удивительной, я подарю тебе треть его крови».

Рассказ первого старца (ночь 1)

Знай, о ифрит, – сказал тогда старец, – что эта газель – дочь моего дяди и как бы моя плоть и кровь. Я женился на ней, когда она была совсем юной, и прожил с нею около тридцати лет, но не имел от неё ребёнка; и тогда я взял наложницу, и она надела меня сыном, подобным луне в полнолуние, и глаза и брови его были совершенны по красоте! Он вырос, и стал большим, и достиг пятнадцати лет; и тогда мне пришлось поехать в какой-то город, и я отправился с разным товаром. А дочь моего дяди, эта газель, с малых лет научилась колдовству и волхвованию, и она превратила мальчика в телёнка, а ту невольницу, мать его, в корову и отдала их пастуху.

Я приехал спустя долгое время из путешествия и спросил о моем ребёнке и его матери, и дочь моего дяди сказала мне: «Твоя жена умерла, а твой сын убежал, и я не знаю, куда он ушёл». И я просидел год с печальным сердцем и плачущими глазами, пока не пришёл великий праздник Аллаха⁸, и тогда я послал за пастухом и велел ему привести жирную корову. И пастух привёл жирную корову (а это была моя невольница, которую заколдовала эта газель), и я подобрал полы и взял в руки нож, желая её зарезать, но корова стала реветь, стонать и плакать; и я удивился этому, и меня взяла жалость. И я оставил её и сказал пастуху: «Приведи мне другую корову». Но дочь моего дяди крикнула: «Эту зарежь! У меня нет лучше и жирнее её!» И я подошёл к корове, чтобы зарезать её, но она заревела, и тогда я поднялся и приказал тому пастуху зарезать её и ободрать. И пастух зарезал и ободрал корову, но не нашёл ни мяса, ни жира – ничего, кроме кожи и костей. И я раскаялся, что зарезал корову, но от моего раскаянья не было пользы, и отдал её пастуху и сказал ему: «Приведи мне жирного телёнка!» И пастух привёл мне моего сына; и когда телёнок увидел меня, он оборвал верёвку и подбежал ко мне и стал об меня тереться, плача и стеля. Тогда меня взяла жалость, И я сказал пастуху: «Приведи мне корову, а его оставь». Но дочь моего дяди, эта газель, закричала на меня и сказала: «Надо непременно зарезать этого телёнка сегодня: ведь сегодня – день святой и благословенный, когда режут только самое хорошее животное, а среди наших телят нет жирнее и лучше этого!»

«Посмотри, какова была корова, которую я зарезал по твоему приказанию, – сказал я ей. – Видишь, мы с ней обманулись и не имели от неё никакого проку, и я сильно раскаиваюсь, что зарезал её, и теперь, на этот раз, я не хочу ничего слышать о том, чтобы зарезать этого телёнка». – «Клянусь Аллахом великим, милосердным, милостивым, ты непременно зарежешь его в этот священный день, а если нет, то ты мне не муж и я тебе не жена!» – воскликнула дочь моего дяди. И, услышав от неё эти тягостные слова и не зная о её намерениях, я подошёл к телёнку и взял в руки нож...

Но тут застигло Шахразаду утро, и она прекратила дозволенные речи.

И сестра её воскликнула: «О сестрица, как твой рассказ прекрасен, хорош, и приятен, и сладок!»

Но Шахразада сказала: «Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если буду жить и царь пощадит меня!»

И царь тогда про себя подумал: «Клянусь Аллахом, я не убью её, пока не услышу окончания её рассказа!»

Потом они провели эту ночь до утра обнявшись, и царь отправился вершить суд, а везирь пришёл к нему с саваном под мышкой. И после этого царь судил, назначал и отставлял до конца дня и ничего не приказал везирю, и везирь до крайности изумился.

⁸ Великий праздник Аллаха, или «праздник жертвы», бывает в «месяц паломничества» (12-й месяц мусульманского лунного календаря). В это время паломники, прибывшие в Мекку, совершают обязательные жертвоприношения.

А затем присутствие кончилось, и царь Шахрияр удалился в свои покои.

Вторая ночь

Когда же настала вторая ночь, Дуньязада сказала своей сестре Шахразаде: «О сестрица, dokonчи свой рассказ о купце и духе».

И Шахразада ответила: «С любовью и удовольствием, если мне позволит царь!»

И царь молвил: «Рассказывай!»

И Шахразада продолжала: «Дошло до меня, о счастливый царь и справедливый повелитель, что когда старик хотел зарезать телёнка, его сердце взволновалось, и он сказал пастуху: «Оставь этого телёнка среди скотины». (А все это старец рассказывал джинну, и джинн слушал и изумлялся его удивительным речам.) «И было так, о владыка царей джиннов, – продолжал владелец газели, – дочь моего дяди, вот эта газель, смотрела и видела и говорила мне: «Зарежь телёнка, он жирный!» Но мне было не легко его зарезать, и я велел пастуху взять телёнка, и пастух взял его и ушёл с ним.

А на следующий день я сижу, и вдруг ко мне приходит пастух и говорит: «Господин мой, я тебе что-то такое скажу, от чего ты обрадуешься, и мне за приятную весть полагается подарок». – «Хорошо», – ответил я; и пастух сказал: «О купец, у меня есть дочка, которая с малых лет научилась колдовству у одной старухи, жившей у нас. И вот вчера, когда ты дал мне телёнка, я пришёл к моей дочери, и она посмотрела на телёнка и закрыла себе лицо и заплакала, а потом засмеялась и сказала: «О батюшка, мало же я для тебя значу, если ты вводишь ко мне чужих мужчин!» – «Где же чужие мужчины, – спросил я, – и почему ты плачешь и смеёшься?» – «Этот телёнок, который с тобою, – сын нашего господина, – ответила моя дочь. – Он заколдован, и заколдовала его, вместе с его матерью, жена его отца. Вот почему я смеялась; а плакала я по его матери, которую зарезал его отец». И я до крайности удивился, и, едва увидев, что взошло солнце» я пришёл тебе сообщить об этом».

Услышав от пастуха эти слова, о джинн, я пошёл с ним, без вина пьяный от охватившей меня радости и веселья, и пришёл в его дом, и дочь пастуха приветствовала меня и поцеловала мне руку, а телёнок подошёл ко мне и стал об меня тереться. И я сказал дочери пастуха: «Правда ли то, что ты говоришь об этом телёнке?» И она отвечала: «Да, господин мой, это твой сын и лучшая часть твоего сердца». – «О девушка, – сказал я тогда, – если ты освободишь его, я отдам тебе весь мой скот, и все имущество, и все, что сейчас в руках твоего отца». Но девушка улыбнулась и сказала: «О господин мой, я не жадна до денег и сделаю это только при двух условиях: первое – выдай меня за него замуж, а второе – позволь мне заколдовать ту, что его заколдовала, и заточить её, иначе мне угрожают её козни».

Услышав от дочери пастуха эти слова, о джинн, я сказал: «И сверх того, что ты требуешь, тебе достанется весь скот и имущество, находящееся в руках твоего отца. Что же до дочери моего дяди, то её кровь для тебя невозбрана».

Когда дочь пастуха услышала это, она взяла чашку и наполнила её водой, а потом произнесла над водой заклинания и брызнула ею на телёнка, говоря: «Если ты телёнок по творению Аллаха великого, останься в этом образе и не изменяйся, а если ты заколдован, прими свой прежний образ с соизволения великого Аллаха!» Вдруг телёнок встряхнулся и стал человеком, и я бросился к нему и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, расскажи мне, что сделала с тобою и с твоей матерью дочь моего дяди!» И он поведал мне, что с ними случилось, и я сказал: «О дитя моё, Аллах послал тебе того, кто освободил тебя и восстановил твоё право».

После этого, о джинн, я выдал дочь пастуха за него замуж, а она заколдовала дочь моего дяди, эту газель, и сказала: «Это прекрасный образ, не дикий, и вид его не внушает отвращения». И дочь пастуха жила с нами дни и ночи и ночи и дни, пока Аллах не взял её к себе, а после её кончины мой сын отправился в страны Индии, то есть в земли этого купца, с которым

у тебя было то, что было; и тогда я взял эту газель, дочь моего дяди, и пошёл с нею из страны в страну, высматривая, что случилось с моим сыном, – и судьба привела меня в это место, и я увидел купца, который сидел и плакал. Вот мой рассказ».

«Это удивительный рассказ, – сказал джинн, – и я дарю тебе треть крови купца».

И тогда выступил второй старец, тот, что был с охотничьими собаками, и сказал джинну: «Если я тебе расскажу, что у меня случилось с моими двумя братьями, этими собаками, и ты сочтёшь мой рассказ ещё более удивительным и диковинным, подаришь и ты мне одну треть проступка этого купца?» – «Если твой рассказ будет удивительнее и диковиннее – она твоя», – отвечал джинн.

Рассказ второго старца (ночь 2)

Знай, о владыка царей джиннов, – начал старец, – что эти две собаки – мои братья, а я – третий брат. Мой отец умер и оставил нам три тысячи динаров, и я открыл лавку, чтобы торговать, и мои братья тоже открыли по лавке. Но я просидел в лавке недолго, так как мой старший брат, один из этих псов, продал все, что было у него, за тысячу динаров и, накупив товаров и всякого добра, уехал путешествовать. Он отсутствовал целый год, и вдруг, когда я однажды был в лавке, подле меня остановился нищий. Я сказал ему: «Аллах поможет!» Но нищий воскликнул, плача: «Ты уже не узнаешь меня!» – и тогда я всмотрелся в него и вдруг вижу – это мой брат! И я поднялся и приветствовал его и, отведя его в лавку, спросил, что с ним. Но он ответил: «Не спрашивай! Деньги ушли, и счастье изменило». И тогда я свёз его в баню, и одел в платье из моей одежды, и привёл его к себе, а потом я подсчитал оборот лавки, и оказалось, что я нажил тысячу динаров и что мой капитал – две тысячи. Я разделил эти деньги с братом и сказал ему: «Считай, что ты не путешествовал и не уезжал на чужбину»; и брат мой взял деньги, радостный, и открыл лавку.

И прошли ночи и дни, и мой второй брат, – а это другой пёс, – продал своё имущество и все, что у него было, и захотел путешествовать. Мы удерживали его, но не удержали, и, накупив товару, он уехал с путешественниками. Его не было с нами целый год, а потом он пришёл ко мне таким же, как его старший брат, и я сказал ему: «О брат мой, не советовал ли я тебе не ездить?» А он заплакал и воскликнул: «О брат мой, так было суждено, и вот я теперь бедняк: у меня нет ни единого дирхема⁹, и я голый, без рубахи». И я взял его, о джинн, и сводил в баню и одел в новое платье из своей одежды, а потом пошёл с ним в лавку, и мы поели и попили, и после этого я сказал ему: «О брат мой, я свожу счета своей лавки один раз каждый новый год, и весь доход, какой будет, пойдёт мне и тебе». И я подсчитал, о ифрит, оборот своей лавки, и у меня оказалось две тысячи динаров, и я восхвалил творца, да будет он превознесён и прославлен! А потом я дал брату тысячу динаров, и у меня осталась тысяча, и брат мой открыл лавку, и мы прожили много дней.

А через несколько времени мои братья приступили ко мне, желая, чтобы я поехал с ними, но я не сделал этого И сказал им: «Что вы такого нажили в путешествии, что бы и я мог нажить?» и не стал их слушать. И мы остались в наших лавках, продавая и покупая, и братья каждый год предлагали мне путешествовать, а я не соглашался, пока не прошло шесть лет. И тогда я позволил им поехать и сказал: «О братья, и я тоже отправлюсь с вами, но давайте посмотрим, сколько у вас денег», – и не нашёл у них ничего; напротив, они все спустили, предаваясь обжорству, пьянству и наслаждениям. Но я не стал с ними говорить и, не сказав ни слова, подвёл счета своей лавки и превратил в деньги все бывшие у меня товары и имущество, и у меня оказалось шесть тысяч динаров. И я обрадовался, и разделил их пополам, и сказал братьям: «Вот три тысячи динаров, для меня и для вас, и на них мы будем торговать». А другие три тысячи динаров я закопал, предполагая, что со мной может случиться то же, что с ними, и когда я приеду, то у меня останется три тысячи динаров, на которые мы снова откроем свои лавки. Мои братья были согласны, и я дал им по тысяче динаров, и у меня тоже осталась тысяча, и мы Закупили необходимые товары, и снарядились в путь, и наняли корабль, и перенесли туда свои пожитки.

Мы ехали первый день, и второй день, и путешествовали целый месяц, пока не прибыли со своими товарами в один город. Мы получили на каждый динар десять и хотели уезжать, как увидели на берегу моря девушку, одетую в рваные лохмотья, которая поцеловала мне руку и сказала: «О господин мой, способен ли ты на милость и благодеяние, за которое я тебя отбла-

⁹ Дирхем – серебряная монета, первоначально составлявшая 1/20 динара.

годарю?» – «Да, – отвечал я ей, – я люблю благодеяния и милости и помогу тебе, даже если ты не отблагодаришь меня». И тогда девушка сказала: «О господин, женись на мне и возьми меня в свои земли. Я отдаю тебе себя, будь же ко мне милостив, ибо я из тех, кому оказывают добро и благодеяния, а я отблагодарю тебя. И да не введёт тебя в обман моё положение». И когда я услышал слова девушки, моё сердце устремилось к ней, во исполнение того, что угодно Аллаху, великому, славному, и я взял девушку и одел её, и постлал ей на корабле хорошую постель, и заботился о ней, и почитал её. А потом или поехали дальше, и в моем сердце родилась большая любовь к девушке, и не расставался с ней ни днём, ни ночью. Я пренебрёг из-за неё моими братьями, и они приревновали меня и позавидовали моему богатству и изобилию моих товаров, и глаза их не знали сна, жадные до наших денег. И братья заговорили о том, как бы убить меня и взять мои деньги, и сказали: «Убьём брата, и все деньги будут наши».

И дьявол украсил это дело в их мыслях. И они подошли ко мне, когда я спал рядом с женою, и подняли меня вместе с нею и бросили в морс; и тут моя жена пробудилась, встряхнулась и стала ифриткой и понесла меня – и вынесла на остров. Потом она ненадолго скрылась и, вернувшись ко мне год утро, сказала: «Я твоя жена, и я тебя вынесла и спасла от смерти по изволению Аллаха великою. Знай, я твоя суженая, и когда я тебя увидела, моё сердце полюблю тебя ради Аллаха, – а я верую в Аллаха и его посланника, да благословит его Аллах и да приветствует! И я пришла к тебе такого, как ты видел меня, и ты взял меня в жены, – и вот я спасла тебя от потопления. Но я разгневалась на твоих братьев, и мне непременно надо их убить». Услышав её слова, я изумился и поблагодарил её за её поступок и сказал ей: «Что же касается убийства моих братьев, знай!» – и я поведал ей все, что у меня с ними было, с начала до конца.

И, узнав это, она сказала: «Я сегодня ночью слетаю к ним и потоплю их корабль и погублю их». – «Закликаю тебя Аллахом, – сказал я, – не делай этого! Ведь говорит изречение: «О благодетельствующий злему, достаточно со злодея и того, что он сделал». Как бы то ни было, они мои братья». – «Я непременно должна их убить», – возразила джинния. И я принялся её умолять, и тогда она отнесла меня на крышу моего дома. И я отпер двери и вынул то, что спрятал под землёй, и открыл свою лавку, пожелав людям мира и купив товаров. Когда же настал вечер, я вернулся домой и нашёл этих двух собак, привязанных во дворе, – и, увидев меня, они встали и заплакали и уцепились за меня.

И не успел я оглянуться, как моя жена сказала мне:

«Это твои братья». – «А кто с ними сделал такое дело?» – спросил я. И она ответила: «Я послала за моей сестрой, и она сделала это с ними, и они не освободятся раньше чем через десять лет». И вот я пришёл сюда, идя к ней, чтобы она освободила моих братьев после того, как они провели десять лет в таком состоянии, и я увидел этого купца, и он рассказал мне, что с ним случилось, и мне захотелось не уходить отсюда и посмотреть, что у тебя с ним будет. Вот мой рассказ».

«Это удивительная история, и я дарю тебе треть крови купца и его проступка», – сказал джинн.

И тут третий старец, владелец мула, сказал: «Я расскажу тебе историю диковиннее этих двух, а ты, о джинн, подари мне остаток его крови и преступления». – «Хорошо», – отвечал джинн.

Рассказ третьего старца (ночь 2)

О, султан и глава всех джиннов, – начал старец, – Знай, что этот мул был моей женой. Я отправился в путешествие и отсутствовал целый год, а потом я закончил поездку и вернулся ночью к жене. И я увидел чёрного раба, который лежал с нею в постели, и они разговаривали, играли, смеялись, целовались и возились. И, увидя меня, моя жена поспешно поднялась с кувшином воды, произнесла что-то над нею и брызнула на меня и сказала: «Измени свой образ и прими образ собаки!» И я тотчас же стал собакой, и моя жена выгнала меня из дома; и я вышел из ворот и шёл до тех пор, пока не пришёл к лавке мясника. И я подошёл и стал есть кости, и когда хозяин лавки меня заметил, он взял меня и ввёл к себе в дом. И, увидев меня, дочь мясника закрыла от меня лицо и воскликнула: «Ты приводишь мужчину и входишь с ним к нам!» – «Где же мужчина?» – спросил её отец. И она сказала: «Этот пёс – мужчина, которого заколдовала его жена, и я могу его освободить». И, услышав слова девушки, её отец воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, дочь моя, освободи его». И она взяла кувшин с водой, и произнесла над ней что-то и слегка брызнула на меня, и сказала: «Перемени этот образ на твой прежний вид!» И я принял свой первоначальный образ и поцеловал руку девушки и сказал ей: «Я хочу, чтобы ты заколдовала мою жену, как она заколдовала меня». И девушка дала мне немного воды и сказала: «Когда увидишь свою жену спящей, брызни на неё этой водой и скажи, что захочешь, и она станет тем, чем ты пожелаешь». И я взял воду и вошёл к своей жене, и, найдя её спящей, брызнул на неё водой и сказал: «Покинь этот образ и прими образ мула!» И она тотчас же стала мулом, тем самым, которого ты видишь своими глазами, о султан и глава джиннов».

И джинн спросил мула: «Верно?» И мул затряс головой и заговорил знаками, обозначавшими: «Да, клянусь Аллахом, это моя повесть и то, что со мной случилось!»

И когда третий старец кончил свой рассказ, джинн затрясся от восторга и подарил ему треть крови купца...»

Но тут застигло Шахразаду утро, и она прекратила дозволенные речи.

И сестра её сказала: «О сестрица, как сладостен твой рассказ, и хорош, и усладителен, и нежен».

И Шахразада ответила: «Куда этому до того, о чем я расскажу вам в следующую ночь, если я буду жить и царь оставит меня».

«Клянусь Аллахом, – воскликнул царь, – я не убью её, пока не услышу всю её повесть, ибо она удивительна!»

И потом они провели эту ночь до утра обнявшись, и царь отправился вершить суд, и пришли войска и везирь, и диван¹⁰ наполнился людьми. И царь судил, назначал, и отставлял, и запрещал, и приказывал до конца дня.

И потом диван разошёлся, и царь Шахрияр удалился в свои покои. И с приближением ночи он удовлетворил свою нужду с дочерью везиря.

Третья ночь

А когда настала третья ночь, её сестра Дуньязада сказала ей: «О сестрица, dokonчи твой рассказ».

И Шахразада ответила: «С любовью и охотой! Дошло до меня, о счастливый царь, что третий старец рассказал джинну историю, диковиннее двух других, и джинн до крайности изу-

¹⁰ Слово «диван» здесь употреблено в значении «собрание» (царедворцев султана); иногда этим словом обозначается место, где происходят подобные собрания.

мился и затрясся от восторга и сказал: «Дарю тебе остаток проступка купца и отпускаю его». И купец обратился к старцам и поблагодарил их, и они поздравили его со спасением, и каждый из них вернулся в свою страну. Но это не удивительней, чем сказка о рыбаке».

«А как это было?» – спросил царь.

Сказка о рыбаке (ночи 3–4)

Дошло до меня, о счастливый царь, – сказала Шахразада, – что был один рыбак, далеко зашедший в годах, и были у него жена и трое детей, и жил он в бедности. И был у него обычай забрасывать свою сеть каждый день четыре раза, не иначе; и вот однажды он вышел в полуденную пору, и пришёл на берег моря, и поставил свою корзину, и, подобрав полы, вошёл в море и закинул сеть. Он выждал, пока сеть установится в воде, и собрал верёвки, и когда почувствовал, что сеть отяжелела, попробовал её вытянуть, но не смог; и тогда он вышел с концом сети на берег, вбил колышек, привязал сеть и, раздевшись, стал нырять вокруг неё, и до тех пор старался, пока не вытащил её. И он обрадовался и вышел и, надев свою одежду, подошёл к сети, но нашёл в ней мёртвого осла, который разорвал сеть. Увидев это, рыбак опечалился и воскликнул:

«Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, это удивительное пропитание! – сказал он потом и произнёс:

О ты, погружившийся в мрак ночи и гибели,
Усилья умерь свои: надел не труды дают.
Не видишь ли моря ты, и к морю рыбак идёт,
Собравшись на промысел под сенью светил ночных?

Вошёл он в пучину вод, и хлещет волна его,
И взора не сводит он с раздутых сетей своих.

Но мирно проспавши ночь, довольный той рыбою,
Чьё горло уж проткнуто железом убийственным,
Продаст он улов тому, кто ночь безмятежно спал,
Укрытый от холода во благе и милости.

Хвала же творцу! Одним он даст, а другим не даст;
Одним суждено ловить, другим – поедать улов».

Потом он сказал: «Живому милость непременно будет, если захочет Аллах великий! – и произнёс:

Если будешь ты поражён бедой, облачись тогда
Во терпенье славных; поистине, так разумнее;
Рабам не сетуй: на доброго станешь сетовать
Перед теми ты, кто не будет добр никогда к тебе».

Потом он выбросил осла из сети и отжал её, а окончив отжимать сеть, он расправил её и вошёл в море и, сказав: «Во имя Аллаха!», снова забросил. Он выждал, пока сеть установится; и она отяжелела и зацепилась крепче, чем прежде, и рыбак подумал, что это рыба, и, привязав сеть, разделся, вошёл в воду и до тех пор нырял, пока не высвободил её. Он трудился над нею, пока не поднял её на сушу, но нашёл в ней большой кувшин, полный песку и ила. И, увидев это, рыбак опечалился и произнёс:

«О ярость судьбы – довольно!
А мало тебе – будь мягче!

Я вышел за пропитаньем,
Но вижу – оно скончалось.

Как много глупцов в Плеядах
И сколько во прахе мудрых!»

Потом он бросил кувшин и отжал сеть и вычистил её и, попросив прощенья у Аллаха великого, вернулся к морю в третий раз и опять закинул сеть. И, дождавшись, пока она установится, он вытянул сеть, но нашёл в ней черепки, осколки стекла и кости. И тогда он сильно рассердился и заплакал и произнёс:

«Вот доля твоя: вершить делами не властен ты;
Ни знанье, ни сила чар надела не даст тебе;
И счастье и доля всем заранее розданы,
И мало в земле одной, и много в другой земле.

Превратность судьбы гнетёт и клонит воспитанных,
А подлых возносит ввысь, достойных презрения,
О смерть, посети меня! Поистине, жизнь скверна,
Коль сокол спускается, а гуси взлетают ввысь.

Не диво, что видишь ты достойного в бедности,
А скверный свирепствует, над всеми имея власть:
И птица кружит одна с востока и запада
Над миром, другая ж все имеет, не двигаясь».

Потом он поднял голову к небу и сказал: «Боже, ты знаешь, что я забрасываю свою сеть только четыре раза в день, а я уже забросил её трижды, и ничего не пришло ко мне. Пошли же мне, о боже, в этот раз моё пропитание!»

Затем рыбак произнёс имя Аллаха и закинул сеть в море и, дождавшись, пока она установится, потянул её, но не мог вытянуть, и оказалось, она запуталась на дне.

«Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! – воскликнул рыбак и произнёс:

Тьфу всей жизни, если будет такова, –
Я узнал в ней только горе и беду!
Коль безоблачна жизнь мужа на заре,
Чашу смерти должен выпить к ночи он.

А ведь прежде был я тем, о ком ответ
На вопрос: кто всех счастливей? – был: вот он!»

Он разделся и нырнул за сетью, и трудился над ней, пока не поднял на сушу, и, растянув сеть, он нашёл в ней кувшин из жёлтой меди, чем-то наполненный, и горлышко его было запечатано свинцом, на котором был оттиск перстня господина нашего Сулеймана ибн Дауда¹¹, – мир с ними обоими! И, увидав кувшин, рыбак обрадовался и воскликнул: «Я продам его на

¹¹ Сулейман ибн Дауд (Соломон, сын Давидов) – один из любимых героев мусульманской повествовательной литературы. Его имя часто упоминается в «1001 ночи. На перстне Сулеймана, по преданию, было вырезано так называемое величайшее из девятидесяти имён Аллаха, знание которого будто бы давало ему власть над джиннами, птицами и ветрами»

рынке медников, он стоит десять динаров золотом!» Потом он подвигал кувшин, и нашёл его тяжёлым, и увидел, что он плотно закрыт, и сказал себе: «Взгляну-ка, что в этом кувшине! Открою его и посмотрю, что в нем есть, а потом продам!» И он вынул нож и старался над свинцом, пока не сорвал его с кувшина, и положил кувшин боком на землю и потряс его, чтобы то, что было в нем, вылилось, – но оттуда не полилось ничего, и рыбак до крайности удивился. А потом из кувшина пошёл дым, который поднялся до облаков небесных и пополз по лицу земли, и когда дым вышел целиком, то собрался и сжался, и затрепетал, и сделался ифритом с головой в облаках и ногами на земле. И голова его была как купол, руки как вилы, ноги как мачты, рот словно пещера, зубы точно камни, ноздри как трубы, и глаза как два светильника, и был он мрачный, мерзкий.

И когда рыбак увидел этого ифрита, у него задрожали поджилки и застучали зубы и высохла слюна, и он не видел перед собой дороги. А ифрит, увидя его, воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, Сулейман – пророк Аллаха!»

Потом он вскричал: «О пророк Аллаха, не убивай меня! Я не стану больше противиться твоему слову и не ослушаюсь твоего веления!» И рыбак сказал ему: «О мари́д, ты говоришь: «Сулейман – пророк Аллаха», а Сулейман уже тысяча восемьсот лет как умер, и мы живём в последние времена перед концом мира. Какова твоя история, и что с тобой случилось, и почему ты вошёл в этот кувшин?»

И, услышав слова рыбака, мари́д воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха! Радуйся, о рыбак!» – «Чем же ты меня порадуешь?» – спросил рыбак. И ифрит ответил: «Тем, что убью тебя сию же минуту злейшей смертью». – «За такую весть, о начальник ифритов, ты достоин лишиться защиты Аллаха! – вскричал рыбак. – О проклятый, за что ты убиваешь меня и зачем нужна тебе моя жизнь, когда я освободил тебя из кувшина и спас со дна моря и поднял на сушу?» – «Пожелай, какой смертью хочешь умереть и какой казнью казнённым быть?» – сказал ифрит. И рыбак воскликнул: «В чем мой грех и за что ты меня так награждаешь?» – «Послушай мою историю, о рыбак», – сказал ифрит, и рыбак сказал: «Говори и будь краток, а то у меня душа уже подошла к носу!»

«Знай, о рыбак, – сказал ифрит, – что я один из джиннов-вероотступников, и мы ослушались Сулеймана, сына Дауда, – мир с ними обоими! – я и Сахр, джинн. И Сулейман прислал своего везира, Асафа ибн Барахию, и он привёл меня к Сулейману насильно, в унижении, против моей воли. Он поставил меня перед Сулейманом, и Сулейман, увидев меня, призвал против меня на помощь Аллаха И предложил мне принять истинную веру и войти под его власть, но я отказался. И тогда он велел принести этот кувшин и заточил меня в нем и запечатал кувшин свинцом, оттиснув на нем величайшее из имён Аллаха, а потом он отдал приказ джиннам, и они понесли меня и бросили посреди моря. И я провёл в море сто лет и сказал в своём сердце: всякого, кто освободит меня, я обогащу навеки. Но прошло ещё сто лет, и никто меня не освободил. И прошла другая сотня, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я открою сокровища земли. Но никто не освободил меня. И надо мною прошло ещё четыреста лет, и я сказал: всякому, кто освободит меня, я исполню три желания. Но никто не освободил меня, и тогда я разгневался сильным гневом и сказал в душе своей: всякого, кто освободит меня сейчас, я убью и предложу ему выбрать, какую смертью умереть! И вот ты освободил меня, и я тебе предлагаю выбрать, какой смертью ты хочешь умереть».

Услышав слова ифрита, рыбак воскликнул: «О диво Аллаха! А я-то пришёл освободить тебя только теперь! Избавь меня от смерти – Аллах избавит тебя, – сказал он ифриту. – Не губи меня – Аллах даст над тобою власть тому, кто тебя погубит». – «Твоя смерть неизбежна, пожелай же, какой смертью тебе умереть», – сказал мари́д.

И когда рыбак убедился в этом, он снова обратился к ифриту и сказал: «Помилуй меня в награду за то, что я тебя освободил». – «Но я ведь и убиваю тебя только потому, что ты меня

освободил!» – воскликнул ифрит. И рыбак сказал: «О шейх¹² ифритов, я поступаю с тобой хорошо, а ты воздаёшь мне скверным. Не лжёт изречение, заключающееся в таких стихах:

Мы благо им сделали, – обратным воздали нам;
Вот, жизнью моей клянусь, порочных деяния!
Поступит похвально кто с людьми недостойными –
Тем будет так воздано, как давшим гиене кров».

Услышав слова рыбака, ифрит воскликнул: «Не тяни, твоя смерть неизбежна!» И рыбак подумал: «Это джинн, а я человек, и Аллах даровал мне совершённый ум. Вот я придумаю, как погубить его хитростью и умом, пока он измышляет, как погубить меня коварством и мерзостью».

Потом он сказал ифриту: «Моя смерть неизбежна?» И ифрит отвечал: «Да». И тогда рыбак воскликнул: «Заклинаю тебя величайшим именем, вырезанным на перстне Сулеймана ибн Дауда – мир с ними обоими! – я спрошу тебя об одной вещи, скажи мне правду». – «Хорошо, – сказал ифрит, – спрашивай и будь краток!» – и он задрожал и затрясся, услышав упоминание величайшего имени. А рыбак сказал: «Ты был в этом кувшине, а кувшин не вместит даже твоей руки или ноги. Так как же он вместил тебя всего?» – «Так ты не веришь, что я был в нем?» – вскричал ифрит. «Я никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя там своими глазами», – отвечал рыбак...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четвёртая ночь

Когда же настала четвёртая ночь, её сестра сказала: «Закончи твой рассказ, если тебе не хочется спать».

И Шахразада продолжала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что рыбак сказал ифриту: «Никогда тебе не поверю, пока не увижу тебя там своими глазами». И тогда ифрит встряхнулся и стал дымом над морем, и собрался, и мало-помалу стал входить в кувшин, пока весь дым не оказался в кувшине. И тут рыбак поспешно схватил свинцовую пробку с печатью и закрыл ею кувшин и закричал на ифрита: «Выбирай, какой смертью умрёшь! Клянусь Аллахом, я брошу тебя в море и построю себе здесь дом, и всякому, кто придёт сюда, я не дам ловить рыбу и скажу: «Тут ифрит, и всем, кто его вытащит, он предлагает выбрать, как умереть и как быть убитым!»»

Услышав слова рыбака и почувствовав себя в заточении, ифрит хотел выйти, но не мог, так как ему не позволяла печать Сулеймана. И он понял, что рыбак перехитрил его, и сказал: «Я пошутил с тобой!» Но рыбак воскликнул: «Лжёшь, о презреннейший из ифритов и грязнейший и ничтожнейший из них!» И потом он понёс кувшин к берегу моря, и ифрит кричал: «Нет, нет!», а рыбак говорил: «Да! да!» Ифрит смягчил свои речи и стал смиренным и сказал: «Что ты хочешь со мной сделать, о рыбак?» И рыбак ответил: «Я брошу тебя в море; и если ты уже провёл в нем тысячу восемьсот лет, то я заставлю тебя пробыть там, пока не настанет судный час».

Не говорил ли я тебе: «Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьёт тебя Аллах!», но ты не послушал моих слов и хотел только обмануть меня, и Аллах отдал тебя мне в руки, и я обманул тебя».

¹² Шейх – старшина, почтённый старец.

«Открой меня, и я окажу тебе милость», – сказал ифрит. Но рыбак воскликнул: «Лжёшь, проклятый! Я и ты подобны везирю царя Юнана и врачу Дубану». – «А кто это такие, везирь царя Юнана и врач Дубан и какова их история?» – спросил ифрит.

Повесть о везире царя Юнана (ночи 4–5)

Знай, о ифрит, – начал рыбак, – что в древние времена и минувшие века и столетия был в городе персов и в земле Румана¹³ царь по имени Юнан. И был он богат и велик и повелевал войском и телохранителями всякого рода, но на теле его была проказа, и врачи и лекаря были против неё бессильны. И царь пил лекарства и порошки и мазался мазями, но ничто не помогало ему, и ни один врач не мог его исцелить. А в город царя Юнана пришёл великий врач, далеко зашедший в годах, которого звали врач Дубан. Он читал книги греческие, персидские, византийские, арабские и сирийские, знал врачевание и звездочетство и усвоил их правила и основы, их; пользу и вред, и он знал также все растения и травы, свежие и сухие, полезные и вредные, и изучил философию, и постиг все науки и прочее.

И когда этот врач пришёл в город и пробил там немного дней, он услышал о царе и поразившей его тело проказе, которою испытал его Аллах, к о том, что учёные и врачи не могут излечить её. И когда это дошло до врача, он провёл ночь в занятиях, а лишь только наступило утро и засияло светом и заблестало, он надел лучшее из своих платьев и вошёл к царю Юнану. Облобызав перед ним землю, врач пожелал ему вечной славы и благоденствия и отлично это высказал, а потом представился и сказал: «О царь, я узнал, что тебя постигла болезнь, которая у тебя на теле, и что множество врачей не знает средства излечить её. Но вот я тебя вылечу, о царь, и не буду ни поить тебя лекарством, ни мазать мазью».

Услышав его слова, царь Юнан удивился и воскликнул: «Как же ты это сделаешь? Клянусь Аллахом, если ты меня исцелишь, я обогашу тебя и детей твоих детей и облагодетельствую тебя, и все, что ты захочешь, будет твоё, и ты станешь моим сотрапезником и любимцем!» Потом царь Юнан наградил врача почётной одеждой¹⁴, и оказал ему милость, и спросил его: «Ты вылечишь меня от этой болезни без помощи лекарства и мази?» И врач отвечал: «Да, я тебя вылечу». И царь до крайности изумился, а потом спросил: «О врач, в какой же день и в какое время будет то, о чем ты мне сказал? Поторопись, сын мой!» – «Слушаю и повинуюсь, – ответил врач, – это будет завтра». А затем он спустился в город и нанял дом и сложил туда свои книги и лекарства и зелья, а потом он вынул зелья и снадобья и вложил их в молоток, который выдолбил, а к молотку он приделал ручку и искусно приспособил к нему шар. И на следующее утро, когда все это было изготовлено и окончено, врач отправился к царю и, войдя к нему, облобызал перед ним землю и велел ему выехать на ристалище и играть с шаром и молотком. А с царём были эмиры, придворные, и везири, и вельможи царства. И не успел он прибыть на ристалище, как пришёл врач Дубан, и подал ему молоток, и сказал: «Возьми этот молоток и держи его за эту вот ручку и гоняйся по ристалищу и вытягивайся хорошенько – бей по шару, пока твоя рука и тело не вспотеют и лекарство не перейдёт из твоей руки и не распространится по телу. Когда же ты кончишь играть и лекарство распространится у тебя по всему телу, возвращайся во дворец, а потом сходи в баню, вымойся и ложись спать. Ты исцелишься, и конец».

И тогда царь Юнан взял у врача молоток и схватил его рукою, и сел на коня, и кинул перед собою шар и погнался за ним, и настиг его, и с силой ударил, сжав рукою ручку молотка. И он до тех пор бил по шару и гонялся за ним, пока его рука и все тело не покрылись испариной и снадобье не растеклось из ручки. И тут врач Дубан узнал, что лекарство распространилось по телу царя, и велел ему возвращаться во дворец и сию же минуту пойти в баню. И царь Юнан немедленно возвратился и приказал освободить для себя баню; и баню освободили, и постельничьи поспешили, и рабы побежали к царю, обгоняя друг друга, и приготовили ему

¹³ Земля Румана (или «земля румов») – так называли в странах Ближнего Востока Византийскую империю.

¹⁴ Почётная одежда – платье с царского плеча, жалуемое как знак отличия. Кроме одежды, награждаемый получал драгоценный меч и коня в полной сбрую.

бельё. И царь вошёл в баню, и хорошо вымылся, и надел свои одежды в бане, а затем он вышел и поехал во дворец и лёг спать.

Вот что было с царём Юнаном. Что же касается врача Дубана, то он возвратился к себе домой и проспал ночь, а когда наступило утро, он пришёл к царю и попросил разрешения войти. И царь приказал ему войти; и врач вошёл, и облобызал перед ним землю, и сказал нараспев, намекая на царя, такие стихи:

«Возвышаются все достоинства, коль отцом ты их
Называешься, а назвать другого – откажешься.
О ты, чей лик сиянием огней своих
Прогоняет мрак дурного дела с чела судьбы!

Да сияет лик и да светится неизменно твой,
Хотя лик времён неизменно гневен и хмур всегда!
Оросил меня своей милостью и благами ты, –
То же сделали, что с холмами тучи, со мной они.

И бросал в пучины богатства ты с большой щедростью,
И достиг высот ты желаемых таким образом».

И когда он кончил говорить стихи, царь поднялся на ноги и обнял его, и посадил с собою рядом, и наградил драгоценными одеждами. (А царь, вышедши из бани, посмотрел на своё тело и совершенно не нашёл на нем проказы, и оно стало чистым, как белое серебро; и царь обрадовался этому до крайности, и его грудь расправилась и расширилась.) Когда же настало утро, царь пришёл в диван и сел на престол власти, и придворные и вельможи его царства встали перед ним, и к нему вошёл врач Дубан, и царь, увидев его, поспешно поднялся и посадил его с собою рядом. И вот накрыли роскошные столы с кушаньями, и царь поел вместе с Дубаном и, не переставая, беседовал с ним весь этот день. Когда же настала ночь, царь дал Дубану две тысячи динаров, кроме почётных одежд и прочих даров, и посадил его на своего коня, и Дубан удалился к себе домой. А царь Юнан все удивлялся его искусству и говорил: «Этот врач лечил меня снаружи и не мазал никакой мазью. Клянусь Аллахом, вот это действительная мудрость! И мне следует оказать этому человеку уважение и милость и сделать его своим собеседником и сотрапезником на вечные времена!» И царь Юнан провёл ночь довольный, радуясь здоровью своего тела и избавлению от болезни; а когда наступило утро, он вышел и сел на престол, и вельможи его царства встали перед ним, а везири и эмиры сели справа и слева.

Потом царь Юнан потребовал врача Дубана, и тот вошёл к нему и облобызал перед ним землю, а царь поднялся перед ним и посадил его с собою рядом. Он поел вместе с врачом, и пожелал ему долгой жизни, и пожаловал ему дары и одежды, и беседовал с ним до тех пор, пока не настала ночь, – и тогда царь велел выдать врачу пять почётных одежд и тысячу динаров, и врач удалился к себе домой, воздавая благодарность царю. А когда наступило утро, царь вышел в диван, окружённый придворными, везириями и эмирами.

А у царя был один везирь гнусного вида, скверный и порочный, скупой и завистливый, сотворённый из одной зависти; и когда этот везирь увидел, что царь приблизил к себе врача Дубана и оказывает ему такие милости, он позавидовал ему и затаил на него зло. Ведь говорится же: ничьё тело не свободно от зависти, и сказано: несправедливость таится в сердце; сила её проявляет, а слабость скрывает. И вот этот везирь подошёл к царю Юнану и, облобызав перед ним землю, сказал: «О царь нашего века и времени! Ты тот, в чьей милости я вырос, и у меня есть для тебя великий совет. И если я его от тебя скрою, я буду сыном прелюбодеяния;

если же ты прикажешь его открыть тебе, я открою его». И царь, которого встревожили слова везиря, спросил его: «Что у тебя за совет?»

И везирь отвечал: «О благородный царь, древние сказали: «Кто не думает об исходе дел, тому судьба не друг». И я вижу, что царь поступает неправильно, жалуя своего врача и того, кто ищет прекращения его царства. А царь был к нему милостив и оказал ему величайшее уважение и до крайности приблизил его к себе, и я опасюсь за царя».

И царь, встревожившись и изменившись в лице, спросил везиря: «Про кого ты говоришь и на кого намекаешь?» И везирь сказал: «Если ты спишь, проснись! Я указываю на врача Дубана». – «Горе тебе, – сказал царь, – это мой друг, и он мне дороже всех людей, так как он вылечил меня чем-то, что я взял в руку, и исцелил меня от болезни, против которой были бессильны врачи. Такого, как он, не найти в наше время нигде в мире, ни на востоке, ни на западе, а ты говоришь о нем такие слова. С сегодняшнего дня я установлю ему жалованье и выдачи и назначу ему на каждый месяц тысячу динаров, но даже если бы я разделил с ним своё царство, и этого было бы поистине мало. И я думаю, что ты это говоришь из одной только зависти, подобно тому, что я узнал о царе ас-Синдбаде...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятая ночь

Когда же настала пятая ночь, её сестра сказала ей: «Докончи твой рассказ, если тебе не хочется спать».

И Шахразада продолжала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Юнан сказал своему везирю: «О везирь, тебя взяла зависть к этому врачу, и ты хочешь его смерти, а я после этого стану раскаиваться, как раскаялся царь ас-Синдбад, убивши сокола». – «Прости меня, о царь времени, а как это было?» – спросил везирь.

Рассказ о царе ас-Синдбаде (ночь 5)

Говорят, – а Аллах лучше знает, – начал царь, – что был один царь из царей персов, который любил веселье, прогулки, охоту и ловлю. И он воспитал сокола и не расставался с ним ни днём, ни ночью, и всю ночь он держал его на руке, а когда отправлялся на охоту, то брал сокола с собою. Царь сделал для сокола золотую чашку, висевшую у него на шее, и поил его из этой чашки. И вот однажды царь сидит, и вдруг приходит к нему главный сокольник и говорит: «О царь времени, пришла пора выезжать на охоту». И царь приказал выезжать и взял сокола на руку; и охотники ехали до тех пор, пока не достигли одной долины, там растянули сеть для ловли, и вдруг в эту сеть попала газель, и тогда царь воскликнул: «Всякого, через чью голову газель перескочит, я убью».

И охотники сузили сеть вокруг газели, и вдруг газель подошла к царю и, оставаясь на задних ногах, передние сложила на груди, как бы целуя перед царём землю.

И царь кивнул газели головой, а она прыгнула через его голову и убежала в пустыню. И царь увидел, что вся свита перемигивается, и спросил: «О везирь, что они говорят?» И везирь ответил: «Они говорят, что ты сказал: «Всякий, через чью голову газель перескочит, будет убит». И тогда царь воскликнул: «Клянусь моей головой, я буду преследовать её, пока не приведу!» И царь поехал по следам газели и неотступно скакал за ней по горам.

А она хотела войти в чашу, и тогда царь спустил за ней сокола, и сокол бил её крыльями по глазам, пока не ослепил и не ошеломил. И царь вынул дубинку и ударил газель и повалил её, и потом он сошёл и прирезал газель и, сняв с неё шкуру, привесил её к луке седла. А было время полуденного отдыха, и в зарослях, пустынных к высохших, нельзя было найти воды. И царь почувствовал жажду, и конь захотел пить, – и тогда царь покружил и увидел дерево, с которого текла вода, точно масло. А на руках у царя были надеты рукавицы из кожи, и он взял чашку с шеи сокола и наполнил её этой водой. Он поставил перед собой чашку, но сокол вдруг ударил её крылом и опрокинул; и тогда царь поднял чашку и стал набирать второй раз в неё стекавшее масло, пока не наполнил. Он думал, что сокол хочет пить, и поставил перед ним чашку, но сокол опять ударил её и опрокинул. И царь рассердился на сокола и в третий раз наполнил чашку и поставил её перед конём, но сокол снова опрокинул чашку крылом. И тогда царь воскликнул: «Да накажет тебя Аллах, о злосчастнейшая птица! Ты лишила питья и меня, и коня, и себя самое!» – и, ударив сокола мечом, он отрубил ему крылья.

И тогда птица стала подымать голову, говоря знаками: «Посмотри, что на вершине дерева». И царь поднял глаза и увидел на дереве детёныша ехидны, а та жидкость была его ядом. И раскаялся царь, что отрубил соколу крылья, и поднялся, и сел на коня, и поехал, взявши с собою газель, и достиг шатра со своею добычей. Он отдал газель повару и сказал: «Возьми её и изжарь!», а потом он сел на престол, и сокол был на его руке. И вдруг птица испустила крик и умерла; и царь закричал от печали и горя, что убил сокола, после того как тот спас его от гибели. Вот и все, что было с царём ас-Синдбадом».

Услышав слова царя Юнана, везирь сказал: «О царь, высокий саном, что же сделал мне врач дурного? Я не видел от него зла и поступаю так только из жалости к тебе, чтобы ты знал, что мои слова верны, а иначе ты погибнешь, как погиб везирь, который строил козни против сына одного из царей». – «А как это было?» – спросил царь Юнан.

Сказка о коварном везире (ночь 5)

Знай, о царь, – сказал везирь, – что у одного царя был везирь, а у этого царя был сын, который любил охоту и ловлю, и везирь его отца находился с ним. И царь, отец юноши, приказал этому везирию быть с царевичем, куда бы тот ни отправился. Однажды юноша выехал на охоту, и везирь его отца выехал с ним, и они поехали вместе. И везирь увидал большого зверя и сказал царевичу: «Вот тебе зверь, гонись за ним». И царевич помчался за зверем и исчез с глаз, и зверь скрылся от него в пустыне. И царевич растерялся и не знал, куда идти и в какую сторону направиться, и вдруг видит: у обочины дороги сидит девушка и плачет.

«Кто ты?» – спросил её царевич; и девушка сказала: «Я дочь царя из царей Индии, и я была в пустыне, но на меня напала дремота, и я свалилась с коня, и теперь я отбилась от своих и потерялась». И, услышав слова девушки, царевич сжалился над нею и взял её на спину своего коня, посадив её сзади, и поехал. И когда они проезжали мимо каких-то развалин, девушка сказала: «О господин, я хочу сойти за надобностью», и царевич спустил её около развалин. И девушка вошла туда и замешкалась, и царевич, заждавшись её, вошёл за ней следом, не зная, кто она. И вдруг видит: это – гуль, и она говорит своим детям: «Дети, я привела вам сегодня жирного молодца!»

А дети отвечают: «О матушка, приведи его, чтобы мы наполнили им наши животы». Услышав их слова, царевич убедился, что погибнет, и испугался за себя, и у него задрожали поджилки. Он вернулся назад; и гуль¹⁵ вышла и увидела, что он как будто испуган и боится и дрожит, и сказала: «Чего ты боишься?» – «У меня есть враг, и я боюсь его», – отвечал царевич. «Ты говорил, что ты сын царя?» – спросила его гуль; и царевич ответил: «Да».

И тогда гуль сказала: «Почему ты не дашь своему врагу сколько-нибудь денег, чтобы удовлетворить его?» – «Он не удовлетворится деньгами, а только моей жизнью, – отвечал царевич, – и я боюсь за себя. Я человек обиженный». – «Если ты, как ты говоришь, обижен, призови на помощь Аллаха, и он избавит тебя от злобы твоего врага». И царевич поднял взор к небу и воскликнул: «О ты, кто отвечаешь попавшему в беду, когда он зовёт тебя, и устраняешь зло, о боже, помоги мне против моего врага и отврати его от меня! Поистине, ты властен в том, чего хочешь!» И когда гуль услышала его молитву, она удалилась, а царевич отправился к своему отцу и рассказал ему о поступке везирия; и царь призвал его и убил.

И если ты, о царь, доверишься этому врачу, он убьёт тебя злейшим убийством. Тот, кого ты облагодетельствовал и приблизил к себе, действует тебе на погибель. Он лечил тебя от болезни снаружи чем-то, что ты взял в руку, и ты не в безопасности от того, чтобы он не убил тебя вещью, которую ты так же возьмёшь в руку».

«Ты прав, о везирь, – сказал царь Юнан, – как ты говоришь, так и будет, о благорасположенный везирь! Поистине, этот врач пришёл как лазутчик, ища моей смерти, и если он излечил меня чем-то, что я взял в руку, то сможет меня погубить чем-нибудь, что я понюхаю».

После этого царь Юнан сказал везирию: «О везирь, как же с ним поступить?» И везирь ответил: «Пошли за ним сейчас же, потребуй его, и если он придёт, отруби ему голову. Ты спасёшься от его зла и избавишься от него. Обмани же его раньше, чем он обманет тебя». – «Ты прав, о везирь!» – воскликнул царь и послал за врачом; и тот пришёл радостный, не зная, что судил ему милосердный, подобно тому, как кто-то сказал:

Страшащийся судьбы своей, спокоен будь,
Вручи дела ты тому свои, кто мир простор!

¹⁵ Гуль – фантастическое существо в образе женщины. По арабскому поверью, гули подстерегают одиноких путников и пожирают их.

О владыка мой! Ведь случится то, что судил Аллах,
Но избавился ты от того, чего не судил Аллах.

И когда врач вошёл к царю, то произнёс:

«Не воздал коль я тебе за что благодарностью,
Скажи мне, кому ж стихи и прозу готовил я?
Без просьбы всегда ты мне оказывал милости,
Отсрочек не знал ты в них, не знал извинения.

Так как же славить мне тебя, как и следует,
И как не хвалить тебя и тайно и явно мне?
И вспомню я милости твои: из-за них теперь
Забота легка моя, хоть тяжко спине моей. –

И сказал ещё в этом смысле:

К заботам всем повернись спиной
И дела свои поручи судьбе!
Наслаждайся благом немедленным,
И забудешь ты все минувшее.

Ведь немало дней утомительных
Принесут тебе удовольствие.
И творит Аллах, что желает он.
Так не будь же ты из ослушников.

Поручи дела всеблагому ты и премудрому,
От всего земного ты отдых дай душе твоей.
И знай, не так совершится дело, как хочешь ты,
Но лишь так, как хочет судья премудрый, Аллах, всегда.

И ещё:

Спокоен будь и весел ты и забудь печаль,
Ведь поистине изведёт печаль сердце мудрого.
Рассудительность ни к чему рабам беспомощным, –
Так оставь её, и пребудешь ты в вечной радости».

«Знаешь ли ты, зачем я призвал тебя?» – спросил царь врача Дубана. И врач ответил: «Не знает тайного никто, кроме великого Аллаха!» А царь сказал ему: «Я призвал тебя, чтобы тебя убить и известить твою душу».

И врач Дубан до крайности удивился и спросил: «О царь, за что же ты убиваешь меня и какой я совершил грех?» – «Мне говорили, – отвечал царь, – что ты лазутчик и пришёл меня убить, и вот я убью тебя раньше, чем ты убьёшь меня».

Потом царь крикнул палача и сказал: «Отруби голову этому обманщику и дай нам отдых от его зла!» – «Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьёт тебя Аллах», – сказал тогда врач и повторил царю эти слова, подобно тому, как и я говорил тебе, о ифрит, но ты не щадил меня и хотел только моей смерти.

И царь Юнан сказал врачу Дубану: «Я не в безопасности, если не убью тебя: ты меня вылечил чем-то, что я взял в руку, и я опасаясь, что ты убьёшь меня чем-нибудь, что я понюхаю, или чем другим». – «О царь, – сказал врач Дубан, – вот награда мне от тебя! За хорошее ты воздаёшь скверным!» Но царь воскликнул: «Тебя непременно нужно убить, и не откладывая!» И тогда врач убедился, что царь несомненно убьёт его, он заплакал и пожалел о том добре, которое он сделал недостойным его, подобно тому, как сказано:

Поистине, рассудка у Меймуны нет,
Хотя отец её рождён разумным был.
Кто ходит по сухому иль по скользкому
Не думая, – наверно поскользнётся тот.

После этого выступил вперёд палач, и завязал врачу глаза, и обнажил меч, и сказал: «Позволь!» А врач плакал и говорил царю: «Оставь меня – оставит тебя Аллах, не убивай меня – убьёт тебя Аллах. – И он произнёс:

Правдив, но несчастен я – обманщики счастливы, –
И ввергнут правдивостью я в дом унижения.
Уж в жизни не буду я правдивым, а коль умру –
Кляните правдивых вы на всяких языках».

Затем врач сказал: «О царь, вот награда мне от тебя! Ты воздаёшь мне воздаянием крокодила». – «А каков рассказ о крокодиле?» – спросил царь, но врач сказал; «Я не могу его рассказать, когда я в таком состоянии. Заклинаю тебя Аллахом, пощади меня – пощадит тебя Аллах!» И врач разразился сильным плачем, и тогда поднялся кто-то из приближённых царя и сказал: «О царь, подари мне жизнь этого врача, так как мы не видели, чтобы он сделал против тебя преступления, и видели только, как вылечил тебя от болезни, не поддававшейся врачам и лекарям».

«Разве вы не знаете, почему я убиваю этого врача? – сказал царь. – Это потому, что, если я пощажу его, я несомненно погибну. Ведь тот, кто меня вылечил от моей болезни вещью, которую я взял в руку, может убить меня чем-нибудь, что я понюхаю. Я боюсь, что он убьёт меня и возьмёт за меня подарок, так как он лазутчик и пришёл только затем, чтобы меня убить. Его непременно нужно казнить, и после этого я буду за себя спокоен».

«Пощади меня – пощадит тебя Аллах, не убивай меня – убьёт тебя Аллах!» – сказал врач, но, убедившись, о ифрит, что царь несомненно его убьёт, он сказал: «О царь, если уж моя казнь неизбежна, дай мне отсрочку: я схожу домой и накажу своим родным и соседям похоронить меня, и очищу свою душу, и раздарю врачебные книги. У меня есть книга, особая из особых, которую я дам в подарок тебе, а ты храни её в своей сокровищнице». – «А что в ней, в этой книге?» – спросил царь врача, и тот ответил: «В ней есть столько, что и не счесть, и самая малая из её тайн – то, что когда ты отрежешь мне голову, повернёшь три листа и прочтёшь три строки на той странице, которая слева, моя голова заговорит с тобой и ответит на все, о чем ты её спросишь».

И царь изумился до крайности и затрясся от восторга и спросил: «О мудрец, когда я отрежу тебе голову, она со мной заговорит?» – «Да, о царь», – сказал мудрец. И царь воскликнул: «Это удивительное дело!»

Потом он отпустил врача под стражей, и врач пошёл домой и сделал свои дела в тот же день, а на следующий день он пришёл в диван, и пришли все эмиры, везири, придворные, наместники и вельможи царства, и диван стал точно цветущий сад. И вот врач пришёл в диван и встал перед царём между двумя стражниками, и у него была старая книга и горшочек с

порошком. И врач сел и сказал: «Принесите мне блюдо», – и ему принесли блюдо, и он высыпал на него порошок, разровнял его и сказал: «О царь, возьми эту книгу, но не раскрывай её, пока не отрежешь мне голову, а когда отрежешь, поставь её на блюдо и вели её натереть этим порошком, и когда ты это сделаешь, кровь перестанет течь. А потом раскрой книгу». И царь Юнан приказал отрубить врачу голову и взял от него книгу, и палач встал и отсек голову врача, и голова упала на середину блюда. И царь натёр голову порошком, и кровь остановилась, и врач Дубан открыл глаза и сказал: «О царь, раскрой книгу!» И царь раскрыл её и увидел, что листы слиплись, и тогда он положил палец в рот, смочил его слюной и раскрыл первый листок и второй и третий, и листки раскрывались с трудом. И царь перевернул шесть листков и посмотрел на них, но не увидел никаких письмён и сказал врачу: «О врач, в ней ничего не написано». – «Раскрой ещё, сверх этого», – сказал врач; и царь перевернул ещё три листка, и прошло лишь немного времени, и яд в одну минуту распространился по всему телу царя, так как книга была отравлена. И тогда царь затрясся и крикнул: «Яд разлился во мне!» А врач Дубан произнёс:

«Землёй они правили, и было правление их
Жестоким, но вскоре уж их власти как не было.
Будь честны они, и к ним была бы честна судьба;
За зло воздала она злом горя и бедствия.
И ныне язык судьбы всем видом вещает их:
Одно за другое; нет упрёка на времени».

И когда голова врача окончила говорить, царь тотчас же упал мёртвый.

Знай же, о ифрит, что если бы царь Юнан оставил в живых врача Дубана, Аллах, наверное, пощадил бы его; но он не захотел и искал его смерти, и Аллах убил его.

Если бы ты, о ифрит, пощадил меня, Аллах, наверное, пощадил бы тебя...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестая ночь

Когда же настала шестая ночь, её сестра Дуньязада сказала: «Докончи твой рассказ».

И Шахзада ответила: «Если позволит мне царь».

«Говори», – сказал царь.

И она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что рыбак сказал ифриту: «Если бы ты пощадил меня, я бы пощадил тебя, но ты не хотел ничего, кроме моей смерти, и вот я тебя убью, заключив в этот кувшин, и брошу в море». И тут ифрит закричал и воскликнул: «Заклинаю тебя Аллахом, о рыбак, не делай этого! Пощади меня и не взыщи с меня За мой поступок. Если я был злодеем, то будь ты благодетелем; ведь говорится в ходячих изречениях: «О благодетельствующий злему, достаточно со злодея и деяния его». Не делай так, как сделала Уама с Атикой». – «А что сделала Уама с Атикой?» – спросил рыбак.

И ифрит ответил: «Не время теперь рассказывать, когда я в этой тюрьме! Если ты меня отпустишь, я расскажу тебе об этом».

«Оставь эти речи, – сказал рыбак, – ты непременно будешь брошен в море, и нет никакой надежды, что тебя когда-нибудь оттуда извлекут. Я тебя просил и умолял, но ты хотел только моей смерти, без вины, заслуживающей этого, хотя я тебе не сделал зла, – я оказал тебе только благодеяние, освободив из тюрьмы; и когда ты со мной все это сделал, я узнал, что ты поступаешь скверно. И знай, что я брошу тебя в море; а чтобы всякий, кто тебя выловит, кинул обратно, я расскажу, что у меня с тобой было, и предостерегу его. И ты останешься в этом море до конца времени, пока не погибнешь».

«Отпусти меня, – сказал ифрит. – Теперь время быть великодушным, и я обещаю тебе, что никогда ни в чем тебя не ослушаюсь и помогу тебе чем-то, что тебя обогатит».

И тогда рыбак взял с ифрита обещание, что тот, если он его отпустит, не станет ему вредить, а сделает ему добро, и, заручившись его обещанием и заставив его поклясться величайшим именем Аллаха, открыл кувшин. И дым пошёл вверх, и вышел целиком, и стал настоящим ифритом. Ифрит толкнул ногой кувшин и кинул его в море. И когда рыбак увидал, что ифрит бросил кувшин в море, он убедился в своей гибели и наделал себе в платье и воскликнул: «Это нехороший признак!» Потом он укрепил своё сердце и сказал: «О ифрит, Аллах великий сказал: «Исполняйте обещание». Поистине, об обещании будет спрошено, а ты обещал мне и поклялся, что не обманешь меня, не то обманет тебя Аллах, ибо он преревнив и даёт отсрочку, но не прощает. Я ведь говорил тебе то же, что врач Дубан говорил царю Юнану: «Пощади меня – пощадит тебя Аллах!» И ифрит засмеялся и пошёл впереди рыбака и сказал ему: «О рыбак, следуй за мной!»

И рыбак пошёл позади ифрита, не веря в спасение. И ифрит шёл, пока они не вышли за город, и он поднялся на гору и спустился в обширную равнину, и вдруг они оказались у пруда с водой. И ифрит спустился в середину пруда и сказал рыбаку: «Следуй за мною!» И рыбак последовал за ним на середину пруда, а ифрит остановился и приказал рыбаку закинуть сеть и ловить рыбу. И рыбак посмотрел в пруд и увидал там рыб разного цвета: белых, красных, голубых и жёлтых – и удивился этому. Потом он вынул сеть и забросил её, и вытянул, и нашёл в ней четырех рыб, и все были разноцветные. И, увидав их, рыбак обрадовался, а ифрит сказал ему: «Пойди с ними к султану и поднеси их ему, и он даст тебе довольно, чтобы тебя обогатить. И, ради Аллаха, прими моё извинение: поистине, я не знаю сейчас ни в чем пути, так как я в этом море уже тысячу восемьсот лет и увидел поверхность земли только сию минуту. И не лови здесь рыбы больше раза в день».

И ифрит простился с рыбаком и сказал: «Не дай мне Аллах тосковать по тебе», – и потом ударил ногой об землю, и земля расступилась и поглотила его; а рыбак пошёл в город, изумляясь тому, что случилось у него с ифритом и как все это было.

И он взял рыбу и, придя в своё жилище, принёс лоханку, наполнил её водой и положил туда рыбу, и рыба забила в воде. А потом рыбак поставил лоханку на голову и направился с нею в царский дворец, как велел ему ифрит. И когда он пришёл к царю и предложил ему рыбу, царь до крайности удивился рыбе, которую ему предложил рыбак, так как в жизни не видал рыбы, подобной этой по образу и виду.

«Отдайте эту рыбу девушке-стряпухе», – сказал он (а эту девушку подарил ему три дня назад царь румов, и он ещё не испытал её в стряпне); и везирь приказал ей изжарить рыбу и сказал: «О девушка, царь говорит тебе: «О слезинка, мы испытываем тебя, лишь будучи в затруднении! Покажи же нам сегодня твоё искусство и умение стряпать: к султану кто-то пришёл с подарком».

Потом везирь вернулся к султану, дав наставление девушке, и царь велел ему выдать рыбаку четыреста динаров. И везирь выдал их рыбаку, и тот спрятал деньги в полу халата и бегом побежал домой, падая, вставая и спотыкаясь, и он думал, что это сон. И затем он купил для своего семейства все нужное и пошёл к жене, весёлый и радостный.

Вот что случилось с рыбаком. А с девушкой произошло следующее. Она взяла рыбу, очистила её и подвесила сковородку над огнём, а потом бросила на неё рыбу. И лишь только рыба подрумянилась с одной стороны, девушка перевернула её на другую сторону, – и вдруг стена кухни раздвинулась, и из неё вышла молодая женщина с прекрасным станом, овальными щеками, совершёнными чертами и насурьмлёнными глазами, и одета она была в шёлковый платок с голубой бахромой, в ушах её были кольца, а на запястьях – пара перехватов, и на пальцах – перстни с драгоценными камнями, и в руке она держала бамбуковую трость. И женщина ткнула тростью в сковородку и сказала: «О рыбы, соблюдаете ли вы договор?» И, увидев

это, стряпуха обмерла, а женщина повторила эти слова во второй и третий раз, – и рыбы подняли головы со сковородки и сказали ясным языком: «Да, да, – и затем произнесли:

Вернёшься – вернёмся мы; будь верной – верны и мы,
А если покинешь нас, мы сделаем так же...»

И тогда женщина перевернула сковородку и вошла в то же место, откуда вышла, и стена кухни сдвинулась, как раньше.

И после этого стряпуха очнулась от обморока и увидела, что четыре рыбы сгорели и стали как чёрный уголь, и воскликнула: «С первого же набега сломалось его копье»¹⁶, – и снова упала на землю без памяти.

И когда она была в таком состоянии, вдруг вошёл везирь, и этот старик увидел, что девушка, точно старуха, выжившая из ума, не отличает четверга от субботы. Он толкнул её ногой, и она очнулась и заплакала и сообщила везирию о происшедшем и о том, что случилось; и везирь удивился и сказал: «Это поистине удивительное дело!» После этого он послал за рыбаком, и когда его привели, везирь закричал на него и сказал: «О рыбак, принеси нам четыре рыбы, как те, что ты принёс!» И рыбак вышел к пруду, закинул сеть и вытянул её, и вдруг видит: в ней четыре рыбы, подобные первым. И он взял их и принёс везирию, а везирь пошёл с ними к девушке и сказал: «Поднимайся и изжарь их при мне, чтобы я сам увидел, как это происходит». И девушка встала, приготовила рыбу и, подвесив сковородку, бросила туда рыбу, но едва рыба оказалась на сковородке, как стена вдруг раздвинулась, и появилась та же женщина в своём прежнем виде, и в руках у неё была трость. И она ткнула тростью в сковородку и сказала: «О рыбы, о рыбы, соблюдаете ли вы древний договор?» И вдруг все рыбы подняли головы и сказали вышеупомянутый стих, то есть:

«Вернёшься – вернёмся мы; будь верной – верны и мы,
А если покинешь нас, мы сделаем так же».

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Седьмая ночь

Когда же настала седьмая ночь, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что когда рыбы заговорили, женщина перевернула тростью сковородку и вошла в то же место, откуда вышла, и стена опять сдвинулась. И тогда везирь поднялся на ноги и воскликнул:

«Такое дело не следует скрывать от царя!» – и пошёл к царю и рассказал ему о том, что произошло и что он видел перед собою. И царь воскликнул: «Я непременно должен это видеть своими глазами». И он послал за рыбаком и велел ему принести четыре рыбы, такие же, как первые, и приставил к нему трех стражников; и рыбак спустился к пруду и тотчас же принёс ему рыб, и царь велел дать ему четыреста динаров. Затем он обратился к везирию и сказал ему: «Вставай и изжарь рыб ты сам, здесь, передо мной!» И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь». Он принёс сковородку и приготовил рыб и, подвесив сковородку над огнём, бросил на неё рыб, – и вдруг стена раздвинулась, и из неё вышел чёрный раб, подобный горе или человеку из племени Ад, и в руках у него была ветка зеленого дерева. И раб сказал устрашающим голосом: «О рыбы, о рыбы, соблюдаете ли вы древний договор?» И рыбы подняли головы со сковородки и ответили: «Да, да, мы его соблюдаем.

¹⁶ Распространённая поговорка, означающая: «При первой же попытке он потерпел неудачу».

Вернёшься – вернёмся мы; будь верен – верны и мы,
А если покинешь нас, мы сделаем так же».

И раб приблизился к сковородке и перевернул её веткою, что была у него в руке, и потом он вошёл туда же, откуда вышел. И везирь с царём посмотрели на рыб и увидели, что они стали как уголь; и царь, оторопев, воскликнул: «О таком обстоятельстве невозможно молчать, и за этими рыбами, наверное, скрывается какое-то дело!» И он велел привести рыбака и, когда тот явился, спросил его: «Горе тебе, откуда эти рыбы?» И рыбак ответил: «Из пруда между четырех гор, под той горой, что за твоим городом». И тогда царь опять обратился к рыбаку и спросил: «В скольких днях пути?» – «Пути на полчаса, о владыка султан», – отвечал рыбак; и царь удивился и велел свите выступать и воинам тотчас же садиться на коней, и рыбак шёл впереди всех, проклиная их. И все поднялись на гору и спустились в такую обширную равнину, которой не видели за всю свою жизнь, и султан и войска изумлялись. Они увидали равнину и посреди неё пруд между четырех гор и в пруде рыбу четырех цветов: красную, белую, жёлтую и голубую. И царь остановился, изумлённый, и спросил свою свиту и присутствующих: «Видели ли кто-нибудь из вас этот пруд?» И они отвечали: «Никогда, о царь времени, за всю нашу жизнь». И спросил далеко зашедших в годах, и те отвечали: Мы в жизни не видели пруда на этом месте». И тогда царь воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не войду в мой город и не сяду на престол моего царства, пока не узнаю об этом пруде и о рыбах!»

И он приказал людям расположиться вокруг этих гор и потом позвал везиря (а это был везирь опытный и умный, проницательный и сведущий в делах) и, когда тот явился, сказал ему: «Мне хочется что-то сделать, и я расскажу тебе об этом. Я задумал уйти сегодня ночью один и исследовать, что это за пруд со странными рыбами, а ты садись у входа в мою палатку и говори эмирам, везирям, придворным и наместникам и всем, кто будет обо мне спрашивать: «Султан нездоров и велел мне никому не давать разрешения входить к нему». И не говори никому о моем намерении». И везирь не мог прекословить царю.

Потом царь переменял одежду, опоясался мечом и взобрался на одну из гор и шёл весь остаток ночи до утра и весь день, и зной одолел его, так как он прошёл ночь и день. После этого он шёл и вторую ночь до утра, и ему показалось издали что-то чёрное, и царь обрадовался и воскликнул: «Может быть, я найду кого-нибудь, кто мне расскажет об этом пруде и о рыбах!»

И он приблизился и увидел дворец, выстроенный из чёрного камня и выложенный железом, и один створ ворот был открыт, а другой заперт. И царь обрадовался и остановился у ворот и постучал лёгким стуком, но не услышал ответа, и тогда он постучал второй раз и третий, но ответа не услышал, и после этого он ударил в ворота страшным ударом, но никто не ответил ему. «Дворец, наверное, пуст», – сказал тогда царь и, собравшись с духом, прошёл через ворота дворца до портика и крикнул: «О жители дворца, тут чужестранец и путешественник, нет ли у вас чего съестного?» Он повторил эти слова второй раз и третий, но не услышал ответа; и тогда он, укрепив своё сердце мужеством, прошёл из портика в середину дворца, но не нашёл во дворце никого, хотя дворец был украшен шёлком и звездчатыми коврами и занавесками, которые были спущены. А посреди дворца был двор с четырьмя возвышениями, одно напротив другого, и каменной скамьёй и фонтаном с водоёмом, над которым были четыре льва из червонного золота, извергавшие из пасти воду, подобную жемчугам и яхонтам, а вокруг дворца летали птицы, и над дворцом была золотая сетка, мешавшая им подниматься выше. И царь не увидел никого и изумился и опечалился, так как никого не нашёл, у кого бы спросить об этой равнине, о пруде и о рыбах, о горах и о дворце. Затем он сел у дверей, размышляя, и вдруг услышал стон, исходящий из печального сердца, и голос, произносящий нараспев:

Не таю я то, что пришлось снести мне, но явно все,

И сменил теперь я усладу сна на бессонницу.
Судьба моя, ты не милуешь, не щадишь меня.
И душа моя меж мучением и опасностью.

Пожалейте же благородных вы, что унизились
На путях любви, и зажиточных, что бедны теперь.
Ведь когда-то мы к ветру нежному ревновали вас.
Но падёт когда приговор судьбы, тогда слепнет взор.

Как же быть стрелку, если вдруг враги ему встретятся?
И стрелу метнуть в них захочет он, но изменит лук?
Коль над юношей соберётся вдруг много горестей,
Убежит куда от судьбы своей и от рока он?»

И когда султан услышал этот стон, он поднялся и пошёл на голос и оказался перед занавесом, спущенным над дверью покоя. И он поднял занавес и увидел юношу, сидевшего на ложе, которое возвышалось от земли на локоть, и это был юноша прекрасный, с изящным станом и красноречивым языком, сияющим лбом и румяными щеками, и на престоле его щеки была родинка, словно кружок амбры, как сказал поэт:

О, как строен он! Волоса его и чело его
В темноту и свет весь род людской повергают.
Не кори его ты за родинку на щеке его:
Анемоны все точка чёрная отмечает.

И царь обрадовался, увидя юношу, и приветствовал его; а юноша сидел, одетый в шёлковый кафтан с вышивками из египетского золота, и на голове его был венец, окаймлённый драгоценностями, но все же вид его был печален. И когда царь приветствовал его, юноша ответил ему наилучшим приветствием и сказал: «О господин мой, ты выше того, чтобы пред тобой вставать, а мне да будет прощение». – «Я уже простил тебя, о юноша, – ответил царь. – Я твой гость и пришёл к тебе с важным делом: я хочу, чтобы ты рассказал мне об этом пруде, о рыбах, и о дворце, и о причине твоего одиночества в нем и плача». И когда юноша услышал эти слова, слезы побежали по его щекам, и он горько заплакал, так что залил себе грудь, а потом произнёс:

«Скажите тому, кого судьба поражает:
«Сколь многих повергнул рок и скольких он поднял!
Коль спишь ты, не знает сна глаз зоркий Аллаха,
Чьё время всегда светло, чья жизнь длится вечно?..»

Потом он глубоко вздохнул и произнёс:

«Ты дела свои вручи владыке всех;
Брось заботы и о думах позабудь.
Не пытай о том, что было, – почему?
Все бывает, как судьба и рок велят».

И царь удивился и спросил: «Что заставляет тебя плакать, о юноша?» И юноша отвечал: «Как же мне не плакать, когда я в таком состоянии?» – и, протянув руку к подолу, он поднял его; и вдруг оказывается: нижняя половина его каменная, а от пупка до волос на голове он –

человек. И увидев юношу в таком состоянии, царь опечалился великой печалью, и огорчился, и завздыхал и воскликнул: «О юноша, ты прибавил заботы к моей заботе! Я хотел узнать о рыбах и об их происхождении, а теперь приходится спрашивать и о них и о тебе. Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поспеш, о юноша, рассказать эту историю!»

«Отдай мне твой слух и взор», – отвечал юноша. И царь воскликнул: «Мой слух и взор здесь!» И тогда юноша сказал: «Поистине, с этими рыбами и со мной произошло удивительное дело, и будь оно даже написано иглами в уголках глаз оно послужило бы назиданием для поучающихся». – «А как это было?» – спросил царь.

Рассказ заколдованного юноши (ночи 7–8)

Господин мой, – сказал юноша, – знай, что мой отец был царём этого города, и звали его Мухмуд, владыка чёрных островов. Он жил на этих четырех горах и царствовал семьдесят лет; а потом мой отец скончался, и я стал султаном после него. И я взял в жены дочь моего дяди, и она полюбила меня великой любовью, так что, когда я отлучался от неё, она не ела и не пила, пока не увидит меня подле себя. Она прожила со мною пять лет, и однажды, в какой-то день, она пошла в баню, и тогда я велел повару поскорее приготовить нам что-нибудь поесть на ужин; а потом я вошёл в этот покой и лёг там, где мы спали, приказав двум девушкам сесть около меня: одной в головах, другой в ногах. Я расстроился из-за отсутствия жены, и сон не брал меня, – хотя глаза у меня были закрыты, душа моя бодрствовала. И я услышал, как девушка, сидевшая в головах, сказала той, что была в ногах: «О Масуда, бедный наш господин, бедная его молодость! Горе ему с нашей госпожой, этой проклятой шлюхой!» – «Да, – отвечала другая, – прокляни Аллах обманщиц и развратниц! Такой молодой, как наш господин, не годится для этой шлюхи, что каждую ночь ночует вне дома». А та, что была в головах, сказала: «Наш господин глупец, он опоён и не спрашивает о ней!» Но другая девушка воскликнула: «Горе тебе, разве же наш господин знает или она оставляет его с его согласия? Нет, она делает что-то с кубком питья, который он выпивает каждый вечер перед сном, и кладёт туда бандж¹⁷, и он засыпает и не ведаёт, что происходит, и не знает, куда она уходит и отправляется. А она, напоив его питьём, надевает свои одежды, умащается и уходит от него и пропадает до зари. А потом приходит и курит чем-то под носом у нашего господина, и он пробуждается от сна».

И когда я услышал слова девушек, у меня потемнело в глазах, и я едва верил, что пришла ночь. И моя жена вернулась из бани, и мы разложили скатерть и поели. И посидели, как обычно, некоторое время за беседой, а потом она потребовала питьё, которое я пил перед сном, и протянула мне кубок, и я прикинулся, будто пью его, как всегда, но вылил питьё за пазуху и в ту же минуту лёг и стал храпеть, как будто я сплю. И вдруг моя жена говорит: «Спи всю ночь, не вставай совсем! Клянусь Аллахом, ты мне противен, и мне ненавистен твой вид, и душе моей наскучило общение с тобой, и я не знаю, когда Аллах заберёт твою душу».

Она поднялась и надела свои лучшие одежды и надушилась курениями и, взяв мой меч, опоясалась им, открыла ворота дворца и вышла. И я поднялся и последовал за нею, а она вышла из дворца и прошла по рынкам города и достигла городских ворот, и тогда она произнесла слова, которых я не понял, и замки попадали, и ворота распахнулись. И моя жена вышла, и я последовал за ней (а она этого не замечала); и, дойдя до свалок, она подошла к плетню, за которым была хижина, построенная из кирпича, а в хижине была дверь. И моя жена вошла туда, а я влез на крышу хижины и посмотрел сверху – и вдруг вижу: дочь моего дяди подошла к чёрному рабу, у которого одна губа была как одеяло, другая – как башмак, и губы его подбирали песок на камнях. И он был болен проказой и лежал на обрезках тростника, одетый в дырявые лохмотья и рваные тряпки. И моя жена поцеловала перед ним землю, и раб поднял голову и сказал: «Горе тебе, чего ты до сих пор сидела? У нас были наши родные – чёрные – и пили вино, и каждый ушёл со своей женщиной, а я не согласился пить из-за тебя».

«О господин мой, о мой возлюбленный, о прохлада моих глаз, – отвечала она, – разве не знаешь ты, что я замужем за сыном моего дяди и мне отвратителен его вид и ненавистно общение с ним! И если бы я не боялась за тебя, я не дала бы взойти солнцу, как его город

¹⁷ Бандж – индийская разновидность садовой конопли. Из сока, получаемого из его цветов, изготавливается сильное наркотическое средство, известное в Европе под названием «гашиш».

лежал бы в развалинах, где кричат совы и вороны и ютятся лисицы и волки, и камни его я перенесла бы за гору Каф»¹⁸.

«Ты лжешь, проклятая! – воскликнул раб. – Клянусь доблестью чёрных (а не думай, что наше мужество подобно мужеству белых), если ты ещё раз засидишься дома до такого времени, я с того дня перестану дружить с тобой и не накрою твоего тела своим телом. О проклятая, ты играешь с нами шутки себе в удовольствие, о вонючая, о сука, о подлейшая из белых?»

И когда я услышал его слова (а я смотрел и видел и слышал, что у них происходит), мир покрылся передо мною мраком, и я сам не знал, где я нахожусь. А дочь моего дяди стояла и плакала над рабом и унижалась перед ним, говоря ему: «О любимый, о плод моего сердца, если ты на меня разгневаешься, кто пожалеет меня? Если ты меня прогонишь, кто приютит меня, о любимый, о свет моего глаза?» И она плакала и умоляла раба, пока он не простил её, и тогда она обрадовалась и встала и сняла с себя платье и рубаху и сказала: «О господин мой, нет ли у тебя чего-нибудь, что твоя служанка могла бы поесть?» И раб отвечал: «Открой чашку, в ней варёные мышиные кости, – съешь их; а в том горшке ты найдёшь остатки пива, – выпей его». И она поднялась и попила и поела и вымыла руки и рот, а потом подошла и легла с рабом на тростниковые обрезки и, обнажившись, забралась к нему под тряпки и лохмотья. И когда я увидел, что делает дочь моего дяди, я перестал сознавать себя и, спустившись с крыши хижины, вошёл и взял меч, который принесла с собой дочь моего дяди, и обнажил его, намереваясь убить их обоих. Я ударил сначала раба по шее и подумал, что порешил с ним...»

И Шахразад устала говорить, и она прекратила дозволенные речи.

Восьмая ночь

Когда же настала восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что заколдованный юноша говорил царю: «Когда я ударил раба, чтобы отрубить ему голову, я не разрубил яремных вен, а рассёк горло, кожу и мясо, но я думал, что убил его. Он испустил громкое хрипение, и моя жена зашевелилась, а я повернул назад, поставил меч на место, пошёл в город и, войдя во дворец, пролежал в постели до утра. И дочь моего дяди пришла и разбудила меня; и вдруг я вижу – она обрезала волосы и надела одежды печали. И она сказала: «О сын моего дяди, не препятствуй мне в том, что я делаю. До меня дошло, что моя матушка скончалась и отец мой убит в священной войне, а из двух моих братьев один умер ужаленным, а другой свалился в пропасть, так что я имею право плакать и печалиться». И, услышав её слова, я смолчал и потом ответил: «Делай, что тебе вздумается, я не стану тебе прекословить». И она провела, печалась и причитая, целый год, от начала до конца, а через год сказала мне: «Я хочу построить в твоём дворце гробницу вроде купола и уединиться там с моими печальями. И я назову её «Дом печалей». – «Делай, как тебе вздумается», – отвечал я. И она устроила себе комнату для печали и выстроила посреди неё гробницу с куполом, вроде склепа, а потом она перенесла туда раба и поселила его там, а он не приносил ей никакой пользы и только пил вино. И с того дня, как я его ранил, он не говорил, но был жив, так как срок его жизни ещё не кончился. И она стала каждый день ходить к нему утром и вечером, и спускалась под купол и плакала и причитала над ним, и поила его вином и отварами по утрам и по вечерам, и поступала так до следующего года, а я был терпелив с нею и не обращал на неё внимания. Но в какой-то день я внезапно вошёл к ней и увидел, что она плачет, говоря: «Почему ты скрываешься от моего взора, о услада моего сердца? Поговори со мной, душа моя, о любимый, скажи мне что-нибудь! – И она произнесла такие стихи:

Утрачу терпенье я в любви, коль забудете;

¹⁸ Каф – горная цепь, которая, по представлению средневековых мусульманских космографов, опоясывает землю.

И ум и душа моя не знают любви к другим.
Возьмите мой прах и дух, куда ни поедете,
И все остановитесь, предайте земле меня.
И имя моё затем скажите, – ответит вам
Стон долгий костей моих, услышавши голос ваш. –

И потом продолжала, плача:

День счастья – тот день, когда достигну я близости,
А день моей гибели – когда вы уходите.
А если угрозою я смерти напугана,
То слаще спокойствия мне близость с любимыми. –

И ещё:

И если бы жить могла в полнейшем я счастья
И мир я держала б весь в руках и Хосроев¹⁹ власть, –
Все это б не стоило крыла комариного,
Когда б не могли глаза мои на тебя взирать».

Когда же она кончила говорить и плакать, я сказал ей: «О дочь моего дяди, довольно тебе печалиться! Что толку плакать? Это ведь бесполезно».

«Не препятствуй мне в том, что я делаю! Если ты будешь мне противиться, я убью себя», – сказала она; и я смолчал и оставил её в таком положении. И она провела в печали, плаче и причитаниях ещё год, а на третий год я однажды вошёл к ней, разгневанный чем-то, что со мной произошло (а это мучение уже так затянулось!), и нашёл дочь моего дяди у могилы под куполом, и она говорила: «О господин мой, почему ты мне не отвечаешь? – А потом она произнесла:

Могила, исчезла ли в тебе красота его?
Ужели твой свет погас – сияющий лик его?
Могила, не свод ведь ты небес
Так как же слились в тебе
И не гладь земли, месяц и солнце вдруг?

И, услышав её слова и стихи, я стал ещё более гневен, чем прежде, и воскликнул: «Ах, доколе продлится эта печаль! – и произнёс:

Могила, исчезла ли в тебе чернота его?
Ужели твой свет погас – чернеющий лик его?
Могила, не пруд ведь ты стоячий и не котёл,
Так как же слились в тебе и сажа и тина вдруг?»

И когда дочь моего дяди услышала эти слова, она вскочила на ноги и сказала: «Горе тебе, собака! Это ты сделал со мной такое дело и ранил возлюбленного моего сердца и причинил боль мне и его юности. Вот уже три года, как он ни мёртв ни жив!» – «О грязнейшая из шлюх и

¹⁹ Хосрой – имя двух персидских царей из династии Сасанидов. Легенда приписывает им огромное богатство и могущество.

сквернейшая из развратниц, любовниц подкупленных рабов, да, это сделал я!» – отвечал я, и, взяв меч в руку, я обнажил его и направил на мою жену, чтобы убить её. Но она, услышав мои слова и увидав, что я решил её убить, засмеялась и крикнула: «Прочь, собака! Не бывать, чтобы вернулось то, что прошло, или ожили бы мёртвые! Аллах отдал мне теперь в руки того, кто со мной это сделал и из-за кого в моем сердце был неугасимый огонь и неукрываемое пламя!»

И она поднялась на ноги и, произнеся слова, которых я не понял, сказала: «Стань по моему колдовству наполовину камнем, наполовину человеком!» И я тотчас же стал таким, как ты меня видишь, и не могу ни встать, ни сесть, и я ни мёртвый, ни живой. И когда я сделался таким, она заколдовала город и все его рынки и сады. А жители нашего города были четырех родов: мусульмане, христиане, евреи и маги²⁰, и она превратила их в рыб: белые рыбы – мусульмане, красные – маги, голубые – христиане, а жёлтые – евреи. А четыре острова она превратила в горы, окружающие пруд. И, кроме того, она меня бьёт и пытается и наносит мне по сто ударов бичом, так что течёт моя кровь и растерзаны мои плечи. А после того она надевает мне на верхнюю половину тела волосяную одежду, а сверху эти роскошные одеяния». И потом юноша заплакал и произнёс:

«К твоему суду терпелив я буду, о бог и рок!
Буду стоек я, коль угодно это, господь, тебе.
И враждебны были, и злы они, и горды со мной,
Но, быть может, я получу взамен блага райских.
Непосильны мне те несчастья, что гнетут меня,
И к Избранному прибегаю я и Угодному».

И царь обратился к юноше и сказал ему: «О, ты прибавил заботы к моей заботе, после того как облегчил моё горе. Но где она, о юноша, и где могила, в которой лежит раненый раб?» – «Раб лежит под куполом в своей могиле, а она – в той комнате, что напротив двери, – ответил юноша. – Она приходит сюда раз в день, когда встаёт солнце; и как только придёт, подходит ко мне и снимает с меня одежды и бьёт меня сотней ударов бича, и я плачу и кричу, но не могу сделать движения, чтобы оттолкнуть её от себя. А отстегавши меня, она спускается к рабу с вином и отваром и поит его. И завтра, с утра, она придёт».

«Клянусь Аллахом, о юноша, – воскликнул царь, – я не премину сделать с тобой доброе дело, за которое меня будут поминать, и его станут записывать до конца времён!»

После этого царь сел, и они с юношей беседовали до наступления ночи и легли спать; а на заре царь поднялся и снял с себя одежду и, обнажив меч, направился в помещение, где был раб. Он увидел свечи, светильники, курительницы и сосуды для масла и подходил к рабу, пока не дошёл, и тогда он ударил его один раз и убил и, взвалив его на спину, бросил в колодец, бывший во дворце. А потом он вернулся и, закутавшись в одежды раба, лёг в гробницу, и его меч был с ним, вынутый из ножен на всю длину.

И через минуту явилась проклятая колдунья и, как только пришла, сняла одежду с сына своего дяди и, взяв бич, стала бить его. И юноша закричал: «Ах, довольно с меня того, что со мною, о дочь моего дяди! Пожалей меня, о дочь моего дяди!» Но она воскликнула: «А ты пожалел меня и оставил мне моего возлюбленного?» И она била его, пока не устала, и кровь потекла с боков юноши, а потом она надела на него волосяную рубашку, а поверх неё его одежду и после этого спустилась к рабу с кубком вина и чашкой отвара. Она спустилась под купол и стала плакать и стонать и сказала: «О господин мой, скажи мне что-нибудь, о господин мой, поговори со мной! – и произнесла такие стихи:

²⁰ Магами (маджус) мусульмане называют огнепоклонников, последователей древнеиранской религии зороастризма (маздеизма).

До каких же пор отдалён ты будешь и груб со мной?
Не довольно ль слез пролилось моих до сей поры?
До каких же пор ты продлишь разлуку умышленно?
Коль завистнику ты добра желал – исцелился он».

И она опять заплакала и сказала: «Господин мой, поговори со мной, скажи мне что-нибудь!» И царь понизил голос и заговорил заплетающимся языком на наречии чёрных и сказал: «Ах, ах, нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И когда женщина услышала его слова, она вскрикнула от радости и потеряла сознание, а потом очнулась и сказала: «О господин мой, это правда?» А царь ослабил голос и отвечал: «О проклятая, разве ты заслуживаешь, чтобы с тобой кто-нибудь говорил и разговаривал?» – «А почему же нет?» – спросила женщина. «А потому, что ты весь день терзаешь своего мужа, а он зовёт на помощь и не даст мне спать от вечера до утра, проклиная тебя и меня, – сказал царь. – Он меня обеспокоил и повредил мне, и если бы не это, я бы, наверное, поправился. Вот что мешало мне тебе ответить». – «С твоего разрешения я освобожу его от того, что с ним», – сказала женщина. И царь отвечал ей: «Освободи и дай нам отдых».

И она сказала: «Слушаю и повинуюсь!» – и, выйдя из-под купола во дворец, взяла чашку, наполнила её водой и проговорила над нею что-то, и вода в чашке запузырилась и забулькала и стала кипеть, как кипит в котле на огне. Потом женщина обрызгала водой юношу и сказала: «Заклинаю тебя тем, что я произнесла и проговорила; если ты стал таким по моему колдовству и ухищрению, то измени этот образ на твой прежний». И вдруг юноша встряхнулся и встал на ноги, и он обрадовался своему освобождению и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха, да благословит его Аллах и да приветствует!» А она сказала: «Выходи и не возвращайся сюда, иначе я тебя убью!» – и закричала на него; и юноша вышел. А женщина вернулась к куполу, сошла вниз и сказала: «О господин мой, выйди ко мне, чтобы я видела твой прекрасный образ».

И царь сказал ей слабым голосом: «Что ты сделала? Ты избавила меня от ветки, но не избавила от корня!» – «О мой господин, о мой любимый, – спросила она, – а что же есть корень?» И царь воскликнул: «Горе тебе, проклятая! Корень – жители этого города и четырех островов! Каждую ночь, когда наступает полночь, рыбы поднимают головы и вызывают о помощи и проклинаят меня и тебя. Вот причина, мешающая моему выздоровлению. Иди же освободи их скорее и приходи, возьми меня за руку и подними меня. Здоровье уже идёт ко мне».

И когда женщина услышала слова царя (а она думала, что это раб), она обрадовалась и воскликнула: «О господин мой, твой приказ на голове моей и на глазах²¹. Во имя Аллаха!» И она встала, радостная, и побежала, и вышла к пруду, и взяла оттуда немного воды...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятая ночь

Когда же настала девятая ночь, она сказала:

«Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина-колдунья взяла из пруда немного воды и проговорила над нею слова непонятные, – и рыбы запрыгали и подняли головы и тотчас же вышли, и чары оставили жителей города, и город сделался населённым, и торговцы стали

²¹ Эта формула отражает правило мусульманского этикета, согласно которому лицо, получившее письменное приказание или грамоту, прикладывает написанное к голове и лобызает, выражая безусловное повиновение.

продавать и покупать, и всякий принялся за своё ремесло, и острова вновь сделались такими, какими были.

И после этого женщина-колдунья тотчас же пришла к царю и сказала ему: «О любимый, подай мне твою благородную руку и встань». И царь отвечал неслышным голосом: «Подойди ко мне ближе!» И когда она подошла вплотную, царь обнажил меч и ударил её в грудь, и меч вышел, блистая, из её спины. Потом царь опять ударил её и разрубил пополам, и кинул её тело на землю двумя кусками, и вышел, и увидел заколдованного юношу, который стоял в ожидании его, и поздравил его со спасением. И юноша поцеловал царю руку и поблагодарил его, а царь спросил: «Будешь ли жить в твоём городе, или пойдёшь со мной в мой город?» – «О царь нашего времени, – отвечал юноша, – а знаешь ли ты, каково расстояние между тобою и твоим городом?» – «Два с половиной дня пути», – отвечал царь. И юноша воскликнул: «О царь, если ты спишь, проснись! Между тобою и твоим городом целый год пути для спешащего путника, и ты пришёл в два с половиной дня только потому, что город был заколдован. А я, о царь, не покину тебя ни на мгновение ока».

Царь обрадовался и воскликнул: «Слава Аллаху, который милостиво послал мне тебя! Ты мой единственный сын, так как я за всю жизнь не имел ребёнка».

И они обнялись, обрадованные до крайности, а потом пошли и пришли во дворец; и царь, который был заколдован, приказал вельможам своего царства снарядиться в путешествие и приготовить припасы и все, что требовалось по обстоятельствам. И они принялись собираться и собирались десять дней, и юноша выступил с султаном, сердце которого пылало от тоски по его городу, – как это он его оставил! И они поехали, и вместе с ними пятьдесят невольников и большие подарки, и путешествовали непрерывно, днём и ночью, в течение целого года, и Аллах предначертал им безопасность, так что они достигли города и послали известить везиря о благополучном прибытии султана. И везирь и войска выступили, после того как их оставила надежда на возвращение царя, и войска, приблизившись к царю, облобызали перед ним землю и поздравили его с благополучным прибытием. И царь вошёл и сел на престол, а потом он обратился к везиру и рассказал ему все, что случилось с юношей, и везирь, услышав о том, что с ним произошло, поздравил его со спасением; и тогда все успокоились.

И султан наградил многих людей и сказал везиру: «Позови ко мне рыбака, что принёс нам рыб». И послали к рыбаку, который был причиною освобождения жителей города, и его привели, и царь его наградил и расспросил, каково его положение и есть ли у него дети. И рыбак рассказал, что у него есть две дочери и сын, и царь велел привести их и женился на одной, а юноше дал другую дочь, сына же рыбака сделал казначеем. Потом он дал назначение везиру и послал его султаном в город юноши, то есть на чёрные острова, и отослал с ним тех пятьдесят невольников, что пришли вместе с ним, и дал ему награды для всех эмиров. И везирь поцеловал ему руки и в тот же час и минуту выступил, а царь и юноша остались. Что же до рыбака, то он сделался самым богатым человеком своего времени, а его дочери были жёнами царей, пока не пришла к ним смерть. Но это не удивительнее того, что произошло с носильщиком.

Рассказ о носильщике и трех девушках (ночи 9-19)

А именно, был человек из носильщиков, в городе Багдаде, и был он холостой. И вот однажды, в один из дней, когда стоял он на рынке, облокотившись на свою корзину, вдруг останавливается возле него женщина, закутанная в шёлковый мосульский изар²² и в расшитых туфлях, отороченных золотым шитьём, с развевающимися лентами. Она остановилась и подняла своё покрывало, и из-под него показались глаза, ресницы и веки, а женщина была нежна очертаниями и совершенна по красоте. И, обратившись к носильщику, она сказала мягким и ясным голосом: «Бери свою корзину и следуй за мной». И едва носильщик удостоверился в сказанном, как он поспешно взял корзину и воскликнул: «О день счастья, о день помощи!» – и следовал за женщиной, пока она не остановилась у ворот одного дома и не постучала в ворота. Какой-то христианин спустился вниз, и она дала ему динар и взяла у него бутылку оливкового цвета и, положив её в корзину, сказала: «Неси и следуй за мной!»

«Клянусь Аллахом, вот день благословенный, день счастливого успеха!» – воскликнул носильщик и понёс корзину за женщиной. А она остановилась у лавки зеленщика и купила у него сирийских яблок, турецкой айвы, персиков из Омана, жасмина, дамасских кувшинок, осенних огурцов, египетских лимонов, султанских апельсинов и благоуханной мирты, и хенны, и ромашки, анемонов, фиалок, гранат и душистого шиповника, и все это она положила в корзину носильщика и сказала: «Неси!»

И носильщик понёс за ней следом, а она остановилась возле лавки мясника и сказала: «Отрежь десять ритлей²³ мяса». Он отрезал ей, и она заплатила ему и, завернув мясо в лист банана, положила его в корзину и сказала: «Неси, носильщик!» И носильщик понёс вслед за нею. А потом женщина подошла и остановилась у лавки бакалейщика и взяла у него очищенных фисташек, что для Закуски, и тихамского изюма и очищенного миндаля и сказала носильщику: «Неси и следуй за мной!»

И носильщик понёс корзину и последовал за девушкой, а она остановилась у лавки торговца сладостями и купила поднос, на который наложила всего, что было у него: плетёных пирожных и пряженцев, начинённых мускусом, и пастилы, и пряников с лимоном, и марципанов, и гребешков Зейнаб, и пальцев, и глотков кади, и всякого рода сладостей, которыми она наполнила поднос, а поднос положила в корзину. И носильщик сказал ей: «Если бы ты дала мне знать, я привёл бы с собою ослёнка, чтобы нагрузить на него эти припасы». И женщина улыбнулась и, ударив его рукой по затылку, сказала: «Ускорь шаг и не разговаривай много! Твоя плата тебе достанется, если захочет Аллах великий».

И женщина остановилась возле москательщика и взяла у него воду десяти сортов: розовую воду, померанцевую, сок кувшинок и ивовый сок, и ещё взяла две головы сахара и обрызгиватель с розовой водой с мускусом, и крупинки ладана, и алоэ, и амбру, и мускус, и александрийских свечей, и все это она положила в корзину и сказала: «Возьми твою корзину и следуй за мной!» И носильщик взял корзину и пошёл за женщиной.

Женщина подошла к красивому дому с широким двором перед ним, высоко построенному, с высившимися колоннами, а ворота его с двумя створами из чёрного дерева были выложены полосками из червонного золота. Она остановилась у ворот и, откинув с лица покрывало, постучала тихим стуком, а носильщик сиял позади неё и непрестанно размышлял о её красоте и прелести. Вдруг ворота отворились, и распахнулись оба створа, и носильщик взглянул, кто открыл ей ворота, и видит – высокая ростом, с выпуклой грудью, красивая, прелестная, блестящая и совершенная, стройная и соразмерная, с сияющим лбом и румяным лицом,

²² Изар – кусок полотняной или шёлковой ткани, в который заворачиваются арабские женщины, выходя на улицу.

²³ Ритль – мера веса, несколько меньше пятисот граммов.

с глазами, напоминающими серн и газелей, и бровями, подобными луку новой луны в шабан²⁴. Её щеки были как анемоны, и рот как соломонова печать²⁵, и алые губки как коралл, и зубки как стройно нанизанный жемчуг или цветы ромашки, а шея как у газели, и грудь словно мраморный бассейн с сосками точно гранат, и прекрасный живот, и пупок, вмещающий унцию орехового масла, как сказал о ней поэт:

Посмотри на солнце дворцов роскошных и месяц их,
На цветок лаванды и дивный блеск красоты его!
Не увидит глаз столь прекрасного единения
С белым чёрного, как лицо её и цвет локонов.

И, лицом румяна, красой своей говорит она
О своём прозванье, хоть свойств прекрасных в нем нет её.
Изгибается, и смеюсь я громко над бёдрами,
Изумляясь им, но готов я слезы над станом лить.

И когда носильщик взглянул на неё, его ум и сердце были похищены, и корзина чуть не упала с его головы. «Я в жизни не видал дня, благословеннее этого!» – воскликнул он, а женщина-привратница сказала покупавшей: «Входи и сними тяжесть с этого бедного носильщика!» И покупавшая вошла, а за нею привратница и носильщик, и они пошли и достигли просторного двора с колоннадой, с пристройками, сводами, беседками и скамьями, – чуланами и кладовыми, над которыми были опущены занавеси, а посреди двора был большой водоём, полный воды, и в нем челнок. А на возвышении было ложе из можжевельника, выложенное драгоценными камнями, над которым был опущен полог из красного атласа с жемчужными застёжками величиной с орех и больше, и из-за него показалась молодая женщина сияющей внешности и приятного вида, с дивными чертами и лунолика, с глазами чарующими, осенёнными изогнутым луком бровей. Её стан походил на букву алиф²⁶, и дыхание её благоухало амброй, и коралловые уста её были сладостны, и лицо её своим светом смущало сияющее солнце. Она была словно одна из вышних звёзд или купол, возведённый из золота, или арабский курдюк, или же невеста, с которого сняли покрывало, как сказал о ней поэт:

Смеясь, она как будто являет нам
Нить жемчуга, иль ряд градин, иль ромашек;
И прядь волос, как мрак ночной, спущена,
И блеск её сиянье утра смущает.

И третья женщина поднялась с ложа и не спеша подошла к сёстрам и сказала: «Чего вы стоите? Спустите тяжесть с головы этого бедного носильщика!» И покупавшая зашла спереди, а привратница сзади, и третья помогла им. И они сняли корзину с носильщика и вынули то, что было в корзине, и разложили все по местам и дали носильщику два динара и сказали: «Отправляйся, носильщик!» Но тот смотрел на девушек, таких красивых и прекрасных, каких он ещё не видел, а между тем у них не было мужчин. Он глядел на напитки, плоды и благовония и прочёл, что было у них, и, удивлённый до крайности, медлил уходить. «Что с тобой, почему же ты не идёшь? – спросила его женщина. – Ты как будто находишь плату слишком малой?» И, обратившись к своей сестре, она сказала ей: «Дай ему ещё динар».

²⁴ Шабан – восьмой месяц мусульманского года.

²⁵ Соломонова печать – растение из семейства лилейных, с цветком которого здесь сравниваю здесь уста красавицы.

²⁶ Алиф – первая буква арабского алфавита, изображается в виде вертикальной черты.

Но носильщик воскликнул: «О госпожа, я не нахожу, что мне заплатили мало, и моя плата не составит и двух дирхемов, но моё сердце и ум заняты вами: как это вы здесь одни, и возле вас нет мужчин, и никто вас не развлекает. Вы знаете, что минарет не стоит иначе, как на четырех подпорах, а у вас нет четвёртого. Женщинам хорошо играть лишь с мужчинами, ведь сказано:

Не видеть – четыре тут для радости собраны:
И лютия, и арфа здесь, и цитра, и флейта.
Четыре цветка тому вполне соответствуют:
Гвоздика, и анемон, и мирта, и роза.
Четыре нужны ещё, чтоб было прекрасно все:
Вино, и цветущий сад, динар, и любимый.

А вас трое, и вам нужен четвёртый, который был бы мужем разумным, проницательным и острым, и хранителем тайн».

И когда девушки услышали слова носильщика, который им понравились, они засмеялись и сказали: «Кто же будет для нас таким? Мы девушки и боимся доверить тайну тому, кто не сохранит её. Мы читали в каких-то преданиях, что сказал ибн ас-Сумам:

Храни свою тайну, её не вверяй;
Доверивший тайну тем губит её.
Ведь если ты сам свои тайны в груди
Не сможешь вместить, как вместить их другим?
Об этом же сказал, и отлично сказал, Абу-Новас²⁷:
«Кто людям поведает тайну свою –
Достоин тот знака позора на лбу».

Услышав эти слова, носильщик воскликнул: «Клянусь вашей жизнью, я человек разумный и достойный доверия, и я читал книги и изучал летописи. Я проявляю хорошее и скрываю скверное, ведь поэт говорит:

Лишь тот может тайну скрыть, кто верен останется,
И тайна сокрытою у лучших лишь будет;
Я тайну в груди храню как в доме с запорами,
К которым потерял ключ, а дверь за печатью».

Услышав столь искусно нанизанные стихи, девушки сказали носильщику: «Ты знаешь, что мы потратили на трапезу много денег; есть ли у тебя что-нибудь, чтобы возместить нам? Мы не позволим тебе сидеть у нас и стать нашим сотрапезником и глядеть на наши светлые и прекрасные лица, пока ты не заплатишь сколько-нибудь денег. Разве не слышал ты пословицу: «Любовь без гроша не стоит и зёрнышка»?» А привратница добавила: «Есть у тебя что-нибудь, о мой любимый, тогда ты сам – что-нибудь, а нет у тебя ничего, – и иди без ничего». – «О сестрицы, – сказала тогда покупавшая, – отстаньте от него. Клянусь Аллахом, он сегодня ничем не погрешил перед нами, и будь тут другой, он не был бы с нами так терпелив. Что с него ни придётся, я заплачу за него». И носильщик обрадовался и поцеловал землю и поблагодарил, и тогда та, что была на ложе, сказала: «Клянусь Аллахом, мы оставим тебя сидеть у нас только с

²⁷ Абу-Новас – один из значительнейших арабских поэтов эпохи расцвета халифата (убит около 810 года н. э.). В своих стихах он выступает как певец любви и вина и как язвительный, хотя несколько грубоватый, сатирик.

одним условием: чтобы ты не спрашивал о том, что тебя не касается; а станешь болтать лишнее, так будешь бит». – «Я согласен, о госпожа, – отвечал носильщик. – На голове и на глазах! Вот я уже без языка».

И покупавшая встала и, затянув пояс, расставила кружки и процедила вино. Она расположила зелень около кувшина и принесла все, что было нужно, а потом поставила вино и села вместе с сёстрами, а носильщик сел между ними и думал, что он во сне. Потом она взяла флягу с вином и, наполнив первый кубок, выпила его, а за ним второй и третий, а потом наполнила и подала носильщику и произнесла:

«Пей во здравье, радостью наслаждаясь!
Вот напиток, что болезни излечит».

А носильщик взял чашу в руку и поклонился и поблагодарил и произнёс:

«Не должно нам кубок пить иначе, как с верными,
Чей род благородно чист и к предкам возводится.
С ветрами сравню вино: над садом летя, несут
Они благовоние, над трупами – вонь одну. –

И ещё произнёс:

Вино ты бери из рук газели изнеженной,
Что парностью свойств тебе и она подойдёт.

Потом носильщик поцеловал женщинам руки и выпил, и опьянел, и закачался, и сказал:

«Кровь любую запретно пить по закону,
Кроме крови лозы одной винограда.
Напой же, о лань, меня – и отдам я
К богатство, и жизнь мою, и наследство».

После этого женщина наполнила чашу и подала её средней сестре, а та взяла чашу у неё из рук и поблагодарила и выпила, а затем наполнила чашу и подала её той, что лежала на ложе, а после того она налила другую чашу и протянула её носильщику, который поцеловал перед ней землю и поблагодарил и выпил и произнёс слова поэта:

«Дай же, дай, молю Аллахом,
Мне вино ты в чашах полных!
Дай мне чашу его выпить,
Это, право, вода жизни!»

Потом он подошёл к госпоже жилища и сказал: «О госпожа моя, я твой раб, и невольник, и слуга! – и произнёс:

Здесь раб у дверей стоит, один из рабов твоих;
Щедроты и милости твои всегда помнит он.
Войти ли, красавица, ему, чтоб он видеть мог
Твою красоту? Клянусь любовью, останусь я!»

И она сказала: «Будь спокоен, пей на здоровье, да пойдёшь ты по пути благоденствия!»
И носильщик взял чашу и, поцеловав руку девушки, произнёс:

И подал ей древнее, ланитам подобное,
И чистое; блеск его как утро сияет.
К губам поднося его, смеясь, она молвила:
«Ланиты людей в питьё ты людям подносишь».

И молвил в ответ я:

«Пей – то слезы мои, и кровь
Их красными сделала; сварили их вздохи».

А она, в ответ ему, сказала такой стих:

«Коль плакал по мне, мой друг, ты кровью, так дай сюда,
Дай выпить её скорей! Тебе повинуюсь!»

И женщина взяла чашу и выпила её и сошла с ложа к своей сестре, и они не переставали (и носильщик меж ними) пить, плясать и смеяться и петь и произносить стихи и строфы, и носильщик стал с ними возиться, целоваться, и кусаться, и гладил, и щипал, и хватал, и повесничал, а они – одна его покормит, другая ударит, та даст пощёчину, а эта поднесёт ему цветы. И он проводил с ними время приятнейшим образом и сидел словно в раю среди большеглазых гурий.

И так продолжалось, пока вино не заиграло в их головах и умах; и когда напиток взял власть над ними, привратница встала и сняла одежды и, оставшись обнажённой, распустила волосы покровом и бросилась в водоём. Она стала играть в воде и плескалась и плевалась и, набрав воды в рот, обрызгала носильщика, а потом она вымыла свои члены и то, что между бёдрами и, выйдя из воды, бросилась носильщику на колени и сказала: «О господин мой, о мой любимый, как называется вот это?» – и показала на свой фардж. «Твоя матка», – отвечал носильщик, но она воскликнула: «Ой, и тебе не стыдно?» – и, взяв его за шею, надавала ему подзатыльников. И носильщик сказал: «Твой фардж», – но она ещё раз ударила его по затылку и воскликнула: «Ай, ай, как гадко! Тебе не стыдно?» – «Твой кусе!» – воскликнул носильщик, но женщина сказала: «Ой, и тебе не совестно за твою честь?» – и ударила его рукой. «Твоя оса!» – закричал носильщик, и старшая принялась бить его, приговаривая: «Не говори так!» И всякий раз, как носильщик говорил какое-нибудь название, они прибавляли ему ударов, так что затылок его растаял от затрецин, и его сделали посмешищем. «Как же это, по-вашему, называется?» – взмолился он наконец, и привратница сказала: «Базилика храбреца!» И тогда носильщик воскликнул: «Слава Аллаху за спасение! Хорошо, о базилика храбреца!»

Потом они пустили чашу в круг, и вторая женщина встала и, сняв с себя одежды, бросилась носильщику на колени и спросила, указывая на свой хирр: «О свет глаз моих, как это называется?» – «Твой фардж», – сказал он, но она воскликнула: «Как тебе не гадко? – и дала ему затрецину, от которой зазвенело все в помещении. – Ой, ой, как ты не стыдишься?» – «Базилика храбреца!» – закричал носильщик, но она воскликнула: «Нет!» – и удары и затрецины посыпались ему на затылок, а он говорил: «Твоя матка, твой кусе, твой фардж, твоя срамота!» – но они отвечали. «Нет, нет!»

«Базилика храбреца!» – опять закричал носильщик, и все три так засмеялись, что опрокинулись навзничь. И они снова стали бить его по шее и сказали: «Нет, это не так называется!» – «Как же это называется, о сестрицы?» – воскликнул он, и девушка сказала: «Очищен-

ный кунжут!» Затем она надела свою одежду, и они сели беседовать, и носильщик охал от боли в шее и плечах.

И чаша ходила между ними некоторое время, и потом старшая среди них, красавица, поднялась и сняла с себя одежды, и тогда носильщик схватился реками за шею, потёр её и воскликнул: «Моя шея и плечи потерпят ещё на пути Аллаха!» И женщина обнажилась и бросилась в водоём, и нырнула, и поиграла, и вымылась, а носильщик смотрел на неё обнажённую, похожую на отрезок месяца, с лицом подобным луне, когда она появляется, и утру, когда оно засияет. Он взглянул на её стан и грудь и на тяжкие и подрагивающие бедра, и она была нагая, как создал её господь, и носильщик воскликнул: «Ах! ах! – и произнёс, обращаясь к ней:

Когда бы тебя сравнил я с веткой зеленою,
Взвалил бы на сердце я и горе и тяжесть.
Ведь ветку находим мы прекрасней одетою,
Тебя же находим мы прекрасней нагою».

И, услышав эти стихи, женщина вышла из водоёма и, подойдя к носильщику, села ему на колени и сказала, указывая на свой фардж: «О господин мой, как это называется?» – «Базилика храбреца», – ответил носильщик, но она сказала: «Ай! ай!» И он вскричал: «Очищенный кунжут!», но она воскликнула: «Ох!» – «Твоя matka», – сказал тогда носильщик, но женщина вскричала: «Ой, ой, не стыдно тебе?» – и ударила его по затылку. И всякий раз, как он говорил ей: «Это называется так-то», – она била его и отвечала: «Нет! нет!» – пока, наконец, он не спросил: «О сестрица, как же это называется?» – «Хан Абу-Мансура», – отвечала она, и носильщик воскликнул: «Слава Аллаху за спасение, ха, ха, о хан Абу-Мансура! «И женщина встала и надела свои одежды, и они вновь принялись за прежнее, и чаши некоторое время ходили между ними, а потом носильщик поднялся и, сняв с себя одежду, сошёл в водоём, и они увидели его плывущим в воде. Он вымыл у себя под бородой и под мышками и там, где вымыли женщины, а потом вышел и бросился на колени их госпожи, закинув руки на колени привратницы, а ноги на колени покупавшей припасы. И он показал на свой зебб и спросил: «О госпожи мои, как это называется?» – и все так засмеялись его словам, что упали навзничь, и одна из них сказала: «Твой зебб», – но он ответил: «Нет!» – и укусил каждую из них по разу. «Твой айр», – сказали они, но он ответил: «Нет!» – и по разу обнял их...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Десятая ночь

Когда же настала десятая ночь, сестра её Дуньязада сказала ей: «Докончи нам твой рассказ».

И Шахразада ответила: «С любовью и охотой. Дошло до меня, о счастливый царь, что они, не переставая, говорили носильщику: «Твой айр, твой зебб, твой кол», а носильщик целовал, кусал, и обнимал, пока его сердце не насытилось ими, а они смеялись и, наконец, спросили его: «Как же это называется, о брат наш?» – «Вы не знаете имени этого?» – воскликнул он, и они сказали: «Нет», и тогда он ответил: «Это всесокрушающий мул, что пасётся на базилике храбреца и кормится очищенным кунжутом и ночует в хане Абу-Мансура!»

Девушки так засмеялись, что опрокинулись навзничь, а затем они снова принялись беседовать, и это продолжалось, пока не подошла ночь. И тогда они сказали носильщику: «Во имя Аллаха, о господин, встань, надень башмаки и отправляйся! Покажи нам ширину твоих плеч». Но носильщик воскликнул: «Клянусь Аллахом, мне легче, чтобы вышел мой дух, чем самому уйти от вас! Давайте доведём ночь до дня, а завтра каждый из нас пойдёт своей дорогой». И тогда та, что делала покупки, сказала: «Заклинаю вас жизнью, оставьте его спать у нас, –

мы над ним посмеёмся! Кто доживёт до того, чтобы ещё раз встретиться с таким, как он? Он ведь весельчак и остряк!» И они сказали: «Ты проведёшь у нас ночь с условием, что подчинишься власти и не станешь спрашивать ни о чем, что бы ты ни увидел, и о причине этого». – «Хорошо», – ответил носильщик, и они сказали: «Встань, прочти, что написано на дверях».

Носильщик поднялся и увидел на двери надпись золотыми чернилами: Кто станет говорить о том, что его не касается, услышит то, что ему не понравится. И тогда он воскликнул: «Будьте свидетелями, что я не стану говорить о том, что меня не касается!» После этого покупавшая встала и приготовила ему еду, и они поели и потом зажгли свечи и светильники и подсыпали в них амбру и алоэ. Они сидели и пили, вспоминая любимых, а потом пересели на другое место и поставили свежие плоды и напитки и продолжали есть и пить, беседовать, закусывать, смеяться и повесничать. Но вдруг постучали в дверь, и одна из женщин пошла к двери, а затем вернулась и сказала: «Наше веселье стало полным сегодня вечером». – «А что такое?» – спросили её, и она ответила: «У двери три чужеземца, – календеры²⁸, с выбритыми подбородками, головами и бровями, и все трое кривы на правый глаз, а это удивительное совпадение. Они похожи на возвратившихся из путешествия. Они прибыли в Багдад и впервые вступили в каш город. А получали в дверь они потому, что не нашли места, где провести ночь, и подумали: «Может быть, хозяин этого дома даст нам ключ от стойла или хижины, где мы сегодня переночуем». Их застиг вечер, а они чужестранцы и не знают никого, у кого бы приютиться. О сестрицы, у них у всех смешной вид...» И она до тех пор подлаживалась к сёстрам, пока те не сказали: «Пусть их входят, но поставь им условие, чтоб они не говорили о том, что их не касается, а не то услышат то, что им не понравится!»

И женщина обрадовалась и пошла и вернулась, и с нею трое кривых, с обритыми подбородками и усами. Они поздоровались и поклонились и отошли назад, а женщины поднялись им навстречу и приветствовали их и поздравили с благополучием и посадили их. И календеры увидели нарядное помещение и чисто убранную трапезу, уставленную зеленью, горящими свечами и дымящимися курильницами и закусками и плодами и вином, и трех невинных девушек, и воскликнули вместе: «Клянёмся Аллахом, хорошо!» Потом они обернулись к носильщику и нашли, что он весел, устал и пьян, и, увидев его, они сочли его одним из своих же и сказали: «Он календер, как и мы, он чужестранец или кочевник». И когда носильщик услышал эти слова, он встал и, вперив в них взор, воскликнул: «Сидите и не болтайте! Разве вы не прочли то, что на двери? Вы вовсе не факиры!²⁹ Вы пришли к нам и распускаете о нас языки!» И календеры ответили: «Просим прощения у Аллаха, о факир! Наши головы перед тобою». Женщины засмеялись и, поднявшись, помирили календеров с носильщиком и подали календерам еду. И те поели и сидели беседуя, и привратница поила их, и чаша ходила между ними, и носильщик сказал календерам: «А вы, о братья, нет ли у вас какой-нибудь истории или диковинки, чтобы рассказать нам?» И жар разлился по ним, и они потребовали музыкальные инструменты, и привратница принесла им бубён, лютню и персидскую арфу, и календеры встали и настроили инструменты, и один из них взял бубён, другой лютню, а третий арфу, и они начали играть и петь, а девушки закричали так, что поднялся большой шум. И когда они так развлекались, вдруг постучали в дверь, и привратница встала, чтобы посмотреть, кто у двери.

А в дверь постучали потому, о царь, – говорила Шахразада, – что в эту ночь халиф Харун ар-Рашид³⁰ вышел пройтись и послушать, не произошло ли чего-нибудь нового, вместе со своим везирем Джафаром и Масруром, палачом его мести (а халиф имел обычай переодеваться в одежды купцов). И когда они вышли этой ночью и пересекли город, их путь пришёлся

²⁸ Календеры – монашеский орден, члены которого жили подаянием. Они носили одежду особого покроя и брили себе головы и бороды.

²⁹ Факир – нищенствующий монах.

³⁰ Харун-ар-Рашид – арабский халиф, правил в 709–809 годах. Исторический Харун ар-Рашид был непопулярен среди своих подданных и мало похож на героя сказок 1001 ночи.

мимо этого дома, и они слышали музыку и пение, и халиф сказал Джафару: «Я хочу войти в этот дом и услышать эти голоса и увидеть их обладателей». – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – это люди, которых забрал хмель, и я боюсь, что нас постигнет от них зло». – «Я непременно войду туда!» – сказал халиф, – и я хочу, чтобы ты придумал, как нам войти к ним». И Джафар отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» Потом Джафар подошёл и постучал в дверь, и привратница вышла и открыла дверь, и Джафар выступил вперёд, облобызал землю и сказал: «О госпожа, мы купцы из Табарии³¹. Мы в Багдаде уже десять дней, и мы продали свои товары, а стоим мы в хане купцов. И один купец пригласил нас сегодня вечером, и мы пошли к нему, и он предложил нам поесть, и мы поели, а потом мы некоторое время с ним беседовали, и он разрешил нам удалиться. И мы, чужеземцы, вышли ночью и сбились с дороги к хану, где мы стоим, и может быть, вы будете милостивы и позволите войти к вам сегодня ночью и переночевать, а вам будет небесная награда». Привратница посмотрела на пришедших, которые были одеты как купцы и имели почтённый вид, и, войдя к своим сёстрам, передала рассказ Джафара, и они опечалились и сказали ей: «Пусть войдут».

Тогда она вернулась и открыла им дверь, и они спросили: «Входить нам с твоего разрешения?» – «Входите», – сказала привратница, и халиф с Джафаром и Масруром вошли, и когда девушки увидели их, они поднялись им навстречу и посадили их и оказали им почтение и сказали: «Простор и уют гостям, но у нас есть для вас условие». – «Какое же?» – спросили они, и девушки ответили: «Не говорите о том, что вас не касается, а не то услышите то, что вам не понравится». И они ответили им: «Хорошо!» Потом они сели пить и беседовать, и халиф посмотрел на трех календеров и увидел, что они кривые на правый глаз, и изумился этому, а взглянув на девушек, столь красивых и прекрасных, он пришёл в недоумение и удивился. Затем начались беседы и разговоры, и халифу сказали: «Пей!», но он ответил: «Я намереваюсь совершить паломничество»³². И тогда привратница встала и, принеся скатерть, шитую золотом, поставила на неё фарфоровую кружку, в которую влила ивового соку и положила туда ложку снега и кусок сахара, и халиф поблагодарил её и сказал про себя: «Клянусь Аллахом, я непременно вознагражу её завтра за её благой поступок!»

И они занялись беседой, и, когда вино взяло власть, госпожа дома встала и поклонилась им, а потом взяла за руку ту, что делала покупки, и сказала: «О сестрицы, исполним наш долг», – и сестры ответили: «Хорошо!» И тогда привратница встала, прибрала помещение, выбросила очистки, переменила куренья и вытерла середину покоя. Она посадила календеров на скамью у возвышения, а халифа, Джафара и Масрура на скамью на другом конце покоя, а потом крикнула носильщику: «Как ничтожна твоя любовь! Ты ведь не чужой, а из обитателей дома!» И носильщик встал и сказал, затянув пояс: «Что тебе нужно?» И она ответила ему: «Стой на месте!» Потом поднялась та, что делала покупки, и поставила посреди покоя скамеечку, а затем она открыла чуланчик и сказала носильщику: «Помоги мне!» И носильщик увидел двух чёрных сук, на шее у которых были цепи, и женщина сказала ему: «Возьми их», – и носильщик взял сук и вышел с ними на середину помещения.

Тогда хозяйка дома встала и, обнажив руки до локтя, взяла бич и сказала носильщику: «Выведи одну из этих сук!» И носильщик вывел суку, таща её на цепи, и она плакала и головой тянулась по направлению к женщине, а та принялась бить её по голове, и сука кричала, а женщина била её, пока у неё не устали руки. И тогда она бросила бич и, прижав суку к груди, вытерла ей слезы и поцеловала её в голову, а затем она сказала носильщику: «Возьми её и подай вторую». И носильщик привёл, и женщина сделала с ней то же, что с первой.

³¹ Талбария (древняя Тизериада) – город в Палестине.

³² Собираясь в паломничество, мусульмане тщательно соблюдают предписания своей религии, которая, как известно, запрещает пить вино.

Сердце халифа обеспокоилось, и его грудь стеснилась, и ему не терпелось узнать, в чем дело с этими двумя суками. И он подмигнул Джафару, но тот повернулся к нему и знаком сказал: «Молчи!»

Затем госпожа жилища обратилась к привратнице и сказала ей: «Вставай и исполни то, что тебе надлежит», – и та ответила: «Хорошо!» Потом она поднялась на ложе (а оно было из можжевельника, выложенное полосками золота и серебра) и сказала привратнице и той, что делала покупки: «Подайте, что есть у вас!» И привратница поднялась и села возле неё, а та, что закупала приправы вошла в одно из помещений и вышла, неся чехол из атласа с зелёными лентами и двумя солнцами из золота, и, остановившись перед госпожой жилища, она распустила чехол и вынула оттуда лютню для пения. Она настроила струны и подтянула колки и, наладив лютню как следует, произнесла такие стихи:

«Ты цель моя и желанье
И близость к вам, любимые,
В ней вечное блаженство,
А даль от вас – огонь.

Безумен я из-за вас же,
И в вас влюблён все время я,
И если вас люблю я,
Позора нет на мне.

Слетели с меня покровы,
Как только я влюбился в вас;
Любовь всегда покровы
Срывает со стыдом.

Оделся я в изнуренье
И ясно – не виновен я,
И сердце только вами
В любви и смущено.

Ты, изливаясь, слезы,
И тайна всем ясна моя,
Известны стали тайны
Благодаря слезам.

Лечите мои недуги:
Ведь вы – лекарство и болезнь.

А затем женщина воскликнула: «Ради Аллаха, сестрица, исполни свой долг передо мной и подойди ко мне!» И та, что делала покупки, ответила: «С любовью и охотой!» Она взяла лютню, прислонила её к груди и, уцепив струны пальцами, произнесла:

«На разлуку вам жалуясь, – что мы скажем?
А когда до тоски дойдём – где же путь наш?
Иль пошлём мы гонца за нас с изъяснением?
Но не может излить гонец жалоб страсти.

Иль стерпеть нам? Но будет жить ведь влюблённый,
Потерявший любимого, лишь немного.
Будет жить он в тоске одной и печали,
И ланиты зальёт свои он слезами.

О, сокрытый от глаз моих и ушедший,
По живущий в душе моей неизменно!
Тебя встречу ль? И помнишь ли ты обет мой.
Что продлится, пока текут эти годы?

Иль забыл ты, вдали, уже о влюблённом,
Что довольно уж слез пролил, изнурённый?
Ах! И если сведёт любовь нас обоих,
Будут длиться упрёки наши немало».

И, услышав вторую касыду, госпожа жилища закричала: «Клянусь Аллахом, хорошо!» – и, опустив руку, разорвала свои одежды, как в первый раз, и упала на землю без памяти. А покупавшая встала и брызнула на неё водой и надела на неё вторую одежду, и тогда она поднялась и села и сказала своей сестре, которая закупала припасы: «Прибавь мне и уплати мой долг сполна. Осталась только эта мелодия»:

И покупавшая взяла лютню и произнесла такие стихи:

«До каких же пор отдалён ты будешь и гроб со мной?
Не довольно ль слез пролилось моих до сей поры?
До каких же пор ты продлишь разлуку умышленно?
Коль завистнику ты добра желал – исцелился он.

Коль коварный рок справедлив бы был ко влюблённому,
Никогда б ночей он не знал без сна, страстью мучимый.
Пожалей меня; я измучена твоей грубостью;
Не пора ль тебе, повелитель мой, благосклонней стать?

О убийца мой! Расскажу кому о любви своей?
Как обманут тот, кто печалится, коль любовь мала!
Моя страсть все больше, и слез моих все сильнее ток,
И разлуки дни, что текут, сменяясь, так тянутся!

Правоверные! За влюблённого отомстите вы,
Друга бдения. Уж терпенья стан опустел совсем.
Дозволяет ли, о желанный мой, то любви закон,
Чтоб далёк был я, а другой высок в единенья стал?

И могу ли я наслаждаться миром вблизи него?
О, доколь любимый стараться будет терзать меня?»

И когда женщина слышала третью касыду, она вскрикнула, и разорвала свою одежду, и упала на землю без памяти в третий раз, и опять стали видны следы ударов бичами. И календеры воскликнули: «Чтобы нам не входить в этот дом и переночевать на свалке! Наша трапеза расстроена тем, от чего разрывается сердце». И халиф обратился к ним и спросил: «Почему

это?» – и они сказали: «Наше сердце смущено этим делом». – «Разве вы не из этого дома?» – спросил халиф. «Нет, – отвечали они, – мы увидели это место только сейчас». И халиф удивился и воскликнул: «Но тот человек, что подле вас, знает их дело!» Он мигнул носильщику, и того спросили об этом, и носильщик сказал: «Клянусь Аллахом, все мы в любви одинаковы! Я вырос в Багдаде, но в жизни не входил в этот дом до сегодняшнего дня, и моё пребывание у них – диво». – «Мы считали, клянёмся Аллахом, что ты принадлежишь к ним, а теперь видим, что ты такой же, как мы», – сказали они. И халиф вскричал: «Нас семеро мужчин, а их трое женщин, и у них нет четвёртого! Спросите их, что с ними, и если они не ответят по доброй воле, то ответят насильно». И все согласились с этим, но Джафар сказал: «Не таково моё мнение! Оставьте их – мы у них гости, и они поставили нам условие, и мы его приняли, как вы знаете. Предпочтительней молчать об этом деле. Ночи осталось уже немного, и каждый из нас пойдёт своею дорогою». Он мигнул халифу и сказал ему: «Осталось не больше часу, а завтра ты их призовёшь пред лицо своё и спросишь их». Но халиф поднял голову и закричал гневно: «Мне не терпится больше. Пусть календеры их спросят!» – «Моё мнение не таково», – сказал Джафар. И они стали друг с другом переговариваться о том, кто же спросит женщин раньше, и они, наконец, сказали: «Носильщик!»

Тут госпожа жилища спросила их: «О люди, о чем вы шепчетесь?» И носильщик поднялся и сказал: «О госпожа моя, эти люди хотели бы, чтобы ты рассказала им историю собак: в чем дело, отчего ты их мучаешь, а потом плачешь и целуешь их, и рассказала бы также о твоей сестре, и почему её били бичами, как мужчину? Вот их вопросы к тебе».

И женщина, госпожа жилища, спросила гостей: «Правда ли то, что он говорит про вас?» И все отвечали: «Да», – кроме Джафара, который промолчал. И когда женщина услышала их слова, она воскликнула: «Поистине, о гости, вы обидели меня великой обидой! Ведь мы раньше условились с вами, что те, кто станут говорить о том, что их не касается, услышат то, что им не понравится! Недостаточно вам, что мы ввели вас в наш дом и накормили нашей пищей? Но вина не на вас, вина на том, кто привёл вас к нам». Затем она обнажила руки, ударила три раза об пол и воскликнула: «Поторопитесь!»

Вдруг открылась дверь чулана, и оттуда вышли семь рабов с обнажёнными мечами в руках. «Скрутите этих многоречивых и привяжите их друг к другу!» – воскликнула она. И рабы сделали это и сказали: «О почтённая госпожа, прикажи нам снять с них головы». – «Дайте им ненадолго отсрочку, пока я спрошу их, кто они, прежде чем им собьют головы», – сказала женщина.

И носильщик воскликнул: «О покров Аллаха! О госпожа моя, не убивай меня по вине других! Все они погрешили и сделали преступление, кроме меня. Клянусь Аллахом, наша ночь была бы хороша, если бы мы избежали этих календеров, которые, войди они в населённый город, превратили бы его в развалины. Ведь говорит же поэт:

Прекрасно прощенье от властных всегда,
Особенно тем, кто защиты лишён.
Прошу я во имя взаимной любви:
Одних за других ты не вздумай убить».

И когда носильщик кончил говорить, женщина засмеялась...» И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Когда же настала одиннадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина засмеялась от гнева и, обратившись ко всем, сказала: «Расскажите мне свою историю, – вашей жизни остался только час. Если бы вы не были знатными и вельможами своего народа или судьями, вы, наверно, не осмелились бы на это».

«Горе тебе, о Джафар, – сказал тогда халиф, – осведоми её о нас, а иначе мы будем убиты по ошибке. И говори с ней получше, или нас постигнет несчастье!» «Это лишь часть того, что ты заслуживаешь», – отвечал Джафар. И халиф закричал на него: «Для шуток своё время, а для дела своё!»

А между тем женщина подошла к календерам и спросила их: «Вы братья?» – и они ответили: «Нет, клянёмся Аллахом, мы только факиры и чужеземцы».

«Ты родился кривым?» – спросила она одного из них, и он ответил: «Нет, клянусь Аллахом! Со мной случилась изумительная история и диковинное дело, и у меня вырвали глаз, и моя повесть такова, что, будь она написана иглами в уголках глаза, она стала бы назиданием для поучающихся». И она спросила второго и третьего, и они ответили то же, что первый, и сказали: «Клянёмся Аллахом, о госпожа, все мы из разных стран, и мы сыновья царей и правителей над землями и рабами». И тогда она обратилась к ним и сказала: «Пусть каждый из вас расскажет нам свою историю и причину своего прихода к нам, а потом пригладит голову и отправится своей дорогой».

И носильщик выступил первым и сказал: «О госпожа моя, я носильщик, меня нагрестила эта закупщица и пошла со мной от дома виноторговца к лавке мясника, а от лавки мясника к торговцу плодами, а от него к бакалейщику, а от бакалейщика к продавцу сладостей и москательщику, от них же сюда, и у меня случилось с вами то, что случилось. И вот весь мой рассказ, и конец!» И женщина засмеялась и сказала: «Пригладь свою голову и иди!» – И носильщик воскликнул: «Не уйду, пока не услышу рассказов моих товарищей!»

Рассказ первого календера (ночи 11–12)

Тогда выступил вперёд первый календер и сказал ей: «О госпожа моя, знай, что причина того, что у меня обрит подбородок и выбит глаз, вот такая: мой отец был царём, и у него был брат, и брат этот царствовал в другом городе. И совпало так, что моя мать родила меня в тот же день, как родился сын моего дяди, и прошли лета, годы и дни, и оба мы выросли. И я посещал моего дядю и жил у него многие месяцы, и сын моего дяди оказывал мне крайнее уважение и резал для меня скот и процеживал вино. И однажды мы сели пить, и когда напиток взял власть над нами, сын моего дяди сказал мне:

«О сын моего дяди, у меня к тебе большая просьба, и я хочу, чтобы ты мне не прекословил в том, что я намерен сделать». – «С любовью и охотой», – ответил я ему.

И он заручился от меня великими клятвами и в тот же час и минуту встал и, ненадолго скрывшись, возвратился, и с ним была женщина, покрытая изаром, надушённая и украшенная драгоценностями, которые стоили больших денег. И он обернулся ко мне, и сказал: «Возьми эту женщину и пойди впереди меня на такое-то кладбище (а кладбище он описал мне, и я узнал его). Пойди с ней к такой-то гробнице и жди меня там», – сказал он. И я не мог прекословить и не был властен отказать ему, так как поклялся ему. И я взял женщину и отправился и пришёл к гробнице вместе с нею, и когда мы уселись, пришёл сын моего дяди, и у него была чашка с водой и мешок, где был цемент и кирка. И он взял кирку и, подойдя к одной могиле, вскрыл её и перенёс камни в сторону, а потом он стал рыть киркой землю в гробнице и открыл плиту из железа величиной с маленькую дверь и поднял её, и под ней обнаружилась сводчатая лестница.

Потом он обратился к женщине и сказал: «Перед тобой то, что ты избираешь». И женщина спустилась по этой лестнице, а он обернулся ко мне и сказал: «О сын моего дяди, доверши твою милость. Когда я спущусь, опусти надо мной дверь и насыпь на неё снова землю, как она была, и это будет завершением милости. А этот цемент, что в мешке, и воду, в чашке, замеси и вмажь камни, как раньше, вокруг могилы, чтобы никто не увидел их и не сказал: «Эту могилу открывали недавно, а внутри она старая». Я уже целый год над этим работаю, и об этом никто не знает, кроме Аллаха. Вот в чем моя просьба». Потом он воскликнул: «Не дай Аллах тосковать по тебе, о сын моего дяди!» – и спустился по лестнице.

Когда он скрылся с глаз, я опустил плиту и сделал то, что он приказал мне, и могила стала такой же, как была, а я был словно пьяный. И я возвратился во дворец моего дяди (а дядя мой был на охоте и ловле) и проспал эту ночь. А когда наступило утро, я стал размышлять о прошлой ночи и о том, что случилось с моим двоюродным братом, и раскаялся, когда раскаяние было бесполезно, что сделал это с ними и послушался его, и мне думалось, что это был сон. И я стал спрашивать о сыне моего дяди, но никто ничего не сообщил мне о нем, и я вышел на кладбище к могилам и принялся разыскивать ту гробницу, но не узнал её. Я непрерывно кружил от гробницы к гробнице и от могилы к могиле, пока не подошла ночь, но не нашёл к ней дороги. И я вернулся в замок и не ел и не пил, и моё сердце обеспокоилось о сыне моего дяди, так как я не знал, что с ним. Я огорчился великим огорчением и лёг спать и провёл ночь до утра в заботе, а потом я второй раз пошёл на кладбище, думая о том, что я сделал с сыном моего дяди, и раскаиваясь, что послушал его. Я обошёл все могилы, но не узнал ни могилы, ни гробницы, и почувствовал раскаяние. И в таком положении я оставался семь дней, так и не зная пути к гробнице, и моё беспокойство увеличивалось, так что я едва не сошёл с ума.

И я нашёл облегчение лишь в том, что решил уехать и вернуться к отцу. Но в тот час, когда я достиг города моего отца, поднялась у городских ворот толпа людей, и меня скрутили, и я пришёл от этого в полное удивление – я ведь был сыном правителя города, а они слугами моего отца и моими прислужниками, – и меня охватил великий страх перед ними. И я сказал в душе: «Глянь-ка, что это случилось с моим отцом?» – и спросил тех, кто схватил меня, в

чем причина этого, но они не дали мне ответа. А через некоторое время один из них (а он был моим слугою) сказал мне: «Твоего отца обманула судьба, и войска восстали против него, и везирь убил его и сел на его место. И мы подстерегали тебя по его приказу».

Они взяли меня, лишившегося сознания от тех вестей, которые я услышал об отце, и я предстал перед везирем.

А между мною и везирем была старая вражда, и причиною этой вражды было вот что. Я очень любил стрелять из самострела, и когда я однажды стоял на крыше моего дворца, на крышу дворца везиря вдруг спустилась птица, а везирь тоже стоял там. Я хотел ударить птицу, и вдруг пуля пролетела мимо и попала в глаз везирю и выбила его, по воле судьбы и рока, подобно тому, как говорится в одном древнем изречении:

Мы шли по тропе, назначенной нам судьбою,
Начертан кому судьбой его путь – пройдёт им;
Кому суждено в одной из земель погибнуть,
Не встретит тот смерть в земле другой наверно.

И когда у везиря был выбит глаз, – продолжал календер, – он не мог ничего сказать, так как мой отец был царём города, и вот причина вражды между мной и им. И когда я встал перед ним со скрученными руками, он велел отрубить мне голову, и я спросил его: «За какой грех ты меня убиваешь?» И везирь отвечал: «Какой грех больше этого?» – и показал на свой выбитый глаз. «Я сделал это нечаянно», – сказал я, и везирь воскликнул: «Если ты сделал это нечаянно, то я сделаю это нарочно!» Потом он сказал: «Подведите его!» И меня подвели к нему, и он протянул палец к моему правому глазу и вырвал его, и с того времени я стал кривым, как вы меня видите. После этого он велел скрутить мне руки и положить меня в сундук и сказал палачу: «Возьми его, обнажи свой меч, отправляйся с ним за город и убей его. Пусть его съедят звери и птицы!» И палач вынес меня и, выйдя из города в пустыню, вынул меня из сундука, а у меня были скручены руки и скованы ноги. Палач хотел завязать мне глаза и после того убить меня, но я горько заплакал, так что довёл его до слез, и, посмотрев на него, я сказал такие стихи:

«Считал я кольчугой вас надёжной в защиту мне
От вражеских стрел; но вы лишь были концами их.
А я-то рассчитывал при всякой беде на вас,
Когда не могла помочь деснице шуйца моя.

Оставьте вдали вы то, что скажут хулители,
И дайте врагам моим метать в меня стрелами.
А если не станете от них охранять меня,
Молчите, не действуйте им в пользу иль мне во вред. –

И произнёс:

Не мало друзей считал для себя щитом я.
И были они, но только врагам, щитами.
И думалось мне, что меткие стрелы это.
И были они, но только во мне, стрелами».

А когда палач услышал мои стихи (а он был палачом у моего отца, и тот оказывал ему милости), он воскликнул: «О господин мой, как же мне сделать, я ведь подневольный раб!» Но

потом он сказал мне: «Спасай свою жизнь и не возвращайся в эту землю, не то погибнешь сам и меня погубишь, подобно тому, как сказал поэт:

Спасай свою жизнь, когда поражён ты горем,
И плачет пусть дом о том, кто его построил.
Ты можешь найти страну для себя другую,
Но душу себе другую найти не можешь.

Дивлюсь я тому, кто в доме живёт позора,
Коль земли творца в равнинах своих просторны.
По важным делам гонца посылать не стоит:
Сама лишь душа добра для себя желает.

И шея у львов крепка потому лишь стала,
Что сами они все нужное им свершают».

Я поцеловал палачу руку и не верил в спасение, и потеря глаза казалась мне ничтожной, раз я спасся от смерти. Я отправился в путь и достиг города своего дяди и сообщил ему о том, что случилось с моим отцом и со мною, когда мне вырвали глаз, и мой дядя горько заплакал и воскликнул: «Ты прибавил заботу к моей заботе и горе к моему горю: твой двоюродный брат пропал, и я уже несколько дней не знаю, что с ним случилось, и никто мне ничего не сообщает о нем». И он так заплакал, что лишился чувств, и я опечалился о нем великой печалью. Он хотел приложить к моему глазу лекарство, но увидел, что он стал пустой впадиной, и воскликнул: «О дитя моё, ты заплатил глазом, но не душой!» И я не мог смолчать о моем двоюродном брате, который был его сыном, и сообщил ему обо всем, что случилось, и мой дядя очень обрадовался тому, что я сказал, услышав весть о своём сыне. «Пойдём, покажи мне гробницу», – сказал он, а я ответил: «Клянусь Аллахом, о дядя, я не знаю, в каком она месте! Я ходил после этого несколько раз и искал её, но не знаю, где она находится».

Потом я пошёл с моим дядей на кладбище и посмотрел направо и налево и узнал гробницу. И я сильно обрадовался, и мой дядя тоже, и я вошёл с ним в гробницу и, убрав землю, поднял плиту и спустился с моим дядей на пятьдесят ступенек, и когда мы достигли конца лестницы, вдруг на нас пошёл дым и затемнил нам зрение, и тогда мой дядя произнёс слова, говорящий которые не смутится: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» И мы пошли, и вдруг видим помещение, наполненное мукою, крупами и съестными припасами и прочим, а посреди покоя мы увидели занавеску, спущенную над ложем. И мой дядя посмотрел на ложе и увидел своего сына и женщину, спустившуюся с ним, которые лежали обнявшись, и они превратились в чёрный уголь, словно были брошены в ров с огнём. И, увидя это, мой дядя плюнул в лицо своему сыну и воскликнул:

«Ты заслужил это, о кабан! Таково наказание в здешней жизни, а остаётся наказание в жизни будущей, и оно сильнее и мучительней...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двенадцатая ночь

Когда же настала двенадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что календер рассказывал женщине, а все собравшиеся, и Джафар, и халиф слушали. «Потом мой дядя ударил своего сына башмаком, – продолжал календер, – (а тот лежал в виде чёрного угля), и я удивился его поступку и опечалился о моем двоюродном брате: как это он стал, вместе с женщиной, чёрным углём. И я сказал: «Ради Аллаха, о дядя, облегчи скорбь твоего сердца!

Моё сердце и ум обеспокоены, и я скорблю о том, что случилось с твоим сыном, который превратился в чёрный уголь вместе с этой женщиной. Не довольно ли с них того, что стало с ними, а ты ещё бьёшь его башмаком!»

«О сын моего брата, – отвечал мой дядя, – мой сын с самого детства был влюблён в свою сестру, и я запрещал ему быть с нею, и говорил в душе: «Они ещё маленькие!» Когда же он вырос, между ними случилась мерзость, и я услышал об этом и не поверил, но все же взял и накричал на него как следует, и сказал ему: «Остерегайся таких мерзких поступков, которых никто не совершал ни до тебя, ни после тебя, а иначе мы будем опозорены и опорочены среди царей до самой смерти, и весть о нас разгласится путешественниками! Берегись совершить подобный поступок! Я разгневаюсь и убью тебя!» Потом я отделил его от сестры, и сестру отделил от него, но проклятая любила его сильной любовью, и дьявол взял над ними власть и украсил в их глазах их поступки. Увидев, что я отделил от него сестру, мой сын вырыл для себя это помещение под землёй и выровнял его и перенёс туда, как ты видишь, съестные припасы. И он обманул мою бдительность и, когда я был на охоте, пришёл в это место, но Преистинный возревновал к нему и к ней и сжёг их, а наказание в будущей жизни ещё сильнее и мучительней».

Он заплакал, и я заплакал вместе с ним, и он посмотрел на меня и сказал: «Ты мой сын вместо него!» И я поразмыслил немного о жизни земной и её превратностях, и о том, как везирь убил моего отца и сел на его место и вырвал мне глаз, и о диковинных событиях, что исполнились с моим двоюродным братом, и потом я заплакал, и мой дядя заплакал вместе со мной.

Затем мы поднялись наверх и опустили плиту и насыпали землю на место и сделали могилу такой, как она была прежде, и возвратились в наше жилище. Но не успели мы усесться, как услышали звуки барабанов, труб и литавр и бряцание оружия храбрецов, и крики людей, и лязг удил, и конское ржание, и мир покрылся мраком и пылью из-под копыт коней. И наш ум смутился, и мы не знали, в чем дело, и спросили о том, что случилось, и нам сказали: «Везирь, который захватил царство твоего отца, собрал солдат и снарядил войско и нанял кочевых рабов и пришёл к нам с войском, многочисленным, как пески, которого не счесть и не одолеть никому. Они ворвались в город внезапно, и жители не могли устоять и отдали им город». И мой дядя погиб, а я убежал в конец города и подумал: «Если я попаду ему в руки, он убьёт меня!» И печали мои множились и возобновились, и я подумал о событиях, происшедших с моим отцом и дядей, и о том, что теперь делать, и сказал себе: «Если я появлюсь, жители города и войска моего отца меня узнают, и будет мне смерть и гибель». И я нашёл спасение лишь в том, чтобы обрить усы и бороду, и, сбросив их и переменяв платье, вышел из города и направился в этот город, надеясь, что, может быть, кто-нибудь проведёт меня к повелителю правоверных, наместнику господна на земле, которому я мог бы рассказать и изложить своё дело и то, что со мной случилось.

Я достиг этого города в сегодняшний вечер и остановился, недоумевая, куда идти, и вдруг вижу, стоит этот календер. И я приветствовал его и сказал ему: «Чужеземец!» Он отвечал: «И я тоже чужеземец!» И когда мы так стояли, вдруг подошёл наш товарищ, вот этот третий, и поздоровался с нами и сказал нам: «Чужеземец!» – и мы отвечали: «И мы тоже чужеземцы». И мы пошли, и мрак налетел на нас, и судьба привела нас к вам. Вот причина того, что я обрил бороду и усы и что мне вырвали глаз.

«Пригладь свою голову и иди», – сказала ему женщина, но календер воскликнул: «Не уйду, пока не услышу рассказ других!» И все удивились его истории, и халиф сказал Джафару: «Клянусь Аллахом, я не видел и не слышал чего-либо подобного тому, что случилось с этим календером!»

Рассказ второго календера (ночи 12–14)

Тогда выступил вперёд второй календер и поцеловал землю и сказал: «О госпожа моя, я не родился кривым, и со мной случилась удивительная история, которая, будь она написана иглами в уголках глаза, послужила бы назиданием для поучающихся. Я был царём, сыном царя, и читал Коран согласно семи чтениям³³ и читал книги и излагал их старейшинам наук и изучал науку о звёздах и слова поэтов и усердствовал во всех науках, пока не превзошёл людей моего времени, и мой почерк был лучше почерка всех писцов. И слава обо мне распространилась по всем областям и странам и дошла до всех царей, и обо мне услышал царь Индии и послал к моему отцу, требуя меня, и отправил отцу подарки и редкости, подходящие для царей. И мой отец снарядил меня с шестью кораблями, и мы плыли по морю целый месяц, и, достигши берега, мы вывели коней, которые были с нами на корабле, и нагрузили подарками десять верблюдов и немного прошли. И вдруг, я вижу, поднялась и взвилась пыль, так что застлала края земли, и через час дневного времени пыль рассеялась, и из-за неё появились пятьдесят всадников – хмурые львы, одетые в железо. И мы всмотрелись в них и видим – это кочевники, разбойники на дороге, и когда они увидели, что нас мало и с нами десять верблюдов, нагруженных подарками для царя Индии, они ринулись на нас и выставили перед нами острия своих копий. И мы сделали им знаки пальцами и сказали им: «Мы посланцы великого царя Индии, не обижайте же нас!» Но они ответили: «Мы не на его земле и не под его властью», – и они убили часть слуг, а остальные бежали, и я бежал, после того как был тяжело ранен. Кочевники отобрали у меня деньги и подарки, бывшие с нами, а я не знал, куда мне направиться, и был я велик и сделался низким. Я шёл, пока не пришёл к вершине горы, и приютился в пещере до наступления дня, и продолжал идти, пока не достиг города, безопасного и укрепленного, от которого отвернулся холод зимы и обратилась к нему весна с её розами. И цветы в нем взошли, и реки разлились, и защелкали в нем птицы, как сказал о нем поэт, описывая его:

Во граде том для живущих нет ужаса,
И дружбою безопасность с ним связана,
И сходен он с дивным садом разубранным,
И жителям очевидна красота его.

Я обрадовался, что достиг этого города, так как утомился от ходьбы, и меня одолела забота, и я пожелтел, и моё состояние расстроилось, так что я не знал, куда мне идти. И я проходил мимо портного, сидевшего в лавке, и приветствовал его, и он ответил на моё приветствие, сказавши: «Добро пожаловать!» – и был со мною приветлив и обласкал меня и спросил, почему я на чужбине. И я рассказал ему, что со мной случилось, с начала до конца. Портной огорчился за меня и сказал: «О юноша, не открывай того, что с тобою, – я боюсь для тебя зла от царя этого города: он величайший враг твоего отца и имеет повод мстить ему».

Потом он принёс мне еду и напитки, и я поел, и он поел со мною, и я беседовал с ним весь вечер. Он отвёл мне место рядом со своей лавкой и принёс нужную мне постель и одеяло, и я провёл у него три дня, а потом он спросил: «Не знаешь ли ты ремесла, чтобы им зарабатывать?» – «Я законовед, учёный, писец, счётчик и чистописец», – ответил я, но портной сказал мне: «На твоё ремесло нет спроса в наших землях, и у нас в городе нет никого, кто бы знал грамоту или иную науку, кроме наживы». – «Клянусь Аллахом, – сказал я, – я ничего не знаю сверх того, о чем я сказал тебе». Тогда портной сказал: «Затяни пояс, возьми топор и верёвку и

³³ Под «семью чтениями» разумеются те варианты в чтении Корана, которые допускаются семью каноническими школами чтецов.

руби дрова в равнине. Кормись этим, пока Аллах не облегчит твою участь, и не дай им узнать, кто ты, – тебя убьют». Он купил мне топор и верёвку и отдал меня кому-то из дровосеков, поручив им обо мне заботиться, и я вышел с ними и рубил дрова целый день. И я принёс на голове вязанку и продал её за полдинара, и часть его я проел, а часть оставил, и я провёл в таком положении целый год.

А через год я однажды пришёл, по своему обычаю, на равнину и углубился в неё и увидел рощу, где было много дров. И я вошёл в эту роту и, найдя толстый корень, стал его окатывать и удалил с него землю, и тут топор наткнулся на медное кольцо, и я очистил его от земли, и вдруг вижу – оно приделано к деревянной опускной двери! Я поднял её, и под ней оказалась лестница, и я сошёл по этой лестнице вниз и увидел дверь и, войдя в неё, очутился во дворце, прекрасно построенном, с высокими колоннами. А во дворце я нашёл молодую женщину, подобную драгоценной жемчужине, разгоняющую в сердце горе, заботу или печаль, чьи речи утоляют скорби и делают безумным умного и рассудительного, – высокую ростом, с крепкой грудью, нежными щеками, благородным обликом и сияющим цветом лица, и лик её светил в ночи её локонов, а уста её блистали над выпуклостью груди, подобно тому, как сказал о ней поэт:

Черны её локоны, и втянут живот её,
А бедра – холмы песку, и стан – точно ивы ветвь.

И ещё:

Четыре тут для того лишь подобраны,
Чтоб сердце мне в кровь изранить и кровь пролить:
Чела её свет блестящий и пряди ночь,
И розы ланит прелестных, и тела блеск.

И, посмотрев на неё, я пал ниц перед её творцом, создавшим её столь красивой и прелестной, а девушка взглянула на меня и сказала: «Ты кто будешь: человек или джин?» – «Человек», – сказал я, и она спросила: «А кто привёл тебя в это место, где я провела уже двадцать пять лет и никогда не видала человека?» И, услышав её слова (а я нашёл их сладостными, и она захватила целиком моё сердце), я сказал ей: «О госпожа моя, меня привели сюда мои звезды для того, чтобы рассеять мою скорбь и заботу». И я рассказал ей, что со мною случилось, от начала до конца, и она огорчилась моим положением и заплакала и сказала: «Я тоже расскажу тебе свою историю. Знай, что я дочь царя Эфатамуса, владыки Эбеновых островов. Он выдал меня за сына моего дяди, и в ночь, когда меня провожали к жениху, меня похитил ифрит по имени Джирджис ибн Раджмус, внук тётки Иблиса, и улетел со мною и опустился в этом месте и перенёс сюда все, что мне было нужно из одежд, украшений, материй, утвари, кушаний и напитков и прочего. И каждые десять дней он приходит ко мне один раз и спит здесь одну ночь, а потом уходит своей дорогой, так как он взял меня без согласия своих родных. И он условился со мною, что, если мне что-нибудь понадобится ночью или днём, я коснусь рукою этих двух строчек, написанных на нише, и не успею убрать руку, как увижу его подле себя. Сегодня четыре дня, как он приходил, и до его прихода осталось шесть дней. Не хочешь ли ты провести у меня пять дней и потом уйти, за день до его прихода?» – «Хорошо, – сказал я, – прекрасно будет, если оправдаются грёзы!»

И она обрадовалась и поднялась на ноги и, взяв меня за руку, провела через сводчатую дверь и прошла со мною в баню, нарядную и красивую. И, увидев её, я снял с себя одежду, и женщина тоже сняла, и я вымылся и вышел, а она села на скамью и посадила меня рядом с собою. Потом она принесла мне сахарной воды с мускусом и напоила меня, а затем подала мне

еды, и мы поели и поговорили. А после этого она сказала: «Ляг и отдохни, ты ведь устал». Я лёг, о госпожа моя, и забыл о том, что со мной случилось, и поблагодарил её. А проснувшись, я увидел, что она растирает мне ноги, и помолился за неё, и мы сели и немного поговорили. И она сказала: «Клянусь Аллахом, моя грудь была стеснена, так как я здесь одна под землёй и двадцать пять лет никого не видала, кто бы со мною поговорил. Хвала Аллаху, который послал тебя ко мне! О юноша, не хочешь ли ты вина?» – спросила она потом, и я сказал: «Подавай!» И тогда она направилась в кладовую и вынесла старого, запечатанного вина. И она расставила зелень и проговорила:

«Если б ведом приход ваш был, мы б устлали
Кровью сердца ваш путь и глаз чернотою.
И постлали б ланиты вам мы навстречу,
Чтоб лежала дорога ваша по векам».

Когда она окончила стихи, я поблагодарил её, и любовь к ней овладела моим сердцем, и моя грусть и забота покинули меня, и мы просидели за беседой до ночи, и я провёл с нею ночь, равной которой не видел в жизни. А утром мы проснулись и прибавляли радость к радости до полудня, и я напился до того, что перестал себя сознавать. И я встал, покачиваясь направо и налево, и сказал ей: «О красавица, пойдём, я тебя выведу из-под земли и избавлю от этого джинна!» Но женщина засмеялась и воскликнула: «Будь доволен и молчи! Из каждых десяти дней день будет ифриту, а девять будут твои». И тогда я воскликнул, покорённый опьянением: «Я сию минуту сломаю эту нишу, на которой вырезана надпись, И пусть ифрит приходит, чтобы я убил его! Я привык убивать ифритов!»

И, услышав мои слова, женщина побледнела и воскликнула: «Ради Аллаха, не делай этого! – и произнесла:

Если дело несёт тебе злую гибель,
Воздержаться от дел таких будет лучше. –

А потом сказала:

К разлуке стремящийся, потише! –
Ведь конь её резв и чистой крови.
Терпи! Ведь судьба всегда обманет,
И дружбы конец – всегда разлука»

Но когда она окончила говорить стихи, я не обратил на её слова внимания и сильно ударил ногою о нишу...»

И Шахразад застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тринадцатая ночь

Когда же настала тринадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что второй календер говорил женщине: «И когда я ударил ногою о нишу, о госпожа моя, я не успел очнуться, как везде потемнело и загремело и заблестало, и земля затряслась, и небо покрыло землю, и хмель улетел у меня из головы, и я спросил: «Что случилось?» И женщина воскликнула: «Ифрит пришёл к нам! Не предостерегала ли я тебя от этого? Клянусь Аллахом, ты погубил меня! Спасай свою душу и поднимись там, где ты пришёл!»

И от сильного страха я забыл свой топор и башмак, и когда я поднялся на две ступеньки и оглянулся, чтобы посмотреть, земля вдруг раздалась, и из-под неё появился ифрит гнусного вида и сказал: «Что это за сотрясение, которым ты меня встревожила? Что с тобой случилось?» – «Со мной не случилось ничего, – ответила женщина. – У меня только стеснилась грудь, и мне захотелось выпить вина, чтобы моя грудь расправилась, и я выпила немного и встала за нуждой, но голова у меня была тяжёлая, и я упала на нишу». – «Ты лжёшь, шлюха!» – воскликнул ифрит и осмотрелся в помещении направо и налево, и увидел башмак и топор, и воскликнул: «Это явно принадлежит человеку! Кто к тебе приходил?» А женщина ответила: «Я только сейчас увидела это! Они, вероятно, зацепились за тебя». – «Это бессмысленные речи, и ими меня не проведёшь, о блудница», – сказал ифрит и, обнажив женщину, он растянул её между четырех кольев и принялся её мучить и пытать у неё, что произошло.

И мне было не легко слышать её плач, и я поднялся по лестнице, дрожа от страха, а добравшись до верху, я опустил дверь, как она была, и прикрыл её землёю. И я до крайности раскаивался в том, что сделал, и вспоминал эту женщину и её красоту и то, как её мучил этот проклятый, с которым она провела уже двадцать пять лет, и что с ней случилось из-за меня одного. И я размышлял о моем отце и его царстве и о том, как я стал дровосеком, и как после ясных дней моя жизнь замутилась. Я заплакал и произнёс такой стих:

«И если судьба тебя поразит, то знай:
Сегодня легко тебе, а завтра труднее жить».

И я пошёл и пришёл к моему товарищу-портному и увидел, что, ожидая меня, он мучается, как на горячих сковородках. «Вчерашнюю ночь моё сердце было с тобою, – сказал он, – и я боялся, что тебя постигла беда от дикого зверя или чего другого. Слава Аллаху за твоё спасение!» И я поблагодарил его за его заботливость и пошёл в свою комнату и стал раздумывать о том, что со мной случилось, и упрекая себя за свою болтливость и за то, что толкнул ту нишу ногой.

И когда я так раздумывал, вдруг вошёл ко мне мой друг-портной и сказал мне: «О юноша, на дворе старик персиянин, который спрашивает тебя, и с ним твой топор и твой башмак. Он принёс их дровосекам и сказал им: «Я вышел, когда муэдзин призывал на утреннюю молитву, и наткнулся на эти вещи и не знаю, чьи они. Укажите мне, где их владелец?» И дровосеки указали ему на тебя, узнав твой топор, и он сидит в моей лавке. Выйди же к нему, поблаговари его и возьми твой топор и твой башмак».

И, услышав эти слова, я побледнел и расстроился, и в это время земля в моей келье вдруг раздалась и появился персиянин, и оказалось, что это ифрит. Он пытал ту женщину крайней пыткой, но она ни в чем ему не призналась, и тогда он взял топор и башмак и сказал ей: «Если я Джирджис из потомства Иблиса, то я приведу владельца этого топора и башмака!» И он пришёл с такой уловкой к дровосекам и вошёл ко мне и, не дав мне сроку, похитил меня и полетел и поднялся и опустился и погрузился под землёю, а я не сознавал самого себя. Потом он вошёл со мной во дворец, где я был, и я увидел ту женщину, которая лежала, растянутая между кольями и обнажённая, и кровь стекала с её боков. И из глаз моих полились слезы, а искрит взял эту женщину и сказал ей: «О развратница, не это ли твой возлюбленный?» Но женщина посмотрела на меня и сказала: «Я его не знаю и не видела его раньше этой минуты». – «И после такой пытки ты не признаешься!» – воскликнул ифрит. И женщина сказала: «Я в жизни его не видела, и Аллах не позволяет мне на него солгать». – «Если ты его не знаешь, – сказал ифрит, – возьми этот меч и сбей ему голову». И она взяла меч и подошла ко мне и встала у меня в головах, а я сделал ей знак бровью, и слезы текли у меня по щекам. И она поняла мой знак и мигнула мне и сказала: «Все это ты с нами сделал!» А я сказал ей знаками: «Сейчас время прощения», – и язык моего положения говорил:

«Мой взгляд на уста мои вещает, и ясно вам,
И страсть объявляет то, что в сердце скрываю я.
Когда же мы встретились, и слезы лились мои,
Безгласен я сделался, но взор мой о вас вещал.

Она указала мне, и понял я речи глаз,
И пальцем я дал ей знак, и был он понятен.
И все, что нам надобно, бровями мы делаем;
Молчим мы, и лишь любовь за нас говорит одна».

И когда я окончил стихи, о госпожа моя, девушка выронила из рук меч и воскликнула: «Как я отрублю голову тому, кого я не знаю и кто мне не сделал зла? Этого не позволяет моя вера!» И она отошла назад, а ифрит сказал: «Тебе не легко убить твоего возлюбленного, так как он проспал с тобой ночь, и ты терпишь такую пытку и не хочешь признаться! Но лишь сходное сочувствует сходному!» После этого ифрит обратился ко мне и сказал: «О человек, а ты не знаешь эту женщину?» – «А кто она такая?» – сказал я. – Я совершенно её не видел до этого времени». – «Так возьми меч и скинь ей голову, и я дам тебе уйти и не стану тебя мучить и удостоверюсь, что ты её совершенно не знаешь», – сказал ифрит. «Хорошо», – ответил я и, взяв меч, с живостью выступил вперёд и поднял руку. И женщина сказала мне бровью: «Я не погрешила перед тобой, – так ли ты воздашь мне?» И я понял, что она сказала, и сделал ей знак, означающий: «Я выкуплю тебя своей душой». А язык нашего положения написал:

«Как часто влюблённые взором своим
Любимой о тайнах души говорят,
И взоры их глаз говорят им:
«Теперь узнал я о том, что случилось с тобой».

Как дивны те взгляды любимой в лицо,
Как чудно хорош изъясняющий взор!
Вот веками пишет один, а другой
Зрачками читает посланье его».

И из моих глаз полились слезы, и я бросил из рук меч и сказали «О сильный ифрит и могучий храбрец! Если женщина, которой недостаёт ума и веры, не сочла дозволенным скинуть мне голову, как может быть дозволено мне обезглавить её, когда я её в жизни не видел? Я не сделаю этого никогда, хотя бы мне пришлось выпить чашу смерти и гибели». – «Вы знаете, что между вами было дело! – вскричал ифрит, – и я покажу вам последствия ваших дел!» И, схватив меч, он ударил женщину по руке и отрубил её и затем ударил по другой и отрубил её, и он отсек ей четыре конечности четырьмя ударами, а я смотрел на это и был убеждён, что умру. И женщина сделала мне знак глазами, как бы прощаясь, а ифрит воскликнул: «Ты прелюбодействуешь глазами!» – и, ударив её, отмахнул ей голову. После этого ифрит обратился ко мне и сказал: «О человек, по нашему закону, если женщина совершила блуд, нам дозволено её убить, а я похитил эту женщину в ночь её свадьбы, когда ей было двенадцать лет, и она не знала никого кроме меня, и каждые десять дней я на одну ночь приходил к ней и являлся в образе персиянина. И убедившись, что она меня обманула, я убил её, а что до тебя, то я не уверен, что ты обманул меня с нею, но я никак не могу оставить тебя невредимым. Выскажи же мне своё желание».

И я обрадовался до крайности, о госпожа, и спросил: «Чего же мне пожелать от тебя?» И ифрит ответил: «Выбирай, в какой образ тебя обратить: в образ собаки, осла или обезьяны». И я сказал, жаждая, чтоб он простил меня: «Клянусь Аллахом, если ты меня простишь, Аллах простит тебя за то, что ты простил мусульманина, который не сделал тебе зла». И я умолял его упорнейше с мольбой и плакал перед ним и говорил: «Я несправедливо обижен». Но ифрит воскликнул: «Не затягивай со мною твои речи! Я не далёк от того, чтобы убить тебя, но я предоставляю тебе выбор». – «О ифрит, – сказал я, – тебе более подобает меня простить. Прости меня, как внушивший зависть простил завистнику». – «А как это было?» – спросил ифрит.

Сказка о завистнике и внушившем зависть (ночь 13)

Говорят, о ифрит, – сказал я, – что в одном городе было два человека, жившие в двух смежных домах с общим простенком, и один из них завидовал другому и поражал его глазом и силился повредить ему. И он все время ему завидовал, и его зависть так усилилась, что он стал вкушать мало пищи и сладости сна, а у того, кому он завидовал, только прибавлялось добра, и всякий раз, как сосед старался ему повредить, его благосостояние увеличивалось, росло и процветало. Но внушивший зависть узнал, что сосед завидует ему и вредит, и уехал от соседства с ним и удалился от его земли и сказал: «Клянусь Аллахом, я покину из-за него мир!» И он поселился в другом городе и купил себе там землю (а на этой улице был старый оросительный колодец), и построил для себя у колодца келью и, купив себе все, что ему было нужно, стал поклоняться Аллаху великому, предаваясь молитве с чистым сердцем.

И к нему со всех сторон приходили нуждающиеся и бедные, и слух о нем распространился в этом городе, и весть дошла до его соседа-завистника, и тот узнал о благе, которого он достиг, и о том, что вельможи города ходят к нему. И он вошёл в келью, и его сосед, внушивший зависть, встретил его пожеланием простора и уюта и оказал ему крайнее уважение. И тогда завистник сказал ему: «У меня с тобой будет разговор, и в нем причина моего путешествия к тебе. Я хочу тебя порадовать; встань же и пройди со мною по твоей келье». И внушивший зависть поднялся и взял завистника за руку, и они прошли до конца кельи, и завистник сказал: «Вели твоим факирам, чтобы они пошли в свои кельи. Я скажу тебе только в тайне, чтобы никто не слышал нас». И внушивший зависть сказал факирам: «Войдите в свои кельи», и они сделали так, как он им приказал, а внушивший зависть прошёл немного с завистником и дошёл с ним до старого колодца. И завистник толкнул внушившего зависть и сбросил его в колодец, когда никто не знал этого, и пошёл своей дорогой, думая, что убил его.

А в колодце жили джинны, и они подхватили внушившего зависть и мало-помалу спустили его и посадили на камень и спросили один другого: «Знаете ли вы, кто это?» – «Нет», – ответили джинны. И тогда один из них сказал: «Это человек, внушивший зависть, который бежал от завистника и поселился в нашем городе. Он воздвиг ту келью и развлекал нас своими молитвами и чтением Корана, а завистник пришёл к нему и встретился с ним и ухитрился сбросить его к нам. А весть о нем дошла в сегодняшний вечер до султана этого города, и он решил завтра посетить его ради своей дочери».

«А что с его дочерью?» – спросил кто-то из них. И говоривший сказал: «Она одержимая; в неё влюбился джинн Маймун ибн Дамдам, и если бы старец знал для неё лекарство, он бы наверное её исцелил. А лекарство для неё – самая пустая вещь». – «А какое же это лекарство?» – спросил кто-то из джиннов. И говоривший ответил: «У чёрного кота, что у него в келье, есть на конце хвоста белая точка величиною с дирхем. Пусть возьмёт семь волосков из этих белых волос и окурит ими царевну, и марида уйдёт у неё из головы и никогда не воротится к ней, и она тотчас же вылечится».

И все это происходило, о ифрит, а внушавший зависть слушал. Когда же настало утро и взошла заря и заблестала, нищие пришли к старцу и увидели, что он поднимается из колодца, и он стал великим в их глазах. А у внушившего зависть не было другого лекарства, кроме чёрного кота, и он взял из белой точки, что была у него на хвосте, семь волосков и спрятал их у себя. И едва взошло солнце, как прибыл царь со своими вельможами, а остальной свите приказал стоять. Когда царь вошёл к возбудившему зависть, тот сказал: «Добро пожаловать!» – и, велев ему подойти ближе, спросил: «Хочешь, я открою тебе, для чего ты ко мне прибыл?» – «Хорошо», – ответил царь. И старец сказал: «Ты прибыл, чтобы посетить меня, а в душе хочешь меня спросить о своей дочери». – «Да, праведный старец!» – воскликнул царь. И внушивший зависть

сказал: «Пошли кого-нибудь привести её, и я надеюсь, что, если захочет Аллах великий, она сию же минуту исцелится».

И царь обрадовался и послал своих телохранителей, и они принесли царевну со скрученными руками, закованную в цепи, и возбудивший зависть посадил её и покрыл её покрывалом и, вынув волоса, окурил её ими. И тот, кто был над её головой, испустил крик и покинул её, а девушка пришла в разум и закрыла себе лицо и спросила: «Что это происходит и кто привёл меня в это место?» И султан обрадовался радостью, которой нет сильнее, и поцеловал её в глаза и поцеловал руки у старца, возбудившего зависть, а после того он обернулся к вельможам своего царства и спросил их: «Что вы скажете? Чего заслуживает тот, кто исцелил мою дочь?» – «Жениться на ней», – отвечали они. И царь воскликнул: «Вы сказали правду!» Потом он выдал дочь замуж за внушившего зависть, и тот сделался зятем царя. А спустя немного умер везирь, и царь спросил: «Кого сделаем везирем?» – и ему сказали: «Твоего зятя». И его сделали везирем, и ещё немного спустя умер султан, и когда спросили: «Кого сделаем царём?» – ответили: «Везиря». И везиря сделали султаном, и он стал царём и правителем.

Однажды царь сел на коня, и завистник проходил по его дороге, и вдруг видит: тот, кому он завидовал, в царственном великолепии, среди эмиров, везирей и вельмож своего царства! И взор царя упал на завистника, и он повернулся и сказал одному из своих везирей: «Приведи ко мне этого человека и не устрашай его». И везирь пошёл и привёл его соседа, завистника. А царь сказал: «Дайте ему тысячу москалей из моей казны и принесите ему двадцать тюков товаров и пошлите с ним стражника, чтобы он доставил его в город», – и потом он простился с ним и уехал, не наказавши его за то, что он сделал с ним.

Посмотри же, ифрит, как возбудивший зависть простил завистника и как тот сначала завидовал ему, потом причинил ему вред и отправился к нему и довёл до того, что бросил его в колодец, и хотел его убить, но он не воздал ему за его это, а простил ему и отпустил».

И я заплакал, о госпожа, перед ифритом горьким плачем, которого нет сильнее, и произнёс:

«Отпускай преступным: всегда мужи разумные
Одаряли злого прощением за зло его.
Я объял проступки все полностью и сверил их все,
Обоими же ты все виды прощенья – будь милостив.

И пусть тот, кто ждёт себе милости от высшего,
Отпускает низшим проступки их и прощает их».

«Чтобы тебя убить или простить, – сказал ифрит, – я непременно заколдую тебя!» И он оторвал меня от земли и взлетел со мною на воздух, так что я увидел под собой землю, как чашку посреди воды. Потом он поставил меня на гору и, взяв немного земли, побормотал над нею и поколдовал и, осыпав меня ею, воскликнул: «Перемени этот образ на образ обезьяны!»

С того времени я сделался обезьяной столетнего возраста. И, увидев себя в этом гадком образе, я заплакал по самому себе, но был стоек против несправедливости судьбы, ибо знал, что время не благоволит никому. И я спустился с горы вниз и увидел широкую равнину и шёл до конца месяца, и путь мой привёл меня к берегу солёного моря. И я простоял некоторое время и вдруг вижу – корабль посреди моря, и ветер благоприятствует ему, и он идёт к берегу. И я скрылся за камнем на краю берега и подождал, пока пришёл корабль, и взошёл на него, и один из едущих воскликнул: «Уведите от нас этого злосчастливого!» – «Мы его убьём», – сказал капитан. А тот, другой, вскричал: «Я убью его вот этим мечом!» Но я схватил капитана за полу и заплакал, и мои слезы потекли, и капитан сжалился надо мною и сказал: «О купцы, эта обезьяна прибегла к моей защите, и я защищу её. Она под моим покровительством, и пусть

никто её не беспокоит и не досаждаёт ей». И капитан стал обращаться со мной милостиво, и, что бы он ни говорил мне, я понимал и исполнял все его дела и служил ему на корабле, и он полюбил меня. Ветер благоприятствовал кораблю в течение пятидесяти дней, и мы пристали к большому городу, где было множество людей, сосчитать число которых может только Аллах.

И в тот час, когда мы прибыли, наш корабль остановился, и вдруг к нам явились невольники от царя города и поднялись на наше судно и поздравили купцов с благополучием и сказали: «Наш царь поздравляет вас с благополучием и посылает вам этот свиток бумаги, – пусть каждый из вас напишет на нем одну строчку». Дело в том, что у царя был везирь-чистопи-сец, и он умер, и султан поклялся и дал великие клятвы, что сделает везирем лишь того, кто пишет так, как он. И они подали купцам бумажный свиток длиной в десять локтей и шириной в локоть, и каждый, кто умел писать, написал, до последнего. И тогда я поднялся, будучи в образе обезьяны, и вырвал свиток у них из рук, и они испугались, что я порву его, и стали меня гнать криками, но я сделал им знак: «Я умею писать!» И капитан знаками сказал им: «Пусть пишет; если он станет царапать, мы его прогоним от нас, а если напишет хорошо, я сделаю его своим сыном. Я не видел обезьяны понятливее, чем эта». И я взял калам³⁴ и, набрав из чернильницы чернил, написал почерком рика такое двустихие:

Судьбою записаны милости знатных,
Твоя ж не написана милость досель.
Так пусть же Аллах не лишит нас тебя –
Ведь милостей всех ты и мать и отец.

И я написал почерком рейхани:

Перо его милостью объемлет все области,
И все охватил миры своею он щедростью.
Нельзя Нил египетский сравнить с твоей милостью,
Что тянется к странам всем рукой с пятью пальцами.

И почерком сульс я написал:

Всяк пишущий когда-нибудь погибнет,
Но все, что пишут руки его, то вечно.
Не вздумай же ты своею писать рукою
Другого, чем то, что рад ты, воскреснув, видеть.

И ещё я написал почерком несхи:

И когда пришла о разлуке весть, нам назначенной
Переменной дней и судьбой, всегда превратной,
Обратились мы ко устам чернильниц, чтоб сетовать
На разлуки тяжесть концами острых перьев.

И дальше я написал почерком тумар:

Халифат не вечен для правящих, поистине,
А коль споришь ты, скажи же мне, где первые?

³⁴ Калам – тростниковое перо, употребляемое для писания арабским шрифтом.

Благих поступков сажай посевы в делах своих;
Коль низложен будешь, посевы эти останутся

И почерком мухаккик я написал:

Открывши чернильницы величья и милостей,
Налей в них чернила ты щедрот и достойных дел.
Пиши же всегда добром, когда точно можешь ты,
Тогда вознесёшься ты высоко пером своим.

Потом я подал им свиток, и они написали каждый по строчке, а после этого невольники взяли свиток и отнесли его к царю.

И когда царь посмотрел на свиток, ему ни понравился ничей почерк, кроме моего, и он сказал присутствующим: «Отправляйтесь к обладателю этого почерка, посадите его на мула и доставьте его с музыкой. Наденьте на него драгоценную одежду и приведите его ко мне». И, услышав слова царя, все улыбнулись, а царь разгневался и сказал: «О, проклятые, я отдаю вам приказание, а вы надо мной смеётесь!» – «О царь, – отвечали они, – нашему смеху есть причина». – «Какая же?» – спросил царь, и они сказали: «О царь, ты велел нам доставить к тебе того, кто написал этим почерком, но дело в том, что это написала обезьяна, а не человек, и она у капитана корабля». – «Правда ли то, что вы говорите?» – спросил царь, и они ответили: «Да, клянёмся твоей милостью!» И царь удивился их словам и затрясся от восторга и воскликнул: «Я хочу купить эту обезьяну у капитана!»

Потом он послал на корабль гонца и с ним мула, одежду и музыку, и сказал: «Непременно наденьте на него эту одежду, посадите его на мула и доставьте его с корабля!» И они пришли на корабль и взяли меня у капитана и, надев на меня одежду, посадили меня на мула, и люди оторопели, и город перевернулся из-за меня вверх дном, и все стали на меня смотреть.

И когда меня привели к царю и он меня встретил, я поцеловал трижды землю меж его рук, а потом он приказал мне сесть, и я присел на колени, и все присутствующие люди удивились моей вежливости, и больше всех изумился царь. Потом царь приказал народу уйти, и все удалились, и остался только я, его величество царь, евнухи и маленький невольник. И царь приказал, и подали скатерть кушаний, и на ней было все, что скачет, летает и спаривается в гнёздах: куропатки, перепёлки и прочие виды птиц. И царь сделал мне знак, чтобы я ел с ним, и я поднялся и поцеловал перед ним землю, а потом я сел и принялся есть, и затем скатерть убрали, и я семь раз вымыл руки и, взяв чернильницу и калам, написал такие стихи:

Постой хоть недолго ты у табора мисок,
И плачь об утрате ты жаркого и дичи.
Поплачь, о ката, со мной, – о них вечно плачу я –
О жареных курочках с размолотым мясом!

О горесть души моей о двух рыбных кушаньях!
Я ел на лепёшке их из плотного теста.
Аллаха достоин вид жаркого! Прекрасен он,
Когда обмакнёшь ты жир в разбавленный уксус.

Коль голод трясёт меня, всегда поглощаю я
С почтеньем пирог мясной – изделие искусных
Когда развлекаюсь я и ем, я смущён всегда
Убранством и сменами столов и посуды.

Терпенье, душа! Судьба приносит диковины,
И если стеснит она, то даст облегченье.

Потом я поднялся и сел поодаль, и царь посмотрел на то, что я написал, и, прочтя это, удивился и воскликнул: «О диво! Это обезьяна, и у неё такое красноречие и почерк! Клянусь Аллахом, это самое диковинное диво!» Затем царю подали особый напиток в стеклянном сосуде, и царь выпил и протянул мне, и я поцеловал землю и выпил и написал на сосуде:

Был огнями сжигаем я на допросе,
Но в несчастье нашли меня терпеливым.
Потому-то всегда в руках меня носят
И прекрасных уста меня лобызают.

И ещё:

Похищает свет утра мрак, дай же выпить
Мне напитка, что ум людей отнимает.
Я не знаю – так ясен он и прозрачен, –
Он ли в кубке, иль кубок в нем пребывает.

И царь прочитал стихи и вздохнул и воскликнул: «Если б подобная образованность была у человека, он бы наверное превзошёл людей своего века и времени!» Потом он пододвинул ко мне шахматную доску и спросил: «Не хочешь ли сыграть со мной?» И я сделал головой знак: «Да», – и, подойдя, расставил шахматы и сыграл с царём два раза и победил его, и ум царя смутился. А потом я взял чернильницу и калам и написал на доске такое двустишие:

Целый день два войска в бою жестоком сражаются,
И сражение их все сильнее кипит и жарче.
Но лишь только мрак пеленой своей их окутает,
На одной постели заснут они все вместе.

И когда царь прочитал это двустишие, он изумился и пришёл в восторг; его охватила оторопь, и он сказал евнуху: «Пойди к твоей госпоже Ситт-аль-Хусн и скажи ей: «Поговори с царём!», чтобы она пришла и посмотрела на эту удивительную обезьяну». И евнух скрылся и вернулся вместе с царевной, и, посмотрев на меня, она закрыла лицо и сказала: «О батюшка, как могло быть приятно твоему сердцу прислать за мной, чтобы показывать меня мужчинам?»

«О Ситт-аль-Хусн, – сказал царь, – со мною никого нет, кроме маленького невольника и евнуха, который воспитал тебя, а я – твой отец. От кого же ты закрываешь своё лицо?» И она отвечала: «Эта обезьяна – юноша, сын царя, и отца его зовут Эфтимарус, владыка Эбеновых островов. Он заколдован, его заколдовал ифрит Джирджис из рода Иблиса, а он убил его жену, дочь царя Эфитамуса. И тот, про кого ты говоришь, что он обезьяна, на самом деле муж, учёный и разумный». И царь удивился словам своей дочери и посмотрел на меня и спросил: «Правда ли то, что она говорит про тебя?» – и я сказал головою: «Да», – и заплакал. «Откуда же ты узнала, что он заколдован?» – спросил царь свою дочь, и она сказала: «Со мной была, когда я была маленькая, одна старуха, хитрая колдунья, и она научила меня искусству колдовать, и я его хорошо запомнила и усвоила. И я заучила сто семьдесят способов из способов колдовства, и малейшим из этих способов я могу перенести камни твоего города на гору Каф и превратить его в полноводное море, а обитателей его обратить в рыб посреди него». – «О

дочь моя, – воскликнул царь, – заклинаю тебя жизнью, освободи этого юношу, и я сделаю его своим везирем, ибо это юноша умный и проницательный». – «С любовью и охотой», – отвечала царевна и взяла в руку нож и провела круг...»

И Шахразад у застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четырнадцатая ночь

Когда же настала четырнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что второй календер говорил женщине: «А царевна, о госпожа моя, взяла в руку нож, на котором были написаны еврейские имена, и начертила им круг посреди залы и в нем написала имена и заклинания и поколдовала и прочла слова понятные и слова непонятные, и через минуту мир покрылся над нами мраком, и ифрит вдруг спустился к нам и своём виде и обличе, и руки у него были как вилы, ноги как мачты, а глаза как две огненные искры. И мы испугались его, и царевна воскликнула: «Нет ни приюта тебе, ни уюта!» – а ифрит принял образ льва и закричал ей: «О обманщица, ты нарушила клятву и обет! Разве мы не поклялись друг другу, что не будем мешать один другому?»

«О проклятый, и для подобного тебе у меня будет клятва?» – отвечала царевна. И ифрит вскричал: «Получи то, что пришло к тебе!»

Тут лев рязинул пасть и ринулся на девушку, но она поспешно взяла волосок из своих волос и потрясла его в руке и пошевелила над ним губами, и волос превратился в острый меч, и она ударила им льва, и он разделился на две части. И голова его превратилась в скорпиона, а женщина обратилась в большую змею и ринулась на этого проклятого, который имел вид скорпиона, и между ними завязался жестокий бой. И потом скорпион превратился в орла, а змея в ястреба, и она полетела за орлом и преследовала его некоторое время, и тогда орёл сделался чёрным котом, а девушка превратилась в полосатого волка, и они долго бились во дворце.

И кот увидел, что он побеждён, и превратился в большой красный гранат, и гранат упал на середину водоёма, бывшего во дворце, и волк подошёл к нему, а гранат взвился на воздух и упал на плиты дворца и разбился, и все зёрнышки рассыпались по одному, и земля во дворце стала полна зёрнышек граната. И тогда волк встряхнулся и превратился в петуха и стал подбирать зёрнышки и не оставил ни одного зёрнышка, но по предопределённому велению одно зёрнышко притаилось у края водоёма. И петух принялся кричать и хлопать крыльями и делал нам знаки клювом, но мы не понимали, что он говорит, и тогда он закричал на нас криком, от которого нам показалось, что дворец опрокинулся на нас, и стал кружить по всему полу дворца. Он увидел зерно, притаившееся у края водоёма, и ринулся на него, чтобы его склевать, но зёрнышко вдруг метнулось в воду, бывшую в водоёме, и, обратившись в рыбу, скрылось в глубине воды.

И тогда петух принял вид огромной рыбы и нырнул за рыбкою и скрылся на некоторое время, а потом мы слышали, что раздались крики, вопли, и перепугались.

И после этого появился ифрит, подобный языку пламени, и он разевал рот, из которого выходил огонь, и из его глаз и носа шёл огонь и дым. И девушка тоже вышла, подобная громадному огненному углю, и она сражалась с ним некоторое время, и огонь сомкнулся над ними, и дворец наполнился дымом. И мы скрылись в дыму и хотели погрузиться в воду, опасаясь сгореть и погибнуть, и царь воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! О, если бы мы не возложили на неё подобного ради освобождения этой обезьяны! Мы отягчили её великой тяготой с этим проклятым ифритом, которого не одолеть всем ифритам, существующим на земле! О, если бы мы не знали этой обезьяны, да не благословит Аллах её и час её появления! Мы хотели сделать добро ради великого Аллаха и освободить её от чар, и нас постигло сердечное мучение!»

А что до меня, госпожа моя, то язык был у меня связан, и я не мог ничего сказать царю, и не успели мы очнуться, как ифрит закричал из-под огня и оказался подле нас в зале. Он дунул нам в лицо огнём, но девушка настигла его и подула ему в лицо, и в нас попали искры от неё и от него, и её искры не повредили нам, а из его искр одна попала мне в глаз и выжгла его, а я был в образе обезьяны. И царю в лицо тоже попала искра из его искр и сожгла ему половину лица и бороду и нижнюю челюсть и вырвала нижний ряд зубов, а другая искра попала в грудь евнуха и сожгла его, и он в тот же час и минуту умер, и мы убедились, что погибнем, и потеряли надежду на жизнь.

И мы были в таком состоянии и вдруг слышим, кто-то восклицает: «Аллах велик! Аллах велик! Он помог и поддержал и покинул того, кто не принял веру Мухаммеда, месяца веры!» И вдруг, оказалось, царевна сожгла ифрита, и он стал кучей пепла. И девушка подошла к нам и сказала: «Принесите мне чашку воды!» И ей принесли чашку, и она проговорила что-то, чего мы не поняли, а потом брызнула на меня водой и сказала: «Освободись, заклинаю тебя истиною истинного и величайшим именем Аллаха, и прими свой первоначальный образ».

И я встряхнулся, и вдруг вижу – я человек, каким был прежде, но только мой глаз пропал, а девушка воскликнула: «Огонь, огонь! О батюшка, я уже не буду жить! Я не привыкла биться с джиннами, а будь он из людей, я бы давно убила его. Я стала бессильна лишь тогда, когда гранат рассыпался, и я подобрала его зёрна, но забыла то зёрнышко, где был дух джинна, а если бы я его подобрала, он бы наверное тотчас же умер. Но я не знала этого, по воле судьбы и рока, и вдруг он явился, и у меня с ним был жестокий бой под землёю, в воде и в воздухе, и всякий раз, как я открывала над ним врата колдовства, он тоже открывал врата надо мною, пока не открыл надо много врат огня, а мало кто, когда открываются над ним врата огня, от него спасается. Но мне помогла против него судьба, и я сожгла его раньше себя, предложив ему прежде принять веру ислама. А что до меня, я умираю, и да будет Аллах для вас моим преемником».

И она стала звать к Аллаху о помощи и непрестанно призывала на помощь от огня, и вдруг тёмные искры поднялись к её груди и распространились до лица, и когда они достигли лица девушки, она заплакала и воскликнула:

«Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед-посланник Аллаха!» И потом мы взглянули на неё, и вдруг видим, – она стала кучею пепла рядом с кучею от ифрита. И мы опечалились о ней, и мне хотелось быть на её месте и не видеть, как это прекрасное лицо, сделавшее мне такое благо, превратилось в пепел, но приговор Аллаха неотвратим.

И когда царь увидел, что его дочь превратилась в кучу пепла, он выщипал остаток своей бороды, стал бить себя по лицу и разорвал на себе одежды, и я сделал так же, как он, и мы заплакали о девушке. И подошли придворные и вельможи царства и увидели султана в состоянии небытия и две кучи пепла. И они удивились и походили немного вокруг царя, а тот, когда очнулся, рассказал им, что случилось у его дочери с ифритом, и это было для них великим несчастьем, и женщины и девушки закричали, и царевну оплакивали семь дней.

И царь приказал выстроить над прахом своей дочери большой купол, и под ним зажгли свечи и светильники, а пепел ифрита развеяли по воздуху, чтобы проклял его Аллах. И после этого царь заболел болезнью, от которой был близок к смерти, и его болезнь продолжалась месяц, а потом он поправился, и его борода выросла, и он призвал меня и сказал: «О юноша, мы проводили время в приятнейшей жизни, в безопасности от превратностей судьбы, пока ты к нам не явился. О, если бы мы не сидели тебя и не видели твоей гадкой наружности! Из-за тебя мы претерпели лишения: во-первых, я лишился моей дочери, которая стояла сотни мужчин, а во-вторых, со мной случилось от огня то, что случилось, и я лишился своих зубов, и умер мой евнух. А ни раньше, ни после этого мы ничего от тебя не видели. Но все от Аллаха, и нам и тебе; слава же Аллаху за то, что моя дочь освободила тебя и сама себя погубила! Но уходи, дитя

моё, из моего города, достаточно того, что из-за тебя случилось. Все это было предопределено и мне и тебе, уходи же с миром, а если я ещё раз тебя увижу, я убью тебя».

И он закричал на меня, и я вышел от него, о госпожа, не веря в спасение, и не знал, куда идти. И в моем сердце прошло все то, что со мной случилось: как разбойники оставили меня на дороге, как я от них спастся и шёл месяц и вошёл в город чужеземцем и встретился с портным и с женщиной под землёю и спастся от ифрита, после того как он был намерен убить меня, и я вспомнил обо всем, что прошло в моем сердце, с начала до конца, и восхвалил Аллаха и воскликнул: «Ценою глаза, но не души!» И я сходил в баню, прежде чем выйти из города, и обрил себе бороду и надел чёрную власяницу и пошёл наугад, о госпожа моя, и каждый день я плакал и размышлял о бедствиях, случившихся со мною, и о потере глаза. И думая о случившемся со мною, я всякий раз плакал и говорил такие стихи:

«Всемиловитым клянусь, смущенья, сомненья нет,
Печали, не знаю как, меня окружили вдруг.
Я буду терпеть, пока терпенье само не сдаст;
Стерплю я, пока Аллах судьбы не решат моей.

Стерплю, побеждённый, я без стонов и жалобы,
Как терпит возжаждавший в долине в полдневный зной.
И буду терпеть, пока узнает терпение,
Что вытерпеть горшее, чем мирра, я в силах был.

Ничто ведь не горько так, как мирра, но будет ведь
Ещё боле горько мне, коль стойкость предаст меня.
И тайна души моей – толмач моих тайных дум,
И тайное тайн моих – о вас мысли тайные.

И скалы б рассыпались, коль бремя моё несли б,
И ветер не стал бы дуть, и пламя потухло бы.
И если кто скажет мне, что жизнь иногда сладка,
Скажу я: «Наступит день, что горше, чем мирры вкус».

И я скитался по странам и приходил в города и направился в Обитель Мира – Багдад, надеясь дойти до повелителя правоверных и рассказать ему, что со мной случилось. Я пришёл в Багдад сегодня вечером и нашёл моего первого брата, вот этого, стоящим в недоумении, и сказал ему: «Мир с тобою!» – и побеседовал с ним, и вдруг подошёл к нам наш третий брат и сказал нам: «Мир с вами, я чужеземец», – и мы отвечали: «Мы тоже чужеземцы и пришли сюда в эту благословенную ночь». И мы пошли втроём, и никто из нас не знал истории другого, и судьба привела нас к этому месту и мы вошли к вам. Вот причина того, что я обрил бороду и усы и лишился глаза».

«Поистине, твоя история удивительна, – сказала госпожа жилища. – Пригладь себе голову и уходи своей дорогой». – «Я не уйду, пока не услышу истории моих товарищей», – сказал второй календер.

Рассказ третьего календера (ночи 14–16)

И тогда выступил вперёд третий календер и сказал: «О благородная госпожа, моя история не такова, как истории этих двоих. Нет, моя история удивительнее и диковиннее, и я из-за неё обрил себе бороду и потерял глаз. Этих двоих поразила судьба и рок, а я своей рукой навлёк на себя удар судьбы и заботу. А именно, я был царём, сыном царя, и мой отец скончался, и я взял власть после него и управлял и был справедлив и милостив к подданным.

И была у меня любовь к путешествиям по морю на корабле, а наш город лежал на море, которое было обширно, и вокруг нас были острова, большие и многочисленные, посреди моря. И у меня было в море пятьдесят кораблей торговых и пятьдесят кораблей поменьше, для прогулок, и сто пятьдесят судов, снаряжённых для боя и священной войны. И я захотел посмотреть на острова и вышел с десятью кораблями, взял запасов на целый месяц, и ехал двадцать дней, и когда наступила какая-то ночь, на нас подул противный ветер, и на море поднялись большие волны, которые бились одна о другую. И мы отчаялись в жизни, и нас покрыл густой мрак, и я воскликнул: «Не достоин похвалы подвергающийся опасности, даже если он и спасётся!» И мы стали вызывать к Аллаху великому и умолять его, а ветер все дул против нас, и волны бились, пока не показалась заря, и тогда ветер стих, и море успокоилось, а потом засияло солнце. И мы приблизились к острову и вышли на сушу и сварили себе кое-чего поесть и поели, а затем мы отдохнули два дня и ещё двадцать дней проехали. И воды смешались перед нами и перед капитаном, и капитан перестал узнавать море, и мы сказали дозорному: «Поднимись на мачту и осмотри море». И он влез на мачту и посмотрел и сказал капитану: «О капитан, я видел справа от меня рыбу на поверхности воды, а посмотрев на середину моря, я заметил вдали что-то такое, что кажется по временам чёрным, по временам белым». И, услышав слова дозорного, капитан ударил своей чалмой о землю, стал рвать себе бороду и воскликнул: «Знаете, что мы все погибли и никто из нас не спасётся!»

И он принялся плакать, и мы все заплакали о себе, и я сказал: «О капитан, расскажи нам, что видел дозорный». – «Знай, о господин мой, – ответил капитан, – что мы сбились с дороги в тот день, когда против нас поднялись ветры и ветер успокоился лишь на следующий день утром. И мы простояли два дня и заблудились в море, и с той ночи прошёл уже двадцать один день, и нет для нас ветра, который бы снова пригнал нас туда, куда мы направляемся. А завтра к концу дня мы достигнем горы из чёрного камня, которую называют Магнитная гора (а вода насильно влечёт нас к её подножию), и наш корабль распадётся на части, и все гвозди корабля полетят к этой горе и пристанут к ней, так как Аллах великий вложил в магнитный камень тайну, именно ту, что к нему стремится все железное». И в этой горе много железа, а сколько – знает только Аллах великий, и с древних времён об эту гору разбивалось много кораблей. И вблизи моря стоит купол из жёлтой меди, утверждённой на десяти столбах, а на куполе находится всадник и конь из меди, а у этого всадника в руке медное копье и на груди его повешена свинцовая доска, на которой вырезаны имена и заклинания. И губит людей, о царь, – говорит капитан, – именно всадник, сидящий на этом коне, и освобождение только тогда наступит, когда всадник упадёт с коня».

Потом, о госпожа моя, капитан заплакал горьким плачем, и мы убедились, что погибаем несомненно, и каждый из нас простился со своими друзьями и сделал завещание, на случай, если они спасутся. И мы не заснули в эту ночь, а когда настало утро, мы приблизились к этой горе, и воды влекли нас к ней силой. И когда корабль оказался у подножия горы, он распался, и все железо и гвозди, бывшие в нем, вылетели и устремились к магнитному камню и застряли в нем, и к концу дня мы все кружились вокруг горы, и некоторые из нас утонули, а другие спаслись, но большинство потонуло, и те, что спаслись, не знали друг о друге, так как волны и противный ветер унесли всех в разные стороны.

А что до меня, о госпожа, то Аллах великий спас меня, так как ему угодны были мои несчастья, пытки и испытания, и я сел на доску из досок корабля, и ветер прибил её к горе вплотную, и я нашёл дорогу, ведущую на вершину горы и пробитую в ней наподобие лестницы. И тогда я произнёс имя Аллаха великого...»

И Шахразадду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Пятнадцатая ночь

Когда же настала пятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что третий календер говорил женщине (а все собравшиеся были связаны, и рабы стояли, держа мечи над их головой): «И тогда я произнёс имя Аллаха и взывал к нему и умолял его и цеплялся за выбоины в горе, и когда я немного поднялся, Аллах соизволил, чтобы ветер утих в тот же час, и помог мне подняться, так что я уцелел и взобрался на гору. Но у меня был только один путь – к куполу, и я был крайне обрадован своему спасению.

Войдя под купол, я совершил омовение и молитву в два раката³⁵ и благодаря Аллаха за то, что я спасся, и потом я заснул под куполом и услышал во сне, что кто-то говорит: «О ибн Хадыб, когда ты проснёшься от сна, копай у себя под ногами: найдёшь лук из меди и три свинцовые стрелы с написанными на них заклинаниями. Возьми лук и стрелы и стреляй во всадника, который на куполе, и избавь людей от этого великого бедствия. И когда ты метнёшь стрелу во всадника, он упадёт в море, а лук его упадёт около тебя, и тогда возьми лук и зарой его в том месте, где стоит конь. И когда ты это сделаешь, море выступит из берегов и поднимется и станет вровень с горой, и на нем появится челнок, в котором будет человек из меди (не тот, которого ты сбросил), и он подъедет к тебе с веслом в руке. Садись с ним и не произноси имени великого Аллаха, а он станет грести и проедет с тобою десять дней, пока не доставит тебя в Море Безопасности, а прибывши туда, ты найдёшь кого-нибудь, кто тебя приведёт в твою страну. И все это удастся тебе, если ты не назовёшь имени Аллаха».

И потом я пробудился от сна и с живостью встал и сделал так, как сказал мне голос. И выстрелил во всадника, и сбросил его в море, и его лук упал возле меня, и я взял лук и зарыл его. И тогда море взволновалось и поднялось и встало вровень с горой и сравнялось со мною, и не прошло более минуты, как я увидел челнок посреди моря, который шёл ко мне, и я восхвалил великого Аллаха.

И когда челнок доплыл до меня, я увидел человека из меди, на груди которого была свинцовая доска с вырезанными на ней именами и заклинаниями, и я вошёл в челнок молча, не говоря ничего. И человек грёб первый день и другой и третий, до конца десяти дней, и я посмотрел и увидел Острова Безопасности, и тогда я сильно обрадовался и от большой радости помянул Аллаха и воскликнул: «Во имя Аллаха! Нет бога, кроме Аллаха! Аллах велик!»

И когда я это сделал, челнок выбросил меня в море, а потом возвратился и повернул в море. А я умел плавать и проплыл весь этот день до ночи, так что мои руки утомились и плечи устали, и я обессилел и все время был в опасности. И я произнёс исповедание веры и убедился, что умру, но море заволновалось от ветра, и ко мне подошла волна, словно большая крепость, и подняла меня и выкинула, так что я оказался на суше, ибо так было угодно Аллаху. И я поднялся и выжал свою одежду и высушил её и разостлал на земле и проспал ночь, а когда наступило утро, я встал и осмотрелся, куда мне пойти. Я увидел рощу и, войдя в неё, обошёл её кругом, и оказалось, что то место, где я нахожусь, – небольшой остров, и море окружает его. И я воскликнул: «Всякий раз, как спасусь от беды, попадаю в ещё большую!»

³⁵ Ракат – часть мусульманского молитвенного акта, состоящая из ряда установленных телодвижений и благочестивых восклицаний.

И когда я раздумывал о своём деле, желая смерти, я увидел издали корабль с людьми, направляющийся к острову, на котором я находился. И я поднялся и залез на дерево, и вдруг корабль пристал вплотную, и с него сошли десять рабов, с которыми были заступы, и они пошли и, дойдя до середины острова, разрыли землю и откопали опускную дверь и, подняв её, открыли вход в подземелье. После этого они вернулись на корабль, и перенесли оттуда хлеб, муку, масло, мёд, скотину и утварь, необходимую для жилья, и рабы до тех пор ходили на корабль и обратно, перенося с корабля припасы и спускаясь вниз, пока по перенесли в яму все, что было на корабле. И после этого они сошли с корабля, неся с собою одежды что ни на есть лучшие, и посреди них был старик, который прожил сколько прожил, и судьба потрепала его, но пощадила. И он был точно мёртвый и брошенный, в голубой тряпке, которую продували ветры с запада и востока, как сказал о нем поэт:

Потряс меня рок и как потряс-то! –
Ведь року присуща мощь и сила.
Я раньше ходил, не утомляясь,
Теперь не хожу и утомлён я.

И рука старца была в руке прекрасного юноши, вылитого в форме красоты и блеска и совершенства, так что его прелесть вошла в поговорку. И он был подобен свежей ветке и чаровал все сердца своей красотой и все умы похищал своей нежностью, как сказал о нем поэт, говоря:

Когда красу привели бы, чтоб с ним сравнить,
В смущенье бы опустила краса главу.

И если б её спросили: «Видала ли ты Подобного?» – то сказала б: «Такого? Нет!»

И они до тех пор шли, госпожа моя, пока не пришли к двери, и все спустились в подземелье и скрылись на час или больше, а потом поднялись наверх рабы и старик, но юноша не поднялся с ними, и они опустили дверь, как она была, и сошли на корабль и исчезли с моих глаз. И когда они уехали, я спустился с дерева и, подойдя к месту, которое они завалили, стал разрывать землю и переносить её, и терпеливо трудился, пока не убрал всю землю и не обнаружил дверь, и оказалось, что она деревянная, шириной в камень мельничного жернова. И я поднял дверь, и под нею оказалась каменная сводчатая лестница, и я удивился этому и спустился по лестнице и, войдя до конца её, увидел помещение, чистое и устланное всевозможными коврами и шёлковыми подстилками. И тот юноша сидел на высоком седалище, опершись на круглую подушку, и в руках у него было опахало, и перед ним стояли благовония и цветы, и он был один.

При виде меня лицо юноши пожелтело, а я приветствовал его и сказал: «Успокой свою душу и умерь свой страх: тебе не будет вреда! Я человек, как и ты, и сын царя, и судьба привела меня к тебе, чтобы я развлёк тебя в твоём одиночестве. Какова твоя история и что с тобой произошло, что ты поселился под землёю один?»

Убедившись, что я из его породы, юноша обрадовался, и краска возвратилась к нему, и он велел мне приблизиться, и сказал: «О брат мой, моя история удивительна!

Мой отец торговец драгоценными камнями, и у него есть товары и рабы и невольники-торговцы, которые ездят для него на кораблях с товарами в самые отдалённые страны, и у них есть караваны верблюдов и большие деньги. Но мой отец никогда не имел ребёнка, и однажды он увидел во сне, что у него родился сын, но жизнь его будет короткой. И он проснулся, крича и плача, а на следующую ночь моя мать понесла, и отец отметил время зачатия.

И дни её беременности кончились, и она родила меня.

Мой отец обрадовался и устроил пиры и стал кормить бедных и нуждающихся, так как я был послан ему в конце его жизни. И он собрал звездочётов и времяисчислителей и мудрецов того времени и знатоков рождений и гороскопов, и они исследовали положение звёзд в день моего рождения и сказали отцу: «Твой сын проживёт пятнадцать лет, и ему угрожают опасности, но если он от них спасётся, он будет жить долго. А причина его смерти в том, что в Море Гибели есть магнитная гора, на которой стоит конь и всадник из меди, а на груди всадника свинцовая доска. И когда всадник упадёт с коня, твой сын умрёт, через пятьдесят дней после этого, убийца его будет тот, кто сойдёт всадника: это царь, и зовут его Аджиб ибн Хадыб».

И мой отец сильно огорчился. И он воспитывал меня наилучшим образом, пока я не достиг пятнадцати лет, а десять дней тому назад до него дошла весть, что всадник упал в море и что того, кто его сбросил, зовут Аджиб, сын царя Хадыба, и мой отец испугался, что я буду убит, и перевёз меня в это место. Вот моя история и причина моего одиночества».

И, услышав эту историю, я изумился и сказал про себя: «Это все я сделал! Но клянусь Аллахом, я никогда его не убью». – «О господин мой, – сказал я, – да избавишься ты от болезни и гибели! Если захочет Аллах великий, ты не увидишь заботы, огорчения и расстройств. Я буду жить у тебя и прислуживать тебе и потом возвращусь своей дорогой, после того как проведу с тобой эти дни».

И я просидел, беседуя с ним, до ночи, а потом я встал, зажёл большую свечу и заправил светильник, и мы сидели, поставив сначала кое-какую еду. И мы поели, и я встал и поставил сладости, и мы лакомились и сидели, беседуя друг с другом, пока не прошла большая часть ночи. И юноша лёг, и я укрыл его и тоже лёг, а наутро я поднялся и нагрел немного воды и осторожно разбудил юношу, и когда он проснулся, я принёс ему горячую воду, и он вымыл лицо и сказал: «Да воздаётся тебе за это благом, о юноша! Клянусь Аллахом, когда я спасусь от того, что со мной, и от того, чьё имя Аджиб ибн Хадыб, я заставлю моего отца вознаградить тебя. Если же я умру, мир тебе от меня».

«Да не наступит день, когда тебя поразит зло, и да назначит Аллах мой день раньше твоего дня!» – ответил я, а затем я подал кое-какой еды, и мы поели, и я зажёл ему куренья, и он надушился, а после этого я сделал для него триктрак, и мы стали с ним играть. Потом мы поели сладкого и играли до ночи, и я зажёл свечи и подал ему и сидел, беседуя с ним, пока от ночи осталось мало, и юноша лёг, и я укрыл его и тоже лёг. И так продолжалось, о господин мой, дни и ночи, и в моем сердце возникла любовь к юноше, и я забыл свою заботу и сказал в душе: «Солгали звездочёты! Клянусь Аллахом, я не убью его».

И я служил юноше и разделял его трапезы и беседовал с ним до истечения тридцати девяти дней, а в ночь на сороковой день юноша обрадовался и сказал: «О брат мой, слава Аллаху, который спас меня от смерти, и это случилось по твоему благоволению и по благословению твоего прихода. Я прошу Аллаха, чтобы он вознаградил тебя и твою землю. Но я хочу, о брат мой, чтобы ты нагрел мне воды, я умоюсь и вымою себе тело». – «С любовью и охотой», – ответил я и нагрел ему воду в большом количестве и внёс её к юноше и хорошо вымыл ему тело мукой волчьих бобов и натёр его и прислуживал ему и переменял ему одежду и постлал для него высокую постель. И юноша подошёл и кинулся на постель и прилёг после бани и сказал: «О брат мой, отрежь нам арбуза и полей его соком сахарного тростника».

И я вошёл в кладовую и нашёл хороший арбуз, который лежал на блюде. И я заговорил с юношей и сказал ему: «О господин мой, нет ли у тебя ножа?»

«Вот он, над моей головой, на той верхней полке», – ответил юноша. И я встал, торопясь, и взял нож, схватив его за конец, и стал спускаться назад, и моя нога споткнулась, к я свалился на юношу с ножом в руке. И немедленно нож, сообразно тому, как было написано в безначальности, вонзился юноше в сердце, и он тотчас же умер.

И когда он закончил свой срок и я понял, что убил его, я испустил громкий крик, стал бить себя по лицу и разорвал на себе одежду и воскликнул: «Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! О мусульмане, этому юноше осталось до истечения опасного срока в сорок дней, о котором говорили звездочёты и мудрецы, только одна ночь, и предел жизни этого красавца должен был наступить от моей руки! О, если бы мне не резать этого арбуза! Это поистине бедствие и печаль. Но пусть Аллах свершает дело, которое решено!..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Шестнадцатая ночь

Когда же настала шестнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что Аджиб говорил женщине: «И, убедившись, что я убил его, я встал и поднялся по лестнице и насыпал обратно землю и окинул глазами море и увидел корабль, рассекавший море и направлявшийся к берегу. Я испугался и сказал: «Сейчас они придут и найдут их дитя убитым и узнают, что я убил его, и убьют меня несомненно!» И, подойдя к высокому дереву, я влез на него и закрылся его листьями, и не успел я усесться на верхушке дерева, как появились рабы, и с ними появился тот дряхлый старик, отец юноши. И они подошли к тому месту и, сняв землю, нашли дверь и спустились и увидели, что юноша лежит и его лицо сияет после бани, и одет он в чистое платье и нож воткнут ему в грудь. И они закричали и заплакали и стали бить себя по лицу и взывать о горе и бедствии, и старец на долгий час лишился сознания, и рабы подумали, что после своего сына он не будет жить.

И они завернули юношу в его одежды и накинули на него шёлковый плащ и вышли к кораблю, и старец вышел позади них. И, увидав своего сына лежащим, он упал на землю и посыпал голову прахом и бил себя по лицу и вырывал себе бороду. И он подумал о смерти своего сына и заплакал ещё сильнее и лишился чувств, и тогда один из рабов поднялся и принёс кусок шёлковой материи, и старика положили на скамью и сели у него в головах, и все это время я был на дереве над их головой и смотрел, что происходит, и моё сердце поседело прежде, чем стала седою моя голова, из-за забот и печалей, перенесённых мною. И я произнёс:

«Велики блага тайные Аллаха,
Что скрыты от ума мужей разумных,
Как много дел тебе противны утром,
А вечером они приносят радость!

Как часто нам легко вслед за мученьем!
Так облегчи же грусть больного сердца!»

О госпожа моя, старец все был без сознания, пока не приблизился закат, а потом он очнулся, и, увидев своего сына, с которым случилось то, чего он боялся, он стал бить себя по лицу и по голове и произнёс:

«Разлукой с любимыми все сердце истерзано,
И слезы из глаз моих струятся потоками.

Далеко желание ушло, о печаль моя,
Что ныне придумаю? Скажу что? Что сделаю?
О, если б не видел я ни разу возлюбленных!
Владыки мои, как быть? – Стеснились пути мои.

И как мне утешиться утехой, когда взыграл
Огонь страсти в душе моей и ярко пылает там?
О, если бы с ними я искал своей гибели!
Меж мною и ими связь, которой нельзя порвать.

Аллахом молю тебя, доносчик, помягче будь!
И пусть единение меж нами продлится век.
Как было прекрасно нам, когда единил нас дом
И жили в блаженстве мы четой неразлучною,
Пока не сразила нас стрела расставания.

А кто может вынести стрелу расставания?
Когда поразило те в любимом несчастье,
В едином во дни его, исполненном прелести,
Сказал я, а речь судьбы уж раньше промолвила:

«О, если б, дитя моё, не кончился жизни срок!
Каким бы путём тебя мне встречать немедленно?
Душой я бы выкупил тебя, если б приняли.
И если скажу – он солнце, – солнце заходит ведь.
А если скажу – луна, – луна ведь зашла уже.

О, грусть по тебе моя! О, горе от рока мне!
Нет жизни мне без тебя, так что ж развлечёт меня?
В тоске по тебе отец погиб твой; с тех пор как ты
Повергнут кончиною, стеснились пути мои.

И взоры завистников упали на нас в сей день.
Пусть тем же воздаётся им! Как скверны поступки их!»

Он издал крик, от которого дух его расстался с телом, и рабы закричали: «Увы, наш господин!» – и посыпали себе головы землёй и ещё сильнее заплакали. И они положили своего господина на корабле рядом с сыном и, распустив на судне паруса, скрылись с моих глаз, и тогда я слез с дерева и спустился в подземелье и стал думать о юноше. И я увидел некоторые из его вещей и произнёс такое стихотворение:

«Я таю в тоске, увидя слезы любимых,
На родине их потоками лью я слезы.
Прошу я того, кто с ними судил расстаться,
Чтоб мне даровал когда-нибудь он свидание».

Потом, о госпожа моя, я вышел из подземелья, и днём я ходил по острову, а ночью спускался в помещение, И я провёл таким образом месяц, глядя на тот конец острова, что лежал к западу. И всякий раз, как проходил день, море становилось мельче, пока на западной стороне не стало мало воды и прилив её не прекратился. Когда же месяц прошёл до конца, море с той стороны высохло, и я обрадовался и убедился в спасении. И войдя в оставшуюся воду, я вышел на берег материка и нашёл там кучи песку, в котором ноги верблюда погрузились бы по колено, и, укрепив свою душу, я пересёк эти пески и вдруг увидел огонь, блестевший издалека и пылавший ярким пламенем. И к направился к огню, надеясь найти облегчение, и произнёс:

«Надеюсь, что, может быть, судьба повернёт узду
И благо доставит мне, – изменчиво время, –
И помощь в надеждах даст и нужды свершит мои:
Ведь вечно случаются дела за делами».

Я пошёл на огонь и, подойдя к нему, вдруг увидел, что это дворец, и ворота его из жёлтой меди, и когда над ними засияло солнце, дворец засветился издали, и казалось, что это огонь. И я обрадовался, увидя его, и сел напротив ворот; и не успел я усесться, как появилось десять юношей, одетых в роскошные платья, и с ними глубокий старик, но только юноши были кривые на правый глаз. Я подивился их виду и тому, что они одинаково кривы, а юноши, увидя меня, пожелали мне мира и спросили меня, что со мной и какова моя история. И я рассказал им, что мне выпало и какие бедствия исполнились надо мной, и они изумились моему рассказу и взяли меня и привели во дворец. Я увидел вокруг дворца десять лож, и на каждом из них и постель и одеяло были голубые, а посреди них стояло небольшое ложе, на котором, подобно остальным, все тоже было голубое. И когда мы вошли, юноши поднялись на свои ложа, а старец взошёл на то маленькое, стоявшее посредине, и сказал: «О юноша, живи в этом дворце и не спрашивай о том, что с нами и об отсутствии у нас глаза». Потом старец поднялся и подал каждому еду в особом сосуде и питьё в отдельном кубке и мне также подал, а после этого они сидели и расспрашивали меня о моем положении, о том, что со мной случилось, и я им рассказывал, пока не прошла большая часть ночи.

И тогда юноши сказали: «О старец, не принесёшь ли ты то, что нам назначено? Время уже пришло». – «С любовью и охотой», – отвечал старец и, поднявшись, вышел в кладовую во дворце и скрылся, и возвратился, неся на голове десять блюд, каждое из которых было накрыто голубым покрывалом. И он подал каждому из юношей блюдо, затем зажёл десять свечей и поставил на каждое блюдо по свечке, а после этого он снял покрывала, и под ними оказался пепел, толчёный уголь и сажа от котлов. И все юноши обнажили руки и заплакали и застонали и вычернили себе лица и разорвали на себе одежду и стали бить себя по лицу и ударять себя в грудь, говоря: «Мы сидели развалившись, но болтливость нам навредила!» И они продолжали это, пока не приблизилось утро, и тогда старец поднялся и нагрел им воды, и они вымыли себе лица и надели другие одежды, чем прежде.

И когда я увидел это, о госпожа моя, мой ум пропал, и мысли мои смутились, и моё сердце обеспокоилось, и я забыл о том, что со мной случилось, и не был в состоянии молчать, а заговорил с ними и спросил их: «Зачем это, после того как мы веселились и устали? Вы, слава великому Аллаху, в полном уме, а такие дела творят только одержимые. Заклинаю вас самым дорогим для вас, не расскажете ли вы мне, что с вами и почему вы потеряли глаза и черните себе лица пеплом и сажей?» Но они обернулись и сказали: «О юноша, пусть не обманывает тебя твоя молодость! Откажись от твоего вопроса». После этого они поднялись, и я поднялся с ними, и старец подал кое-какой еды, и когда мы поели и блюда были убраны, они просидели, разговаривая, пока не приблизилась ночь.

И тогда старец поднялся и зажёл свечи и светильники, и подана была еда и питьё, и, окончив есть, мы просидели за разговорами и застольной беседой до полуночи, и юноши сказали старцу: «Поддай то, что нам назначено, – пришло время спать». И старец поднялся и принёс подносы с чёрным песком, и они сделали то же, что сделали в первую ночь.

И я прожил у них таким образом в течение месяца, и каждую ночь они чернили себе лица пеплом и мыли их и меняли одежду, и я дивился этому, и моё беспокойство до того увеличилось, что я отказался от еды и питья. И я сказал им: «О юноши, неужели вы не прекратите моей заботы и не расскажете, почему черните себе лица?» Но они ответили: «Соккрытие нашей тайны правильной». И я остался в недоуменье о их делах и отказывался от питья и пищи.

«Вы непременно должны мне рассказать о причине этого», – сказал я им, но они ответили: «В этом будет для тебя горе, так как ты станешь подобен нам». – «Это неизбежно должно быть, – сказал я, – а не то пустите меня, я уеду от вас к моим родным и не стану смотреть на это. Ведь пословица говорит: «Быть вдали от вас лучше мне и прекрасней – не видит глаз, не печалится сердце».

Тогда они пошли и зарезали барана и ободрали его и сказали мне: «Возьми эту шкуру с собой, залезь в неё и зашей её на себе. К тебе прилетит птица, которую называют Рухх, и поднимет тебя и положит на гору, а ты порви шкуру и выйди из неё, и тогда птица тебя испугается и улетит и оставит тебя. Пройди полдня, и увидишь перед собою дворец, диковинный видом; войди в него, и ты достиг того, чего хочешь, ибо потому, что мы вошли в этот дворец, мы и черним себе лица и потеряли глаз. А если мы станем тебе рассказывать, наш сказ затянется, так как с каждым из нас случилась странная история, из-за которой был вырван правый глаз».

Я обрадовался этому, и они сделали со мной так, как сказали, и птица понесла меня и опустила со мной на гору, и я вышел из шкуры и шёл, пока не вошёл во дворец, и вдруг вижу – в нем сорок невольниц, подобных лунам, смотрящий на которые не насытится. И, увидав меня, все они сказали: «Приют тебе и уют! Добро пожаловать, о владыка наш, мы уже целый месяц ожидаем тебя! Слава же Аллаху, который привёл к нам того, кто достоин нас и кого мы достойны». Потом они посадили меня на высокое седалище и сказали: «От сего дня ты наш господин и судья над нами, а мы твои невольницы и послушны тебе, приказывай нам по твоему усмотрению».

И я удивился всему этому, а девушки принесли мне еды, и я поел с ними, и они подали вино и собрались вокруг меня. И пятеро из них встали и постлали циновку и расставили вокруг неё много цветов и плодов и закусок и принесли к этому вино, и мы сели пить, и девушки взяли лютню и стали петь под неё, и чаша и блюда заходили между нами. И меня охватила такая радость, что я забыл о заботах жизни земной и воскликнул: «Вот она, настоящая жизнь!»

И я пробыл с ними, пока не пришло время сна, и они сказали мне: «Возьми, кого выберешь из нас, чтобы спать возле тебя». И я взял одну из них, красивую лицом, с насурьмлёнными глазами и чёрными волосами и слегка раскрытыми устами и сходящимися бровями, и она была совершенна по красоте и походила на нежную ветвь или стебель базилика, и ошеломляла и смущала ум, подобно тому, как поэт сказал о ней:

Сравнили мы с веткою её лишь по глупости,
И свойства сравнить её нельзя с газеленком нам.
Откуда возьмёт газель прекрасная стан её,
Откуда напиток тот медовый? Как чуден он!

И очи громадные, в любви смертоносные,
Влюблённых что в плен берут, убитых, измученных?
Люблю я любимую любовью язычества!
Не диво, что любящий ведёт как дитя себя.

И я повторил ей слова сказавшего:

«На красу лишь вашу взирает око моё теперь,
И ничто другое в душе моей не проносится.
Госпожа моя, лишь о страсти к вам ныне думаю,
И влюблённым в вас и скончаюсь я, и воскресну вновь!»

И я проспал с нею ночь, лучше которой не видел, а утром они меня свели в баню и вымыли меня и одели в лучшие одежды и подали нам еду и напитки, и мы поели и попили, и чаши ходили между нами до ночи. А потом и выбрал одну из них, красивую чертами и с нежными боками, как сказал о ней поэт, говоря:

На персях возлюбленной я вижу шкатулки две
С печатью из мускуса – мешают обнять они.
Стрелами очей своих она охраняет их,
И всех, кто враждебен им, стрелою разит она.

И я проспал с нею прекраснейшую ночь до утра, и, говоря кратко, о госпожа моя, я провёл у них в приятнейшей жизни целый год. А в начале следующего года они сказали мне: «О, если бы мы тебя не знали! Если ты нас послушаешь, в этом будет твоё благополучие». И они принялись плакать, а я удивился и спросил их: «Что случилось?» И они ответили: «Мы дочери царей, и мы здесь живём вместе уже много лет. Мы отлучаемся на сорок дней и проводим год за едой, питьём, наслаждениями и удовольствиями, а потом снова отлучаемся. Таков наш обычай, и мы опасаемся, что, когда нас не будет, если ослушаешься нашего приказания. Вот мы отдаём тебе ключи от дворца: в нем сорок сокровищниц; открой тридцать девять дверей, но берегись открыть сороковую дверь, – тогда ты расстанешься с нами». – «Я не открою её, если в этом разлука с вами», – ответил я.

Тогда одна из девушек подошла и обняла меня и заплакала и произнесла:

«Клянусь я, когда бы мы, расставшись, сошлись опять,
Судьбы б улыбнулось нам лицо всегда мрачное.
И если глаза мои могли б посмотреть на вас,
Судьбе извинил бы я грехи её прошлые. –

И произнесла ещё:

Когда подошла она проститься, душа её
В союзе была в тот день со страстью и нежностью.
И горько заплакала она свежим жемчугом,
Моя же слеза коралл, а все – ожерелье ей».

И, увидев, что она плачет, я воскликнул: «Клянусь Аллахом, я ни за что не открою дверь!» – и простился с нею, и они вышли и улетели, и я остался сидеть во дворце один.

Когда же подошёл вечер, я открыл первый покой и вошёл в него и увидел там помещение, подобное раю, и в нем был сад с зеленеющими деревьями и спелыми плодами, и птицы в нем перекликались и воды разливались. И моё сердце возвеселилось, и я стал ходить между деревьями и вдыхать запах цветов и слушать пение птиц, прославлявших Единого, Могучего; и я увидел яблоки всех оттенков, от алеющих до желтоватых, как сказал поэт:

Это яблоко как бы двух цветов одновременно:
Цвета щёк любимых и цвета тех, кого мучит страсть.

И я взглянул на айву и вдохнул её аромат, издаваемый над запахом мускуса и амбры, и она была такова, как сказал поэт:

В айве заключаются для мира все радости,

И выше плодов она других, как известно.
По вкусу – вино она, как мускус – по запаху,
И цветом – как золото, кругл же – как месяц.

Потом я посмотрел на абрикос, подобный отшлифованному яхонту, красота которого восхищает взор, а после того я вышел из этого покоя и запер дверь сокровищницы, как было. А назавтра я открыл другую сокровищницу и, войдя в неё, увидел обширную площадь, где были большие пальмы и бежал поток, по краям которого стлались кусты роз, жасмина, майорана, душистого шиповника, нарцисса и гвоздики. И ветры веяли над этими цветами, и благоухание их разносилось направо и налево, и меня охватило полное блаженство.

Потом я вышел оттуда и запер дверь сокровищницы, как было, и после этого я открыл дверь третьей сокровищницы и увидел там большую залу, выстланную разноцветным мрамором, драгоценными самоцветами и роскошными камнями, и в ней были клетки из райского дерева и сандала, в которых пели птицы: соловьи, голуби, дрозды, горлицы и певчие нубийки. И моё сердце возвеселилось от этого, и забота моя рассеялась, и я проспал в этом месте до утра.

А потом я открыл дверь четвёртой сокровищницы и очутился в большом помещении, где было сорок кладовых с открытыми дверями. И я вошёл туда и увидел жемчуга, яхонты, топазы, изумруды и драгоценные камни, которых не описать языком, и мой ум был ошеломлён, и я воскликнул: «Я думаю, что таких вещей не найти и в казне какого-нибудь царя!» И тогда моё сердце возрадовалось, и забота моя прекратилась, и я воскликнул: «Теперь я царь своего века, и эти богатства, по милости Аллаха, у меня, и под моей властью сорок девушек, у которых нет, кроме меня, никого».

И я не переставал ходить из помещения в помещение, пока не прошло тридцать девять дней, и за это время я открыл все сокровищницы, кроме той, куда мне запретили открывать дверь.

А моё сердце, о госпожа, было занято этой сокровищницей, которая была последней из сорока, и сатана, на моё несчастье, судил мне её открыть, и у меня не достало терпения удержаться от этого (а до условного срока оставался лишь один день). И я подошёл к упомянутой сокровищнице и открыл дверь в неё и вошёл и почувствовал благоухание, подобного которому никогда не вдыхал. И этот запах опьянил мой ум, и я упал и пролежал в обмороке с час, а потом я укрепил своё сердце и вошёл в сокровищницу и увидел, что пол в ней усыпан шафраном, и нашёл там золотые светильники и цветы, распространяющие запах мускуса и амбры и пылавшие светом. И я увидел две большие курильницы, каждая из которых была наполнена алоэ и амброй с мёдом, так что помещение пропиталось их ароматом; и ещё я увидел, о госпожа, вороного коня, подобного мраку ночи, когда она стемнеет, и перед ним была кормушка из белого хрусталя с очищенным кунжутом и другая, такая же, полная розовой воды с мускусом. И конь был осёдлан и взнуздан, и седло его было из червонного золота. И, увидя коня, я подивился ему и сказал про себя: «За этим непременно должно быть скрыто великое дело!»

И сатана сбил меня с пути, и я вывел коня и сел на него, но он не тронулся с места, и я толкнул его ногой, но он не двинулся, и тогда я взял плетё и ударил ею коня, и конь, почувствовав удар, заржал и издал крик, подобный грохочущему грому, и, распахнув два крыла, полетел со мной и скрылся на некоторое время от взоров в выси небес. Потом он опустился со мною на крышу и сбросил меня и, хлестнув меня по лицу своим хвостом, выбил мой правый глаз, который вытек мне на щеку.

И конь улетел от меня, а я спустился с крыши и нашёл тех десять кривых юношей, и они сказали мне: «Ни простора тебе, ни уюта!» И я ответил им: «Вот и я стал таким же, как вы; я хочу, чтобы вы дали мне блюдо с сажей и я мог бы вычернить себе лицо, и позволили бы мне сидеть с вами».

«Клянёмся Аллахом, ты не будешь сидеть у нас, – уходи отсюда!» – отвечали они, и когда они меня прогнали, моё положение стеснилось, и я стал размышлять о том, что протекло над моей головой.

И я вышел от них с печальным сердцем и плачущими глазами и говорил украдкой: «Я сидел развалившись, но болтливость мне повредила!» И я обрил себе бороду и усы и пустился бродить по землям Аллаха, и Аллах предначертал мне благополучие, пока я не прибыл в Багдад, в сегодняшний вечер.

И я нашёл этих двух, стоявших в недоумении, и поздоровался с ними и сказал: «Я чужеземец!» И они ответили: «Мы тоже чужеземцы!» И нас сошлось трое календеров, кривых на правый глаз. Вот, о госпожа, причина, почему я обрил подбородок и потерял глаз».

«Пригладь свою голову и уходи!» – сказала женщина, но календер воскликнул: «Не уйду, пока не услышу рассказа вот этих!» И после этого женщина обратилась к халифу, Джафару и Масруру и сказала им: «Расскажите нам вашу историю!»

И Джафар выступил вперёд и повторил ей ту историю, которую рассказал привратнице у входа, и, услышав его рассказ» женщина сказала: «Я дарю вас друг другу».

И все вышли, и когда они оказались в переулке, халиф спросил календеров: «О люди, куда вы теперь направитесь, когда заря ещё не заблестала?»

«Клянёмся Аллахом, о господин наш, мы не знаем, куда пойти», – отвечали они, и халиф сказал: «Идите переночуйте у нас!» И он сказал Джафару: «Возьми их и приведи ко мне завтра – мы запишем то, что случилось». И Джафар последовал приказанию халифа, а халиф поднялся к себе во дворец, но сон не брал его в эту ночь, и когда наступило утро, он сел на престол власти и, после того как явились вельможи царства, обратился к Джафару и сказал: «Приведи мне этих трех женщин, и сук, и календеров».

И Джафар встал и привёл их пред лицо халифа, и женщины зашли за занавеску, и Джафар обратился к ним и сказал: «Мы простили вас за милость, которую вы оказали нам раньше, не зная нас, но теперь я вас осведомлю.

Вы перед лицом пятого халифа из потомков аль-Аббаса³⁶, Харуна ар-Рашида, брата Мусы-аль-Хади, сына аль-Махди-Мухаммеда, сына Абу-Джафара-аль-Мансура, сына Мухаммеда, и брата Ас-Саффаха, сына Мухаммеда. Рассказывайте же ему одну только правду!»

³⁶ Аль-Аббас и б и Абд аль-Муталлиб – дядя пророка Мухаммеда, родоначальник династии Аббасидов, правившей восточным халифатом с 750 года до взятия Багдада монголами в 1258 году.

Рассказ первой девушки (ночи 17–18)

И когда женщины услышали, что говорил Джафар от имени повелителя правоверных, старшая выступила вперёд и сказала: «О повелитель правоверных, со мной была история, которая, если бы написать её иглами в уголках глаза, наверное стала бы назиданием для поучающихся и наставлением для тех, кто принимает наставления...»

И Шахразад устало застывало утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семнадцатая ночь

Когда же настала семнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина, выступив перед лицом повелителя правоверных, сказала: «Со мною была удивительная история, вот она:

Эти две чёрные суки – мои сестры, и нас было трое родных сестёр по отцу и матери, а эти две девушки: та, на которой следы ударов, и другая, закупавшая, – от другой матери. И когда наш отец умер, все взяли свою долю наследства, а через несколько дней скончалась моя матушка и оставила нам три тысячи динаров, и каждая из дочерей взяла своё наследство – тысячу динаров. Я была моложе их по годам. И мои сестры сделали приданое и вышли замуж, и каждая взяла себе мужа, и они прожили некоторое время, а затем оба мужа собрали товары, и каждый взял у своей жены тысячу динаров, и они все вместе уехали и бросили меня.

Их не было пять лет, и мужья их загубили деньги и разошлись и оставили жён в чужих землях, и через пять лет старшая пришла ко мне в образе нищенки, одетая в рваное платье и грязный старый изар, и она была в гнуснейшем состоянии. И когда она пришла ко мне, я не вспомнила её и не узнала, но потом, признав её, я спросила: «Что означает это положение?» И она ответила: «О сестрица, в словах нет больше пользы! Калам³⁷ начертал то, что было суждено!» И я послала её в баню и надела на неё одежду и сказала: «О сестрица, ты мне вместо матери и отца! Аллах благословил наследство, которое досталось мне с вами, и я его умножила и живу превосходно. Я и вы – это одно и то же». И я оказала ей крайнюю милость, и она прожила у меня целый год, И сердца наши были в тревоге о другой нашей сестре, и прошло лишь немного времени, и она явилась в состоянии ещё худшем, чем старшая сестра. И я сделала ей больше, чем первой, и им достались деньги из моих денег.

Но через некоторое время они сказали мне: «О сестрица, мы хотим замуж! Нет у нас терпенья сидеть без мужа». – «О, глаза мои, – ответила я, – нет добра в замужестве! Хорошего мужчину теперь редко найдёшь, и я не вижу добра в том, что вы говорите. Вы ведь испытали замужество». Но они не приняли моих слов и вышли замуж без моего согласия, и я обрядила их из моих денег и покровительствовала им.

Они уехали со своими мужьями и прожили с ними небольшое время, а потом их мужья взяли то, что у них было, и уехали, оставив их. И сестры пришли ко мне улаженные, извинились и сказали: «Не взыщи с нас! Ты моложе нас по годам, но совершеннее по уму! Мы никогда больше не станем говорить о замужестве! Возьми нас к себе в служанки, чтобы у нас был кусок хлеба». – «Добро пожаловать, о сестрицы, у меня нет никого дороже вас», – ответила я и приняла их и оказала им ещё большее уважение, и мы провели так целый год.

Но и мне захотелось снарядить корабль в Басру³⁸, и я снарядила большой корабль и снесла туда товары и припасы и то, что нам было нужно на корабле, и сказала: «О сестрицы, хотите ли

³⁷ По мусульманскому поверью, Аллах прежде всех вещей создал «калам» (перо), которым заранее записал всё, что произойдёт в будущем, до дня страшного суда.

³⁸ Басра – торговый город и порт в Ираке, к юго-востоку от Багдада, близ общего устья Тигра и Евфрата.

вы жить дома, пока я съезжу и вернусь, или вы поедете со мной?» – «Мы отправимся с тобой, мы не можем с тобой расстаться», – отвечали они, и я взяла их с собою. Я разделила свои деньги пополам и половину взяла, а другую половину отдала на хранение и сказала: «Может быть, с кораблём что-нибудь случится, а жизнь ещё будет продлена, и когда мы вернёмся, мы найдём кое-что, что нам поможет».

Мы путешествовали дни и ночи, и наше судно сбилось с пути, и капитан проглядел дорогу, и корабль вошёл не в то море, куда мы хотели, но мы некоторое время не знали этого. И ветер был хорош десять дней, а после стих. После десяти дней дозорный поднялся посмотреть и воскликнул: «Радуйтесь!» – и опустился, довольный, и сказал: «Я видел очертание города, и он похож на голубку».

Мы обрадовались, и не прошло часа дневного времени, как перед нами заблестал издали город. «Как называется город, к которому мы приближаемся?» – спросили мы капитана, и он сказал: «Клянусь Аллахом, не знаю! Я никогда его не видел и в жизни не ходил по этому морю. Но все обошлось благополучно, и вам остаётся только войти в этот город. Посмотрите, как будет с вашими товарами, и если вам случится продать – продавайте, и закупайте всего, что там есть, а если продать вам не придётся, мы отдохнём два дня, сделаем запасы и уедем». И мы пристали к городу, и капитан отправился туда и отсутствовал некоторое время, а потом он пришёл к нам и сказал: «Поднимитесь, идите в город и подивитесь творению и созданию Аллаха и взывайте о спасения от гнева его!»

И мы пошли в город, и, подойдя к городским воротам, я увидела у ворот людей с палками в руках и, приблизившись к ним, вдруг вижу – они поражены гневом Аллаха и превратились в камень! И мы вошли в город и увидели, что все, кто там есть, поражены гневом и превратились в чёрный камень, и нет там ни живого человека и ни горящего огня. И мы были ошеломлены этим и прошли по рынкам и увидели, что товары целы и что золото и серебро тоже осталось, как было, и обрадовались и сказали: «Быть может, за этим скрыто какое-нибудь зло!»

И мы разошлись по улицам города, и каждая из нас забывала о других, забирая деньги и материи, я же поднялась к крепости и увидела, что она хорошо устроена. И я вошла в царский дворец и увидела, что все сосуды там из золота и серебра, и тут же я увидела царя, который сидел среди своих придворных, наместников и везирей, и на нем были такие одежды, которые повергали в недоумение. И, подойдя к царю, я увидела, что он сидит на престоле, – выложенном жемчугом и драгоценными казнями, и на нем золотое платье, где каждый камешек светит, как звездочка, а вокруг него стоят пятьдесят невольников, одетых в разные шелка, и в руках у них обнажённые мечи.

Посмотрев на это, я смутилась умом и прошла немного и вошла в помещение харима и увидела на стенах его занавески, вышитые золотыми полосами, а царицу я нашла лежащей, и она была одета в одежду, покрытую свежим жемчугом, и на голове у неё был венец, окаймлённый всевозможными камнями, а на шее – бусы и ожерелья. И все бывшие на ней одежды и украшения остались в своём виде, но она, от гнева Аллаха, превратилась в чёрный камень.

И я нашла открытую дверь и вошла в неё, и за нею оказалось помещение, возвышающееся на семь ступенек, и я увидела, что этот покой вымощен мрамором и устлан коврами, шитыми золотом. И там оказалось ложе из можжевельника, выложенное жемчугом и драгоценностями, с двумя изумрудами величиной с гранат, и над ним был опущен полог, унизанный жемчугом. И я увидела свет, исходивший из-за полога, и, поднявшись, нашла жемчужину, размером с гусиное яйцо, лежавшую на небольшой скамеечке, и она горела, как свеча, и распространяла сияние. И на этом ложе были постланы всевозможные шелка, приводившие в смятение смотрящего, я, увидев все это, я изумилась. И при виде зажжённых свеч я сказала: «Несомненно кто-нибудь зажгёт эти свечи».

А потом я пошла дальше и вошла в другое помещение и принялась осматривать покои и обходить их кругом, И меня охватило такое удивление, что я забыла самое себя и погрузилась в думы.

А когда подошла ночь, я захотела выйти, но не узнала двери и заблудилась и пришла обратно к ложу с пологом И села на ложе, а потом прикрылась одеялом и, прочитав сначала кое-что из Корана, хотела заснуть, но не могла, к мною овладела бессонница. И когда наступила полночь, я услышала чтение Корана красивым, но слабым голосом, и обрадовалась и пошла на голос, пока не дошла до какого-то помещения, но дверь в него я нашла закрытой. И, открывши дверь, я посмотрела в помещение и вдруг вижу: это молельня с михрабом, и в ней стоят горящие светильники и две свечи. И там был постлан молитвенный коврик, и на нем сидел юноша, прекрасный видом, а перед ним лежал список священной книги, и он читал вслух. И я изумилась, как это он спасся один из всех жителей города, и, войдя, приветствовала его, а он поднял глаза и ответил на моё приветствие.

И я сказала ему: «Прошу тебя и заклинаю тем, что ты читаешь в книге Аллаха, не ответишь ли ты мне на мой вопрос?» А юноша смотрел на меня и улыбался. «О рабыня Аллаха, – ответил он, – расскажи мне, почему вошла ты в это помещение, и я расскажу тебе о том, что случилось со мною и с жителями этого города и почему я спасся».

Я рассказала ему свою историю, и он изумился, а потом я спросила его, что произошло с жителями этого города, и юноша отвечал: «О сестрица, дай мне срок!»

Он закрыл рукопись и положил её в атласный чехол и велел мне сесть с ним рядом, и я посмотрела на него, и вижу: он подобен сияющей луне в полнолуние и совершенен видом, с нежными боками и прекрасной внешностью, словно вылитый из сахара, и стройный станом, как сказано о нем в таких стихах:

Наблюдал однажды, ночной порой, звездочёт и вдруг
Увидал красавца, кичливого в одеждах.
Подарил Сатурн черноту ему его локонов
И от мускуса точки родинок на ланитах.

Яркий Марс ему подарил румянец ланит его,
А Стрелец – бросал с лука век его стрелы метко.
Даровал Меркурий великую остроту ему,
А Медведица – та от взглядов злых охраняла.

И смутился тут звездочёт при виде красот его,
А перед ним лобызал землю покорно.
И Аллах великий облачил его в одежду совершенства и расшил её
блеском
И красотой пушка его ланит. Как сказал о нем поэт:

Опьяненьем век и прекрасным станом клянусь его
И стрелами глаз, оперёнными его чарами.
Клянусь мягкостью я боков его и копьём очей,
Белизной чела и волос его чернотой клянусь.

И бровями теми, что сон сгоняет с очей моих,
Мною властвуя запрещением и велением.

И ланиты розой, и миртой нежной пушка его,

И улыбкой уст, и жемчужин рядом во рту его,
И изгибом шеи и дивным станом клянусь его,
Что взрастил граната плоды свои на груди его.

Клянусь бёдрами, что дрожат всегда, коль он движется
Иль спокоен он, клянусь нежностью я боков его.
Шелковистой кожей и живостью я клянусь его
И красою всей, что присвоена целиком ему.

И рукой его вечно щедрою, и правдивостью
Языка его, и хорошим родом и знатностью.
Я клянусь, что мускус, дознаться коль, – аромат его,
И дыханьем амбры нам веет ветер из уст его.

Точно так же солнце светящее, при сравнении с ним,
Нам напомнить может обрезок малый ногтей его.

И я взглянула на него взглядом, породившим во мне тысячу вздохов, и моё сердце проникнулось любовью к нему, и я сказала: «О господин мой, расскажи мне о том, что я тебя спросила».

«Слушаю и повинуюсь, – ответил юноша. – Знай, рабыня Аллаха, что этот город – город моего отца, а он – царь, которого ты видела на престоле превращённым в чёрный камень вследствие гнева Аллаха. А царица, которую ты видела под пологом, моя мать, и все жители города были маги, поклонявшиеся огню, вместо могучего владыки, и они клялись огнём и светом, мраком и жаром, и вращающимся сводом небес. А у моего отца не было ребёнка, и я был послан ему в конце его жизни, и он воспитывал меня, пока я не вырос, и счастье шло впереди меня. У нас была старуха, далеко зашедшая в годах, мусульманка, тайно веровавшая в Аллаха и его посланника, но внешне соглашавшаяся с моими родными. И мой отец полагался на неё, видя её верность и чистоту, и оказывал ей уважение и все больше почитал её, и он думал, что она его веры. И когда я стал большой, мой отец передал меня этой старухе и сказал ей: «Возьми его и воспитай и обучи его положениям нашей веры. Воспитай его как следует и ходи за ним».

И старуха взяла меня и научила вере ислама, омовению по его правилам и молитве, и заставила меня твердить Коран и сказала мне: «Не поклоняйся никому, кроме великого Аллаха». А когда я усвоил это до конца, она сказала мне: «Дитя моё, скрывай это от твоего отца и не осведомляй его об этом, чтобы он тебя не убил». И я скрыл это от него и оставался в таком положении немного дней, как старуха умерла, а нечестие, преступность и заблуждение жителей города ещё увеличились.

И они пребывали в подобном состоянии, и вдруг слышат глашатая, возглашающего во весь голос, подобно грохочущему грому, который слышит и ближний и дальний: «О жители этого города, отвратитесь от поклонения огням и поклонитесь Аллаху, владыке милосердному». И жителей города охватил страх, и они столпились возле моего отца, который был царём в городе, и сказали ему: «Что это за устрашающий голос, который мы слышим? Мы потрясены сильным испугом». И мой отец ответил: «Пусть этот голос не ужасает и не пугает вас, и не отвратит вас от вашей веры», – и сердца их склонились к словам моего отца, и они не перестали усердно поклоняться огню и стали ещё больше преступны.

Прошёл год с того дня, когда они услышали голос впервые, и он явился им во второй раз, и его услышали, а также и в третий, в течение трех лет, каждый год по разу, но они не перестали предаваться тому же, что и прежде, пока их не поразило отмщение и ярость с небес, и после восхода зари они были обращены в чёрные камни вместе с их выючными животными

и скотом. И никто из жителей этого города не спасся, кроме меня, и с того дня, как случилось это событие, я в таком положении: молюсь, пощусь и читаю Коран. И у меня не стало терпения быть одному, никого не имея, кто бы развлёк меня».

И тогда я сказала ему (а он похитил моё сердце): «О юноша, согласишься ли ты отправиться со мной в город Багдад посмотреть на учёных законоведов, чтобы увеличились твои знания и разумения и мудрость? Знай, что служанка, стоящая пред тобою, – госпожа своего племени и повелительница мужей, слуг и челяди, и у меня есть корабль, гружённый товарами. Судьба закинула нас в этот город, и по этой причине мы узнали об этих делах, и нам выпало на долю встретиться».

Я до тех пор уговаривала его поехать и подлаживалась и хитрила с ним, пока он не согласился и не соизволил на это...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемнадцатая ночь

Когда же настала восемнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что женщина до тех пор уговаривала юношу поехать с нею, пока он не сказал ей: «Хорошо». «И тогда, – говорила женщина, – я провела ночь у его ног, не веря самой себе от радости.

Когда же настало утро, мы поднялись и пошли в кладовые и взяли оттуда лёгкое по весу и высокое по цене и спустились из крепости в город и встретили невольников и капитана, которые разыскивали меня. И, увидав меня, они обрадовались, и я рассказала им то, что видела, и сообщила им историю юноши и почему этот город навлёк гнев Аллаха и что случилось с ними. И все удивились этому, и когда мои сестры, вот эти две суки, увидел меня и со мною этого юношу, они позавидовали мне и пришли в гнев и замыслили против меня козни. Потом мы сошли на корабль, радуясь, нет, улетаая от радости из-за того, что мы нажили, а я больше всего радовалась юноше.

Мы стали ждать попутного ветра, и когда он подул, мы распустили паруса и поплыли. И мои сестры сидели с нами, и мы стали разговаривать, и они сказали мне: «О сестрица, что ты будешь делать с этим прекрасным юношей?» – а я ответила: «Я намерена взять его в мужья». Потом я обернулась к юноше и, обратившись к нему, сказала: «О господин мой, я хочу что-то тебе сказать; не перечь мне в этом. Когда мы прибудем в наш город, в Багдад, я предложу себя тебе в служанки, как жену, и ты будешь мне супругом, а я тебе супругой». И он ответил: «Слушаю и повинуюсь!» А я обратилась к сёстрам и сказала им: «Достаточно с меня этого юноши, ведь то, что всякий из вас нажил, принадлежит ему». И мои сестры отвечали: «Ты хорошо сделала», – но затаили на меня зло.

И мы ехали не переставая, и ветер благоприятствовал нам, пока мы не выплыли из Моря Страха и не вступили в безопасные воды. И мы проехали ещё немного дней и приблизились к городу Басре, и стены её блеснули нам, и нас настиг вечер. А когда нас охватил сон, мои сестры поднялись и взяли меня с моей постели и бросили в море, и то же самое они сделали с юношей, и он не умел хорошо плавать и утонул, и Аллах предначертал ему быть в числе мучеников. А что до меня, то лучше бы мне было утонуть вместе с ним, но Аллах предопределил мне быть среди спасшихся, и когда я оказалась в море, Аллах послал мне кусок дерева, и я села на него, и волны били меня до тех пор, пока не выбросили на берег острова.

Я шла по острову весь остаток этой ночи, а когда наступило утро, я увидела протоптанную тропинку, шириной в ногу человека, которая вела с острова на материк. А солнце уже взошло, и я высушила свою одежду на солнце и поела плодов, бывших на острове, и напилась там воды и пошла по этой дороге и шла до тех пор, пока не приблизилась к материку, и между мною и городом оставалось два часа пути.

И вдруг я вижу: ко мне устремляется змея, толщиной с пальму, и быстро ползёт, приближаясь ко мне, и я вижу, она мечется то вправо, то влево, и когда она подползла ко мне, язык у неё высунулся на целую пядь, и она влачилась в пыли во всю свою длину. А за змею гнался дракон, длинный и тонкий, с копьё длиною, и она убегала от него, поворачиваясь то вправо, то влево, но дракон уже схватил её за хвост, и у неё полились слезы и высунулся от быстрого бега язык. И меня охватила жалость к змее, и, взяв камень, я бросила его в голову дракону, и он тотчас же умер, а змея распахнула крылья и, взлетев на воздух, скрылась с моих глаз.

И я сидела, изумляясь тому, и почувствовала усталость, и меня охватила дремота, и я заснула на месте и много поспала, а проснувшись, я нашла у своих ног девушку и с нею двух сук, и она растирала мне ноги. Я запылилась её и села и сказала: «О сестрица, кто ты?» И она ответила: «Как ты скоро меня позабыла! Я та, кому ты сделала добро и оказала милость, убив моего врага. Я та змея, которую ты освободила от дракона. Я джинния, а этот дракон – джинн; он мой враг, и я спаслась от него только благодаря тебе. И когда ты меня спасла от него, я взлетела на воздух и направилась к кораблю, с которого тебя выбросили твои сестры, и все, что было на корабле, я перенесла в твой дом, а корабль потопила. Что же до твоих сестёр, то я сделала их чёрными собаками: я знала обо всем, что случилось у тебя с ними, а юноша – он утонул».

Потом она понесла меня вместе с собаками и бросила нас на крышу моего дома, и я увидела все имущество, бывшее на корабле, посреди своего дома, и оттуда ничего не пропало. И после этого змея сказала мне: «Заклинаю тебя надписью, вырезанной на перстне господина нашего Сулеймана (мир с ним!), если ты не станешь ежедневно давать каждой из них триста ударов, я приду и сделаю тебя подобной им!» И я ответила: «Слушаю и повинуюсь!» И я не перестаю, о повелитель правоверных, бить их таким боем, но жалею их, и они знают, что на мне нет вины за то, что я бью их, и принимают моё оправдание.

Вот вам история и мой рассказ».

Рассказ второй девушки (ночь 18)

И халиф изумился этому и потом сказал второй женщине: «А ты, каковы причины ударов у тебя на теле?» И она ответила: «О повелитель правоверных, у меня был отец, и он скончался и оставил мне большие деньги, и я прожила после него недолго и вышла замуж за самого счастливого человека своего времени. И я пробыла с ним год, и он умер, и я унаследовала от него восемьдесят тысяч динаров золотом – мою долю по установлению закона, – и всех превзошла богатством, и слух обо мне распространился. И я сделала себе десять платьев, каждое платье в тысячу динаров. И когда я сидела в один из дней, вдруг входит ко мне старуха с отвислыми щеками, редкими бровями, выпученными глазами, сломанными зубами, угреватым лицом, гнойными веками, пыльной головой, седеющими волосами, шелудивым телом, качающимся выцветшими красками, и из носу у неё текло, и она была подобна тому, что сказал про неё, сказавший:

Старуха злая! Ей не простится юность,
И милости в день кончины она не встретит.
Ловка она так, что тысячу сможет мулов,
Когда бегут, на нитке привести тончайшей.

И, войдя ко мне, старуха приветствовала меня и поцеловала передо мной землю, и сказала: «У меня дочь сирота, и сегодня вечером я устраиваю её свадьбу, и смотрины, а мы чужеземцы в этом городе и никого не знаем из его жителей, и наши сердца разбиты. Прибрати же воздаяние и награду от Аллаха, приди на её смотрины, чтобы госпожи нашего города, когда услышат, что ты пришла, тоже пришли. Ты этим залечишь её сердце, так как её сердце разбито, и у неё нет никого, кроме великого Аллаха». И она заплакала и поцеловала мне ноги и стала говорить такие стихи:

«Приходом своим почтили вы нас.
И это признать должны мы теперь.
Но скроетесь вы – и нам не найти
Преемников вам: замены вам нет».

И меня взяло сострадание и жалость, и я ответила: «Слушаю и повинуюсь!» – и сказала ей: «Я сделаю кое-что для твоей дочери с соизволения великого Аллаха и открою её жениху не иначе, как в моих платьях, украшениях и драгоценностях». И старуха обрадовалась и склонилась к моим ногам, лобызая их, и воскликнула: «Да воздаст тебе Аллах благом и да залечит твоё сердце, как ты залечила моё! Но не беспокой себя этой услугой сейчас, о госпожа моя! Соберись к ужину, а я приду и возьму тебя». И она поцеловала мне руки и ушла, а я приготовилась и нарядилась, и вдруг старуха идёт и говорит: «О госпожа моя, городские госпожи уже явились, и я рассказала им, что ты придёшь, и они обрадовались и ждут тебя и стерегут твой приход». И я поднялась и завернулась в изар и взяла с собою моих девушек и отправилась, и мы пришли в переулок, подметённый и обрызганный, где веял чистый ветерок. Мы подошли к высоким сводчатым воротам с мраморным куполом, крепко построенным на воротах дворца, который встал из земли и зацепился за облака, а на двери были написаны такие стихи:

Я жилище, что строилось для веселья,
Суждено мне весь век служить наслаждению,
Водоём посреди меня полноводный,

Его воды прогонят все огорченья.
Расцветают вокруг меня анемоны,
Розы, мирты, нарцисса цвет и ромашки.

И когда мы подошли к двери, старуха постучала, и нам открыли, и мы вошли и оказались в проходе, устланном коврами, где висели зажжённые светильники и стояли рядом свечи, и там были драгоценные камни и самоцветы. И мы прошли по проходу и вышли в помещение, которому не найти равного, и оно было устлано шёлковыми подстилками, и увешано зажжёнными светильниками, и там было два ряда свечей. А на возвышении стояло ложе из можжевельника, выложенное жемчугом и драгоценными камнями, а на ложе был атласный полог с застёжками, и не успели мы опомниться, как из полога вышла молодая женщина, и я взглянула на неё, о повелитель правоверных, и вижу – она совершеннее луны в полнолуние, и лоб её блестит, как сияющее утро, подобно тому, как поэт сказал о ней:

Достойна ты кесарских дворцов и похожа
На скромниц, что во дворце Хосроев живёт.
Румяных ланит своих являешь ты знаменья,
О, прелесть тех дивных щёк, как кровь змеи алых!

О гибкая, сонная, с глазами столь томными!
Красою и прелестью ты всей обладаешь!
И кажется, прядь волос твоих на челе твоём –
Ночь горя, сошедшая на день наслажденья.

И женщина спустилась с ложа и сказала мне: «Добро пожаловать, приют и простор дорогой и почтённой сестре, тысячу раз добро пожаловать! – и произнесла такие стихи:

Коль ведать бы мог наш дом, кто ныне вошёл в него,
Он рад бы и счастлив был и ног лобызать бы след.
Сказал бы язык его тогда и воскликнул бы:
«Приют и уют всем тем, кто щедр был и милостив».

Потом она села и сказала мне: «О сестрица, у меня есть брат, и он увидел тебя на какой-то свадьбе или на празднике (а он юноша красивее меня), и его сердце полюбило тебя сильной любовью, так как ты обладаешь наиполнейшей долей совершенств и достоинств, и он прослышал, что ты госпожа твоего рода, а он также глава своего рода, и ему захотелось свить твою верёвку со своею. Он пошёл на эту хитрость, чтобы я встретилась с тобою, и он желает взять тебя в жены по обычаю, установленному Аллахом и его посланником, а в дозволенном нет срама». И, услышав её слова, я увидела, что попала в этом доме, и ответила женщине: «Слушаю и повинуюсь!»

Тогда она обрадовалась и захлопала в ладоши, и открылась дверь, и вошёл юноша, прекрасный молодостью, в чистых одеждах, стройный станом, красивый, блистающий и совершенный, нежный и изящный, с бровью, как лик стрелка, и глазами, похищающими сердца дозволенными чарами, как сказал о нем поэт:

Своим ликом как лик луны он сияет,
Следы счастья блещут на нем, словно жемчуг.

А также достойны Аллаха слова сказавшего:

Явился он, о прекрасный, хвала творцу!
Преславен тот, кем он создан столь стройным был!
Все прелести он присвоил один себе
И всех людей красотою ума лишил,

Начертано красотою вдоль щёк его:
Свидетель я – нет красавца, опричь его!

И когда я на него посмотрела, моё сердце склонилось к нему, и я полюбила его, и он сел около меня, и мы немного поговорили, а потом женщина захлопала второй раз, и вдруг открылся чуланчик и из него вышел судья и четыре свидетеля, и они поздоровались и сели, и я написала мою брачную запись с юношей, и они ушли. И тогда юноша обратился ко мне и сказал: «Благословенный вечер!» – а потом он добавил: «О госпожа моя, я поставлю тебе условие». – «О господин мой, а что это за условие?» – спросила я. И он поднялся и принёс мне список Корана и сказал: «Поклянись, что ты ни на кого не взглянешь, кроме меня, и не будешь ни к кому иметь склонности!» И я поклялась в этом и юноша очень обрадовался и обнял меня, и любовь к нему целиком охватила моё сердце. И нам подали накрытую скатерть, и мы ели и пили, пока не насытились, и пришла ночь, и юноша взял меня и лёг со мною на постель, и мы провели ночь до утра в поцелуях и объятиях.

Мы прожили так в радости и наслаждении месяц, а через месяц я попросилась у него пойти на рынок и купить кое-что из тканей, и он разрешил мне пойти, и я завернулась в изар и взяла с собою ту старуху и девушку и пошла на рынок. И я села возле лавки молодого купца, которого знала старуха, и она сказала мне: «Это молодой мальчик; у него умер отец и оставил ему много денег, и у него есть разные товары, и что ты ни спросишь, все у него найдёшь. Ни у кого на рынке нет тканей лучше, чем у него». Потом она сказала ему: «Подай самые дорогие ткани, какие у тебя есть для этой госпожи», – и он ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И старуха принялась его расхваливать, а я сказала: «Нам нет нужды в похвалах ему: мы хотим взять у него то, что нам нужно, и возвратиться в наше жилище. Подай нам то, что мы требовали, а мы выложим ему деньги». Но купец отказался что-либо взять и сказал: «Это вам сегодня принадлежит, как моим гостям». – «Если он не возьмёт денег, отдай ему его материи», – сказала старуха, но купец воскликнул: «Клянусь Аллахом, я ничего не возьму от тебя! Все это мой подарок за один поцелуй. Он для меня лучше всего, что в моей лавке». И старуха промолвила: «Что тебе пользы от поцелуя? – а потом сказала: Ты слышала, дочь моя, что сказал юноша? С тобой ничего не случится, если он получит от тебя поцелуй, а ты заберёшь то, что искала». – «Не знаешь разве ты, что я дала клятву?» – ответила я, но старуха сказала: «Дай ему тебя поцеловать, а сама молчи; ты не будешь ни в чем виновата и возьмёшь эти деньги».

Она до тех пор расписывала мне это дело, пока я не согласилась. А потом я закрыла глаза и прикрылась от людей концом изара, а юноша приложил под изаром рот к моей щеке и, целуя меня, сильно меня укусил, так что вырвал у меня на щеке кусок мяса, и я лишилась чувств. И старуха положила меня к себе на колени, и, когда я пришла в себя, я увидела, что лавка заперта, а старуха проявляет печаль и говорит: «Аллах пусть отвратит худшее!» Потом она сказала мне: «Пойдём домой, укрепи свою душу, чтоб не быть опозоренной, а когда придёшь домой, ложись и притворись, что заболела, и накинь на себя покрывало, а я принесу тебе лекарство, и ты вылечишь этот укус и скоро выздоровеешь».

Через некоторое время я поднялась, будучи в крайнем раздумье, и меня охватил сильнейший страх, и я пошла и мало-помалу дошла до своего дома и прикинулась больной.

И когда наступила ночь, вдруг входит мой муж и говорит: «Что с тобой случилось в эту прогулку, о госпожа моя?» – «Я нездорова, у меня болит голова», – сказала я, и он посмотрел

на меня и зажѣг свечу и приблизился ко мне и спросил: «Что это за рана у тебя на щеке, да ещё на мягком месте?» И я отвечала: «Когда я отпросилась и пошла сегодня купить тканей, меня прижал верблюд вязанкой дров, и она разорвала мне покрывало и, как видишь, поранило мне щеку; ведь дороги в этом городе узкие». – «Завтра я пойду к правителю и скажу, чтобы он повесил всех дровосеков в городе!» воскликнул мой муж. А я сказала: «Ради Аллаха, не бери на себя греха за кого-нибудь! Я ехала на осле, он споткнулся, и я упала на землю и налетела на кусок дерева и ободрала щеку и поранила себя». – «Завтра я увижу Джафара Бармакида и расскажу ему эту историю, и он убьёт всех ослятников в этом городе», – воскликнул мой муж. А я сказала: «Ты хочешь всех погубить из-за меня, но то, что со мной случилось, было суждено и предопределено Аллахом». – «Это неизбежно должно быть!» – вскричал он, и был настойчив и поднялся на ноги, и я рассердилась и грубо заговорила с ним.

Тогда, о повелитель правоверных, он все понял и сказал: «Ты нарушила клятву!» И он издал громкий крик, и дверь распахнулась, и вошли семь чёрных рабов, и мой муж приказал им, и они стащили меня с постели и бросили посреди дома. И одному рабу муж велел взять меня за плечи и сесть в головах, и другому сесть мне на колени и схватить меня за ноги, а третий подошёл с мечом в руках и сказал ему: «О господин мой, я ударю её мечом и разрежу пополам, и каждый возьмёт по куску и бросит в реку Тигр, чтобы её съели рыбы. Таково воздаяние тем, кто неверен клятвам любви!» И гнев моего мужа ещё усилился, и он произнёс такие стихи:

«Коль буду делить любовь любимого с кем-нибудь,
Я душу любви лишу, хотя я погиб в тоске.
И ей, о другая, скажу: «Умри благородною!
Нет блага в любви, когда ты делишь с другим её».

Потом он сказал рабу: «Ударь её, о Сад», – и когда раб услышал это, он сел на меня и сказал: «О госпожа, произнеси исповедание веры и скажи нам, какие есть у тебя желания; сейчас конец твоей жизни». И я сказала ему: «О добрый раб, дай мне ненадолго сроку, чтобы завещать тебе», – и подняла голову и посмотрела, в каком я состоянии и в каком унижении после величия, и мои слезы побежали, и я горько заплакала, и мой муж посмотрел на меня взором гнева и произнёс:

«Той скажи, что пресыщена и жестока,
Кто избрала других в любви, нам в замену:
«Ты наскучила раньше нам, чем тебе мы,
И довольно того уж с нас, что случилось».

И услышав это, о повелитель правоверных, я заплакала и посмотрела на него и произнесла такие стихи:

«Решили расстаться вы с любовью моей, и вот
Сидите спокойно вы, глаза мои сна лишив.
Связали вы дружбою мой глаз и бессонницу,
Без вас не утешится душа и не скрыть мне слез.

Ведь вы обещали мне, что верными будете,
Но, лишь овладев душой моей, обманули вы.
Ребёнком влюбилась я, не зная любви ещё,
Так дайте же жить вы мне – теперь научилась я.

Аллахом прошу, когда умру я, на гробовой
Доске напишите вы: «Здесь тело влюблённой».
Быть может, тоскующий, познавший любви печаль,
Пройдет близ могилы той и жалость почувствует».

И, окончив говорить, я заплакала, а мой муж, услышав это и видя, что я плачу, ещё больше разгневался и произнёс:

«Любимого бросил я не от пресыщения –
Напротив, свершил он грех, приведший к разлуке нас.
В любви пожелал придать он мне сотоварища.
А вера души моей не знает товарищей».

Когда же он окончил эти стихи, я стала плакать и умолять его и сказала про себя: «Обману его словами: может быть, он избавит меня от смерти, хотя бы даже взял все, что я имею». И я пожаловалась ему на то, что чувствую, и произнесла такие стихи:

«Когда б справедлив ты был, клянусь, не убил бы ты
Меня, по разлуки суд всегда ведь пристрастен.
Заставил меня нести ты бремя любви, но я
Слаба и бессильна так, что платье ношу едва.

И я не тому дивлюсь, что гибну, – дивлюсь тому,
Как тело моё узнать возможно, когда вас нет».

И окончив эти стихи, я заплакала, а мой муж посмотрел на меня, и стал кричать и ругать меня, и произнёс такие стихи:

«От нас отвлеклись совсем, сдружившись с другими, вы
И явно нас бросили – не так поступили мы.
Но вот мы оставим вас, как вы нас оставили,
И будем терпеть без вас, терпели как вы без нас.

Займёмся другими мы, раз вы занялись другим,
Но связи разрыв мы вам припишем, никак не нам».

И, окончив свои стихи, он закричал на раба и сказал ему: «Разруби её пополам и избавь нас от неё: нам нет в ней никакого проку». И пока мы спорили стихами, о повелитель правоверных (а я была убеждена, что умру, и отчаялась остаться в живых и вручила своё дело Аллаху великому), вдруг вошла та старуха и бросилась в ноги юноше и поцеловала их и заплакала и сказала: «О дитя моё, ради того, что я тебя воспитала и ходила за тобой, прости эту женщину! Она не совершила проступка, который требовал бы всего этого! А ты – человек молодой, я боюсь за тебя, если ты совершишь против неё грех; ведь сказано: всякий убийца будет убит. И что такое эта грязная женщина? Оставь её и выкинь из ума и сердца». И она заплакала и до тех пор приставала к нему, пока он не согласился и не сказал: «Я прощаю её, но я непременно должен оставить след, который был бы виден на ней всю остальную её жизнь».

Он приказал рабам, и они потащили меня и положили в растяжку, предварительно сняв с меня одежды, и сели на меня, а потом юноша поднялся и принёс ветку айвы я стал наносить мне ею удары по телу, и до тех пор бил меня по спине и бокам, пока я не лишилась сознания от

сильных ударов и не отчаялась остаться живой. Он велел рабам, когда наступила ночь, унести меня и взять с собою старуху, которая проведёт их к моему дому, и бросить меня в тот дом, где я жила раньше. И рабы сделали так, как приказал им их господин, и кинули меня в моем доме и ушли, а я пробыла без сознания, пока не засияло утро.

И стала я осторожно лечить себя мазями и лекарствами и вылечила своё тело, но ребра у меня остались точно побитые плетью, как ты видишь. И я пролежала больная и брошенная на постель, леча себя в продолжение четырех месяцев, пока не очнулась и не поправилась. Я пошла к тому дому, где со мной все это случилось, и оказалось, что он развалился, а переулочек я нашла разрушенным от начала до конца, и дом стал кучей мусора, и я не знала, что случилось. И я пришла к моей сестре, вот этой, что от моего отца, и нашла у неё этих двух чёрных собак, и я приветствовала её и рассказала, что со мной произошло, и все, что случилось, и она сказала мне: «О сестрица, кто же спасся от превратностей судьбы? Слава Аллаху, что дело окончилось спасением». И она произнесла:

«Всегда такова судьба – так будь терпеливым к ней,
Когда пострадаешь ты в деньгах иль в делах любви».

Потом она рассказала мне о себе и о том, что у неё случилось с двумя её сёстрами и чем это для неё кончилось, и я стала жить с нею. А затем к нам присоединилась эта женщина, закупщица, и она каждый день выходит и покупает нам те припасы, которые нам нужны на день и на вечер, и мы пробыли в таком положении до той самой ночи, что миновала. И наша сестра вышла, по обычаю, кое-что нам купить, и с нами случилось то, что случилось благодаря приходу носильщика и этих трех календеров. Мы поговорили с ними и ввели их к нам и оказали им уважение, и когда прошла лишь небольшая часть ночи, мы встретили трех почтённых купцов из Мосула, и они рассказали нам свою историю, и мы поговорили с ними и поставили им условие, а они нас послушались. Но мы хорошо отнеслись к ним и расспросили их, что с ними случилось, и они рассказали нам свою историю, и мы их простили, и они ушли от нас. А сегодня мы не успели опомниться, как уже оказались перед тобой. Вот наша история».

И халиф удивился этому рассказу и велел его записать и хранить его в сокровищнице...»

И Шахразад утробно застонала, и она прекратила дозволенные речи.

Девятнадцатая ночь

Когда же настала девятнадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф приказал записать эту историю в канцеляриях и хранить её в казне государства, а потом он сказал первой женщине: «Есть ли у тебя сведения об ифритке, которая заколдовала твоих сестёр?» – «О повелитель правоверных, – отвечала женщина, – она дала мне несколько своих волос и сказала: «Когда ты захочешь, чтобы я явилась, сожги из этих волос один волосок, и я быстро явлюсь к тебе, даже если бы я была за горой Каф». – «Принеси мне волосы», – сказал халиф.

И женщина принесла их, и халиф сжёг волосок, и все услышали гуденье и треск, и вдруг появилась та джинния, а она была мусульманка. И она сказала: «Мир тебе, о преемник Аллаха!» И халиф отвечал: «И с вами мир и милость Аллаха и благословение его?» А джинния сказала: «Знай, что эта женщина оказала мне милость, и я не могу ей воздать за неё. Она спасла меня от смерти и убила моего врага, а я увидела, что с ней сделали её сестры, и сочла нужным отомстить им и заколдовала их в собак, после того как я хотела убить их, но побоялась, что это будет ей тяжело. А теперь, если тебе хочется освободить их, о повелитель правоверных, я их освобожу, в уважение тебе и ей, – я ведь принадлежу к мусульманам». – «Освободи же их, – сказал халиф, – а потом мы примемся за дело этой избитой женщины и расследуем её исто-

рию, и если мне станет ясно, что она сказала правду, я отомщу за неё тому, кто её обидел». И ифритка сказала: «О повелитель правоверных, вот я освобожу их и укажу тебе, кто совершил это и обидел её и взял её деньги. Это самый близкий тебе человек».

Потом ифритка взяла чашку воды и произнесла над ней заклинания и проговорила слова, которых нельзя понять, а затем брызнула в морду собакам и сказала: «Вернитесь в ваш первоначальный человеческий образ» – и они снова приняли тот образ, который имели. И после этого ифритка сказала: «О повелитель правоверных, тот, кто побил эту женщину, – твой сын аль-Амин, брат аль-Мамуна³⁹. Он услышал об её красоте и прелести, и, расставив ей ловушку, взял её в жены дозволенным образом. На нем нет вины, что он её побил; он поставил ей условие и взял с неё великие клятвы, что она ничего не сделает, и он думал, что она нарушила клятву, и хотел её умертвить, но убоился великого Аллаха и избил её этими ударами и вернул её на её место. И такова история второй девушки, а Аллах лучше знает».

И, услышав слова ифритки и узнав о причине избиения женщины, халиф пришёл в полное удивление и воскликнул: «Да будет прославлен Аллах высокий, великий, который ниспослал мне это и освободил этих двух девушек от колдовства и мучения и даровал мне историю этой женщины! Клянусь Аллахом, я совершу дело, которое будет после меня записано!»

Он позвал к себе своего сына аль-Амина и спросил его об истории второй женщины, и аль-Амин рассказал ему все. А после этого халиф призвал судей и свидетелей и велел привести трех календеров и первую женщину и со двух сестёр, тех, что были заколдованы, и выдал всех трех замуж за трех календеров, которые рассказывали, что они сыновья царей, и сделал их своими придворными, и дал им все, в чем они нуждались, и назначил им жалованье и поселил их в Багдадском дворце. А побитую женщину он вернул своему сыну аль-Амину, и возобновил его брачную запись с нею, и дал ей много денег, приказав отстроить тот дом ещё лучше, чем он был. И халиф женился на закупщице и проспал с нею ночь, а наутро отвёл ей помещение и невольниц, чтобы прислуживать ей, и назначил ей помесячные выдачи и предоставил ей жилище среди своих наложниц. Народ дивился великодушию халифа, кротости его души и его мудрости, и после того халиф приказал записать все их истории».

И Дуньязада сказала своей сестре Шахразаде: «О сестрица, клянусь Аллахом, это хорошая и красивая сказка, равной которой никогда не было слыхано, но расскажи мне другую историю, чтобы мы могли провести остаток этой бессонной ночи». – «С любовью и охотой, если позволит мне царь!» – ответила Шахразада, и царь воскликнул: «Рассказывай свою историю и поторапливайся!»

³⁹ Аль-Амин – сын и наследник Харуна ар-Рашида, правил с 809 по 813 год, когда был низложен своим братом – Мамуном. Царствование последнего, продолжавшееся до 833 года, является одною из блестящих эпох истории арабского халифата.

Рассказ о трех яблоках (ночи 19–20)

Шахразада сказала: «Говорят, о царь времени и владыка веков и столетий, что халиф Харун ар-Рашид призвал однажды ночью своего везиря Джафара и сказал ему: «Я хочу спуститься в город и расспросить народ о поведении властвующих правителей, и всякого, на кого пожалуются, мы отставим, а кого похвалят, того наградим». – «Слушаю и повинуюсь!» – ответил Джафар, и халиф с Джафаром и Масруром спустились и прошли через весь город и стали ходить по улицам и по рынкам. Они проходили по какому-то переулку и увидели глубокого старика, на голове которого были сеть и корзина, а в руках – палка. И он шёл не торопясь и говорил такие стихи:

«Они говорят мне: «Средь прочих людей
Сияешь ты знаньем, как лунная ночь».
А я им: «Избавьте от ваших речей!
Ведь ценится знание лишь с властью всегда».

И если б хотели меня заложить,
С чернилом, тетрадью и знаньем моим,
За пищу дневную, – достичь не могли б
Принять залога до будущих дней.

А что до несчастных и бедных людей,
Печальна и пасмурна жизнь бедняка!
Как лето – не может он пищи найти,
Зимою жаровня лишь греет его.

Бегут на него придорожные псы,
И всякий презренный ругает его.
Когда же он сетует в горе мужам,
Никто среди тварей его не простит.

И если вся жизнь бедняка такова,
То лучшая доля в гробу его ждёт».

Услышав эти стихи, халиф сказал Джафару: «Посмотри на этого бедного человека и послушай его стихи! Они указывают, что он нуждается».

И халиф подошёл к нему и спросил: «О старец, каково твоё ремесло?» И старец ответил: «О господин мой, я рыбак, и у меня есть семья, и я вышел из дому в полдень, и до этого времени Аллах не уделил мне ничего на пропитание моей семьи. И я почувствовал отвращение к самому себе и пожелал смерти». – «Не хочешь ли возвратиться с нами к реке? – спросил халиф. – Встань на берегу Тигра и закинь твою сеть на моё счастье, и что ни вытянешь, я куплю это у тебя за сто динаров».

И рыбак обрадовался, услышав эти слова, и воскликнул: «Повинуюсь! Я вернусь с вами!»

И он возвратился с ними к реке и закинул сеть и подождал, а потом он потянул за верёвку и вытащил сеть, и в сети оказался запёртый сундук, тяжёлый весом. И халиф, увидав сундук, потрогал его и нашёл его тяжёлым и дал рыбаку сто динаров, и тот ушёл, а Масрур с везирем взяли сундук и принесли его во дворец. И они зажгли свечи (а сундук стоял перед халифом), и Джафар с Масруром подошли и взломали сундук, и в нем оказалась корзина из пальмовых

листьев, зашитая красными шерстяными нитками. И они разрезали корзину и увидели в ней кусок ковра, а когда ковёр подняли, под ним нашли изар, а в изаре молодую женщину, подобную слитку серебра, убитую и разрубленную.

И когда халиф увидел её, он опечалился, и слезы потекли по его щекам, и он сказал, обратившись к Джафару: «О собака среди везирей! Людей убивают в моё время и бросают в реку, и это будет на моей ответственности в день воскресения. Я непременно возьму должное с того, кто убил эту женщину, и умерщвлю его зловещей смертью!» И продолжал: «Клянусь связью моего рода с халифами из сыновей аль-Аббаса, если ты не приведёшь мне того, кто её убил, чтобы я мог справедливо воздать ему за это, я непременно тебя повешу на воротах моего дворца, – тебя и сорок твоих родственников!»

И халиф сильно разгневался, а Джафар вышел и спустился в город, печальный, и говорил про себя: «Откуда мне узнать, кто убил эту женщину, чтобы привести убийцу к халифу? А если я приведу другого, это будет на моей ответственности. Не знаю, что мне и делать!»

И Джафар просидел у себя в доме три дня, а на четвёртый день халиф прислал к нему одного из придворных, требуя его; и Джафар пошёл к халифу, и тот спросил его: «Где убийца женщины?» – «О повелитель правоверных, не надсмотрщик я за убитыми, чтобы мне знать её убийцу», – сказал Джафар. И халиф рассердился и приказал повесить его у своего дворца, а глашатаю он велел кричать на улицах Багдада: «Кто хочет посмотреть, как будут вешать Джафара Бармакида, везиря халифа, и сорок Бармакидов из его родственников на воротах халифского дворца, тот пусть выйдет и посмотрит!»

И из всех улиц вышли люди посмотреть на казнь Джафара и его родных, и они не знали, за что их вешают. И построили виселицу и поставили их под нею, чтобы их повесить, и стали ждать разрешения халифа (а знаком был взмах платка халифа), и люди плакали по Джафару и его родственникам.

И в это время вдруг появился юноша, прекрасный видом и чисто одетый, с лицом как месяц и глазами словно у гурии, с сияющим лбом и румяными щеками, с молодым пушком и родинкой, словно кружок амбры, и он до тех пор расталкивал народ, пока не оказался перед Джафаром.

«Да будешь ты спасён от того, чтобы стоять здесь, о господин эмиров и убежище бедных! – воскликнул он. – Я тот, кто убил ту, которую мёртвой вы нашли в сундуке! Повесь же меня за неё и возьми с меня должное!»

И Джафар, услышав речь юноши и сказанные им слова, обрадовался своему освобождению и опечалился за юношу; и пока они разговаривали, вдруг видят – дряхлый старец, далеко зашедший в годах, расталкивает людей и проходит сквозь толпу. Он подошёл к Джафару и юноше и приветствовал их и сказал: «О везирь и высокий господин, не верь словам, которые говорит этот юноша! Поистине, никто не убил этой женщины, кроме меня! Воздай же мне за неё должное, или я потребую у тебя ответа перед лицом Аллаха великого, если ты этого не сделаешь!» Но тут юноша сказал: «О везирь, это дряхлый старец, выживший из ума, он не знает, что говорит. Я её убил! Возьми с меня за неё должное». – «О дитя моё, – сказал старец, – ты молод и жаждешь благ жизни, а я старик и утомлён жизнью. Я выкуплю тебя своей душой и выкуплю везиря и его родных. Никто не убивал эту женщину, кроме меня! Заклинаю тебя Аллахом, поторопись меня повесить! Для меня нет жизни после неё!»

И везирь, услышав это, изумился и, взяв с собою юношу и старика, поднялся с ними к халифу и поцеловал перед ним землю и сказал: «О повелитель правоверных, мы привели убийцу женщины». – «Где же он?» – спросил халиф. И Джафар ответил: «Этот юноша говорит, что он и есть убийца, а этот старик уверяет, что юноша лжёт, и говорит, что убил он. Вот они оба перед тобою».

И халиф посмотрел на юношу и старца и спросил: «Кто из вас убил женщину?» – «Я», – ответил юноша. Но старец вскричал: «Никто не убил её, кроме меня!» «Возьми их обоих и

повесь», – сказал тогда халиф Джафару, но тот возразил: «Если убил один из них, то повесить другого будет несправедливо». – «Клянусь тебе тем, кто возвысил небеса и простёр землю, – я убил эту женщину», – сказал юноша и изложил обстоятельства убийства и описал то, что нашёл халиф в корзине, и халифу стало ясно, что именно юноша убил женщину.

И он удивился истории этих двоих и сказал: «По какой причине ты убил эту женщину, не имея права, и почему ты признался в убийстве, хотя тебя не били, и сам пришёл сюда и сказал: «Воздайте мне за неё должное!»?» – «Знай, о повелитель правоверных, – сказал юноша, что эта женщина – моя жена и дочь моего дяди, а этот старик – её отец, и он мой дядя. Я женился на ней, когда она была невинна, и Аллах наделил меня от неё тремя детьми мужского пола, и она любила меня и ходила за мной, и я не видал от неё дурного и тоже любил её великой любовью. И когда пришло начало этого месяца, она сильно заболела, и я призвал к ней врачей, и здоровье стало понемногу к ней возвращаться; и я захотел свести её в баню, но она сказала: «Мне чего-то хочется перед баней, и я очень этого хочу». – «Слушаю и повинуюсь, – сказал я, – что же это такое?» – «Мне хочется яблока, – сказала она, – я понюхаю его и откушу от него кусочек».

И я тотчас же пошёл в город и стал искать яблок, но не нашёл их, и если бы штука стоила целый динар, я бы, наверное, купил. Это было для меня тягостно, и я пошёл домой и сказал моей жене: «О дочь моего дяди, клянусь Аллахом, я не нашёл ничего». И она расстроилась, будучи больна, и её болезнь в этот вечер очень усилилась.

И я провёл эту ночь в размышлениях, а когда настало утро, я вышел из дому и стал обходить сады один за другим, но не нашёл яблок. Мне повстречался старый садовник, и я спросил его о яблоках, и он сказал мне: «О дитя моё, это теперь редко найдёшь, и яблок нету. Их можно найти только в саду повелителя правоверных, что находится в Басре, и они у садовника, который бережёт их для халифа».

И я пошёл домой, и моя любовь и привязанность побудили меня собраться в путь, и я пропутешествовал туда и назад пятнадцать суток, ночью и днём, и принёс ей три яблока, которые я купил у басрийского садовника за три динара. И я вошёл и подал их жене, и она обрадовалась и оставила их около себя, и её болезнь и лихорадка усилились, и она все время хворала, пока не прошло десять дней, и после этого она выздоровела.

И я вышел из дому и отправился к себе в лавку и сидел за продажей и покупкой; и когда я сидел так, в полдень вдруг проходит мимо меня чёрный раб, а в руках у него яблоко из тех трех яблок, и он им играет. «О добрый раб, – спросил я его, – скажи, откуда ты взял это яблоко, чтобы и я мог достать такое же?» И раб засмеялся и ответил: «Я взял его у моей возлюбленной. Я отсутствовал и приехал и нашёл её больной, и у неё было три яблока, и она сказала мне: «Мой муж, этот рогатый, ездил ради них в Басру и купил их за три динара». И я взял у неё это яблоко».

И когда я услышал слова раба, о повелитель правоверных, мир стал чёрен в моих глазах. И я встал, запер лавку и пришёл домой, лишившись рассудка от сильной ярости, и посмотрел на яблоки и нашёл только пару и спросил жену: «Где третье?» И она ответила: «Не знаю и не ведаю!» И тогда я убедился в истинности слов раба, и взял нож и – подошёл к моей жене сзади, не заговаривая с нею, и сел ей на грудь и перерезал ей ножом горло. И я отделил её голову от тела и поспешно положил её в корзину и покрыл изаром, а потом я зашил корзину и, накрыв её куском ковра, положил её в сундук и увёз её на своём муле и своей рукой бросил её в Тигр.

Заклинаю тебя Аллахом, о повелитель правоверных, поторопись повесить меня, – я боюсь, что она потребует от меня ответа в день воскресенья. И когда я бросил её в реку Тигр (а никто не узнал об этом), я увидел, что мой старший сын плачет (а он не знал, что я сделал с его матерью). «Что ты плачешь, дитя моё?» – спросил я его, и он сказал: «Я взял одно яблоко из тех, что были у матери, и пошёл с ним в переулок поиграть с братьями, и вдруг высокий чёрный раб выхватил его у меня и спросил: «Это откуда к тебе попало?» «За ним ездил мой

отец, – сказал я, – и привёз его из Басры для моей матери, которая больна, и он купил ей три яблока за три динара». И раб взял яблоко и не обратил на меня внимания, а я повторил эти слова во второй раз и в третий, но раб не стал на меня смотреть и побил меня и унёс яблоко; и я испугался, что мать побьёт меня из-за яблока, и ушёл с братьями за город от страха, и нас застиг вечер, и я боюсь её. Заклинаю тебя Аллахом, батюшка, не говори ей ничего, – она станет ещё слабее, чем раньше».

И, услышав слова ребёнка, я понял, что этот раб выдумал ложь на дочь моего дяди, и убедился в том, что она убита безвинно. И я принялся горько плакать, и вдруг подошёл этот старец, мой дядя и её отец, и я рассказал ему о том, что случилось, и он сел со мной рядом и заплакал. И мы плакали до полуночи и принимали соблезнования пять дней, и по сегодняшний день мы печалимся о том, что я убил её безвинно. И все это произошло из-за раба, и вот почему она убита. Во имя твоих предков, поспеши убить меня, – для меня нет после неё жизни. Возьми же с меня за неё должное».

И халиф, услышав слова юноши, изумился и воскликнул: «Клянусь Аллахом, я никого не повешу, кроме этого проклятого раба, и я непременно совершу дело, которое исцелит страждущего и удовлетворит великого владыку...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцатая ночь

Когда же настала двадцатая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что халиф поклялся никого не вешать, кроме раба, так как юноша заслуживал оправдания, а потом халиф обратился к Джафару и сказал: «Приведи ко мне того проклятого раба, из-за которого совершилось это дело, а если не приведёшь, то будешь на его месте!»

И Джафар спустился в город, плача и говоря себе: «Мне явились две смерти, и не всякий раз останется целый кувшин! В этом деле никак не изловчишься, но тот, кто меня спас в первый раз, спасёт меня и во второй раз! Клянусь Аллахом, я не буду выходить из дому три дня, а истинный бог сотворит, что пожелает!»

И Джафар провёл дома три дня, а на четвёртый день он призвал судей и свидетелей и простился, плача, со своими детьми; и вдруг пришёл к нему посланный от халифа и сказал: «Повелитель правоверных в сильнейшем гневе и послал за тобой. Он поклялся, что не пройдёт этот день, как ты будешь повешен».

И, услышав эти слова, Джафар заплакал, и его дети и рабы со всеми, кто был в доме, тоже заплакали, а покончив с прощанием, Джафар подошёл к своей младшей дочери, чтобы проститься с нею, так как он любил её больше всех других детей, и прижал её к груди и поцеловал её и заплакал о разлуке с нею.

И вдруг он почувствовал у неё за пазухой что-то круглое.

«Что это у тебя за пазухой?» – спросил он дочь. «О батюшка, – ответила она, – это яблоко, на котором написано имя господина нашего халифа. Его принёс наш раб Рейхан, и оно у меня уже четыре дня, и он отдал мне его, только взяв с меня два динара». И, услышав про этого раба и про яблоко, Джафар обрадовался и, сунув руку за пазуху своей дочери, вынул яблоко и узнал его и воскликнул: «Боже, о близкий помощник!»

И он велел привести раба, и тот явился, и Джафар сказал ему: «Горе тебе, Рейхан, откуда у тебя это яблоко?» – «Клянусь Аллахом, о господин мок, – отвечал раб, – если ложь спасает, то правда спасает и ещё раз спасает! Это яблоко я не украл ни из твоего замка, ни из замка его величества, ни из сада повелителя правоверных. Пять дней тому назад я проходил в городе по какому-то переулку и увидел малышей, которые играли, и у одного из них было это яблоко. Я выхватил его и побил ребёнка, а он расплакался и сказал: «О молодец, это яблоко моей матери; она больна и попросила у моего отца это яблоко, и он поехал за ним в Басру и привёз ей три

яблока за три динара; и я украл у неё одно, чтобы поиграть с ним». И он заплакал, но я не посмотрел на него и взял яблоко и пришёл сюда, и моя маленькая госпожа взяла его у меня за два динара золотом. Вот мой рассказ».

Услышав эту историю, Джафар удивился тому, что смятение и убийство женщины произошли из-за его раба, и опечалился, что раб имеет к нему отношение, но он был рад, что сам спасся, и произнёс такие стихи:

«И если в слуге тебя поразит несчастье,
То сделай его за душу твою ты жертвой.
Ведь можешь найти ты слуг для себя немало,
Души же другой найти для себя не можешь».

И он взял раба за руку и привёл его к халифу и рассказал ему его историю с начала до конца, и халиф пришёл в полное удивление и смеялся, пока не упал навзничь.

Он велел записать эту историю и пустить её в народ, и Джафар сказал ему: «Не дивись, о повелитель правоверных, этому рассказу, – он не удивительнее повести о везире Нур-ад-дине Али египетском и Шамс-ад-дине Мухаммеде, его брате». – «Подавайте – воскликнул халиф. – Какой рассказ удивительнее этого?» – «О повелитель правоверных, – сказал Джафар, – я расскажу её только с условием, что ты избавишь моего раба от казни». – «Если это будет удивительнее того, что случилось с нами, я подарю тебе его кровь, а если не будет удивительнее, я убью твоего раба», – молвил халиф.

Рассказ о везире Нур-ад-дине и его брате (ночи 20–24)

Знай, о повелитель правоверных, – начал Джафар, – что в минувшие времена был в земле египетской султан, справедливый и верный, который любил бедняков и проводил время с учёными; и у него был везирь, умный и опытный, сведущий в делах и управлении. Он был дряхлый старик и имел двух детей, подобных двум лунам, которым не было равных по красоте и прелести; и имя старшего было Шамс-ад-дин Мухаммед, а младшего звали Нур-ад-дин Али. И младший больше старшего выделялся красотой и прелестью, так что даже в некоторых странах прослышали о нем и приезжали в земли этого султана, чтобы посмотреть на его красоту.

И случилось так, что отец их умер, и султан опечалился о нем и обратил внимание на его детей, и приблизил их к себе, и наградил их, и сказал им: «Вы на месте вашего отца, пусть же не смущается душа ваша». И они обрадовались и поцеловали перед ним землю и принимали соболезнования по отцу до истечения месяца, а потом вступили в должность везиря, и власть оказалась в их руках, как была в руках их отца, и когда султан хотел путешествовать, один из них уезжал с ним.

И случилось в одну ночь из ночей (а ехать с султаном надо было старшему), что они разговаривали, и вот старший сказал младшему: «О брат мой, я хочу, чтобы мы с тобой женились в один вечер». – «Делай, что хочешь, о брат мой, я согласен с тем, что ты говоришь», – отвечал младший, и они согласились на этом, а потом старший сказал своему брату: «Если определит так Аллах, мы возьмём в жены двух девушек и войдём к ним в одну и ту же ночь, и они родят в один день, и если Аллах пожелает, твоя жена принесёт мальчика, а моя – девочку, и мы поженим их друг с другом, и они станут мужем и женой». – «О брат мой, – спросил тогда Нур-ад-дин, – что ты возьмёшь от моего сына в приданое за твою дочь?» И Шамс-ад-дин отвечал: «Я возьму за мою дочь у твоего сына три тысячи динаров, три сада и три деревни, и если юноша составит брачную запись без этого – не будет хорошо». – «Что это за условие для приданого моего сына? – воскликнул Нур-ад-дин, услышав эти слова. – Не знаешь ты, что ли, что мы братья и что мы оба, по милости Аллаха, везири и занимаем одно и то же место? Тебе бы следовало предложить твою дочь моему сыну без приданого, а если уже приданое необходимо, назначить сколько-нибудь, напоказ людям. Ты же знаешь, что мужской пол достойней женского, а моё дитя мужского пола, и нас будут вспоминать из-за него в противоположность твоей дочери». – «А что же в ней плохого?» – спросил Шамс-ад-дин. И Нур-ад-дин сказал: «Нас не будут поминать ради неё среди эмиров. Но ты хочешь поступить со мной так же, как кто-то поступил с другим. Говорят, что кто-то пришёл к одному своему другу и обратился к нему с просьбой, и тот сказал: «Во имя Аллаха, мы удовлетворим твою просьбу, но только завтра». И тогда просивший в ответ произнёс:

«Бывает, когда нужда до завтра отсрочена,
Понятливый знает уж, что прогнан бесславно он».

«Я вижу, ты дуришь и превозносишь своего сына над моей дочерью, – сказал ему Шамс-ад-дин. – Без сомнения, ты скудоумен и нет в тебе учтивости. Ты упоминаешь о разделении везирства, но я допустил тебя быть со мной везирем только из жалости к тебе, чтобы ты мне помогал и был мне пособником и чтобы не огорчить тебя. И раз ты говоришь подобные слова, клянусь Аллахом, я не отдам свою дочь за твоего сына, хотя бы ты дал столько золота, сколько она весит».

И Нур-ад-дин, услышав слова своего брата, рассердился и воскликнул: «Я тоже не женю своего сына на твоей дочери». Шамс-ад-дин сказал: «Я не соглашусь, чтобы он был её мужем!

Если бы мне не надо уезжать, я бы проучил тебя как следует, но когда я вернусь из поездки, смотри! Я покажу тебе, чего требует моё достоинство!»

Услышав слова своего брата, Нур-ад-дин исполнился ярости, и все в мире исчезло для него, но он скрыл, что с ним происходит, и каждый из них провёл ночь в отдалении от другого. А когда настало утро, султан выступил в путь и поехал в Гизе⁴⁰ направляясь к пирамидам, и везирь Шамс-ад-дин сопровождал его.

Что же касается до его брата Нур-ад-дина, то он провёл эту ночь в наисильнейшем гневе, а когда наступило утро, он встал, совершил утреннюю молитву и отправился в свою сокровищницу и взял оттуда маленький мешок, который наполнил золотом. И он вспомнил слова своего брата и своё унижение перед ним и произнёс такие стихи:

«Постранствуй – в пути найдёшь замену покинутым.
Работай – ведь лишь в труде жизнь кажется сладкою,
Ни чести, ни счастья я не вижу на родине,
Лишь горе, – смени же край родной на чужбину ты.

Я вижу, что портится вода неподвижная:
Течёт копьё – вкусна она, когда ж не течёт – дурна.
Если бы не пряталась луна, то не стали бы
Всечасно искать её глаза наблюдающих»

Не выйдя из логова, не встретит добычи лев.
И только расставшись с луком, в цель попадёт стрела»
И золото, точно прах, лежит в своих россыпях,
А дерево райское на родине – как дрова.

Иное в чужой стране желанным является,
Иное в чужой стране даёт больше золота».

А окончив эти стихи, Нур-ад-дин приказал одному из своих слуг оседлать нубийского мула стёганным седлом (а это был мул пегий, со спиной высокой, словно возведённый купол, с золотым седлом и стремянами из индийской стали и с попоной, достойной Хосроев; и он походил на невесту, с которой сняли покрывало) и приказал положить на него шёлковый чепрак и молитвенный коврик, а мешок он подвесил под коврик; и потом он сказал слугам и рабам: «Я хочу прогуляться за городом и поеду в сторону аль-Кальюбии;⁴¹ я проведу три ночи вне дома, и пусть никто из вас не следует за мною, у меня стеснение в груди». И он поспешно сел на мула, захватив с собою немного пищи, и выехал из Каира, направляясь в пустыню; и не настал ещё полдень, как он уже приехал в город Бельбейс. И он сошёл с мула и отдохнул и дал передохнуть мулу, и добыв в Бельбейсе немного пищи, съел её, а потом захватил из Бельбейса еды и корма для мула и направился в пустыню.

И когда наступила ночь, он уже въехал в город, называемый ас-Саидия⁴², и остался там на ночь и поел немного еды, а потом он положил под голову мешок, расстелил ковёр и лёг спать в помещении почтовой станции, и его одолевал гнев.

⁴⁰ Гизе – в средние века небольшой городок к западу от Каира; в настоящее время – предместье столицы Египта.

⁴¹ Аль-Кальюбия (точнее: аль-Кальюб) – город в десяти километрах к северу от Каира.

⁴² Бельбейс (Бильбнс) и ас-Саидия – пункты остановки на пути из Каира в Сирию.

И он провёл ночь в этом месте, а когда настало утро, он сел на мула и погонял его, пока не прибыл в город Халеб⁴³, и остановился на каком-то постоялом дворе. И он провёл там три дня и отдохнул и дал отдых мулу и погулял, а потом решил ехать дальше и сел на мула и выехал, не зная, куда направиться. И он ехал до тех пор, пока не достиг города Басры, сам того не зная, и остановился на постоялом дворе. И он снял с мула мешок и расстелил ковёр и отдал мула в сбруе привратнику, чтобы он поводил его. И привратник взял мула и стал его водить.

И случилось так, что везирь Басры сидел у окна своего дворца и увидел мула и ценную сбрую, которая была на нем, и решил, что это мул из свиты султана, на каких ездят везири или цари. И он стал думать об этом и пришёл в недоумение и сказал кому-то из своих слуг: «Приведи ко мне этого привратника».

И слуга пошёл и привёл привратника к везиру, и привратник выступил вперёд и поцеловал землю, и везирь (а он был глубокий старец) спросил привратника: «Кто владелец этого мула и каковы его приметы?» – «О господин мой, – отвечал привратник, – владелец этого чада – юноша, прекрасный чертами; он обладает величием и достоинством и принадлежит к детям купцов». Услышав эти слова привратника, везирь быстро поднялся и отправился на постоянный двор и приехал к юноше; и когда Нур-ад-дин увидел, что везирь направляется к нему, он поспешно встал и встретил его и поздоровался с ним. И везирь приветствовал его, и сошёл с коня и обнял Нур-ад-дина, и посадил его рядом с собой и сказал: «О дитя моё, откуда ты прибыл и чего ты хочешь?» – «О владыка, – отвечал Нур-ад-дин, – я прибыл из города Каира. Я был сыном тамошнего везиря, и отец мой переселился к милости Аллаха великого». И Нур-ад-дин рассказал везиру о том, что с ним случилось, от начала до конца, и добавил: «Я решил ни за что не возвращаться, пока не объеду все города и страны».

«О дитя моё, – сказал везирь, услышав его речи, – не слушайся своей души: ты ввергнешь себя в опасность. Земли в запустении, и я боюсь для тебя последствий злой судьбы».

Потом он положил мешок Нур-ад-дина на своего мула и, захватив чепрак и коврик, взял Нур-ад-дина с собой в свой дом. Он поселил его в нарядном помещении и оказал ему уважение и милость, и почувствовал к нему сильную любовь, и сказал ему: «О дитя моё, я стал старым человеком, и у меня нет детей мужского пола, но Аллах послал мне дочь, равную тебе по красоте. Я не допустил к ней многих женихов, но любовь к тебе запала мне в сердце; не согласишься ли ты взять мою дочь себе в служанки, чтобы она ходила за тобою, а ты был ей мужем? Если ты согласен на это, я пойду с тобою к султану Басры и скажу: «Вот сын моего брата», – и приведу к тому, что ты будешь назначен везирем на моё место, а я сам стану сидеть дома; я старый человек».

Услышав слова везиря Басры, Нур-ад-дин опустил голову и сказал: «Слушаю и повинуюсь!» И везирь обрадовался и приказал своим слугам поставить ему еды и украсить большую приёмную комнату, где обычно справлялись свадьбы эмиров. Потом он собрал своих друзей и пригласил вельмож царства и басрийских купцов и, когда они явились, сказал им: «У меня был брат, везирь в египетских землях, и Аллах послал ему двух сыновей, а мне, как вы знаете, Аллах послал дочку. И мой брат завещал мне выдать мою дочь замуж за одного из его сыновей, и я согласился на это; и когда настало время выдавать дочку замуж, он прислал одного из своих сыновей, вот этого юношу, что присутствует здесь. И по прибытии его ко мне я решил написав его брачный договор с моей дочкой, и он войдёт в мой дом, так как он лучше, чем кто-нибудь чужой. А после этого если он захочет, то останется со мной, а если пожелает уехать, я отправлю его с моей дочерью к его отцу».

И все сказали: «Ты отлично решил!» – и посмотрели на юношу, и он им понравился, когда его увидели. И везирь призвал свидетелей и судей, и написали брачную запись, и зажгли куренья, и выпили сладкого питья, и побрызгали розовой водой, и ушли, а везирь велел своим

⁴³ Халеб (Алеппо) – город в Северной Сирии.

слугам взять Нур-ад-дина и свести его в баню. И он дал Нур-ад-дину платье из своих собственных одежд и послал ему полотенца, чашки, курильницы и то, что ему было нужно; и когда Нур-ад-дин вышел и надел одежду, он стал подобен луне в четырнадцатую ночь месяца. И, выйдя из бани, Нур-ад-дин сел на мула и ехал, не останавливаясь, до дворца везира, и, войдя к везиру, поцеловал ему руки, и везир приветствовал его...»

И Шахразад устало говорила, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать первая ночь

Когда же настала двадцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везир поднялся навстречу Нур-ад-дину и приветствовал его и сказал: «Войди сегодня вечером к твоей жене, а завтра я отправлюсь с тобою к султану, и я ожидаю для тебя от Аллаха всякого блага». И Нур-ад-дин поднялся и вошёл к своей жене, дочери везира.

Вот что было с Нур-ад-дином. Что же касается его брата, то он, путешествуя с султаном, отсутствовал некоторое время, а вернувшись, не нашёл брата. И он стал расспрашивать о нем слуг, и ему сказали: «В тот день, как ты уехал с султаном, он сел на мула, украсив его праздничной сбруей, и сказал: «Я еду в сторону аль-Кальюбии и пробуду в отсутствии день или два. Моя грудь стеснилась, пусть никто за мной не следует!» И со дня его отъезда до сегодняшнего дня мы ничего о нем не слышали».

И Шамс-ад-дин расстроился из-за разлуки с братом и был сильно огорчён его исчезновением и сказал про себя: «Все это только из-за того, что я на него накричал в тот вечер! Он принял это к сердцу и уехал путешествовать. Непременно надо послать за ним следом!»

И он пошёл и осведомил об этом султана, и тот написал грамоты и послал почтовых гонцов к своим наместникам во всех землях, а Нур-ад-дин за те двадцать дней, что они отсутствовали, уехал в далёкие страны, и его искали, но не напали на слух о нем и вернулись.

И Шамс-ад-дин отчаялся найти брата и сказал: «Я преступил границы в своём разговоре с братом относительно брака наших детей. О, если бы этого не случилось! Все это произошло по моему малоумию и непредусмотрительности».

И через короткое время он посватался к дочери одного из каирских купцов и написал брачную запись и вошёл к своей жене. И случилось так, что ночь свадьбы Шамс-ад-дина и его жены была той ночью, когда Нур-ад-дин вошёл к своей жене, дочери везира Басры, – и это произошло по воле Аллаха великого, дабы осуществился над тварями его приговор.

И стало так, как братья говорили: их жены понесли от них, и жена Шамс-ад-дина, везира Каира, родила дочь, лучше которой не было видано в Каире, а жена Нур-ад-дина родила мальчика, прекраснее которого не видали в его время, как сказал о нем поэт:

О, как строен он! Волоса его и чело его
В темноту и свет весь род людской повергают.
Не кори его ты за родинку на щеке его:
Анемоны все точка чёрная отмечает.

А другой сказал:

Когда красу привели бы, чтоб с ним сравнить,
В смущенье бы опустила краса главу.

А если бы её спросили: «Видала ль ты подобного?» – то сказала б: «Такого? Нет!»

И Нур-ад-дин назвал его Бедр-ад-дином Хасаном, и дед его обрадовался ему и устроил празднества и трапезы, достойные царских детей. А потом везир Басры взял Нурад-дина и

привёл его к султану, и Нур-ад-дин, подойдя, поцеловал перед ним землю. И был он красноречив, твёрд сердцем, прекрасен и милостив и произнёс такие стихи:

«Да будешь вечно счастлив ты, господин!
Да будешь жив, пока живут мрак и свет.
Когда зайдёт о помыслах речь твоих,
То пляшет время и рукоплещет рок».

И султан поднялся им навстречу и поблагодарил Нурад-дина за то, что он сказал, и спросил своего везира: «Кто этот юноша?» И везирь рассказал ему его историю с начала до конца и сказал: «Это сын моего брата». – «Как же он сын твоего брата, а мы ничего о нем не слышали?» – спросил султан. И везирь сказал: «О владыка султан, у меня был брат, везирь в египетских землях, и он умер и оставил двух сыновей, и старший сел на его место везирем, а вот этот, его меньшой сын, прибыл ко мне. А я раньше поклялся, что выдам свою дочь только за него, и когда он приехал, я женил его на ней. Он юноша, а я стал дряхлым стариком, и мой слух сделался плох, и ослабла моя сообразительность, и я хотел бы от владыки нашего, султана, чтобы он поставил его на моё место. Это ведь мой племянник и муж моей дочери, и он достоин сана везира, так как обладает верностью суждения и предусмотрительностью».

И султан посмотрел на Нур-ад-дина, который пришёлся ему по сердцу, и пожаловал ему то, чего хотел везирь. Он выдвинул его в везирстве и приказал дать ему великолепное платье, а кроме того, султан велел ему дать мула из своих личных и назначил ему выдачи и жалованье. И Нур-ад-дин поцеловал султану руку и отправился с тестем в своё жилище, и оба были до крайности обрадованы и говорили: «Это счастливый жребий новорождённого Хасана!» А потом, на следующий день, Нур-ад-дин пошёл к царю и поцеловал землю и произнёс:

«Будь же счастлив по-новому каждодневно
И успех знай, хоть строит враг тебе козни!
И да будут все дни твои вечно белы,
Дни тех же, кто враги тебе, – вечно черны!»

И султан приказал ему сесть на везирское место; и Нур-ад-дин сел и взялся за дела своей службы и стал разбирать случаи с людьми и их тяжбы, как делают обычно везири, – и султан смотрел на него и удивлялся его поступкам, и уму, и сообразительности, и распорядительности; и он полюбил его и приблизил к себе. А когда собрание разошлось, Нур-ад-дин пошёл домой и рассказал своему тестю о том, что было; и старик обрадовался. И Нур-ад-дин продолжал оставаться везирем и не покидал султана ни ночью, ни днём, и султан увеличил ему жалованье и пособия, так что обстоятельства Нур-ад-дина улучшились. И у него появились корабли, ездившие от его имени с товарами, и оказались рабы и невольники, и он возделал много имений, орошённых земель и садов.

А когда его сыну Хасану исполнилось четыре года, скончался старый везирь, отец жены Нур-ад-дина, и Нурад-дин устроил ему великолепный вынос и похоронил его. А после того Нур-ад-дин занялся воспитанием своего сына; и когда тот окреп и ему исполнилось семь лет, он призвал к нему учителя, и поручил ему научить его читать и дать ему образование и хорошо воспитать его. И учитель научил его читать и заставил усвоить полезное в знании, и Хасан повторял Коран в течение многих лет и становился все красивей и стройней, подобно тому, как сказано:

Вот луна, что в небе красы его полной сделалась,
С анемона щёк его солнце светит лучистое.

Красотой он всей целиком владеет, и кажется,
Что создання все красоту свою у него берут.

И учитель воспитал его во дворце его отца, и Хасан, с тех пор как вырос, не выходил из дворца везиря.

И в один день из дней его отец, везирь Нур-ад-дин, взял его и одел в платье из числа роскошнейших одежд и, посадив на мула из числа лучших его мулов, отправился с ним к султану и ввёл его к нему. И царь посмотрел на Бедр-ад-дина Хасана, сына везиря Нур-ад-дина, который ему понравился, и полюбил его, а жители царства, когда Хасан проехал мимо них в первый раз, направляясь с отцом к царю, были поражены его красотой и сидели на его пути, выжидая, когда он поедет обратно, чтобы взглянуть на его красоту и прелесть и стройный стан, – как сказано:

Наблюдал однажды, ночной порой, звездочёт, и вдруг
Увидал красавца кичливого в одеждах.
И увидел он Близнецов, что щедро рассыпали
Чудеса красот, у него на теле блистающих.

Подарил Сатурн черноту ему его локонов
И от мускуса точки родинок на ланитах.
Яркий Марс ему подарил румянец ланит его,
А Стрелец бросал с лука век его стрелы метко.

Даровал Меркурий великую остроту ему,
А Медведица – та от взглядов злых охраняла,
И смутился тут звездочёт при виде красот его,
И упал он ниц, лобызая землю покорно.

И судья, увидев Хасана, пожаловал его и полюбил и сказал его отцу: «О везирь, следует и необходимо тебе всегда приводить его с собою!» И везирь отвечал: «Слушаю и повинуюсь!»

И Нур-ад-дин вернулся со своим сыном домой, и каждый день он поднимался с ним к султану.

А когда мальчик достиг пятнадцати лет, его отец, везирь Нур-ад-дин, заболел и призвал своего сына и сказал ему: «О дитя моё, знай, что здешний мир – обитель проходящая, а будущая жизнь вечна. Я хочу дать тебе кое-какие наставления; пойми же, что я скажу тебе, и устрями на это свой разум».

И он принялся учить его хорошему обхождению с людьми и предусмотрительности, а потом Нур-ад-дин вспомнил брата и родные места и земли и заплакал о разлуке с любимыми и вытер слезы и произнёс такой стих:

«На разлуку вам жалуясь, что мы скажем?
А когда до тоски дойдём – где же путь наш?
Иль пошлём мы гонца за нас с изъяснением?
Но не может излить гонец жалоб страсти.

Иль стерпеть нам? Но может жить ведь влюблённый,
Потерявший любимого, лишь недолго.
Будет жить он в тоске одной и печали.
И ланиты зальёт свои он слезами.

О, сокрытый от глаз моих и ушедший,
Но живущий в душе моей неизменно,
Тебя встречу ль? И помнишь ли ты обет мой,
Что продлится, пока текут эти годы?

Иль забыл ты вдали уже о влюблённом,
Что довольно уже слез пролил, изнурённый?
Ах! Ведь если сведёт любовь нас обоих,
То продлятся упрёки наши не мало».

А окончив говорить стихи и плакать, он обратился к своему сыну и сказал: «Узнай, прежде чем я тебя оставлю, что у тебя есть дядя, везирь в Каире, которого я покинул и уехал без его согласия. Я хочу, чтобы ты взял свиток и записал то, что я тебе скажу».

И Бедр-ад-дин Хасан взял бумажный свиток и стал писать на нем, как сказал ему отец, и Нур-ад-дин продиктовал ему все, что с ним случилось, от начала до конца. И он записал для него время своей женитьбы и день, когда он вошёл к дочери везира, а также время своего прибытия в Басру и встречи с везирем, и то, что ко дню кончины ему было меньше сорока лет. «И вот моё письмо к нему, и Аллах для него после этого мой преемник, – закончил он, а затем свернул бумагу и запечатал её и сказал: «О дитя моё, Хасан, храни это завещание, ибо в этой бумажке указано твоё происхождение и род и племя, и если тебя постигнет какое-нибудь событие, отправляйся в Египет и спроси там о твоём дяде и узнай дорогу к нему и сообщи ему, что я умер на чужбине тоскующий».

И Бедр-ад-дин Хасан взял бумагу и свернул её и зашил в ермолку, между прокладкой и верхом, и намотал на неё тюрбан, плача о своём отце, с которым он расстался молодым. Нур-ад-дин сказал ему: «Я дам тебе пять наставлений. Первое из них: не знайся ни с кем – и спасёшься от зла, ибо спасение в уединении. Не посещай никого и не води ни с кем дел, – я слышал, как поэт говорил:

Уж не от кого теперь любви ожидать тебе,
И если обидит рок, не будет уж верен друг.
Живи ж в одиночестве и впредь никому не верь.
Я дал тебе искренний совет – и достаточно.

Второе: о дитя моё, не обижай никого, не то судьба тебя обидит. Судьба один день за тебя, один день против тебя, и земная жизнь – это заём с возвратом. Я слышал, как поэт говорил:

Помедли и не спеши к тому, чего хочешь ты,
И к людям будь милостив, чтоб милость к себе пришла.
Над всякой десницею десница всевышнего,
И всякий злодей всегда злодеем испытан был.

Третье наставление: блюди молчание, и пусть твои пороки заставят тебя забыть о пороках других. Сказано: кто молчит – спасётся, – а я слышал, как поэт говорил:

Молчанье красит, безмолвие охраняет нас,
А уж если скажешь – не будь тогда болтливым.
И поистине, если, раз смолчав, ты расквасишься,
То во сказанном ты расквасишься многократно»

Четвёртое: о дитя моё, предостерегу тебя, – не пей вина. Вино – начало всякой ему, вино губит умы. Берегись, берегись, не пей вина, ибо я слышал, как поэт говорил:

Вино я оставил и пьющих его
И стал для хулящих его образцом.
Вино нас сбивает с прямого пути,
И рту отворяет ворота оно.

Пятое наставление: о сын мой, береги деньги, и они сберегут тебя; храни деньги – они сохранят тебя. Не трать без меры – будешь нуждаться в ничтожнейшем из людей. Береги дирхемы – это целительная мазь, ибо я слышал, как кто-то говорил:

Коль деньги мои скудны, никто не дрожит со мной,
А если побольше их – все люди друзья мне.
Как много друзей со мной за щедрость в деньгах дружат
И сколько, когда их нет, меня оставляют!»

И Нур-ад-дин не переставал учить своего сына Бедр-ад-дина Хасана, пока не вознёсся его дух; и печаль поселилась в его доме, и султан горевал о нем и все эмиры. И его похоронили.

А Бедр-ад-дин пребывал в печали по своему отцу в течение двух месяцев, не садясь на коня, не поднимаясь в диван и не встречаясь с султаном.

И султан разгневался на него и назначил на его место кого-то из придворных и посадил его везирем и приказал ему опечатать дома Нур-ад-дина, его владенья и поместья; и новый везирь принялся опечатывать все это и решил схватить его сына, Бедр-ад-дина Хасана, и отвести его к султану, чтобы тот поступил с ним согласно своему решению.

А среди войска был невольник из невольников покойного везира, и, услышав об этом событии, он погнал своего коня и поспешно прибыл к Бедр-ад-дину Хасану, которого он нашёл сидящим у дверей своего дома, с печально опущенной головой и с разбитым сердцем. И невольник сошёл с коня перед Бедр-ад-дином, поцеловал ему руку и сказал: «О господин мой и сын моего господина, скорее, скорее, пока не постиг тебя рок!» И Бедр-ад-дин встревожился и спросил: «Что случилось?» И невольник сказал: «Султан на тебя разгневался и велел схватить тебя, и беда идёт к тебе за мною! Спасай же свою душу!» – «Есть ли у меня ещё время войти в дом и взять с собою кое-что из мирского, чтобы поддержать себя на чужбине?» – спросил Бедр-ад-дин. И невольник ответил: «О господин мой, поднимайся сейчас же и брось думать о доме! – и он поднялся и произнёс:

Спасай свою жизнь, когда поражены горем,
И плачет пусть дом о том, кто его построил.
Ты можешь найти страну для себя другую,
Но душу себе другую найти не можешь!

Дивлюсь я тому, кто в доме живёт позора,
Коль земли творца в равнинах своих просторны.
По важным делам гонца посылать не стоит:
Сама лишь душа добра для себя желает.

И шея у львов крепка потому лишь стала,
Что сами они все нужное им свершают».

И Бедр-ад-дин, услышав слова невольника, закрыл голову полой и вышел пешком, и, оказавшись за городом, он услышал, что люди говорят: «Султан послал своего нового везира в дом везира, который скончался, чтобы опечатать его имущество и дома и схватить его сына Бедр-ад-дина Хасана и отвести его к султану, чтобы тот его убил».

И люди опечалились из-за его красоты и прелести, а Бедр-ад-дин, услышав речи людей, пошёл наугад, не зная куда идти, и шёл до тех пор, пока судьба не пригнала его к могиле его отца.

И он вошёл на кладбище и прошёл среди могил, а потом сел у могилы своего отца и накинул на голову полу фарджии⁴⁴. А она была заткана золотыми вышивками, и на ней были написаны такие стихи:

О ты, чей лик блистает так –
Росе подобен и звёздам он, –
Да будешь вечно великим ты,
Да не будет славе конца твоей!

И когда он был у могилы своего отца, вдруг подошёл к нему еврей, с виду как будто меняла, с мешком, в котором было много золота, и, приблизившись к Хасану басрийскому, спросил его: «О господин мой, что это ты, я вижу, расстроен?» – «Я сейчас спал, – ответил Бедр-ад-дин, – и видел моего отца, который упрекал меня за то, что я его не навещаю. И я встал испуганный и побоялся, что день пройдёт, а я не навещу его и это будет мне тяжело». – «О господин мой, – сказал еврей, – твой отец послал корабли для торговли, и некоторые из них прибыли, и я хочу купить у тебя груз первого из прибывших кораблей за эту тысячу динаров золотом». И еврей вынул мешок, полный золота, отсчитал оттуда тысячу динаров и отдал их Хасану, сыну везира, и сказал: «Напиши мне записку и приложи к ней печать».

И Хасан, сын везира, взял бумажку и написал: «Пишущий это, Хасан, сын везира, продал Исааку, еврею, весь груз первого из кораблей его отца, который придёт, за тысячу динаров и получил плату вперёд». И еврей взял бумажку, а Хасан стал плакать, вспоминая, в каком он был величии, и произнёс:

«С тех пор как исчезли вы, друзья, – дом не дом мне!
О нет, и соседи мне теперь не соседи.
Теперь не друзья уж те, кого я там видывал,
И звезды небесные уж ныне не звезды.

Вы скрылись и сделали, исчезнув, весь мир пустым,
И мрачны, как скрылись вы, равнины и земли.
О, если бы ворон тот, чей крик нам разлуку нёс,
Гнёзда не нашёл себе и перьев лишился!

Утратил терпенье я в разлуке и изнурён.
О, сколько в разлуки день спадает покровов!
Посмотрим, вернутся ль к нам те ночи, что минули,
И будем ли мы, как встарь, с тобой в одном доме».

⁴⁴ Фарджия – верхняя одежда вроде халата с длинными и широкими рукавами.

И он горько заплакал, и его застигла ночь, и Бедр-ад-дин приклонил голову к могиле своего отца, и его охватил сон; и взошла луна, и голова его скатилась с могилы, и он лежал на спине, и лицо его блистало в лучах месяца.

А в могиле обитали правоверные джинны, и одна джинния вышла и заметила спящего Хасана и, увидав его, изумилась его красоте и прелести и воскликнула: «Хвала Аллаху! Поистине, этот юноша должен быть из детей рая!»

И она взлетела в воздух, чтобы полетать кругом, как обычно, и увидела летящего ифрита, который её приветствовал, и спросила его: «Откуда ты летишь?» – «Оттуда», – ответил ифрит. И джинния сказала: «Не хочешь ли отправиться со мною, взглянуть на красоту юноши, что спит у могилы?» И ифрит молвил: «Хорошо». И они полетели и спустились у могилы, и джинния спросила: «Видал ли ты в жизни кого-нибудь прекрасней этого юноши?»

И ифрит посмотрел на юношу и воскликнул: «Хвала тому, на кого нет похожего! Но если хочешь, сестрица, я расскажу тебе о том, что я видел». – «Что же это?» – спросила джинния. И ифрит сказал: «Я видел девушку, подобную этому юноше, в стране египетской: это дочь везира Шамс-ад-дина. Ей около двадцати лет жизни, и она красива, прелестна, блестяща и совершенна, и стройна станом. И когда она перешла этот возраст, о ней услышал султан в Каире и призвал везира, её отца, и сказал ему: «Знай, о везирь, до меня дошло, что у тебя есть дочь, и я хочу посватать её у тебя».

И везирь ответил: «О владыка султан, прими мои извинения и сжался над моими слезами. Тебе известно, что мой брат Нур-ад-дин уехал от нас, и мы не знаем, где он, а он был моим товарищем по везирству; и причина его отъезда – гнев, потому что мы сидели с ним и говорили о браке и о детях, и он из-за этого рассердился, а я дал клятву в тот день, как её родила мать, около восемнадцати лет тому назад, что не выдам свою дочь ни за кого, кроме сына моего брата. А недавно я услышал, что мой брат женился на дочери везира Басры и от неё родился сын, – и я ни за кого не выдам свою дочь, если не за него, в уважение к моему брату. Я записал, когда я женился, и когда моя жена понесла, и время рождения моей дочери, и она предназначена сыну своего дяди; а девушек для господина нашего султана много».

Услышав слова везира, султан сильно разгневался и сказал: «Подобный мне сватает у подобного тебе дочку, а ты не отдаёшь её мне и приводишь жалкие доводы! Клянусь моей головой, я выдам её замуж лишь за ничтожнейшего из моих слуг наперекор твоему желанию!» А у султана был конюх – горбатый, с горбом спереди и горбом сзади, – и султан велел его привести и насильно написал его брачную запись с дочерью везира и приказал ему войти к ней в ту же ночь и чтобы ему устроили шествие. И я оставил его среди невольников султана, которые зажигали вокруг него свечи и издевались над ним у дверей бани. А дочь везира сидит и плачет среди нянек и прислужниц, и она больше всех похожа на этого юношу. А отца её заключили под стражу, чтобы он не пришёл к ней. И я не видел, сестрица, никого противнее этого горбуна. А девушка – она красивей юноши...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать вторая ночь

Когда же настала двадцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что когда джинн рассказал джиннии, что султан написал брачную запись дочери везира с горбатым конюхом и она «величайшем горе и что не найдётся подобного ей красотой, кроме этого юноши, джинния сказала: «Ты лжёшь! Этот юноша красивее всех людей своего времени». Но ифрит возразил ей и воскликнул: «Клянусь Аллахом, сестрица, девушка красивее его, но никто не подходит к ней, кроме него, ибо они похожи друг на друга, как родные брат и сестра. Горе ей с этим горбатым!» – «О брат мой, – сказала джинния, – давай поднимем его на себе и понесём его, и полетим с ним к той девушке, о которой ты говоришь, и посмотрим, кто из них

красивее». – «Слушаю и повинуюсь! Это правильные слова, и нет мысли лучше той, что ты высказала. Я понесу его», – сказал ифрит и понёс Хасана и взлетел с ним на воздух; а ифритка полетела рядом, бок о бок с ним. И они опустились в городе Каире и положили юношу на скамью и разбудили его.

И Хасан пробудился от сна и увидел себя не в Басре и не на могиле отца. Он посмотрел направо и налево, и оказалось, что он действительно в другом городе, не в Басре; и он хотел крикнуть, но ифрит двинул его кулаком. Потом ифрит принёс ему роскошную одежду и надел её на него, и зажёл ему свечку, и сказал: «Знай, что это я принёс тебя, и я сделаю для тебя кое-что ради Аллаха. Возьми эту свечу и ступай к той бане и смешайся с толпой, и иди с нею до тех пор, пока не достигнешь помещения невесты, и тогда опереди всех и войди в помещение, никого не боясь. А как войдёшь, стань справа от горбатого жениха и, когда к тебе станут подходить служанки, певцы и няньки, опускай руку в карман – ты найдёшь его полным золота, – забирай полной горстью и кидай всем. И всякий раз, когда сунешь руку в карман, ты найдёшь его полным золота. Давай же горстями всякому, кто к тебе подойдёт, и ничего не бойся. Уповай на того, кто тебя сотворил, – это все по велению Аллаха».

И, услышав слова ифрита, Бедр-ад-дин Хасан воскликнул: «Посмотри-ка, что это за девушка и какова причина такой милости!»

И он пошёл и зажёл свечу и подошёл к бане, и увидел, что горбун сидит на коне, и вошёл в толпу в этом наряде, прекрасный видом (а на нем была ермолка и тюрбан и фарджия, вышитая золотом). И он шёл в шествии, и всякий раз, как певички останавливались и люди кидали им в бубны деньги, Бедр-ад-дин опускал руку в карман и находил его полным золота, – и он брал и бросал его в бубны певичек и наполнял бубны динарами. И умы певичек смутились, и народ дивился его красоте и прелести.

И так продолжалось, пока они не дошли до дома везира, и привратники стали отгонять людей и не пускать их. Но певички сказали: «Мы не войдём, если этот юноша не войдёт с нами, ибо он осыпал нас милостями. Мы не откроем невесту иначе, как в его присутствии!»

И тогда Хасана ввели в свадебную залу и посадили его на глазах у жениха-горбуна, и все жены эмиров, везирей и придворных выстроились в два ряда, и у каждой женщины была большая зажжённая свеча, и они стояли, накинув покрывала, справа и слева от свадебного ложа до портика – возле комнаты, откуда выходит невеста.

И когда женщины увидели Бедр-ад-дина Хасана, и его красоту, и прелесть, и лицо его, сиявшее, как молодой месяц, все они почувствовали к нему склонность, а певички сказали присутствовавшим женщинам: «Знайте, что этот красавец давал нам одно только червонное золото. Не упустите же ничего, служа ему, и повинуйтесь ему в том, что он вам скажет». И женщины столпились около Хасана со свечами и смотрели на его красоту и завидовали его прелести; и каждой из них захотелось побыть у него в объятиях час или год. И когда ум покинул их, они подняли с лиц покрывала и сказали: «Благо тому, кому принадлежит этот юноша или над кем он властвует!»

И они стали проклинать горбатого конюха и того, кто был причиной его женитьбы на этой красавице, – и всякий раз, благословляя Бедр-ад-дина Хасана, они проклинали этого горбуна. А затем певички забили в бубны и засвистали в свирели, – и появились прислужницы, и посреди них дочь везира; её надушили и умастили, и одели, и убрали ей волосы, и окурили её, и надели ей украшения и одежды из одежд царей Хосроев. И среди прочих одежд на ней была одежда, вышитая червонным золотом, с изображением зверей и птиц, и она спускалась от её бровей, а на шею её надели ожерелье ценою в тысячи, и каждый камешек в нем стоил богатства, которого не имел тобба⁴⁵ и кесарь⁴⁶. И невеста стала подобна луне в четырнадцатую ночь, а подходя,

⁴⁵ Тобба – согласно легенде, титул царей могущественного древнеарабского племени, обитавшего в Южной Аравии.

⁴⁶ Кесарями в средневековой арабской литературе именовали византийских императоров.

она была похожа на гурию; да будет же превознесён тот, кто создал её блестящей! И женщины окружили её и стали как звезды, а она среди них была словно месяц, когда откроют его облака.

А Бедр-ад-дин Хасан басрийский сидел, и люди смотрели на него; и невеста горделиво приблизилась, покачиваясь, и горбатый конюх поднялся, чтобы поцеловать её, но она отвернулась и повернулась так, что оказалась перед Хасаном, сыном её дяди, – и все засмеялись. И видя, что она направилась в сторону Хасана Бедр-ад-дина, все зашумели и певицы подняли крик, а Бедр-ад-дин положил руку в карман и, взяв горсть золота, бросил её в бубны певицам; и те обрадовались и сказали: «Мы хотели бы, чтобы эта невеста была для тебя». И Хасан улыбнулся.

Вот! И все окружили его, а горбатый конюх остался один, похожий на обезьяну, и всякий раз, как ему зажигали свечку, она гасла, и у него не осталось голоса от крика, и он сидел в темноте, раздумывая про себя.

А перед Хасаном Бедр-ад-дином оказались свечи в руках людей, и когда Хасан увидел, что жених один в темноте и раздумывает про себя, а эти люди стоят кругом и горят эти свечи, он смутился и удивился. Но увидав дочь своего дяди, Бедр-ад-дин Хасан обрадовался и развеселился и посмотрел ей в лицо, которое сияло светом и блистало, особенно потому, что на ней было надето платье из красного атласа. И прислужницы открыли её в первом платье, и Хасан уловил её облик, и она принялась кичиться и покачиваться от чванства и ошеломила умы женщин и мужчин, и была она такова, как сказал поэт:

Вот солнце на тростинке над холмами
Явилось нам в гранатовой рубашке.
Вина слюны она дала мне выпить
И, щеки дав, огонь яркий погасила.

И это платье переменили и одели её в голубую одежду, и она появилась словно луна, когда луна засияет, с волосами как уголь, нежными щеками, улыбающимися устами и высокой грудью, с нежными членами и томными глазами. И её открыли во втором платье, и была она такова, как сказали о ней обладатели возвышенных помыслов:

В одеянье она пришла голубом к нам,
Что лазурью на свет небес так похоже,
И увидел, всмотревшись, я в одеянье
Месяц летний, сияющий зимней ночью.

Затем это платье переменили на другое и укрыли её избытком её волос и распустили её чёрные длинные кудри, и их чернота и длина напоминали о мрачной ночи, и она поражала сердца колдующими стрелами своих глаз.

И её открыли в третьем платье, и она была подобна тому, что сказал о ней сказавший:

Вот та, что закутала лицо своё в волосы
И стала соблазном нам, а кудри – как жало.
Я молвил: «Ты ночью день покрыла». Она же: «Нет!
Покрыла я лик луны ночной темнотою».

И её открыли в четвёртом платье, и она приблизилась, как восходящее солнце, покачиваясь от чванства и оборачиваясь, словно газель, и поражала сердца стрелами из-за своих век, как сказали о ней:

О, солнце красы! Она явилась взирающим
И блещет чванливостью, украшенной гордостью.
Лишь только увидит лик её и улыбку уст
Дневное светило – вмиг за облако скроется.

И она появилась в пятой одежде, подобно ласковой девушке, похожая на трость бамбука или жаждущую газель, и скорпионы её кудрей ползли по её щекам, и она являла свои диковины и потряхивала бёдрами, и завитки её волос были не закрыты, как сказали о ней:

Явилась она как полный месяц в ночь радости,
И члены нежны её и строен и гибок стан,
Зрачками прелестными пленяет людей она,
И жалость ланит её напомним о яхонте.

И тёмные волосы на бедра спускаются, –
Смотри берегись же змей, волос её вьющихся.
И нежны бока её, душа же её тверда,
Хотя и мягки они, но крепче скал каменных.

И стрелы очей она пускает из-под ресниц
И бьёт безошибочно, хоть издали бьёт она.
Когда мы обнимемся и пояса я коснусь,
Мешает прижать её к себе грудь высокая.

О, прелесть её! Она красоты затмила все!
О, стан её! Тонкостью смущает он ивы ветвь!

И её открыли в шестой одежде, зеленой, и своей стройностью она унизила копье, прямое и смуглое, а красотой своей она превзошла красавиц всех стран и блеском лица затмила сияющую луну, достигнув в красоте пределов желания. Она пленила ветви нежностью и гибкостью и пронзила сердца своими прекрасными свойствами, подобно тому, как сказал кто-то о ней:

О, девушка! Ловкость её воспитала!
У щёк её солнце свой блеск зелёный –
Явилась в зеленой рубашке она,
Подобной листве, что гранат прикрывает.

И молвили мы: «Как назвать это платье?»
Она же, в ответ нам, сказала прекрасно:
«Мы этой одеждой пронзали сердца
И дали ей имя «Пронзающая сердце»

И её открыли в седьмой одежде, цветом между шафраном и апельсином, как сказал о ней поэт:

В покрывалах ходит, кичась, она, что окрашены
Под шафран, сандал, и сафлор, и мускус, и амбры цвет.
Тонок стан её, и коль скажет ей её юность: «Встань!»,
Скажут бедра ей: «Посиди на месте, зачем спешить!»

И когда я буду просить сближенья и скажет ей
Красота: «Будь щедрой!» – чванливость скажет:
«Не надо!» – ей.

А невеста открыла глаза и сказала: «О боже, сделай его моим мужем и избавь меня от горбатого конюха!»

И её стали открывать во всех семи платьях, до последнего, перед Бедр-ад-дином Хасаном басрийским, а горбатый конюх сидел один; и когда с этим покончили, людям разрешили уйти, – и вышли все, кто был на свадьбе из женщин и детей, и никого не осталось, кроме Бедр-ад-дина Хасана и горбатого конюха. И прислужницы увели невесту, чтобы снять с неё одежды и драгоценности и приготовить её для жениха. И тогда конюх-горбун подошёл к Бедр-ад-дину Хасану и сказал ему: «О господин, сегодня вечером ты развлёк нас и осыпал нас милостями; не встанешь ли ты теперь и не уйдёшь ли?» – «Во имя Аллаха!» – сказал Хасан и вышел в дверь; но ифрит встретил его и сказал: «Постой, Бедр-ад-дин! Когда горбун выйдет в комнату отдохновения⁴⁷, войди немедленно и садись за полог, и как только придёт невеста, скажи ей: «Я, твой муж и царь, только потому устроил эту хитрость, что боялся для тебя сглаза, а тот, кого ты видела, – конюх из наших конюхов». И потом подойди к ней и открой ей лицо и скажи: «Нас охватила ревность из-за этого дела!»

И пока Бедр-ад-дин разговаривал с ифритом, конюх вышел и пошёл в комнату отдохновения и сел на доски, и ифрит вылез из чашки с водой, в образе мыши, и пискнул: «Зик!» – «Что это такое?» – спросил горбун. И мышь стала расти и сделалась котом и промяукала: «Мяу-мяу!», и выросла ещё, и стала собакой и пролаяла: «Вау, вау!»

И, увидев это, конюх испугался и закричал: «Вон, несчастный!» Но собака выросла и раздулась и превратилась в осла – и заревела и крикнула ему в лицо: «Хак, хак!»

И конюх испугался и закричал: «Ко мне все, кто есть в доме!» Но осел вдруг стал расти и сделался величиной с буйвола, и занял все помещение, и заговорил человеческим голосом: «Горе тебе, о горбун, о зловоннейший!»

И у конюха схватило живот, и он сел на доски в одежде, и зубы его застучали друг о друга, а ифрит сказал ему: «На земле тебе тесно, что ли? Ты не нашёл на ком жениться, кроме как на моей возлюбленной?»

И конюх промолчал, а ифрит воскликнул: «Отвечай, не то я поселю тебя во прахе». – «Клянусь Аллахом, – сказал конюх, – я не виноват! Они меня заставили, и я не знал, что у неё есть возлюбленные буйволы, и я раскаиваюсь перед Аллахом и перед тобой».

И ифрит сказал: «Клянусь тебе, если ты сейчас выйдешь отсюда или заговоришь прежде, чем взойдёт солнце, я убью тебя! А когда взойдёт солнце, уходи своей дорогой и не возвращайся в этот дом никогда».

После этого ифрит схватил конюха и сунул его в отверстие головой вниз и ногами вверх, и сказал: «Оставайся здесь, и я буду сторожить тебя до восхода солнца».

Вот что произошло с горбуном. Что же касается Бедр-ад-дина Хасана басрийского, то он оставил горбуна и ифрита препираться и вошёл в дом и сел за пологом; и вдруг пришла невеста и с нею старуха, которая остановилась в дверях комнаты и сказала: «О отец стройности, встань, возьми залог Аллаха».

Потом старуха повернулась вспять, а невеста взошла за полог на возвышение (а её имя было Ситт-аль-Хусн) – а сердце её было разбито, и она говорила в душе: «Клянусь Аллахом, я не дам ему овладеть мною, даже если он убьёт меня!» И, войдя за полог, она увидела Бедр-ад-дина и сказала ему: «Любимый, ты все ещё сидишь! Я говорила себе, что ты и горбатый

⁴⁷ «Комната отдохновения», «покой уединения», «домик с водой» – отхожее место.

конюх будете владеть мною сообща». – «А что привело к тебе конюха и где ему быть моим соучастником относительно тебя?» – сказал Бедр-ад-дин Хасан. И девушка спросила: «Кто же мой муж: ты или он?» – «О Ситт-аль-Хусн, – сказал Бедр-ад-дин, – мы сделали это, чтобы посмеяться над ним: когда прислужницы и певички и твои родные увидели твою редкостную красоту, твой отец нанял конюха за десять динаров, чтобы отвратить от тебя дурной глаз, и теперь он ушёл».

И, услышав от Бедр-ад-дина эти слова, Ситт-аль-Хусн обрадовалась, и улыбнулась, и рассмеялась тихим смехом, и сказала: «Клянусь Аллахом, ты погасил во мне огонь! Ради Аллаха, возьми меня к себе и сожми в объятиях».

А она была без одежды и подняла рубашку до горла, так что стал виден её перед и зад; и когда Бедр-ад-дин увидел это, в нем заволновалась страсть, и он встал, распустил одежду, а потом он отвязал кошель с золотом, куда положил тысячу динаров, взятую у еврея, завернул его в шальвары и спрятал под край матраца, а чалму он снял и положил на скамеечку и остался в тонкой рубахе (а рубаха была вышита золотом). И тогда Ситт-аль-Хусн поднялась к нему, притянула его к себе, и Бедр-ад-дин тоже привлёк её к себе и обнял её и велел ей охватить себя ногами, а потом он забил заряд, и пушка выстрелила и разрушила башню, и увидел он, что Ситт-аль-Хусн несверленная жемчужина и не объезженная другим кобылица.

И он уничтожил её девственность и насытился её юностью, и вынул заряд и забил его, а кончив, он повторил это много раз, и она понесла от него.

И потом Бедр-ад-дин положил ей руку под голову, и она сделала то же самое, и они обнялись и заснули, обнявшись, как сказал о них поэт в таких стихах:

Посещай любимых, и пусть бранят завистники!
Ведь против страсти помочь не может завистливый.
И Аллах не создал прекраснее в мире зрелища,
Чем влюблённые, что в одной постели лежат вдвоём.

Обнялись они, и покров согласия объемлет их,
И подушку им заменяют плечи и кисти рук.
И когда сердца заключат с любовью союз навек –
По холодному люди бьют железу, узнай, тогда.

И когда дружит хоть один с тобой, но прекрасный друг,
Проводи ты жизнь лишь с подобным другом и счастлив будь!
О, хулящие за любовь влюблённых – возможно ли
Поправленье тех, у кого душа испорчена?

Вот что было с Бедр-ад-дином Хасаном и Ситт-аль-Хусн, дочерью его дяди. Что же касается до ифрита, то он сказал ифритке: «Подними юношу и давай отнесём его на место, чтобы утро не застигло нас. Время уже близко». И тогда ифритка подошла и подняла Хасана, когда он спал, и полетела с ним (а он был все в том же виде – в рубашке, без одежды); и она летела, и ифрит рядом с ней, пока утро не застигло их во время пути и муэдзины не закричали: «Идите к преуспеянию».

И тогда Аллах разрешил ангелам метать в ифрита огненные звезды, и он сгорел, а ифритка уцелела. И она опустила Бедр-ад-дина на том месте, где звезды поразили ифрита, и не полетела с ним дальше, боясь за него, а по предопределённому велению они достигли Дамаска сирийского, и ифритка положила Хасана у одних из ворот и улетела. И когда настало утро и раскрылись ворота города, люди вышли и увидели красивого юношу, в рубахе и в ермолке, раздетого, без одежды, и от перенесённой бессонницы он был погружён в сон.

И люди, увидев его, сказали: «Счастлива та, что была возле него сегодня ночью! Что бы ему дотерпеть, пока он оденется!» А кто-то другой сказал: «Несчастливые дети родовитых! Этот молодец сейчас вышел из кабака по некоторому делу, но хмель осилил его, и он сбился с пути к тому месту, куда шёл, и, дойдя до городских ворот, нашёл их запёртыми и заснул здесь».

И люди пустились в разговоры о нем. И вдруг ветер подул и поднял его рубашку над животом, и стал виден живот и плотный пупок и ноги и бедра его подобные хрусталу, и люди сказали: «Хорошо, клянёмся Аллахом!»

И Бедр-ад-дин проснулся и увидел, что он у ворот города и что подле него люди, и удивился и воскликнул: «Где я, добрые люди, и почему вы собрались? Что у меня с вами случилось?» И ему сказали: «Мы увидели тебя во время утреннего призыва, и ты лежал и спал, и мы не знаем о твоём деле ничего, кроме этого».

«Где ты спал эту ночь?» – спросили его потом; и Бедр-ад-дин Хасан воскликнул: «Клянусь Аллахом, о люди, я проспал эту ночь в Каире!»

И тогда один человек сказал: «Ты ешь гашиш!» А другой воскликнул: «Ты сумасшедший! Ты ночевал в Каире, а утром ты спишь в городе Дамаске!» И Бедр-ад-дин отвечал: «Клянусь Аллахом, добрые люди, я совсем не лгу вам; вчера вечером я был в Египте, а вчерашний день находился в Басре». – «Хорошо!» – сказал кто-то; а другой сказал: «Этот юноша одержимый!» И над ним стали хлопать в ладоши, и люди заговорили друг с другом и сказали: «Горе его молодости! Клянёмся Аллахом, в его безумии нет никакого сомнения!» Потом они сказали ему: «Сообрази и приди в разум». И Бедр-ад-дин сказал: «Я вчера был женихом в Египте». – «Может быть, ты грезил и видел все, о чем ты говоришь, во сне?» – спросили его; и Хасан усомнился в самом себе и воскликнул: «Клянусь Аллахом, это не сон, и мне не привиделись грёзы! Я пришёл, и невесту открывали передо мной, а конюх-горбун сидел тут же. О брат мой, это не сон; а если это сон, то где же кошель с золотом и где мой тюрбан, и моё платье, и одежда?»

И потом он встал и вошёл в город и прошёл по улицам и по рынкам, и люди толпились вокруг него и шли за ним следом, а он вошёл в лавку повара.

А этот повар был ловкий человек, то есть вор, но Аллах привёл его к раскаянию в воровстве, и он открыл себе харчевню; и все жители Дамаска боялись его из-за его сильной ярости.

И когда все увидели, что юноша вошёл в харчевню, народ рассеялся, боясь этого повара; а когда повар увидел Бедр-ад-дина Хасана и посмотрел на его красоту и прелесть, любовь к нему запала ему в сердце, и он спросил: «Откуда ты, молодец? Расскажи мне твою историю, – ты стал мне дороже, чем моя душа».

И Хасан рассказал ему о том, что случилось, с начала до конца; и повар сказал: «О господин мой Бедр-ад-дин, знай, что это удивительное дело и диковинный рассказ. Но скрывай, дитя моё, что с тобою было, пока Аллах не пошлёт тебе облегчения; живи со мною в этом месте: у меня нет ребёнка, и я сделаю тебя своим сыном». – «Хорошо, дядюшка», – сказал Бедр-ад-дин. И тогда повар пошёл на рынок и купил Бедр-ад-дину роскошных платьев и одел его в них, а потом он отправился с ним к кади⁴⁸ и объявил, что Бедр-ад-дин его сын. И Бедр-ад-дин Хасан сделался известен в городе Дамаске как сын повара и стал сидеть у него в лавке и получал деньги, и положение его у повара таким образом упрочилось.

Вот что было с Бедр-ад-дином Хасаном и произошло с ним. Что же касается Ситт-аль-Хусн, дочери его дяди, то, когда взошла заря, она проснулась и не нашла подле себя Бедр-ад-дина Хасана. Она подумала, что он пошёл за нуждой, и просидела, ожидая его, некоторое время; и вдруг вошёл её отец, озабоченный тем, что случилось с ним из-за султана, – как тот насильно заставил его выдать дочь за своего слугу, за какой-то горбатый обломок конюха. И он говорил про себя: «Я убью мою дочь, если она дала этому проклятому овладеть собою!»

⁴⁸ Тарбуш – ермолка, на которую наматывается тюрбан.

И, дойдя до её ложа, он остановился и сказал: «Ситт-аль-Хусн!» И она ответила: «Я здесь, к твоим услугам, о господин мой!» – и вышла, раскачиваясь от радости, и поцеловала перед ним землю, и её лицо стало ещё светлее и красивее, так как она обнимала того газеленка.

И, увидев, что она в таком состоянии, её отец сказал ей: «О проклятая, ты радуешься этому конюху!» И она улыбнулась, услышав слова своего отца, и ответила: «Ради Аллаха, довольно того, что вчера случилось! Люди смеялись надо мной и корили меня этим конюхом, не стоящим обрезка ногтя моего мужа. Клянусь Аллахом, я в жизни не знала ночи лучше вчерашней! Не смейся же надо мной и не напоминай мне про этого горбуна».

Услышав её слова, отец её исполнился гнева, и глаза его посинели, и он воскликнул: «Горе тебе, что это за слова ты говоришь! Конюх-горбун ночевал с тобою?» Но Ситт-аль-Хасан сказала: «Заклинаю тебя Аллахом, не поминай мне его, да проклянёт Аллах его отца, и не строй шуток! Конюха только наняли за десять динаров, и он взял свою плату и ушёл, а я зашла за полог и увидела моего мужа, который сидел там, а раньше меня открывали для него певички, и он одевал всех червонным золотом, так что обогатил бывших здесь бедняков. И я проспала ночь в объятиях моего мужа, ласкового нравом, обладателя чёрных глаз и сходящихся бровей».

И когда отец её услышал эти слова, свет покрылся мраком перед лицом его, и он воскликнул: «О нечестивая, что это ты говоришь, где твой разум?» И она ответила: «О батюшка, ты пронзил моё сердце! Довольно тебе тяготить меня! Знай, что муж, что взял мою невинность, и он вошёл в комнату отдохновения, а я уже понесла от него».

К тогда её отец поднялся изумлённый и пошёл в отхожее место и увидел горбатого конюха, который был воткнут головой в отверстие, а ноги его торчали вверх. И везирь оторопел, у видя его, и воскликнул: «Это не кто иной, как горбун! Эй, горбатый», – сказал он ему. И конюх ответил: «Тагум, тагум», – думая, что с ним говорит ифрит, а везирь закричал на него и сказал: «Говори, а не то я отрежу тебе голову этим мечом!» И тогда горбун сказал: «Клянусь Аллахом, о шейх ифритов, с тех пор как ты меня сюда сунул, я не поднимал головы! Ради Аллаха, сжался надо мной!» – «Что ты говоришь? – сказал везирь, услышав слова горбатого. – Я отец невесты, а не ифрит!» – «Хватит! – отвечал горбун. – Ты собираешься отнять у меня душу, но уходи своей дорогой, пока не пришёл к тебе тот, кто сделал со мной это дело. Вы привели меня лишь для того, чтобы женить меня на любовнице буйволов и возлюбленной ифритов. Да проклянёт Аллах того, кто меня женил на ней и кто был причиной этого...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать третья ночь

Когда же настала двадцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что горбатый конюх заговорил с везирем, отцом невесты, и сказал ему: «Да проклянёт Аллах того, кто был этому причиной!» А везирь сказал: «Вставай, выходи отсюда!» Но горбун отвечал: «Что я, сумасшедший, что ли, чтобы уйти с тобою без позволения ифрита? Он сказал мне: «Когда взойдёт солнце, выходи и иди своей дорогой». Что, взошло солнце или нет?» – «Кто тебя сюда привёл?» – спросил тогда везирь; и конюх сказал: «Я вчера пришёл сюда за нуждою, и вдруг из воды вылезла мышь и закричала на меня и стала расти, и сделалась буйволом. И он сказал мне слова, которые вошли мне в ухо, и оставил меня и ушёл, да проклянёт Аллах невесту и тех, кто меня женил на ней!»

И везирь подошёл к конюху и вынул его из отверстия, и тот выбежал, не веря, что солнце взошло, и пошёл к султану и рассказал ему, что у него случилось с ифритом.

Что же касается везиря, отца невесты, то он вошёл в дом смущённый, не зная, что думать о деле своей дочери, и сказал ей: «Дочь моя, разъясни мне, что с тобою случилось?» И она сказала: «Жених, перед которым меня вчера открывали, провёл со мною ночь и взял мою дев-

ственность, и я понесла от него; и если ты мне не веришь, то вот на скамеечке его чалма, а его платье под матрацем, и в нем что-то завернуто, я не знаю что».

И, услышав эти слова, её отец вошёл под намёт и увидел чалму Бедр-ад-дина Хасана, сына своего брата, и тотчас же взял её в руки и повертел и сказал: «Это чалма везирей, – она сделана в Мосуле!» И он увидел ладанку, зашитую в тарбуше, и взял её и распорол, и, взяв одежду Хасана, нашёл в ней кошель, где была тысяча динаров.

И, открыв кошель, он увидел там бумагу и прочитал её, и это оказалась расписка еврея на имя Бедр-ад-дина Хасана, сына Нур-ад-дина Али каирского, и тысячу динаров он тоже нашёл.

И, прочитав эту записку, Шамс-ад-дин испустил крик и упал без сознания, а придя в себя и поняв сущность дела, он изумился и воскликнул: «Нет бога, кроме Аллаха, властного на всякую вещь!»

«О дочь моя, – спросил он, – знаешь ли ты, кто лишил тебя невинности?» И она ответила: «Нет». И тогда везирь сказал: «Это мой племянник, сын твоего дяди, а эта тысяча динаров – приданое за тебя. Хвала Аллаху! О, если бы я знал, как случилась эта история!» Потом он вскрыл зашитую ладанку и нашёл в ней исписанную бумажку, где были написаны числа почерком его брата, Нурад-дина каирского, отца Бедр-ад-дина Хасана.

И, увидев почерк своего брата, Шамс-ад-дин произнёс:

«Я таю с тоски, увидя следы любимых,
На родине их потоками лью я слезы.
Прошу я того, кто с ними судил расстаться,
Чтоб мне даровал когда-нибудь он свиданье».

А окончив стихи, он прочитал бумажку, бывшую в ладанке, и увидел в ней число того дня, когда Нур-ад-дин женился на дочери везира Басры и вошёл к ней, и число дня рождения Бедр-ад-дина Хасана, и возраст Нур-ад-дина ко времени его смерти, – и изумился и затрясся от восторга; и, сличив то, что произошло с его братом, с тем, что случилось с ним самим, он увидел, что одно совпадает с другим и что его брак и брак Нур-ад-дина сходятся в числе и ночь их свадьбы и день рождения Бедр-ад-дина и его дочери Ситт-аль-Хусн тоже совпадают.

И он взял эту бумагу и пошёл с ней к султану и рассказал ему, что случилось, от начала до конца; и царь удивился и велел тотчас же записать это дело. И везирь просидел, ожидая сына своего брата, весь этот день, но он не пришёл, и на второй день и на третий тоже – до седьмого дня, и о нем не было вестей. И тогда везирь сказал: «Я непременно сделаю дело, которого ещё никто не делал!»

И он взял чернильницу и калам и начертил на бумаге расположение всей комнаты и обозначил, что кладовая находится там-то, а такая-то занавеска там-то, и записал все, что было в комнате, а потом он свернул запись и велел убрать вещи, а тюрбан, ермолку, фарджию и кошель он взял и убрал к себе, заперев их железным замком и запечатав их до той поры, пока не прибудет сын его брата, Хасан басрийский.

Что же до дочери везира, то её месяцы кончились, и она родила мальчика, подобного луне и похожего на отца красотой, прелестью, совершенством и блеском, и ему обрезают пуповину и насурьмили глаза, и передали нянькам, и назвали Аджибом.

И день был для него точно месяц, а месяц – как год; и когда над ними прошло семь лет, везирь отдал его учителю и поручил ему воспитывать его, научить его чтению и дать ему хорошее образование. И Аджиб пробыл в школе четыре года и начал драться со школьниками, и ругал их, и говорил им: «Кто из вас мне равен? Я сын каирского везира!» И дети собрались и пожаловались старшему на то, что терпели от Аджиба, и старший сказал им: «Завтра, когда он придёт, я научу вас, что сказать ему, и он закается ходить в школу. Когда он завтра придёт, сядьте вокруг него и говорите: «Клянёмся Аллахом, только тот будет играть с нами в эту игру,

кто скажет, как зовут его мать и отца, а кто не знает имени своей матери и отца, тот сын греха и не будет играть с нами!»

И когда наступило утро и они пришли в школу и явился Аджиб, дети окружили его и сказали: «Мы будем играть в одну игру, но только тот будет играть с нами, кто скажет нам имя своей матери и отца». И все ответили: «Хорошо!» И один сказал: «Меня зовут Маджид, а мою мать – Алавия, а отца Изз-ад-дин»; и другой тоже сказал такие же слова. И когда очередь дошла до Аджиба, он сказал: «Меня зовут Аджиб, мою мать – Ситт-аль-Хусн, а отца – Шамс-ад-дин, везирь в Каире». Но ему закричали: «Везирь тебе не отец!» – «Везирь правда мой отец», – возразил Аджиб; и тогда дети стали смеяться над ним и захлопали в ладоши и сказали: «Его отца не знают! Вставай, уходи от нас, с нами будет играть только тот, кто знает, как зовут его отца».

И дети тотчас же разбежались и стали смеяться над Аджибом, и у него стеснилась грудь, и он задохнулся от плача. И старший сказал ему: «Мы знаем, что везирь – твой дед, отец твоей матери Ситт-аль-Хусн, но не твой отец. А твоего отца ты не знаешь, и мы тоже, так как султан выдал твою мать замуж за горбатого конюха, и пришли джинны и проспали с ней, – и у тебя нет отца, которого бы знали. Не думай же больше равняться с детьми в школе, пока не узнаешь, кто твой отец, а иначе ты будешь среди них сыном разврата. Не видишь ты разве, что сын торговца зовётся по отцу? А ты? Твой дед – везирь в Каире, а твоего отца мы не знаем и говорим: нет у тебя отца! Приди же в разум!»

И, услышав от старшего из детей эти слова и позорящие его речи, Аджиб тотчас же поднялся и пошёл к своей матери, Ситт-аль-Хусн, и стал ей жаловаться плача, не плач мешал ему говорить. И когда его мать услышала его слова и рыдания, её сердце загорелось огнём, и она спросила: «О сын мой, почему ты плачешь? Расскажи мне, что с тобою случилось».

И Аджиб рассказал ей, что он услышал от детей и от старшего, и спросил: «Кто же мой отец, матушка?» – «Твой отец везирь в Каире», – сказала Ситт-аль-Хусн; но Аджиб воскликнул: «Не лги мне, везирь – твой отец, а не мой! Кто же мой отец? Если ты не скажешь мне правду, я убью себя этим кинжалом».

И, услышав упоминание об его отце, Ситт-аль-Хусн заплакала, вспоминая сына своего дяди и думая о том, как её открывали перед Бедр-ад-дином Хасаном басрийским и что с ней с ним случилось. И она произнесла такие стихи:

Любовь в душе оставив, они скрылись,
И земли тех, кого люблю, – далеко.
Ушли они, и с ними ушло терпенье,
Расставшись со мною, и трудно уж мне быть стойким.

Уехали – и радость улетела,
Исчез мой покой – и нет уже мне покоя.
И слезы они пролили мои, расставшись,
И льются из глаз обильно они в разлуке.

Но если когда захочется мне их видеть
И долго их мне придётся прождать в волненье,
То вызову вновь я в сердце своём их образ,
И будут думы, страсть, тоска и горе.

О вы, чья память стала мне одеждой, –
Ведь, кроме страсти, нет у меня рубахи, –
Любимые, доколь продлится это

И долго ль меня вы будете сторониться?»

И она стала плакать и кричать, и сын её тоже; и вдруг вошёл к ним везирь, и при виде их слез его сердце загорелось, и он спросил: «Почему вы плачете?» И Ситт-альХусн рассказала ему, что произошло у её сына с детьми в школе; и он тоже заплакал, вспомнив своего брата и то, что между ними было и что произошло с его дочерью, и не знал он, что таится за этим делом.

И везирь тотчас же пошёл и поднялся в диван и, войдя к царю, рассказал ему, что случилось, и попросил у него разрешения поехать и направиться в город Басру, чтобы расспросить о своём племяннике, и ещё он попросил султана написать ему указы во все земли, чтобы он мог взять сына своего брата, где бы он его ни нашёл.

И он заплакал перед султаном, и сердце султана сжалилось, и он написал ему указы во все земли и области.

И везирь обрадовался и призвал на султана благословение, и тотчас же ушёл и снарядился для путешествия, захватив все необходимое и взяв с собою дочь и внука Аджиба. И везирь ехал первый день, и второй день, и третий, пока не прибыл в город Дамаск, и он нашёл там деревья и каналы, подобно тому, как сказал об этом поэт:

Когда пришлось нам прожить в Дамаске и ночь и день,
Судьба клялась, что подобной ночи не будет впредь.
И спали мы, а сумрак ночи беспечен был,
И с улыбкой утро седые ветви тянуло к нам.

И заря казалась в тех ветках нам словно жемчугом,
Что рукою ветра срывается и слетает вниз.
И читали птицы, а пруд страницей был для них,
И писали ветры, а облако точки ставило.

И везирь расположился на площади Камешков и расставил палатки и сказал своим слугам: «Мы отдохнём здесь два дня!» И слуги пошли в город по своим делам: один – продать, другой – купить, этот – в баню, а тот – в мечеть сынов Омейи⁴⁹, равной которой нет в мире.

А Аджиб вышел с евнухом, и они пошли в город прогуляться, и евнух шёл сзади Аджиба с такой дубиной, что если бы ею ударить верблюда, он бы не встал.

И когда жители Дамаска увидели Аджиба и его стройный стан и блеск и совершенство (а он был мальчик редкой красоты – нежный и выхоленный, мягче северного ветра, и слаще чистой воды для жаждущего, и сладостнее здоровья для больного), за ним последовал весь народ, и сзади него бежали, и стали обгонять его, и садились на дороге, чтобы, когда он пройдёт, посмотреть на него. И раб, по предопределённому велению, остановился возле лавки его отца, Бедр-ад-дина Хасана. (А у того вырос на лице пушок, и ум его стал совершённым за эти двенадцать лет; и повар уже умер, и Бедр-ад-дин Хасан получил его деньги и лавку, так как тот признал его у судей и свидетелей своим сыном.) И в тот день, когда его сын с евнухом остановились возле лавки, Бедр-ад-дин посмотрел на своего сына и увидел, что он обладает величайшей красотой, его душа затрепетала, и кровь его взволновалась из-за призыва родной крови, и его сердце привязалось к нему.

И он сварил подслащённых гранатовых зёрнышек, и Аллахом внушённая любовь поднялась в нем, и он позвал своего сына Аджиба и сказал: «О господин, о тот, кто овладел моим сердцем и душой и взволновал все моё существо, не хочешь ли ты войти ко мне, чтобы зале-

⁴⁹ Мечеть сынов Омейи или омейядская мечеть – один из замечательнейших памятников мусульманской архитектуры – была построена шестым халифом династия Омейядов Валидом I (правил с 705 по 715 год).

чить моё сердце и поесть моего кушанья?» – и из глаз его, помимо его воли, потекли слезы, и он подумал о том, чем он был и чем стал сейчас.

И когда Аджиб услышал слова своего отца, его сердце взволновалось, и он посмотрел на евнуха и сказал: «Моё сердце взволновано из-за этого повара; он как будто расстался с сыном. Войдём к нему, чтобы залечить его сердце, и съедим его угощение. Может быть, за то, что мы это сделаем, Аллах соединит нас с нашим отцом». Но евнух, услышав слова Аджиба, воскликнул: «Вот хорошо, клянусь Аллахом! Сын везирия будет есть в харчевне! Я отгоняю от тебя людей этой палкой, чтобы они на тебя не смотрели, и я не буду спокоен за тебя, если ты войдёшь когда-нибудь в эту лавку».

И, услышав эти слова, Бедр-ад-дин Хасан удивился и повернулся к евнуху, и слезы потекли по его щекам; и тогда Аджиб сказал евнуху: «Моё сердце полюбило его». Но евнух ответил: «Оставь эти речи и не входи!» И тут отец Аджиба обратился к евнуху и сказал ему: «О старший, почему тебе не залечить моё сердце и не войти ко мне? О ты, что подобен чёрному каштану с белой сердцевиной, о ты, о ком сказал кто-то из описавших его...» И евнух рассмеялся и воскликнул: «Что ты сказал? Ради Аллаха, говори и будь краток!» И Бедр-ад-дин тотчас же произнёс такие стихи:

«Когда не был бы образован он и верен так,
Облачён бы не был он полной властью в домах вельмож.
И в гарем бы не был допущен он, о благой слуга!
Так прекрасен он, что с небес ему служат ангелы».

И евнух удивился этим словам и, взяв Аджиба, вошёл в харчевню, и Бедр-ад-дин Хасан наполнил высокую миску гранатными зёрнышками (а они были с миндалём и сахаром), и оба стали есть вместе; и Бедр-ад-дин Хасан сказал: «Вы обрадовали нас, кушайте же на здоровье и в удовольствие!» Потом Аджиб сказал своему отцу: «Садись поешь с нами, может быть Аллах соединит нас, с кем мы хотим»; и Бедр-ад-дин Хасан спросил: «О дитя моё, несмотря на твой юный возраст, ты испытал разлуку с любимыми?» «Да, дядюшка, – ответил Аджиб, – моё сердце сгорело от разлуки с любимым: это мой отец, и мы с моим дедом выехали и ищем его по разным странам. Горе мне! Когда мы соединимся?»

И он горько заплакал, и его отец заплакал из-за разлуки с ним, и ему вспомнилась разлука с любимыми и отдалённость от матери, и евнух тоже опечалился из-за него.

И они все поели и насытились, а после этого они вышли из лавки Бедр-ад-дина Хасана, и тот почувствовал, что душа его рассталась с телом и ушла с ними, и не мог вытерпеть без них одного мгновения.

И он запер лавку и пошёл за ними следом, не зная, что это его сын, и ускорил шаг, чтобы догнать их прежде, чем они выйдут из больших ворот; и евнух обернулся к нему и спросил: «Что тебе?» И Бедр-ад-дин Хасан сказал им: «Когда вы от меня ушли, я почувствовал, что душа моя отправилась с вами. А у меня дело в городе, за воротами, и мне захотелось проводить вас, чтобы сделать это дело и вернуться».

И тут евнух рассердился и сказал Аджибу: «Этого я и боялся! Мы съели кусочек, который был злосчастливым и считается для нас благодеянием, и повар теперь следует за нами с места на место».

И Аджиб повернулся и, увидев за собой повара, пришёл в гнев и сказал евнуху: «Пусть его идёт по дороге мусульман, а когда мы выйдем к палаткам и увидим, что он за нами следует, мы отгоним его».

И он опустил голову и пошёл, и евнух сзади него; и Бедр-ад-дин Хасан следовал за ними до площади Камешков. И они приблизились к шатрам и обернулись и увидели Хасана позади себя, тогда Аджиб рассердился и испугался, что евнух все расскажет его деду.

И он исполнился гнева и огорчился тем, что про него скажут: «Он заходил в харчевню, и повар шёл за ним», – и обернулся и увидел, что глаза Хасана смотрят в его глаза, – и он стал как бы телом без души.

И Аджиб подумал, что его глаз – глаз недруга, или что он сын разврата, и, ещё больше рассердившись, взял камень и ударил им своего отца, и Бедр-ад-дин Хасан упал без чувств, и кровь потекла по его лицу.

И Аджиб с евнухом пошли к палаткам, а Бедр-ад-дин Хасан, придя в себя, вытер кровь и, оторвав кусок своей чалмы, завязал себе голову и стал упрекать себя и сказал: «Я обидел мальчика! Я запер лавку и пошёл за ним, и он решил, что я недруг». И он затосковал по своей матери, которая находилась в Басре, и заплакал о ней и произнёс:

«Прося справедливости, судьбу ты обидел бы:
Её не кори – не так её сотворили.
Бери что придётся ты и горе кинь в сторону,
И смуты и радости всегда в жизни будут».

После этого Бедр-ад-дин продолжал продавать кушанья, а везирь, его дядя, пробыл в Дамаске три дня, а потом уехал и направился в Химс, и вступил туда, – и по дороге, где бы он ни останавливался, он все искал.

И он продолжал ехать, пока не прибыл в Диар-Бекр, и Мардин, и Мосул⁵⁰, и не прерывал путешествия до города Басры. И, вступив туда, он пошёл к султану и встретился с ним, и султан оказал ему уважение и отвёл для него почётное жилище и спросил о причине его прибытия.

И везирь рассказал ему свою историю и прибавил, что везирь Нур-ад-дин Али – его брат, и султан призвал на него милость Аллаха и сказал: «О господин, он был моим везирем пятнадцать лет, и я очень любил его, и он умер и оставил сына, но тот пробыл здесь после его смерти только один месяц и исчез, и мы не получили о нем вестей. Но его мать у нас, так как она дочь моего старого везиря».

Услышав от царя, что мать его племянника здорова, везирь Шамс-ад-дин обрадовался и сказал: «О царь, я хочу повидаться с нею»; и царь тотчас же позволил ему, и Шамс-ад-дин вошёл к ней, в дом своего брата Нур-ад-дина. И он повёл взором по сторонам и поцеловал пороги в доме и подумал о своём брате Нур-ад-дине Али, который умер на чужой стороне, и заплакал и произнёс:

«В жилище хожу, в жилище хожу я Лейлы⁵¹,
Целую я там то ту, то другую стену.
Но любит душа не стены того жилища,
А любит душа того, кто живал в жилище».

И он прошёл через дверь в большой двор и увидел другую дверь, с каменными сводами, выложенную разным мрамором всех цветов, и прошёл по долгу и осмотрел его и обвёл его взором – и увидел имя своего брата Нур-ад-дина, написанное там золотыми чернилами.

И, подойдя к надписи, он поцеловал её и заплакал, и вспомнил о разлуке с братом и произнёс такие стихи:

«Расспрашивал солнце я о вас, лишь взойдёт оно,

⁵⁰ Химс, Диар-Бекр, Мардин, Мосул – города в Сирии, на пути из Дамаска в Басру.

⁵¹ Лейла (ночь) – имя возлюбленной Кайса, прозванного «Меджнун» (бесноватый). Легенда об их любви очень популярна на Востоке; она легла в основу поэмы «Лейла и Меджнун» великого азербайджанского поэта Низами.

И молнию вопрошал, едва лишь блеснёт она.
И сплю я, свиваемый и вновь развиваемый
Рукою тоски, но все ж на боль я не жалуюсь.

Любимые, если время долго уж тянется,
То знайте – разлука на куски растерзала нас,
И если моим глазам вы дали б увидеть вас,
То было бы лучше так и мы б с вами встретились.

Не думайте, что другим я занят! Поистине,
Не может душа моя к другому любви вместить».

И он пошёл дальше и пришёл к комнате жены своего брата, матери Бедр-ад-дина Хасана басрийского. А она во время отсутствия сына, не переставая, рыдала и плакала, и когда годы продолжились над нею, она сделала сыну мраморную гробницу посреди комнаты и плакала над ней днём и ночью и спала только возле этой гробницы.

И когда везирь пришёл к её жилищу, он, остановившись за дверью, услышал, как она говорит над гробницей:

«Могила, исчезла ли в тебе красота его?
Погас ли в тебе твой свет, сияющий лик его?
Могила, могила, ты не сад и не свод небес, –
Так как же слились в тебе и месяц и ветвь?»

И когда она говорила, вдруг вошёл к ней везирь Шамс-ад-дин и поздоровался с нею и сообщил ей, что он брат её мужа, а потом он рассказал, что случилось, и разъяснил ей всю историю, и поведал, что её сын Бедрсад дин Хасан провёл целую ночь с его дочерью десять лет тому назад, а утром исчез. «А моя дочь понесла от твоего сына и родила мальчика, который со мной, и он твой внук и сын твоего сына от моей дочери».

И, услышав весть о своём сыне и увидев своего деверя, она упала к его ногам и стала целовать их, говоря:

«Награди Аллах возвестившего, что вы прибыли!
Он доставил мне наилучшее, что я слышала.
Будь доволен он тем, что порвано, подарила бы
Ему душу я, что истерзана расставанием».

Потом везирь послал за Аджибом, и когда он пришёл, его бабка обняла его и заплакала, и везирь Шамс-ад-дин сказал ей: «Теперь не время плакать, теперь время тебе собираться, чтобы ехать с нами в земли египетские. Быть может, Аллах соединит нас и тебя с твоим сыном и моим племянником!»

И она отвечала: «Слушаю и повинуюсь!» – и тотчас же поднялась и собрала свои вещи, и сокровища, и девушек и немедленно снарядилась; а везирь Шамс-ад-дин пошёл к султану Басры и простился с ним, и тот послал с ним подарки и редкости для султана Египта.

И Шамс-ад-дин тотчас же выехал и, достигнув окрестностей города Дамаска, остановился в Кануне⁵² и разбил палатки и сказал тем, кто был с ним: «Мы пробудем здесь неделю, пока не купим султану подарки и редкости».

⁵² Канун – местечко к северу от Дамаска, где останавливались караваны путешественников.

И тогда Аджиб вышел и сказал евнуху: «О Ляик, мне хочется прогуляться! Пойдём отправимся на рынок, пройдем в Дамаск и посмотрим, что случилось с тем поваром, у которого мы ели, а потом ранили его в голову. Он оказал нам милость, и мы дурно поступили с ним».

И евнух ответил: «Слушаю и повинуюсь!» И Аджиб вместе с евнухом вышел из палатки, движимый кровным влечением к отцу, и они тотчас же вошли в город и, не переставая, шли, пока не дошли до харчевни. И они увидели, что повар стоит в лавке (а время близилось к закату солнца), и случилось так, что он сварил гранатных зёрнышек. И когда они подошли к нему и Аджиб взглянул на него, он почувствовал к нему влечение и увидел след удара камнем у него на лбу, и сказал ему: «Мир тебе! Знай, что моё сердце с тобою». И внутри Бедр-ад-дина все взволновалось, когда он взглянул на мальчика, и сердце его затрепетало, и он склонил голову к земле и хотел и не мог повернуть язык во рту, а потом он поднял голову, униженно и смиренно, и произнёс такие стихи:

«Стремился к любимым я, но только увидел их –
Смутился и потерял над сердцем и взором власть.
И в страхе, с почтением понурил я голову,
И чувства свои я скрыть хотел, но не скрыл я их.

И свитками целыми готовил упрёки я, –
Когда же мы встретились, я слова не вымолвил».

Потом он сказал им: «Залечите моё сердце и поешьте моего кушанья. Клянусь Аллахом, едва я посмотрел на тебя, моё сердце затрепетало, и я последовал за тобой, будучи без ума». – «Клянусь Аллахом, ты нас любишь, сказал Аджиб, – и мы съели у тебя кусочек, а ты возложил на нас последствия этого и хотел нас опозорить. Но мы съедим у тебя что-нибудь, только с условием, что ты дашь клятву не выходить за нами и не преследовать нас. Иначе мы больше не вернёмся к тебе; а мы пробудем здесь неделю, пока мой дед не купит подарки для царя».

И Бедр-ад-дин сказал: «Быть по-вашему!» И Аджиб с евнухом вошли в лавку, и тогда Бедр-ад-дин подал им миску с гранатными зёрнышками, и Аджиб сказал: «Поешь с нами! Может быть, Аллах облегчит нашу тяготу». И Бедр-ад-дин обрадовался и стал есть с ними, уставясь в лицо Аджиба, и его сердце и чувства привязались к нему; но Аджиб сказал: «Не говорил ли я, что ты влюблённый и надоедливый! Довольно тебе глядеть мне в лицо!» И, услышав слова своего сына, Бедр-ад-дин произнёс:

«Для тебя в душе сохранил я тайну сокрытию:
Обвита молчаньем моим она, не узнать её.
И позорящий светоносный месяц своей красой
И той прелестью, что подобна утру светящему,

Твой блестящий лик в нас желанья будит, – конца им нет,
И сулит свиданья и долгие и частые.
Ужель растаю от жара я, раз твой лик – мой рай,
И умру ль от жажды, коль райский ключ мне слюна твоя»

И Бедр-ад-дин стал кормить то Аджиба, то евнуха, и они ели, пока не насытились, а потом встали, и Хасан басрийский поднялся и полил им на руки воды и, отвязав от пояса шёлковую салфетку, вытер им руки и опрыскал их розовой водой из бывшей у него фляги. И потом он вышел из лавки и вернулся с кружкой питья, смешанного из розовой воды с мускусом, и, поставив её перед ними, сказал: «Довершите вашу милость!»

И Аджиб взял и отпил и протянул кружку евнуху, и они пили, пока у них не наполнились животы, и оба насытились до сытости, необычайной для них. И после того они ушли и торопились, пока не достигли палаток, и Аджиб пошёл к своей бабке, матери его отца, Бедр-ад-дина Хасана, и она поцеловала его и подумала о своём сыне Бедр-ад-дине Хасане и вздохнула и стала плакать, и затем сказала:

«Я прежде надеялась, что снова мы встретимся, –
Ведь жить, когда вы вдали, мне больше не хочется,
Клянусь я, в душе моей одно лишь стремление к вам,
И тайны Аллах, господь, сокрытые ведаёт».

И затем она спросила Аджиба: «О дитя моё, где ты был?» И он ответил: «В городе Дамаске». И тогда она подала ему миску гранатных зёрнышек (а они были не очень сладкие) и сказала евнуху: «Садись с господином!»

И евнух воскликнул про себя: «Клянусь Аллахом, нет у нас охоты до еды!» – и сел; а что до Аджиба, то, когда он сел, его живот был наполнен тем, что он съел и выпил. И он взял кусок хлеба и обмакнул его в гранатные зёрнышки и съел, и нашёл их недостаточно сладкими, так как был сыт. «Фу! Что это за мерзкое кушанье!» – воскликнул он. И его бабка сказала: «О дитя моё, ты хулишь моё кушанье, а я сама его варила, и никто не умеет так его варить, как я, кроме твоего отца, Бедр-ад-дина Хасана». – «О госпожа, – сказал Аджиб, – твоя стряпня отвратительна! Мы сейчас видели в городе повара, который сварил таких гранатных зёрнышек, что их запах раскрывает сердца, а его кушанье хочется съесть целиком. А твоё кушанье в сравнении с ним ничего не стоит».

Услышав эти слова, бабка Аджиба пришла в сильный гнев и посмотрела на евнуха...

И Шахразадю застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать четвёртая ночь

Когда же наступила двадцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что бабка Аджиба, услышав его слова, разгневалась и посмотрела на евнуха и сказала ему: «Горе тебе! Ты испортил моего внука, так как заходил с ним в харчевню!»

И евнух испугался и стал отрицать и сказал: «Мы не заходили в харчевню, а только проходили мимо». – «Клянусь Аллахом, мы заходили и ели, и его кушанье лучше твоего!» – сказал Аджиб; и тогда его бабка поднялась и рассказала об этом брату своего мужа и вызвала в нем гнев на евнуха.

И евнух явился к везиру, и тот сказал ему: «Зачем ты заходил с моим внуком в харчевню?»

И евнух испугался и сказал: «Мы не заходили!» Но Аджиб воскликнул: «Мы зашли и поели гранатных зёрнышек досыта, и повар напоил нас мёдом со снегом и с сахаром!» И везир ещё больше разгневался на евнуха и спросил его, но тот все отрицал.

И тогда везир воскликнул: «Если твои слова – правда, сядь и поешь перед нами!» И евнух подошёл и хотел есть, но не мог, и бросил кусок хлеба и сказал: «О господин мой, я сыт со вчерашнего дня!»

И везир понял, что он ел у повара, и велел рабам повалить его, и принялся его больно бить.

И евнух завопил и сказал: «О господин, не бей меня, я расскажу тебе правду!» И тогда его перестали бить; и везир воскликнул: «Говори по истине!» И евнух сказал: «Знай, что мы вошли в харчевню, когда повар варил гранатные зёрнышки, и он поставил их перед нами, и,

клянусь Аллахом, я в жизни не ел ничего подобного им и не пробовал ничего сквернее того, что перед нами».

И мать Бедр-ад-дина Хасана рассердилась и сказала: «Непременно пойдёшь к этому повару и принеси от него миску гранатных зёрнышек! Покажи их твоему господину, и пусть он скажет, которые лучше и вкуснее». – «Хорошо!» – сказал евнух; и она тотчас дала ему миску и полдинара, и он отправился и, придя в харчевню, сказал повару: «Мы поспорили в доме моего господина о твоём кушанье, так как у них тоже готовили гранатные зёрнышки. Дай нам твоего кушанья на эти полдинара и берегись: мы наелись болезненных ударов за твою стряпню».

И Бедр-ад-дин Хасан засмеялся и сказал: «Клянусь Аллахом, этого кушанья никто не умеет готовить, кроме меня и моей матери, а она теперь в далёких странах!»

И он взял миску и налил в неё кушанье и облил его сверху мускусом и розовой водой, и евнух забрал миску и поспешно пришёл к ним.

И мать Хасана взяла кушанье и попробовала его, и, увидев, как оно вкусно и отлично состряпано, она узнала, кто его стряпал, и вскрикнула, а затем упала без чувств.

И везирь оторопел, а потом брызнул на неё розовой водой, – и через некоторое время она очнулась и сказала: «Если мой сын ещё на свете, то никто не сварит так гранатных зёрнышек, кроме него! Это мой сын, Бедр-ад-дин Хасан, наверно и несомненно, так как это кушанье могу готовить только я, и я научила Бедр-ад-дина его стряпать».

И, услышав её слова, везирь сильно обрадовался и воскликнул: «О, как я стремлюсь увидеть сына моего брата! Увидим ли, что судьба соединит нас с ним! Мы просим о встрече с ним одного лишь великого Аллаха!»

И везирь в тот же час и минуту поднялся и кликнул людей, бывших с ним, и сказал: «Пусть пойдут из вас двадцать человек к этой харчевне и разрушат её, а повара свяжите его чалмой и притащите силой ко мне, но не причиняйте ему вреда!»

И они сказали: «Хорошо!», а везирь тотчас же поехал в «Обитель счастья» и, повидавшись с наместником Дамаска, ознакомил его с письмами султана, которые были у него с собою; и наместник положил их на голову, сначала поцеловав их, а потом спросил: «А где же твой обидчик?» – «Это один повар», – отвечал везирь. И наместник тотчас же велел своим придворным отправиться в его харчевню; и они пошли и увидели, что она разрушена и все в ней поломано, так как, когда везирь поехал во дворец, его люди сделали то, что он приказал, и сидели, ожидая возвращения везиря из дворца, а Бедр-ад-дин говорил: «Посмотри-ка! Что это такое нашли в гранатных зёрнышках, что со мной случилось подобное дело?»

И когда везирь вернулся от дамасского наместника (а тот разрешил ему взять своего обидчика и выехать с ним), он вошёл в палатку и потребовал повара, – и того привели, скрученного чалмой. И Бедр-ад-дин Хасан посмотрел на своего дядю и горько заплакал и сказал: «О господин мой, в чем мой грех перед вами?» – «Это ты сварил гранатные зёрнышки?» – спросил его везирь. «Да, – отвечал Бедр-ад-дин, – а вы нашли в них что-то, за что следует снять голову?» – «Это наилучшее и наименьшее возмездие тебе!» – воскликнул везирь. И Бедр-ад-дин сказал: «О господин мой, не сообщишь ли ты мне, в чем мой грех?» – «Да, сию минуту», – отвечал везирь, и потом он крикнул слугу и сказал: «Приведите верблюдов». И они взяли Бедр-ад-дина Хасана и положили в сундук, и заперли его, и поехали, и ехали, не переставая, до ночи. А потом они сделали привал, кое-чего поели и вынули Бедр-ад-дина и покормили его и положили обратно в сундук, – и так это продолжалось, пока они не достигли Камры⁵³.

И тогда Бедр-ад-дина Хасана вынули из сундука, и везирь спросил его: «Это ты варил гранатные зёрнышки?» – «Да, о господин мой», – отвечал Бедр-ад-дин; и везирь сказал: «Закуйте его!» И его заковали и снова положили в сундук и поехали, и когда прибыли в Каир, остано-

⁵³ Камра – селение на пути из Дамаска в Каир.

вились в ар-Рейдании⁵⁴. И везирь велел вынуть Бедр-ад-дина Хасана из сундука и приказал позвать плотника и сказал ему: «Сделай для него деревянную куклу». – «А что ты будешь с ней делать?» – спросил Бедр ад-дин-Хасан. «Я повешу тебя на кукле и прибую тебя к ней гвоздями и повезу тебя по всему городу», – отвечал везирь. И Бедр-ад-дин воскликнул: «За что ты со мной это сделаешь?» – «За то, что ты скверно сварил гранатные зёрнышки, – сказал везирь. – Как мог ты их так сварить, что в них не доставало перцу?» – «И за то, что в них не хватало перцу, ты со мной все это делаешь! – воскликнул Бедр-ад-дин. – Недостаточно тебе было меня заточить! И кормили-то вы меня раз в день!» – «Не хватало перцу, и нет для тебя наказания, кроме смерти!» – сказал везирь. И Бедр-ад-дин изумился и опечалился о самом себе.

«О чем ты думаешь?» – спросил его везирь. «О бестолковых умах, подобных твоему, – отвечал Бедр-ад-дин. – Будь у тебя разум, ты бы не сделал со мною этих дел». – «Нам надо тебя помучить, чтобы ты больше не делал подобного этому», – сказал везирь, а Бедр-ад-дин Хасан возразил: «Поистине, ничтожнейшее из того, что ты со мной сделал, достаточно меня измучило!» Но везирь воскликнул: «Тебя непременно надо повесить!» А в это время плотник готовил куклу, а Бедр-ад-дин смотрел. И так продолжалось, пока не подошла ночь, и когда дядя Бедр-ад-дина взял его и бросил в сундук и сказал: «Это будет завтра!»

И он подождал, пока не убедился, что Бедр-ад-дин заснул, и, сев на коня, взял сундук, поставил его перед собою и въехал в город, и ехал, пока не прибыл к своему дому, и тогда он сказал своей дочери, Ситт-аль-Хусн: «Слава Аллаху, который соединил тебя с сыном твоего дяди! Поднимайся, убери комнату так, как она была убрана в вечер смотрин».

И она встала и зажгла свечи, а везирь вынул исчерченную бумажку, на которой он нарисовал расположение комнаты, и они поставили все на место, так что видевший не усомнился бы, что это та же самая ночь смотрин.

И после этого везирь приказал положить тюрбан Бедр-ад-дина Хасана на то же место, куда он положил его своей рукой, а также его шальвары и кошель, который был под тюфяком, а затем он велел своей дочери раздеться, так же как в ночь смотрин, и сказал: «Когда войдёт сын твоего дяди, скажи ему: «Ты заставил меня ждать, уйдя в покой уединения!» И пусть он с тобой переночует до утра, а тогда мы ему покажем записанные числа».

Потом везирь вынул Бедр-ад-дина из сундука, раньше сняв с его ног оковы и освободив его от того, что на нем было, так что он остался в тонкой ночной рубашке, без шальвар (а он спал, ничего не зная).

И по предопределённому велению Бедр-ад-дин перевернулся и проснулся и увидел себя в освещённом проходе и сказал себе: «Это испуганные грёзы!»

И он встал и прошёл немного до второй двери и посмотрел, – и вдруг, оказывается, он в той комнате, где перед ним открывали невесту, и видит балдахин, и скамеечку, и свой тюрбан, и вещи.

И, увидя это, Бедр-ад-дин оторопел и стал переступать с ноги на ногу и воскликнул: «Сплю я или бодрствую?»

И он принялся тереть себе лоб и с изумлением говорил: «Клянусь Аллахом, это помещение невесты, где её открывали для меня! Где же я? Я ведь был в сундуке!»

И пока он говорил сам с собою, Ситт-аль-Хусн вдруг подняла край полога и сказала: «О господин мой, не войдёшь ли ты? Ты задержался в покое уединения». И когда Бедр-ад-дин услышал её слова и увидел её, он рассмеялся и сказал: «Поистине, это спутанные грёзы!»

Потом он вошёл и стал вздыхать, размышляя о том, что случилось, и не зная, что думать, и все происшедшее стало ему неясно, когда он увидел свой тюрбан и шальвары и кошель, в котором была тысяча динаров.

⁵⁴ Ар-Рейдания – селение к северо-востоку от Каира.

«Аллах лучше знает! Это спутанные грёзы!» – воскликнул он. И тогда Ситт-аль-Хусн сказала ему: «Что это, ты, я вижу, смущён и удивлён? Не таким ты был в начале ночи!» И Бедр-ад-дин засмеялся и спросил: «Сколько времени меня с тобою не было?» И она воскликнула:

«Спаси тебя Аллах! Имя Аллаха вокруг тебя! Ты только вышел за нуждою и возвращаешься. Ты потерял ум!»

И Бедр-ад-дин, услышав это, засмеялся и сказал: «Ты права! Но когда я вышел от тебя, я забылся в домике с водой и видел во сне, что я сделался поваром в Дамаске и прожил там десять лет, и будто ко мне пришёл кто-то из детей вельможи и с ним был евнух...»

И тут Бедр-ад-дин Хасан пощупал рукой лоб и, найдя на нем след удара, воскликнул: «Клянусь Аллахом, о госпожа моя, это как будто правда, так как он ударил меня по лбу и ранил меня. Похоже, что это наяву было!»

Потом он сказал: «Когда мы обнялись и заснули, мне приснилось, будто я отправился в Дамаск без тюрбана и без шальвар и сделался поваром...» И он простоял некоторое время растерянный и сказал: «Я как будто видел, что я сварил гранатных зёрнышек, в которых было мало перцу... Клянусь Аллахом, я, наверно, заснул в комнате с водой и видел все это во сне!..»

«Заклинаю тебя Аллахом, что ты ещё видел во сне, кроме этого?» – спросила Ситт-аль-Хусн; и Бедр-ад-дин Хасан рассказал ей и добавил: «Клянусь Аллахом, если бы я не проснулся, они бы, наверно, распяли меня на деревянной кукле!» – «За что же?» – спросила Ситт-аль-Хусн. «За недостаток перца в гранатных зёрнышках, – ответил Бедр-ад-дин. – Они как будто разрушили мою лавку, разбили всю мою посуду и положили меня в сундук, а потом привели плотника, чтобы сделать для меня виселицу, так как они хотели меня повесить. Слава же Аллаху за то, что все это случилось со мною во сне, а не произошло наяву!»

И Ситт-аль-Хусн засмеялась и прижала его к своей груди, и он тоже прижал её к груди, а после, подумав, сказал: «Клянусь Аллахом, похоже на то, что это было несомненно наяву! Не знаю, в чем тут дело!»

И он заснул, недоумевая о своём деле, и то говорил: «Я грезил», то говорил: «Я бодрствовал», – и так продолжалось до утра, когда к нему вошёл его дядя, Шамс-ад-дин, везирь, и поздоровался с ним.

И Бедр-ад-дин Хасан посмотрел на него и воскликнул: «Клянусь Аллахом, не ты ли это велел меня скрутить и прибить меня гвоздями и разрушить мою лавку из-за того, что в гранатных зёрнышках недоставало перцу?» И тогда везирь сказал ему: «Знай, о дитя моё, что истина выяснилась, и стало явно то, что было скрыто. Ты – сын моего брата, и я сделал это, чтобы убедиться, что ты тот, кто вошёл к моей дочери той ночью. А убедился я в этом только потому, что ты узнал комнату и узнал твою чалму и шальвары, и твоё золото и бумажку, что написана твоим почерком, ту, которую написал твой родитель, мой брат. Я не видел тебя прежде этого и не знал тебя, а твою мать я привёз с собою из Басры».

И после этого он бросился к Бедр-ад-дину и заплакал, и Бедр-ад-дин Хасан, услышав от своего дяди такие слова, до крайности удивился и обнял своего дядю, плача от радости. А потом везирь сказал ему: «О дитя моё, всему этому причиной то, что произошло между мной и твоим отцом», – и он рассказал ему, что случилось у него с бра том и почему тот уехал в Басру.

Затем везирь послал за Аджибом; и, увидев его, его отец воскликнул: «Вот тот, кто ударил меня камнем!» А везирь сказал: «Это твой сын». И тогда Бедр-ад-дин кинулся к нему и произнёс:

«Я немало плакал, когда случилось расстаться нам,
И пролили веки потоки слез в печали.
И поклялся я, что когда бы время свело нас вновь,
О разлуке я поминать не стал бы устами.

Налетела радость, но бурно так, что казалось мне,
Что от силы счастья повергнут я в слезы».

И когда он кончил свои стихи, вдруг подошла его мать и кинулась к нему и сказала:

«Мы сетовали при встрече на силу того, что скажем;
Не выразить ведь печали устами гонца вовеки».

А затем его мать рассказала ему, что случилось после его исчезновения, и Хасан рассказал ей, что он перенёс, – и они возблагодарили Аллаха великого за то, что встретились друг с другом.

Потом везирь Шамс-ад-дин отправился к султану, через два дня после того, как он прибыл, и, войдя к нему, поцеловал перед ним землю и приветствовал его, как приветствуют царей; и султан обрадовался и улыбнулся ему в лицо и велел ему приблизиться, а потом расспросил его о том, что он видел в путешествии и что с ним произошло во время поездки.

И Шамс-ад-дин рассказал ему всю историю от начала до конца; и султан сказал: «Слава Аллаху, что ты получил желаемое и возвратился невредимый к семье и детям! Я непременно должен увидеть твоего племянника Хасана басрийского, приведи его завтра в диван». – «Твой раб явится завтра, если захочет Аллах великий», – ответил Шамс-ад-дин, а затем пожелал султану мира и вышел; а вернувшись домой, он рассказал сыну своего брата, что султан пожелал его видеть, и Хасан басрийский сказал: «Раб послушен приказанию владыки!»

Словом, он отправился к его величеству султану со своим дядей Шамс-ад-дином и, явившись пред лицо его, приветствовал его совершеннейшим и наилучшим приветствием и произнёс:

«Вот землю целует тот, чей сан вы возвысит
И кто во стремлениях успеха достиг своих.
Вы славой владеете, – и те лишь удачливы,
Чрез вас кто надеется, быв низким, высоким стать».

И султан улыбнулся и сделал ему знак сесть, и он сел подле своего дяди Шамс-ад-дина; а потом царь спросил его об его имени, и Хасан сказал: «Я недостойнейший из твоих рабов, прозываемый Хасаном басрийским, молящийся за тебя ночью и днём».

И султану понравились его слова, и он пожелал испытать его, чтобы проявилось, каковы его знания и образованность, и спросил: «Хранишь ли ты в памяти како-нибудь описание родинки?» – «Да, – ответил Хасан и произнёс:

Любимый! Всякий раз, как его вспомню,
Я слезы лью, и громко я рыдаю.
Он с родинкой, что красотой и цветом
Зрачок очей напомнит или финик».

И царь одобрил это двустилие и сказал Хасану: «Подавай ещё! Аллаха достоин твой отец, и да не сломаются твои зубы!» И Хасан произнёс:

«Клянусь точкой родинки, что зёрнышку мускуса
Подобна! Не удивись словам ты сравнившего, –
Напротив, дивись лицу, что прелесть присвоило
Себе, не забывши взять мельчайшего зёрнышка».

И царь затрясся от восторга и сказал ему: «Прибавь мне, да благословит Аллах твою жизнь!» И Хасан произнёс:

«О ты, чей лик украсила родинка,
Что мускусу подобна на яхонте, –
Не будь жесток и близость даруй ты мне,
Желание и пища души моей!»

«Прекрасно, о Хасан, ты отличился вполне! – воскликнул царь. – Разъясни нам, сколько значений имеет слово «аль-халь» в арабском языке?»

«Да поддержит Аллах царя, пятьдесят восемь значений, а говорят – пятьдесят», – ответил Хасан. И царь сказал: «Ты прав! – а потом спросил: «Знаешь ты, каковы отдельные качества красоты?» – «Да, – отвечал Хасан, – миловидность лица, гладкость кожи, красивая форма носа и привлекательность черт, а завершение красоты – волосы. И все это объединил ещё аш-Шихаб-аль-Хиджази в стихах, размером реджез. Вот они:

Лицу краса, скажи, должна присуща быть,
И коже гладкость. Будь же проницательным!
За красоту все хвалят нос, поистине,
Глаза ж прекрасных знамениты нежностью.

Да! А устам присуща прелесть, сказано;
Пойми же то, да не утратишь отдых ты!
Язык быть должен острым, стан изящным быть,
Чертам лица быть следует красивыми.

Верх красоты же, говорится, – волосы.
Внемли же ты стихам моим и краток будь!»

И царь порадовался словам Хасана и обласкал его и спросил: «Что означает поговорка: «Шуреих⁵⁵ хитрее лисицы?» И Хасан отвечал: «Знай, о царь, – да поддержит тебя Аллах великий, – что Шуреих в дни моровой язвы удалился в Неджеф⁵⁶, и когда он вставал на молитву, приходила лисица и, стоя против него, подражала ему, отвлекая его от молитвы. И когда это продлилось, он снял однажды рубаху и повесил её на трость, вытянув рукава, а сверху надел свой тюрбан и перевязал рубаху у пояса и поставил трость на том месте, где молился. И лисица, как всегда, пришла и встала напротив, а Шуреих подошёл к ней сзади и поймал её, – и сказано было, что сказано».

И, услышав то, что высказал Хасан басрийский, султан сказал его дяде, Шамс-ад-дину: «Поистине, сын твоего брата совершенен в области словесных наук, и я не думаю, чтобы подобный ему нашёлся в Каире!» И Хасан басрийский поднялся и облобызал землю перед султаном и сел, как садится невольник перед своим господином.

И султан, узнавши поистине, какие достались Хасану басрийскому знания в словесности, обрадовался великой радостью и наградил его почётной одеждой и назначил его на дело, которое могло бы помочь ему поправить своё положение; а после того Хасан басрийский поднялся

⁵⁵ Шуреих – законоводец первых времён ислама.

⁵⁶ Неджеф – небольшой город в пределах современного Ирака.

и поцеловал землю перед султаном и, пожелав ему вечного величия, попросил позволения уйти вместе со своим дядей, везирем Шамс-ад-дином.

И султан позволил ему, и он вышел и пришёл со своим дядей домой, и им подали еду, и они поели того, что уготовил им Аллах, а затем, покончив с едой, Хасан басрийский вошёл в покой своей жены Ситт-аль-Хусн и рассказал ей, что с ним произошло в присутствии султана; и она воскликнула: «Он непременно сделает тебя своим сотрапезником и в изобилии пожелует тебе награды и подарки!

По милости Аллаха ты блещешь светом своих совершенств, словно величайшее светило, где бы ты ни был, на суше или на море». – «Я хочу сказать ему хвалебную касыду, чтобы любовь ко мне увеличилась в его сердце», – сказал Хасан. И его жена воскликнула: «Ты это решил удачно! Подумай хорошенько и постарайся сказать получше. Я так и вижу, что он ответит тебе приязнью».

И Хасан басрийский удалился в сторонку и старательно вывел стихи, стройные по построению и прекрасные по смыслу. Вот они:

Высшей славы повелитель мой достиг,
И стезёй великих, славных он грядёт.
Справедливыми все страны сделал он,
Безопасными и путь закрыл врагам.

Это набожный и прозорливый лев;
Царь, ты скажешь, или ангел – он таков.
Все богатыми уходят от него,
Описать его в словах бессилён ты.

В день раздачи он сияет, как заря,
В день же боя тёмн он, как ночи мрак.
Его щедрость охватила шеи нам,
Над свободными он милостью царит.

Да продлит Аллах надолго его век
И от гибельной судьбы да сохранит!

И, окончив писать эти стихи, он послал их его величеству султану с одним из рабов своего дяди, везира Шамсад-дина; и царь ознакомился с ними, и его сердце обрадовалось им, и он прочёл их тем, кто был перед ним, и они восхвалили Хасана великой похвалой. А потом султан призвал его в свою приёмную и, когда он явился, сказал ему: «С сегодняшнего дня ты мой сотрапезник, и я назначаю тебе ежемесячно тысячу дирхемов, кроме того, что я определил тебе раньше».

И Хасан басрийский поднялся и трижды поцеловал перед султаном землю и пожелал ему вечной славы и долгой жизни. И после этого сан Хасана басрийского возвысился, и слух о нём полетел по странам, и он пребывал со своим дядей и семьёй в прекраснейшем состоянии и приятнейшей жизни, пока не застигла его смерть».

Услышав из уст Джафара эту историю, Харун ар-Рашид удивился и сказал: «Должно записать эти происшествия золотыми чернилами!»

Затем он отпустил раба и приказал назначить юноше на каждый месяц столько, чтобы его жизнь была хороша, и подарил ему от себя наложницу, и юноша стал одним из его сотрапезников.

Но это нисколько не удивительнее сказки о портном, горбуне, еврее, надсмотрщике и христианине, и того, что с ними случилось».

«А как это было?» – спросил царь.

Сказка о горбуне (ночи 25–34)

И Шахразада сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия в одном китайском городе портной, широкий на руку и любивший веселье и развлечения. Он выходил иногда вместе со своей женой на гулянье; и вот однажды они вышли в начале дня и, возвращаясь на исходе его, к вечеру, в своё жилище, увидели на дороге горбуна, вид которого мог рассмешить огорчённого и разогнать заботу опечаленного. Портной и его жена подошли посмотреть на него и затем пригласили его пойти с ними в их дом и разделить в этот вечер их трапезу; и горбун согласился и пошёл к ним.

И портной вышел на рынок (а подошла уже ночь) и купил жареной рыбы, хлеба, лимон и творогу, чтобы полакомиться, и, придя, положил рыбу перед горбуном. И они стали есть, и жена портного взяла большой кусок рыбы и положила его в рот горбуну, и закрыла ему рот рукой, и сказала: «Клянусь Аллахом, ты съешь этот кусок зараз, одним духом, и я не дам тебе времени прожевать!»

И горбун проглотил кусок, и в куске была крепкая кость, которая застряла у него в горле, – и так как срок его жизни кончился, он умер...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать пятая ночь

Когда же настала двадцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что жена портного положила горбуну в рот кусок рыбы, и так как его срок окончился, он тотчас же умер.

И портной воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха! Бедняга! Смерть пришла к нему именно так, через наши руки!» А жена его сказала: «Что значит это промедление? Разве не слышал ты слов сказавшего:

Зачем утешать себя я стану немислимым,
Теперь уж не встречу я друзей, чтоб беду снести.
И как на огне сидеть, ещё не пожухнувшем!
Клянусь, на огнях сидеть – пропащее дело!»

«А что же мне делать?» – спросил её муж; и она сказала: «Встань, возьми его на руки и накрой шёлковым платком, и я пойду впереди, а ты сзади, сейчас же, вечером, и ты говори: «Это мой ребёнок, а вот это – его мать; мы идём к лекарю, чтобы он посмотрел его». Услышав эти слова, портной встал и понёс горбуна на руках, и жена его говорила: «Дитяtko, спаси тебя Аллах! Что у тебя болит и в каком месте тебя поразила оспа?» И всякий, кто видел их, говорил: «С ними больной ребёнок». И они все шли и спрашивали, где дом лекаря, и им указали дом врача-еврея; и они постучали в ворота, и к ним спустилась чёрная невольница и открыла ворота и посмотрела – и вдруг видит: у ворот человек, который несёт ребёнка, и с ним женщина. «В чем дело?» – спросила невольница; и жена портного сказала: «С нами маленький, и мы хотим, чтобы врач его посмотрел. Возьми эту четверть динара и отдай её твоему господину – пусть он сойдёт вниз и посмотрит моего ребёнка: на него напала болезнь». И невольница пошла наверх, а жена портного вошла за порог и сказала мужу: «Оставь горбуна здесь, и будем спасать наши души».

И портной поставил горбуна, прислонив его к стене, и вышел вместе со своей женой, а невольница вошла к еврею и сказала: «У ворот человек с каким-то больным, и с ним женщина.

Они мне дали для тебя четверть динара, чтобы ты спустился, посмотрел его и прописал ему что-нибудь подходящее». И евреи, увидав четверть динара, обрадовались и поспешно встал и сошёл вниз в темноте, – и едва ступил ногой на землю, как наткнулся на горбуна, который был мёртв. И он воскликнул: «О великий! О Моисей и десять заповедей! О Ааросни Иисус, сын Ну на! Я, кажется, наткнулся на этого больного, и он упал вниз и умер. Как же я вынесу из дома убитого?» И он понёс горбуна и вошёл с ним в дом и сообщил об этом своей жене; а она сказала: «Чего же ты сидишь? Если ты просидишь здесь до того, как взойдёт день, пропали наши души, и моя и твоя. Поднимемся с ним на крышу и кинем его в дом нашего соседа-мусульманина». А соседом еврея был надсмотрщик, начальник кухни султана, и он часто приносил домой сало, и его съедали кошки и мыши, а если попадался хороший курдюк, собаки спускались с крыши и утаскивали его, и они очень вредили надсмотрщику, портя все, что он приносил.

И вот еврей и его жена поднялись на крышу, неся горбатого, и опустили его на землю. Они оставили его, прислонив вплотную к стене, и, спустив его, ушли; и не успели они опустить горбуна, как надсмотрщик подошёл к дому и отпер его и вошёл с зажжённой свечкой. Войдя в дом, он увидел человека, стоящего в углу, под вытяжной трубой, и сказал: «Ох, хорошо, клянусь Аллахом! Тот, кто крадёт мои запасы, – оказывается, человек!» И, обернувшись к нему, надсмотрщик воскликнул: «Это мясо и сало таскаешь ты, а я думал, что это дело кошек и собак! Я перебил всех кошек и собак на улице и взял на себя из-за них грех, а ты, оказывается, спускаешься с крыши». И, схватив большой молоток, он взмахнул им и подошёл к горбуну и ударил его в грудь – и увидал, что горбун умер. И надсмотрщик опечалился и воскликнул: «Нет, мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого!» Он испугался за себя и сказал: «Прокляни Аллах сало и курдюки! И как это гибель этого человека совершилась от моей руки». А потом он взглянул на него – и видит: это горбатый. «Мало того, что ты горбун, ты стал ещё вором и крадёшь мясо и сало! – воскликнул надсмотрщик. – О покровитель, накрой меня своим благим покровом!» И он поднял горбуна на плечи и вышел с ним из дому на исходе ночи и нёс его до начала рынка, а там он поставил его возле лавки у проулка и бросил его и ушёл.

И вдруг появился христианин, маклер султана. Он был пьян и вышел, отправляясь в баню, так как хмель подсказал ему, что утренья близко; и он шёл покачиваясь, пока не приблизился к горбуну. Он присел напротив него помочиться и вдруг бросил взгляд – и видит: кто-то стоит. А у христианина в начале этого вечера утащили тюрбан, и, увидя стоящего горбуна, он подумал, что тот хочет стянуть его тюрбан, и сжал кулак и ударил его по шее. И горбун упал на землю, и христианин кликнул сторожа рынка и от сильного опьянения бросился на горбуна и стал бить его кулаком и душить. И сторож пришёл и увидал, что христианин стоит коленями на мусульманине и колотит его, и спросил: «Что такое с ним?» – «Он хотел утащить мой тюрбан», – отвечал христианин. «Встань, оставь его», – сказал сторож; и христианин поднялся, а сторож подошёл к горбуну и увидал, что он мёртвый, и воскликнул: «Клянусь Аллахом, хорошо! Христианин убивает мусульманина!» Затем сторож схватил христианина и, связав ему руки, привёл его в дом вали, а христианин говорил про себя: «О Мессия, о Дева, как это я убил его, и как быстро он умер, от одного удара!» – И хмель исчез, и пришло раздумье.

И маклер-христианин и горбун провели ночь, до утра, в доме вали, а утром вали пришёл и велел повесить убийцу и приказал палачу кричать об этом. И для христианина сделали виселицу и поставили его под нею, и палач подошёл и накинуд на шею христианина верёвку и хотел повесить его, как вдруг надсмотрщик прошёл сквозь толпу и увидал христианина, которого собирались вешать, и он растолкал народ и крикнул палачу: «Не надо, это я убил его».

«За что же ты его убил?» – спросил надсмотрщика вали. И тот ответил: «Вчера вечером я пришёл домой и увидел, что он спустился по трубе и украл мои припасы, и тогда я ударил его молотком в грудь, и он умер, и я снёс его на рынок и поставил его в таком-то месте у такого-то проулка...

И он воскликнул: Недостаточно мне убить мусульманина, чтобы я ещё убил христианина! Не вешай никого, кроме меня!» И вали, услышав эти слова надсмотрщика, отпустил маклера-христианина и сказал палачу: «Повесь этого, согласно его признанию».

И палач снял верёвку с шеи христианина и накиннул её на шею надсмотрщика: он поставил его под виселицей и хотел повесить, но вдруг врач-еврей прошёл сквозь толпу и закричал людям и палачу: «Не надо! Это я один убил его вчера вечером. Я был дома, и вдруг в ворота постучали мужчина и женщина, и с ними был этот горбун, больной. Они дали моей невольнице четверть динара, и она сообщила мне об этом и отдала мне деньги, а мужчина и женщина внесли горбуна в дом и положили его на лестницу и ушли. И я спустился, чтобы посмотреть, и наткнулся на него в темноте, и он упал с верха лестницы и тотчас же умер. И мы с женой взяли его и поднялись на крышу (а дом этого надсмотрщика – рядом с моим домом) и спустили его, мёртвого, в вытяжную трубу в доме надсмотрщика; и когда надсмотрщик пришёл, он увидел горбуна в своём доме и предположил, что это вор, и ударил его молотком, и горбун упал на землю, и надсмотрщик подумал, что убил его. Мало мне разве убить мусульманина неумышленно, чтобы я взял на свою ответственность жизнь другого мусульманина умышленно!»

Услышав слова еврея, вали сказал палачу: «Отпусти – надсмотрщика и повесь еврея». И палач взял еврея и положил верёвку ему на шею, но вдруг портной прошёл сквозь толпу и крикнул: «Не надо! Его убил не кто иной, как я! Я днём гулял и пришёл к вечеру и увидел этого пьяного горбуна, у которого был бубен, и он пел под него. Я пригласил его и привёл к себе домой, и купил рыбы, и мы сели есть; и моя жена взяла кусок рыбы, положила его горбуну в рот и всунула ему в горло, но кость стала ему поперёк горла, и он тотчас же умер. И мы с женой взяли его и принесли к дому еврея, и девушка спустилась и открыла нам ворота, и я сказал ей: «Скажи твоему господину: у ворот мужчина и женщина, и с ними больной, – поди посмотри его». И я дал ей четверть динара, и она пошла к своему господину, а я внёс горбуна на верх лестницы, поставил его и ушёл вместе с женой; а еврей спустился и наткнулся на горбуна – и решил, что он убил его». И портной спросил еврея: «Правда?» И тот сказал:

«Да!» И тогда портной обратился к вали и сказал: «Отпусти еврея и повесь меня». И вали, услышав его слова, изумился происшествию с этим горбатым и воскликнул:

«Поистине, такое дело записывают в книгах! – А потом он сказал палачу: Отпусти еврея и повесь портного, по его признанию». И палач подвёл его и сказал: «Мы устали – одного подводим, другого отводим, а никого не вешают», – и накиннул верёвку на шею портного.

Вот что было с этими. Что же касается горбуна, то он, говорят, был шутком султана, и тот не мог расстаться с ним: и когда горбун напился и пропадал эту ночь и следующий день до полудня, султан спросил о нем у кого-то из присутствующих, – и ему сказали: «О владыка, мы принесли к вали мёртвого, и вали приказал повесить его убийцу; и когда он собирался его вешать, явился второй убийца и третий, и все говорили: «Я один убил его», и каждый рассказывал вали о причине убийства. И султан, услыша эти слова, кликнул привратника и сказал ему: «Сходи к вали и приведи их всех ко мне».

И привратник пошёл и увидел, что палач собирается вешать портного, и крикнул ему: «Не надо!» Он сообщил вали, что сказал царь, и взял его с собою, а также и горбуна, которого несли, и портного, и еврея, и христианина, и надсмотрщика, – и всех их привели к царю. И вали, представ перед лицом султана, поцеловал землю и рассказал ему, что случилось со всеми, – а в повторении пользы нет. И когда царь услышал рассказ, он удивился, его взяло восхищение, и он велел записать это золотыми чернилами, и он спросил присутствующих: «Слышали ли вы что-нибудь более удивительное, чем история этого горбуна?» И тогда выступил вперёд христианин и сказал: «О царь, наметь время, – если позволишь, я тебе расскажу о чемто, что случилось со мною, и это удивительнее и диковиннее, чем история горбуна». – «Расскажи нам то, что ты хочешь!» – сказал царь.

Рассказ христианина

О, царь времени, – начал христианин, – когда я вступил в эти земли, я пришёл с товарами, и предопределение привело меня к вам, но место моего рождения – Каир. Я из тамошних коптов⁵⁷ и воспитывался там, и мой отец был маклером; и когда я достиг возраста мужей, мой отец скончался и я сделался маклером вместо него. И вот в один из дней я сижу и вдруг вижу едет на осле юноша, которого нет прекрасней, одетый в роскошнейшие одежды. И, увидав меня, он пожелал мне мира, а я встал из уважения к нему; и он вынул платок, в котором было немного кунжута, и спросил:

«Сколько стоит ардебб⁵⁸ вот этого?» – «Сю дирхемов», – отвечал я; и юноша сказал: «Возьми грузчиков и мерильщиков и отправляйся к Воротам Победы, в хан аль-Джавали – ты найдёшь меня там». И он оставил меня и уехал и отдал мне кунжут с платком, где был образчик; и я обошёл покупателей, и каждый ардебб принёс мне сто двадцать дирхемов. И я взял с собою четырех грузчиков и отправился к юноше, которого нашёл ожидающим; и, увидев меня, он поднялся и открыл кладовую, и из неё взяли зерно; и когда мы его перемерили, то его оказалось пятьдесят ардеббов, на пять тысяч дирхемов. И юноша сказал: «Тебе за посредничество десять дирхемов за ардебб; получи деньги и оставь у себя четыре тысячи и пятьсот дирхемов для меня: когда я кончу продавать свои запасы, я приеду и возьму у тебя деньги». И я сказал «Хорошо!» – и поцеловал ему руки и ушёл от него, и мне досталась в этот день тысяча дирхемов.

А юноша отсутствовал месяц, и потом он пришёл и спросил меня: «Где деньги?» А я встал и приветствовал его и спросил: «Не хочешь ли ты чего-нибудь поесть у нас?» Но он отказался и сказал: «Приготовь деньги, я приду и возьму их у тебя», – и ушёл. А я приготовил ему деньги и сидел, ожидая его; и его не было месяц, и я подумал: «Этот юноша совершенство доброты». А через месяц он приехал верхом на муле, одетый в роскошное платье и подобный луне в ночь полнолуния; и он словно вышел из бани, и лицо его было как месяц – с румяными щеками, блестящим лбом и родинкой, словно кружок амбры, подобно тому, как сказано:

И солнце и месяц тут в созвездье одном слились,
Во всей красоте своей и счастье взошли они;
За прелести их сильней смотрящие любят их.
О благо, когда их глас веселья к себе зовёт!

Изящною прелестью красот их закончен ряд,
И ум укрепляет их и скромность великая.
Аллаха благословляй, создавшего дивное!

Что хочет господь высот для тварей, то сотворит, И, увидев его, я поцеловал ему руки, и поднялся перед ним и призвал на него благословение, и спросил: «О господин, не возьмёшь ли ты свои деньги?» И юноша ответил: «А зачем торопиться? Я кончу свои дела и возьму их у тебя», – и ушёл. А я воскликнул: «Клянусь Аллахом, когда он в следующий раз придёт, я непременно приглашу его, так как я торговал на его дирхемы и добыл через них большие деньги!»

А когда наступил конец года, он приехал, одетый в ещё более роскошное платье, чем прежде; и я стал заклинять его зайти ко мне и отведать моего угощения. И юноша сказал: «С

⁵⁷ Копты – так средневековые арабские авторы называли потомков исконных обитателей древнего Египта в отличие от арабов.

⁵⁸ Ардебб – мера ёмкости, составляет приблизительно два гектолитра.

условием, чтобы то, что ты на меня потратишь, было из моих денег, которые у тебя». И я сказал: «Хорошо!» – и посадил его и сходил и приготовил какие следует кушанья и напитки и прочее, и принёс это ему и сказал: «Во имя Аллаха!» И юноша подошёл к столику и, протянув свою левую руку, стал со мною есть, – и я удивился этому. А когда мы кончили, я вымыл его руку и дал ему чем её вытереть, и мы сели за беседу, после того как я поставил перед ним сладости. И тогда я сказал: «О господин мой, облегчи мою заботу: почему ты ел левой рукой? Может быть, у тебя на руке что-нибудь болит?» И, услышав мои слова, юноша произнёс:

«О друг мой, не спрашивай о жарком волнении,
Что в сердце горит моем, – недуг обнаружишь ты мой
Не доброю волею я Лейлу сменил теперь
На Сельму, но знай – порой нужда заставляет нас».

И он вынул руку из рукава, и вдруг я вижу – она обрубленная: запястье без кисти. И я удивился этому, а юноша сказал мне: «Не дивись и не говори в душе, что я ел с тобой левой рукой из чванства, отсечению моей правой руки есть диковинная причина». – «А что же причиною этому?» – спросил я; и юноша сказал: «Знай, что я из уроженцев Багдада, и мой отец там был знатен; и когда я достиг возраста мужей, я услышал рассказы странников, путешественников и купцов о египетских землях, и это осталось у меня в сердце. И когда мой отец умер, я взял много товаров и багдадских и мосульских и, собрав все это, выехал из Багдада; и Аллах предначертал мне благополучие, и я вступил в этот ваш город, – и потом он заплакал и произнёс:

Спасается ослепший от ямы той,
Куда слетит прозорливый, видящий!
Глупец порой от слова удержится,
Которое погубит разумного.

Кто верует, с трудом лишь прокормится:
Неверные, развратники – все найдут.
Что выдумать, как действовать молодцу?
Ведь так судил судящий, дарующий.

А окончив эти стихи, он сказал: «И я прибыл в Каир и сложил ткани в хане Масрура и, отвязав свои тюки, вынес их и дал слуге денег, чтобы купить нам чего-нибудь поесть, и немного поспал; а поднявшись, я прошёлся по улице Бейн-аль-Касрейн и вернулся и проспал ночь. А наутро я встал и вскрыл тюк с тканями и сказал себе: «Пойду пройду по рынкам и посмотрю, как обстоят там дела!» И я взял кое-какие ткани и дал их отнести одному из моих слуг и пошёл на рынок Джирджиса, и маклеры встретили меня (а они узнали о моем прибытии) и взяли у меня ткани и стали кричать, предлагая их; но они не принесли даже своей цены, и я огорчился этим. И староста маклеров сказал мне: «О господин, я знаю что-то, от чего тебе будет прибыль. Сделай так, как делают купцы, и отдай твои ткани в долг на несколько месяцев при писце, свидетеле и меняле. Ты будешь получать деньги каждый четверг и понедельник и наживёшь дирхемы: на каждый дирхем два, и, кроме того, посмотришь Каир и Нил».

И я сказал: «Это правильная мысль!» – и, взяв с собою маклеров, отправился в хан, а они забрали ткани на рынок, и я продал их и записал за ними цепи и отдал бумажку меняле, взяв у него расписку, и вернулся в хан. И я провёл много дней, ежедневно, в течение месяца, завтракая с кубком вина и посылая за мясом барашка и сладостями; и наступил тот месяц, когда мне следовало получать, и каждый четверг и понедельник я отправлялся на рынок и садился возле лавок купцов, а меняла и писец уходили и приносили деньги после полудня, а

я пересчитывал их, запечатывал кошельки, брал деньги и уходил в хан. И вот в один из дней (а это был понедельник) я вошёл в баню и, вернувшись в хан, отправился в своё помещение и позавтракал с кубком вина и поспал, а проснувшись, я съел курицу и надушился и пошёл в лавку одного купца, которого звали Бедр-ад-дин аль-Бустани. И, увидев меня, он сказал мне: «Добро пожаловать!» – и разговаривал со мной некоторое время, пока не открылся рынок.

И вдруг подошла женщина с гибким станом и гордой походкой, в великолепном головном платке, распространявшая благоухание; и она подняла покрывало, и я увидел её чёрные глаза, а женщина приветствовала Бедр-ад-дина, и тот ответил ей на приветствие и стоял, беседуя с нею; и когда я услышал её речь, любовь к ней овладела моим сердцем. А она сказала Бедр-ад-дину: «Есть у тебя отрез разрисованной ткани с золотыми прошивками?» И он вынул ей отрез из тех кусков, которые купил у меня, и они сошлись в цене на тысяче двухстах дирхеммах. «Я возьму кусок и уйду и пришлю тебе деньги», – сказала тогда женщина купцу; но он возразил: «Нельзя, госпожа, вот владделец ткани, и я связан перед ним сроком». – «Горе тебе! – воскликнула женщина. – Я привыкла брать у тебя всякий кусок ткани за много денег и даю тебе нажать больше того, что ты хочешь, и присылаю тебе деньги». А купец отвечал: «Да, но я принуждён расплатиться сегодня же». И тогда она взяла кусок и бросила его в лицо Бедр-ад-дину и воскликнула: «Ваше племя никому не знает цены!» – и встала. С её уходом я почувствовал, что моя душа ушла с нею. И я поднялся и остановил её и сказал: «О госпожа, сделай милость, обрати ко мне свои благородные шаги!» И она воротилась, и улыбнулась, и сказала: «О, ради тебя возвращаюсь», – и села напротив, возле лавки.

И я спросил Бедр-ад-дина: «За сколько ты купил этот кусок?» – «За тысячу сто дирхемов», – отвечал он; и я сказал: «Тебе будет ещё сто дирхемов прибыли; дай бумагу, я напишу тебе расписку на эту цену». И я взял кусок ткани и написал Бедр-ад-дину расписку своей рукой и отдал женщине и сказал ей: «Возьми и иди; и если хочешь, принеси деньги в следующий рыночный день, а если пожелаешь – это тебе подарок, как моей гостье». – «Да воздаст тебе Аллах благом и да пошлёт тебе мои деньги и сделает тебя моим мужем!» – сказала женщина (и Аллах внял её молитве). А я воскликнул: «О, госпожа, считай этот отрез твоим, и тебе будет ещё такой же, но дай мне посмотреть на твоё лицо». И когда я взглянул ей в лицо взглядом, вызвавшим во мне тысячу вздохов, любовь к ней привязалась к моему сердцу, и я перестал владеть своим умом. А потом она опустила покрывало и взяла отрез и сказала: «О господин, не заставляй меня тосковать!» – и ушла; а я просидел на рынке до послеполуденного времени, и ум мой исчез и любовь овладела мною. И от силы охватившей меня любви я поднялся и спросил купца об этой женщине, и он сказал: «У неё есть деньги. Она дочь одного эмира, и отец её умер и оставил ей большое богатство».

И я простился с ним и ушёл и пришёл в хан, и мне подали ужин, но я вспомнил о той женщине и не стал ничего есть и лёг спать. Но сон не шёл ко мне; и я не спал до утра и встал и надел не ту одежду, что была на мне раньше, и выпил кубок вина и поел немного на завтрак, и пошёл в лавку того купца. Я приветствовал его и сел у него, и молодая женщина, как обычно, пришла, одетая ещё более роскошно, чем раньше, и с ней была невольница. И она поздоровалась со мной, а не с Бедр-ад-дином, и сказала красноречивым языком, нежнее и слаще которого я не слышал: «Пошли со мной кого-нибудь, чтобы взять тысячу и двести дирхемов – плату за кусок ткани». – «А что же торопиться?» – сказал я ей, и она воскликнула: «Да не лишимся мы тебя!» – и отдала мне деньги; и я сидел и разговаривал с нею. И я сделал ей знак, и она поняла, что я хочу обладать ею, и встала поспешно, испуганная, а моё сердце было привязано к ней. И я вышел с рынка следом за ней, и вдруг ко мне подошла девушка и сказала: «О господин, поговори с моей госпожой!» И я изумился и сказал: «Меня никто здесь не знает». Но девушка воскликнула: «О господин, как ты скоро её забыл! Моя госпожа-та, что была сегодня в лавке такого-то купца». И я пошёл с девушкой на рынок менял; и, увидев меня, её госпожа привлекла меня к себе и сказала: «О мой любимый, ты проник мне в душу, и любовь к тебе овладела

моим сердцем, и с той минуты, как я тебя увидела, мне не был приятен ни сон, ни питьё, ни пища». – «У меня в душе во много раз больше этого, и положение избавляет от нужды сетовать», – ответил я. И она спросила: «О любимый, у меня или же у тебя?» – «Я здесь человек чужой, – отвечал я, – и нет мне где приютиться, кроме хана. Если сделаешь милость пусть будет у тебя». И она сказала: «Хорошо; но сегодня канун пятницы и ничего не может получиться, – разве только завтра, после молитвы. Помолись, сядь на осла и спрашивай квартал аль-Хаббания, а когда приедешь, спроси, где дом Бараката – начальника, по прозвищу Абу-Шама, – я там живу. И не медли, я жду тебя».

И я обрадовался великою радостью, и потом мы расстались; и я пришёл в хан, где я жил, и провёл ночь без сна и не верил, что заря заблистала. И я встал и переменял одежду, и умастился, и надушился, и, взяв с собой пятьдесят динаров в платке, прошёл от хана Масрура до ворот Зубиле, а там сел на осла и сказал его владельцу: «Отвези меня в аль-Хаббанию». И он доехал в мгновение ока и очень скоро остановился у ворот в квартал, называемый квартал аль-Мункари; и я сказал ему: «Зайди в квартал и спроси дом начальника». И ослитник ушёл и недолго отсутствовал, и, вернувшись, сказал: «Заходи!» И я сказал ему: «Иди впереди меня к дому! Рано утром придёшь сюда и отвезёшь меня, – сказал я потом ослитнику; и он отвечал: «Во имя Аллаха!», и я дал ему четверть динара золотом.

И ко мне вышли две молоденькие девушки, высокогрудые девы, подобные лунам, и сказали мне: «Входи, наша госпожа тебя ожидает! Она не спала ночь, радуясь тебе». И я вошёл в верхнее помещение с семью дверями, вокруг которого шли окна, выходившие в сад, где были всевозможные плоды, и полноводные каналы, и поющие птицы; и все было выбелено султанской извёсткой, в которой человек видел своё лицо, а потолок был покрыт золотыми надписями, написанными лазурью, которые заключали прекрасные славословия и сияли смотрящим. А пол в комнате был выстлан пёстрым мрамором, и посреди был водоём, по краям которого находились чаши, литые из золота и извергавшие воду, похожую на жемчуг и яхонты; и помещение было устлано разноцветными шёлковыми коврами и уставлено скамейками. И, войдя, я сел...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать шестая ночь

Когда же настала двадцать шестая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша купец говорил христианину: «И, войдя, я сел, ине успел я очнуться, как та женщина уже подошла – в венце, окаймлённом жемчугом и драгоценностями, разрисованная и расписанная. И, увидев меня, она улыбнулась мне в лицо, и обняла меня, и прижала к своей груди и, приложив рот к моему рту, стала сосать мой язык; и я делал так же. И она сказала: «Это правда? Ты пришёл ко мне?» И я отвечал ей: «Я твой раб!» А она воскликнула: «Привет, добро пожаловать! Клянусь Аллахом, с того дня, как я тебя увидела, мне не был сладок сон и неприятно кушанье». – «И мне также», – отвечал я; и мы сели и стали разговаривать, и я держал голову опущенной к земле от стыда. И вскоре мне подали на скатерти роскошнейшие кушанья: мясо в уксусе, поджаренную тыкву в пчелином меду и курицу с начинкой, и я поел с ней, и мы насытились, и мне подали таз и кувшин, и я вымыл руки; а потом мы надушились розовой водой с мускусом и сидели разговаривая, и она произнесла такие стихи:

«Если б ведом приход ваш был, мы б устлали
Кровью сердца ваш путь и глаз чернотою
И постлали б навстречу вам наши щеки, –
Чтоб тянулась дорога ваша по векам».

И она жаловалась на то, что испытала, и я жаловался ей на то, что испытал, и любовь к ней овладела мною, и все деньги сделались для меня ничтожны. И мы играли, возились и целовались, пока не подошла ночь, и тогда девушки подали нам кушанье и вино, и вдруг вижу – это целый пир! И мы пили до полуночи, а затем легли и заснули, и я проспал с ней до утра, и в жизни не видел ночи, подобной этой. Когда же настало утро, я поднялся и бросил ей под постель платок, в котором были динары, и простился с ней и вышел, а она заплакала и сказала: «О господин мой, когда я опять увижу это прекрасное лицо?» И я сказал ей: «Я буду у тебя вечером». А выйдя, я нашёл ослятника, привёзшего меня вчера, который ждал меня у ворот, и сел с ним и приехал в хан Масрура, и сошёл, и дал ослятнику полдинара и сказал ему: «Приходи опять ко времени заката!» И он отвечал: «Хорошо!» И я позавтракал и пошёл взыскивать деньги за ткани, а потом возвратился и приготовил ей жареного ягнёнка и сладостей, а затем позвал носильщика, положил все это ему в корзину, заплатил ему и вернулся к своим делам и был занят до захода солнца.

А на закате ослятник пришёл ко мне, и я взял пятьдесят динаров, положил их в платок и пошёл к ней; и я увидел, что там вытерли мрамор и начистили медь и заправили светильники, зажгли свечи, разложили кушанья и процедили вино. И при виде меня моя возлюбленная закинула руки мне на шею и воскликнула: «Ты заставил меня тосковать!» А затем подали столы, и мы ели, пока не насытились, и девушки убрали столы и поставили вино. И мы пили, не переставая, до полуночи, а потом перешли в спальню и проспали до утра; и я поднялся и дал ей, как обычно, пятьдесят динаров и вышел от неё. И я увидел ослятника и поехал в хан, и поспал немного, а затем я встал и собрал ужин, и приготовил орехи и миндаль к рисовому пилаву, и жареный бронник, и взял свежих и сушёных плодов на закуску, и цветов – и отослал ей это; и, зайдя домой, взял пятьдесят динаров в платке и вышел и, как обычно, поехал с ослятником к её дому. И я вошёл, и мы поели и попили и спали до утра, а потом я поднялся и бросил ей платок и, как всегда, поехал в хан. И так продолжалось некоторое время; и вот однажды я провёл ночь и проснулся, не имея ни дирхема, ни динара. И я сказал себе: «Все это дело сатаны! – и произнёс такие стихи:

От бедности богатого меркнет свет,
Как солнца луч бледнеет в вечерний час.
Коль нет его, помянут не будет он,
А в стан придёт, так доли там нет ему.

На рынке он проходит украдкой,
И слезы льёт в пустыне он горькие.
Клянусь Аллахом, муж среди родичей,
Коль бедностью испытан он, – всем чужой!»

И я вышел из хана и прошёл по улице Бейн-аль-Касрейн и дошёл до самых ворот, и я увидел, что люди стоят толпой и ворота забиты множеством народа. И по предопределённому велению я увидел солдата и невольно прижал его, и моя рука оказалась у его кармана, и я потрогал его и нащупал кошелек в том кармане, на котором лежала моя рука. И я почувствовал, что моя рука касается кошелька, и взял его из кармана солдата. И солдат заметил, что его карман стал лёгким, и положил туда руку, но ничего не нашёл там; и он обернулся ко мне и, подняв руку с дубиной, ударил меня по голове, и я упал на землю. И люди окружили нас и схватили за уздечку лошадь солдата и сказали: «Из-за тесноты ты ударил этого юношу таким ударом!» Но солдат закричал на них и сказал: «Это проклятый вор!» И тут я очнулся и услышал, что люди говорят: «Это красивый юноша, он ничего не взял!» – некоторые верили, а другие не верили, и толки и пересуды умножились.

И люди потащили меня и хотели меня освободить из рук солдата; и по предопределённому велению вдруг въехали в ворота вали и начальник и стражники, и они увидели, что народ собрался около меня и солдата. И вали спросил: «В чем дело?» И солдат сказал: «Клянусь Аллахом, господин, это вор! У меня в кармане был голубой кошель с двадцатью динарами, и он взял его, когда я был в толпе». – «А был с тобой кто-нибудь?» – спросил вали у солдата; и солдат ответил: «Нет!» И тогда вали крикнул начальника, и тот схватил меня, и покров Аллаха был с меня снят. И вали сказал начальнику: «Раздеть его!» И когда меня раздели, кошель нашли в моем платье. А когда кошель нашли, вали взял его и открыл и пересчитал деньги, и увидел, что в нем двадцать динаров, как и сказал солдат.

И вали рассердился и кликнул стражников, и меня подвели к нему, и он спросил: «О юноша, скажи правду, ты украл этот кошелек?» И я опустил голову к земле и сказал про себя: «Если скажу «не украл», – но ведь он вытащил его из моего платья; а если скажу «украл» – испытаю мучение». И я поднял голову и сказал: «Да, я взял его». И, услышав от меня эти слова, вали удивился и позвал свидетелей, и они явились и засвидетельствовали мои слова, – и все это происходило у ворот Зукбале. И вали отдал приказ палачу, и тот отрубил мне правую руку; и сердце солдата смягчилось, и он заступился за меня, и вали оставил меня и уехал. А люди остались около меня и дали мне выпить кубок вина, а солдат отдал мне кошель и сказал: «Ты красивый юноша, не должно тебе быть вором». И после этого я произнёс:

«Аллахом клянусь, я не был вором, о верный брат,
И не из крадущих я, о лучший из тварей!
Внезапно превратностью судьбы поражён я был,
И мучим заботой я, нуждой и волненьем.

Не ты поразил меня, – стрелою господь метнул
И сбил с головы моей венец царской власти».

И солдат оставил меня и ушёл, отдав мне кошель, и я тоже ушёл, и завернул свою руку в тряпку и положил её на пазуху; и моё состояние расстроилось, и цвет лица пожелтел из-за того, что со мной случилось. И я дошёл до дома той женщины, будучи нездоров, и бросился на постель; и женщина увидела, что у меня изменился цвет лица, и спросила: «Что у тебя болит и почему ты, я вижу, расстроен?» – «У меня болит голова, и мне нехорошо», – отвечал я. И тогда она разгневалась и обеспокоилась за меня и воскликнула: «Не сжигай моего сердца, господин мой. Сядь, подними голову и расскажи мне, что произошло с тобой сегодня? Мне видны на твоём лице многие слова». – «Избавь меня от разговоров», – сказал я. И она заплакала и воскликнула: «Ты как будто бы больше не хочешь меня! Я вижу, что ты не такой, как обычно». И я промолчал, а она стала разговаривать со мной, но я не отвечал ей.

А когда подошла ночь, она подала мне кушанье, но я отказался от него, боясь, что она увидит, что я ем левой рукой, и сказал: «Я не хочу сейчас есть!» – «Расскажи мне, что произошло с тобою сегодня и почему ты озабочен и разбиты твоё сердце и душа», – сказала она. И я ответил: «Сейчас я расскажу тебе не торопясь». И она подала мне вина и сказала: «Вот тебе, это разгонит твою заботу! Непременно выпей и расскажи мне, что случилось». – «Я обязательно должен рассказать тебе?» – спросил я; и она ответила: «Да!» И тогда я сказал: «Если это непременно должно быть, напои меня твоей рукой». И она наполнила кубок, и я выпил его, и она наполнила его снова и протянула мне, и я принял его от неё левой рукой, и слезы побежали из моих глаз. И я произнёс:

«Когда Аллах захочет сделать что-нибудь
С разумным мужем, видящим и слышащим,

Он оглушит его и душу ослепит
Ему, и ум его, как волос, вырвет он.

Когда же приговор исполнится его,
Вернёт он ум ему, чтоб поучался он».

И, окончив стихи, я взял кубок левой рукой и заплакал, а она издала громкий крик и спросила: «Отчего ты плачешь? Ты сжёг мне сердце! Почему ты взял кубок левой рукой?» – «У меня на руке чирей», – отвечал я ей; и она сказала: «Вынь её, я тебе его проткну». Но я сказал: «Теперь не время его вскрывать! Не надоедай мне! Я не выну сейчас руки!»

Затем я выпил кубок, и она до тех пор поила меня, пока меня не одолел хмель и я не заснул на месте, и тогда она увидала мою руку без кисти и, обыскав меня, нашла у меня кошель с золотом; и её охватила такая печаль, какая ещё не охватывала никого, и она страдала из-за меня до утра. А пробудившись от сна, я увидел, что она приготовила мне отвар и подала его, – и вдруг я вижу, он из четырех куриц! – и дала мне выпить кубок вина; и я поел и выпил, и положил кошель, как обычно, и хотел выйти, но она спросила: «Куда идёшь?» – «В одно место, куда мне надо пойти», – отвечал я. Но она сказала: «Не уходи, садись!»

И когда я сел, она воскликнула: «Так твоя любовь дошла до того, что ты истратил все деньги и лишился кисти? Свидетельствую перед тобой – и свидетель тому Аллах! – что я с тобой не расстанусь! Ты скоро убедишься в истинности моих слов!» И она послала за свидетелями и, когда они явились, сказала им: «Напишите мою брачную запись с этим юношей и засвидетельствуйте, что я получила приданое». И они засвидетельствовали мой брачный договор с нею, и после того она сказала: «Засвидетельствуйте, что все мои деньги, которые в этом сундуке, и все какие у меня есть рабы и невольницы принадлежат этому юноше».

И они засвидетельствовали это, и я принял дарственную, и они ушли, получив сначала свою плату; а после этого она взяла меня за руку и, поставив меня около кладовой, открыла большой сундук и сказала мне: «Посмотри, что в сундуке». И я посмотрел – и вижу: он полон платков; а она сказала: «Это твои деньги, которые я брала у тебя. Всякий раз, как ты давал мне платок с пятьюдесятью динарами, я складывала его и бросала в этот сундук. Возьми свои деньги, они вернулись к тебе, и ты сегодня богат. Судьба поразила тебя из-за меня: ты потерял свою правую руку, – и я не могу возместить тебе этого. Даже если бы я пожертвовала своей душой, этого было бы мало; и у тебя надо мной преимущество. – И она сказала мне: «Получи свои деньги». И я перенёс её сундук к своему и положил её деньги к своим деньгам, которые я давал ей, и моё сердце возрадовалось, и моя забота рассеялась. И я поцеловал мою жену и поблагодарил её, а она сказала: «Ты пожертвовал своей рукой из любви ко мне! Как я могу возместить тебе это? Клянусь Аллахом, если бы я отдала из любви к тебе свою душу, этого, наверное, было бы мало, и я не в состоянии должным образом воздать тебе».

После этого она отписала мне особою крепостью все какие имела носильные платья и драгоценности и вещи и провела эту ночь озабоченная моей заботой; и я рассказал ей все, что со мной случилось, и провёл с нею ночь. И когда прошло меньше месяца, её слабость увеличилась и болезнь её усилилась, и, проживши только пятьдесят дней, она оказалась среди обитателей того света. И я обрядил её и похоронил в земле, и устроил над нею чтения Корана, и роздал за неё в виде милостыни много денег. А выйдя из её склепа, я увидел, что ей принадлежат большие богатства, владения и поместья; и в числе её складов был склад кунжута, часть которого я продал тебе, и потому не посещал тебя в течение этого времени, что продавал остальные запасы и все, что было в кладовых, и я до сих пор ещё не получил всех денег. Не возражай же против тою, что я тебе скажу, так как я поел твоей пищи: я дарю тебе деньги за кунжут, который находится у тебя. Вот причина отсечения моей правой руки и того, что я ел левой рукой».

«Ты был милостив и благодетелен», – сказал я ему. И он спросил: «Не хочешь ли ты отправиться со мной в мои земли? Я накупил товаров каирских и александрийских, и, может быть, ты согласишься сопровождать меня?» – «Хорошо», – сказал я и назначил ему сроком начало месяца, а затем я продал все, что имел, и купил других товаров и отправился вместе с юношей в эти земли, то есть в вашу страну. И юноша продал товары и купил вместо их другие в вашей стране и отправился в земли египетские, а мне на долю выпало побывать этой ночью здесь, – и со мной случилось на чужбине то, что случилось. Не удивительней ли это, о царь нашего времени, чем то, что произошло с горбуном?»

«Вас всех необходимо повесить», – сказал царь...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать седьмая ночь

Когда же настала двадцать седьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Китая сказал: «Вас необходимо повесить!» Тогда надсмотрщик подошёл к царю Китая и молвил: «Если ты мневеришь, я расскажу тебе историю, приключившуюся со мной за это время, раньше чем я нашёл этого горбуна, и если она будет удивительнее его истории, подаришь ли ты нам наши души?» – «Хорошо», – отвечал царь. И надсмотрщик сказал:

Рассказ надсмотрщика (ночи 27–28)

Знай, что в прошлый вечер я был в одном собрании, где устроили чтение Корана и собрали законоведов; и когда чтецы прочитали и кончили, накрыли стол, и среди того, что подали, был засахаренный миндаль в уксусе. И мы подошли и начали есть миндаль, но один из нас отошёл и не стал есть его, и хотя мы заклинали его, он поклялся, что не будет есть миндаль. Мы все же заставляли его, и он воскликнул: «Не принуждайте меня, довольно того, что со мной случилось из-за того, что я поел миндаля! – И потом он произнёс:

На плечо возьми ты бубён и иди,
Коль сурьму такую любишь, так сурьмись».

А когда он кончил, мы спросили его: «Заклинаем тебя Аллахом, почему ты отказываешься есть миндаль?» И он ответил: «Если я уж непременно должен поесть его, то я его поем только после того, как вымою руки сорок раз мылом, сорок раз содой и сорок раз щёлоком, – а всего ещё двадцать раз». И тогда хозяин пира приказал своим слугам принести воды и того, что требовал юноша, и тот вымыл руки так, как сказал я, а после того он подошёл и сел и протянул руку, как бы испуганный, и с отвращением коснулся миндаля и стал есть, заставляя себя. И мы пришли от этого в крайнее удивление. И рука юноши дрожала, и он выставил большой палец своей руки, – и вдруг мы видим: он обрублен, и юноша ест четырьмя пальцами.

И мы спросили его: «Заклинаем тебя Аллахом, что с твоим большим пальцем? Он так и создан Аллахом или его постигло несчастье?» И юноша отвечал: «О братья, таков не один этот большой палец, но и другой, и на обеих ногах тоже. Да вот, посмотрите». И он обнажил большой палец на своей другой руке, и мы увидели, что он такой же, как на правой, и ноги его тоже без больших пальцев. И, увидев, что это так, мы ещё больше удивились и сказали ему: «Нам не терпится узнать твою историю, и почему отсечены твои пальцы, и зачем ты вымыл руки ещё двадцать раз!»

«Знайте, – сказал тогда юноша, – что мой родитель был купец из богатых купцов Багдада во дни халифа Харуна ибн Рашида. Он страстно любил пить вино и слушать лютню и другие музыкальные инструменты и после смерти не оставил ничего. И я обрядил его и устроил чтения и тосковал по нем дни и ночи, а затем я открыл его лавку и увидел, что после него осталось лишь немного, и обнаружил за ним долги. Я уговорил займодавцев подождать и смягчил их сердца, и стал торговать от пятницы до пятницы и отдавал займодавцам; и таким образом продолжалось некоторое время, пока я не уплатил долги сполна, и я увеличивал свой капитал в течение дней и ночей. И вот однажды, в один из дней, я сижу и вдруг неожиданно вижу молодую женщину, прекрасней которой не видали мои глаза, и на ней украшения и драгоценности, и она едет на муле, и впереди неё раб и сзади раб. И она остановила мула у входа на рынок и вошла, и евнух последовал за ней и сказал: «О госпожа, входи и не дай никому узнать, что ты здесь, – ты разожжёшь против нас огонь гнева». И евнух заслонял её, пока она смотрела лавки купцов, и она не нашла никого, кто бы уже открыл свою лавку, кроме меня, и подошла, и евнух следом за ней, и села возле моей лавки и приветствовала меня, – и я не слыхивал ничего прекраснее её слов и нежнее её речей. А потом она открыла своё лицо, и я увидел, что оно подобно месяцу, и я посмотрел на неё взглядом, вызвавшим у меня тысячу вздохов, и любовь к ней привязалась к моему сердцу. И я стал ещё и ещё взглядывать ей в лицо и произнёс:

«Скажи красавице, что в покрове шёлковом:
Поистине, смерть – отдых мне от мук моих.
О, дай мне близость – может, жив останусь я;

Вот руку я протянул уже к дарам твоим».

И, услышав эти стихи, она ответила мне:

«Утрачу терпенье я в любви, коль забуду вас,
И сердце, поистине, не знает любви к другим.
И если падёт мой взор когда-нибудь на других,
То пусть уж не знает он, вас встретивши, радости.

Клянусь я, что страсти к вам вовек не забуду я
И сердце печальное лишь встреча обрадует.
Любовью напоён был я чашею полною.
О, если бы, дав мне пить, любовь напоила вас!

Возьмите мой прах и дух, куда ни поедете,
И где остановитесь, предайте земле меня.
И имя моё затем скажите, – ответит вам
Стон долгий костей моих, услышавши голос ваш.

И если б сказали мне: «От бога что хочешь ты?» «Прощенья, – сказала б я, – Аллаха и вашего».

А окончив стихи, она спросила: «О юноша, есть ли у тебя красивые ткани?» И я отвечал: «Госпожа, твой раб беден, но подожди, пока купцы откроют лавки, и я принесу тебе то, что ты хочешь». И затем я стал с нею разговаривать, и погрузился в море влюблённости, и блуждал на путях любви к ней, пока купцы не открыли лавки, и тогда я поднялся и взял для неё все, что она потребовала, а цена за это была пять тысяч дирхемов. И женщина отдала ткани евнуху, и евнух взял их, и они вышли из рынка, и ей подвели мула; и она уехала, не сказав мне, откуда она, а я постыдился заговорить с нею об этом. И купцы обязали меня уплатить, и я принял на себя долг в пять тысяч дирхемов.

И я пришёл домой, опьянённый любовью к той женщине; и мне подали ужин, и я съел кусочек – и вспомнил об её красоте и прелести, и хотел уснуть – но сон не пришёл ко мне. И я провёл в таком состоянии неделю, и купцы потребовали с меня деньги, но я уговорил их подождать ещё неделю; а через неделю она вдруг приехала верхом на муле, и с нею были евнух и два раба. И она приветствовала меня и сказала: «О господин мой, мы задержали плату за ткани! Приведи менялу и получи деньги». И меняла пришёл, и евнух выложил деньги, и я не взял их, и разговаривал с ней, пока не открылся рынок. И тогда она сказала: «Купи мне то-то и то-то». И я взял для неё у купцов, что она пожелала, и она забрала это и ушла, не заговорив со мною о деньгах; и когда она ушла, я раскаялся в этом, так как я забрал то, что она потребовала, на тысячу динаров.

И после того как она скрылась из моих глаз, я сказал про себя: «Что это за любовь? Она дала мне пять тысяч дирхемов и взяла вещей на тысячу динаров!» И я почувствовал, что мне не хватит денег для купцов, и сказал:

«Купцы-то знают лишь меня одного! Эта женщина просто плутовка: она ввела меня в обман своей прелестью и красотой и, увидав, что я ещё молод, посмеялась надо мной, а я не спросил, где она живёт». И я все время беспокоился, и её отсутствие длилось больше месяца, и купцы требовали с меня и прижимали меня, и я пустил свои земли на продажу и внутренне решил погубить себя.

И однажды я сидел, размышляя, и не успел очнуться, как вижу – она сходит с мула у ворот рынка и входит ко мне. И при виде её мои заботы рассеялись, и я забыл, что со мной

было, а она начала беседовать со мной, ведя прекрасные речи, и сказала: «Приведи менялу и отведи деньги», и отдала мне с излишком плату за то, что взяла. А затем она пустилась со мной в разговоры, и я чуть не умер от счастья и радости.

И она спросила у меня: «Есть у тебя жена?» И я ответил: «Нет, я не знаю ни одной женщины», – и заплакал.

«Что ты плачешь?» – спросила она; и я отвечал: «Не беда!» А потом я взял несколько динаров и отдал их евнуху и попросил его быть посредником в этом деле. А он засмеялся и сказал: «Она влюблена в тебя больше, чем ты в неё. Ткани, которые у тебя она купила, ей не нужны, и она сделала это только из любви к тебе. Говори с ней, о чем хочешь, – она не будет тебе прекословить в том, что ты скажешь». А женщина видела, как я давал евнуху деньги.

И я вернулся и сел и сказал ей: «Будь милостива к твоему рабу и уступи ему в том, о чем он тебя попросит!» – и я высказал ей то, что было у меня на душе. И она ответила на мои слова согласием и сказала евнуху: «Ты принесёшь ему моё послание»; а мне она сказала: «Сделай так, как скажет тебе евнух». Затем она поднялась и ушла, а я вручил купцам их деньги, и им досталась прибыль, а мне на долю пришлось сожаление о том, что сведения о ней прервались; и я не спал всю ночь. Но прошло лишь немало дней, и ко мне пришёл евнух, и я оказал ему уважение и спросил его о ней; и он отвечал: «Она больна». – «Разъясни мне её обстоятельство», – попросил я евнуха; и он сказал: «Эту девушку воспитала Ситт-Зубейда, жена халифа Харуна ар-Рашида, – она из её невольниц. Она попросила у своей госпожи разрешения выходить и входить и достигла того, что стала управительницей; а затем она рассказала Ситт про себя и попросила выдать её за тебя замуж, но Ситт сказала: «Я не сделаю этого, пока не увижу этого юношу; если он на тебя похож, я выдам тебя за него замуж». А сейчас мы хотим отвезти тебя во дворец, и если ты попадёшь во дворец, то добьёшься брака с нею; если же твоё дело раскроется – тебе снесут голову. Что ты на это скажешь?» – «Пойду с тобой», – ответил я, – и вытерплю то, что ты мне рассказал».

И тогда евнух сказал мне: «Когда наступит вечер, походи в мечеть, помолись и переночуй там; это та мечеть, которую выстроила Ситт-Зубейда на реке Тигр». – «С любовью и охотой», – ответил я. И когда наступил вечер, я пошёл в мечеть, помолился там и провёл ночь, а ко времени утренней зари вдруг явились два евнуха в челноке, и с ними были пустые сундуки. Они внесли их в мечеть, и один из них удалился, а один остался; и я всмотрелся в него и вдруг вижу: это тот, что был посредником между мною и ею. И через некоторое время к нам пришла та девушка – моя подруга; и когда она явилась, я встал и обнял её, а она поцеловала меня и заплакала, и мы немного поговорили. А потом она взяла меня и положила в сундук и заперла его, и затем подошла к евнуху, с которым было много вещей, и стала брать их и складывать в другие сундуки и запирала их один за одним, пока не сложила всего. И сундуки положили в челнок и поехали, направляясь к дворцу Ситт-Зубейды. И меня взяло раздумье, и я сказал про себя: «Я погиб из-за своей страсти! Достигну я желаемого или нет?»

И я стал плакать, находясь в сундуке, и звать к Аллаху, чтобы он выручил меня из беды, а они все ехали, пока не оказались с сундуками у дверей покоев халифа, и сундук, в котором я был, понесли в числе других. И моя подруга прошла мимо нескольких евнухов, представленных наблюдать над гаремом, и слуг и дошла до одного старого евнуха; и тот пробудился ото сна и закричал на девушку и спросил её: «Что это такое в этих сундуках?» – «Они полны вещей для Ситт-Зубейды», – ответила она. И евнух сказал: «Открой их один за одним, чтобы мне взглянуть, что лежит в них!» Но девушка возразила: «Зачем открывать их?» И тогда евнух закричал: «Не тани, эти сундуки необходимо открыть!» – и поднялся и сразу же начал открывать сундук, в котором был я. И меня понесли к евнуху, и тогда мой разум исчез, и я облился от страха, и моя вода полилась из сундука; и девушка сказала евнуху: «О начальник, ты погубил и меня и себя и испортил вещи, стоящие десять тысяч динаров! В этом сундуке разноцветные

платья и четыре манна⁵⁹ воды Зезема⁶⁰, и сейчас вода потекла на одежды, которые в сундуке, и теперь в них полиняет краска». – «Бери твои сундуки и уходи, – сказал евнух, и слуги подняли мой сундук и поспешили уйти, а другие сундуки понесли вслед за моим. И когда они шли, до моих ушей вдруг донёсся голос, восклицавший: «Горе, горе! Халиф, халиф!» И, услышав это, я умер живьём и произнёс слова, говорящий которые не смутится: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Вот беда, которую я сам себе устроил!» И я услышал, как халиф спросил невольницу, мою подругу: «Горе тебе, что у тебя в этих сундуках?» И она отвечала: «У меня в сундуках платья Ситт-Зубейды». А халиф сказал: «Открой их мне!» И, услышав это, я умер окончательно и подумал: «Клянусь Аллахом, этот день – последний в моей земной жизни! Если я останусь цел, то женюсь на ней и никаких разговоров, а если моё дело раскроется, мне отрубят голову! О!» И я стал говорить: «Свидетельствую, нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха...»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать восьмая ночь

Когда же настала двадцать восьмая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша начал говорить: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха!»»

И я услышал, – продолжал юноша, – как девушка сказала: «В этих сундуках доверенные мне вещи и одежды для Ситт-Зубейды, и она хочет, чтобы никто их не видел». Но халиф воскликнул: «Я непременно их открою и посмотрю, что в них!» И потом он кликнул евнухов и сказал им: «Подайте мне сундук». И я убедился, что погиб, без всякого сомнения, и мир исчез для меня. И евнухи стали подносить один сундук за другим, и халиф видел в них благовония, и ткани, и роскошные платья; и сундуки все открывали, а халиф смотрел на бывшие там платья и прочее, пока не остался лишь тот сундук, где был я. И они уже протянули руки, чтобы открыть его, но девушка поспешно подошла к халифу и сказала: «Этот сундук, который перед тобой, мы откроем только при Ситт-Зубейде. Это тот, где находится её тайна!» И, услышав эти слова, халиф приказал вносить сундуки, и евнухи подошли и унесли меня в сундуке, где я был, и поставили меня посреди комнаты между сундуками (а у меня высохла слюна). И моя подруга выпустила меня и сказала: «Нет для тебя беды и страха; расправь свою грудь и успокой своё сердце и посиди, пока не придёт Ситт-Зубейда, – быть может, я достанусь тебе на долю».

И я посидел немного и вдруг вижу, приближаются десять невольниц – девы, подобные месяцу, и становятся в два ряда, за ними идут ещё двадцать невольниц – высокогрудые девы, и между ними Ситт-Зубейда, и она не может идти – столько на ней платьев и украшений. И когда она пришла, невольницы вокруг неё расступились, а я подошёл к ней и поцеловал перед нею землю. И она сделала мне знак сесть. И я сел перед нею, а она принялась меня расспрашивать и осведомилась о моем происхождении, и я ответил ей на её вопросы; и тогда она обрадовалась и воскликнула: «Наше воспитание не обмануло нас, девушка!»

«Знай, – сказала она мне потом, – что эта девушка у нас вместо дочери, и она – залог Аллаха, вверенный тебе». И я поцеловал перед нею землю, и Ситт-Зубейда согласилась на мой брак с девушкой. И она приказала мне пробыть у них десять дней, и я провёл у них это время, не видя девушки, и только одна из прислужниц приносила мне обед и ужин. А после этого срока Ситт-Зубейда посеветовалась с халифом относительно моей женитьбы на её невольнице, и халиф разрешил и приказал выдать ей десять тысяч динаров. И Ситт-Зубейда послала за свидетелями и судьёй, и скрепили мою брачную запись с девушкой, а после этого приготовили сладости и роскошные кушанья и разнесли их по всем помещениям. Так прошло ещё десять

⁵⁹ Манн – мера ёмкости, приблизительно равная одному литру.

⁶⁰ Зезем – колодец в Мекке, воду которого правоверные мусульмане считают целебной.

дней, а через двадцать дней девушка сходила в баню, и потом подали столик с кушаньями, в числе которых было блюдо засахаренного миндаля в уксусе, политого розовой водой с мускусом, и подрумяненные куриные грудки, и прочее, ошеломляющее ум. И, клянусь Аллахом, я, не откладывая, налёг на миндаль и наелся им досыта и вытер руки, но забыл их: вымыть, и я сидел до тех пор, пока не наступил мрак; и зажгли свечи, и пришли певички с бубнами, и невесту все время открывали и одаривали золотом, пока она не обошла весь дворец, а после этого её привели и облегчили от бывших на ней одежд, и я остался с нею наедине в постели и обнял её, и не верил, что обладаю ею. Но она почувствовала от моих рук запах миндального кушанья и, почуяв его, издала громкий крик, и невольницы со всех сторон прибежали к ней, а я испугался и не знал, что случилось. И невольницы спросили её: «Что с тобой, сестрица?» И она отвечала: «Уведите от меня этого сумасшедшего! А я-то думала, что он разумен!» – «В чем же проявилось моё безумие?» – спросил я. И она воскликнула: «Сумасшедший, зачем ты поел миндаля и не вымыл руки? Клянусь Аллахом, я отплачу тебе за твой поступок! Разве может такой, как ты, обладать подобною мне!» И она взяла лежавший рядом с нею витой бич и стала бить меня им по спине и по сиденью, пока я не потерял сознания от множества ударов; а она сказала невольницам: «Возьмите его и отведите к правителю города: пусть отрежут ему руку, которую он не вымыл, поев миндаля!» И, услышав эти слова, я воскликнул: «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха. Мою руку отрежут за то, что я ел миндаль и не вымыл её!» И невольницы подошли к ней и сказали: «О сестрица, не взъищи с него на этот раз за его поступок!» Но она воскликнула: «Клянусь Аллахом, я непременно отрежу что-нибудь у него на теле!» И она ушла и исчезла на десять дней, так что я её не видел, а через десять дней она пришла и сказала мне: «О черноликий, я научу тебя, как есть миндаль и не мыть рук!»

И она кликнула невольниц, и они связали мне руки, а девушка взяла острую бритву и отрезала мне большие пальцы, – как вы видите, господа, – и я потерял сознание. А затем она посыпала раны порошком, и кровь остановилась, и я стал говорить: «Не буду больше есть миндаля, пока не вымою рук сорок раз мылом, сорок раз содой и сорок раз щёлоком!» И она взяла с меня обещание, что я не стану есть миндаля раньше, чем не вымою руки так, как я сказал. И когда вы принесли этот миндаль, цвет моего лица изменился, и я про себя подумал: «Из-за этого миндаля мне отрезали большие пальцы». А раз вы меня заставили, я и сказал: «Мне непременно надо исполнить то, в чем я поклялся».

«А что было с тобою после этого?» – спросили присутствующие. И юноша ответил: «Когда я поклялся ей, её сердце успокоилось, и я проспал с нею. И мы прожили некоторое время, а потом она сказала мне: «Нехорошо, что мы живём во дворце халифа, куда никто не вступал, кроме тебя, да и ты вошёл сюда только стараниями Ситт-Зубейды». И она дала мне пятьдесят тысяч динаров и сказала: «Возьми эти деньги, пойди и купи нам просторный дом». И я вышел и купил просторный дом, красивый и вместительный, и она перенесла туда все бывшие у неё в доме ценности и скопленные ею богатства, ткани и редкости. Вот причина того, что мне отрезали большие пальцы».

И мы поели и ушли, а после этого с горбуном случилось то, что случилось, и вот мой рассказ, и больше ничего».

«Это не удивительнее, чем история горбуна; напротив, история горбуна удивительней этого, и всех вас необходимо повесить», – сказал царь. И тогда выступил вперёд еврей, поцеловал перед царём землю и молвил: «О царь времени, я расскажу тебе рассказ более удивительный, чем рассказ горбуна». – «Подавай, что у тебя есть», – сказал царь Китая. И еврей начал:

Рассказ врача-еврея (ночи 28–29)

Вот самое удивительное, что случилось со мною в юности. Я был в Дамаске сирийском и учился там; и вот однажды я сижу, и вдруг приходит ко мне невольник из дворца правителя Дамаска и говорит: «Поговори с моим господином!» И я вышел и пошёл с ним в жилище правителя, и, войдя, я увидел на возвышении под портиком можжевёловое ложе, украшенное золотыми полосками, и на нем лежал больной человек – юноша, невиданно прекрасный в его юности. И я сел у него в головах и помолился о его выздоровлении; и юноша сделал мне знак глазами, а я сказал ему: «О господин, дай мне твою руку, да сохранит тебя Аллах!» И он вынул свою левую руку, а я удивился этому и подумал: «О, диво Аллаха! Это красивый юноша из большого дома, и ему не хватает воспитанности! Вот это удивительно!» И я пощупал ему пульс и написал для него бумажку и заходил к нему в течение десяти дней; и он выздоровел, сходил в баню и помылся и вышел; и правитель наградил меня прекрасной наградой и назначил меня надзирателем у себя в больнице, что находится в Дамаске. И я пошёл в баню вместе с юношей и велел освободить всю баню, и слуги вошли с ним и сняли с него одежды; и когда юноша обнажился, я увидел, что его правая рука недавно отрублена, и в этом причина его болезни. И, увидав это, я стал удивляться и опечалился за него; а посмотрев на его тело, я увидел на нем следы ударов плетьюми, – и юноша из-за этого употреблял мази. И это взволновало меня, и волнение проявилось у меня на лице; и юноша взглянул на меня и понял, в чем дело, и сказал мне: «О лучший врач нашего времени, не удивляйся этому. Я расскажу тебе мою историю, когда мы выйдем из бани».

И когда мы вышли из бани и пришли домой и съели кушанья и отдохнули, юноша сказал: «Не хочешь ли ты развлечься на балконе?» И я отвечал: «Хорошо!» И тогда он велел рабам снести постели наверх и приказал им изжарить ягнёнка и принести нам плодов; и мы поели, и юноша ел левой рукой. «Расскажи мне твою историю», – сказал я ему.

«О врач нашего времени, – заговорил юноша, – послушай, что случилось со мной. Знай, что я из уроженцев Мосула, и отец моего отца умер и оставил десять сыновей, – и мой отец, о врач, был один из них, и был он старшим. И все они выросли и поженились, и моему отцу достался я, а девять его братьев не имели детей; и я рос и жил среди своих дядей, и они радовались мне великою радостью. И когда я вырос и достиг возраста мужей, я был однажды в соборной мечети Мосула (а был день пятницы, и мой отец находился с нами), и мы совершили пятничную молитву; и весь народ вышел, а мой отец и дяди остались сидеть и беседовали о диковинах разных стран и чудесах городов. И упомянули Каир, и мои дяди сказали: «Путешественники говорят, что нет на земле города прекраснее, чем Каир с его Нилом». И когда я услышал эти слова, мне захотелось в Каир. «Кто не видал Каира – не видал мира, – сказал мой отец. – Его земля – золото, и его Нил – диво; женщины его – гурии, и дома в нем – дворцы, а воздух там ровный, и благоухание его превосходит и смущает алоэ. Да и как не быть таким Каиру, когда Каир – это весь мир, и Аллаха достоин тот, кто сказал:

Покину ли я Каир и прелести благ его?
Какая ж земля потом желанною будет мне?
И страны оставляю ли, что кажутся полными
Таким благовонием, какого на кудрях нет?

И как же, когда красив он стал, точно райский сад,
Где всюду разбросаны циновки с подушками?
Вот город, красой своей чарующий ум и взор;
Найдёт то, что любит, там и скверный и набожный.

И преданных братьев там собрали достоинства,
А место собрания их походит на рощу пальм.
Каирны! Когда б Аллах судил разлучиться нам,
Да будут крепки тогда обеты взаимные.

Напомнить Каир ветрам вы бойтесь: для струн других
Похитят они садов Каира дыхание.

А если бы вы видели его сады по вечерам, когда склоняется над ними тень, – продолжал мой отец, – вы поистине увидали бы чудо и склонились бы к нему в восторге».

И они принялись описывать Каир и его Нил, – говорил юноша, – и когда они кончили и я услышал о таких достоинствах Каира, моё сердце осталось там. И окончив беседу, все поднялись и отправились в свои жилища, и я лёг спать в этот вечер, но сон не шёл ко мне из-за моего увлечения Каиром, и мне перестали быть приятны пища и питьё. И когда прошло немного дней, мои дяди собрались в Египет, а я плакал перед моим отцом, пока он не собрал мне товаров, и я поехал с дядями, и отец сказал им: «Не давайте ему вступить в Каир; пусть он продаёт свои товары в Дамаске!»

Потом я простился с отцом, и мы отправились и выехали из Мосула, и ехали до тех пор, пока не прибыли в Халеб, и, пробыв там несколько дней, мы выехали и достигли Дамаска и увидали, что это город с каналами, деревьями, плодами и птицами, подобный райскому саду, где есть всякие плоды. И мы остановились в одном из ханов, и мои дяди стали продавать и покупать и продали также и мои товары, и каждый дирхем принёс мне пять дирхемов, и я обрадовался прибыли. И мои дяди оставили меня и отправились в Египет, а я остался после них в Дамаске и жил в красиво построенном доме, описать который бессилён язык, и плата за него была два динара в месяц. И я проводил время за едой и питьём, пока не истратил бывшие со мной деньги. И вот в какой-то из дней я сижу у ворот дома, и вдруг подходит молодая женщина, одетая в роскошнейшее платье, прекраснее которой не видел мой глаз. И я подмигнул ей, и она немедленно оказалась за воротами; и когда она вошла, я вошёл с нею и закрыл за ней и за собой дверь, и она откинула с лица покрывало и сняла изар, и я нашёл редкостной её красоту, и любовь к ней овладела моим сердцем. И я встал и принёс столик с лучшими кушаньями и плодами и всем, что было нужно для трапезы; и когда я принёс это, мы поели и поиграли, а после игр выпили и опьянели, и потом я проспал с нею приятнейшую ночь до утра. И дал я ей десять динаров, но её лицо омрачилось, и она сдвинула брови и рассердилась и воскликнула: «Тьфу вам, мосульцы! Ты как будто думаешь, что я хочу твоих денег!» И она вынула из-за рубахи пятнадцать динаров и поклялась мне и воскликнула: «Клянусь Аллахом, если ты не возьмёшь их, я к тебе не вернусь!» И я принял от неё деньги, а она сказала: «О любимый, ожидай меня через три дня: между заходом солнца и вечерней молитвой я буду у тебя; приготовь же на эти динары такое же угощение». И она простилась со мною, и мой ум исчез вместе с нею, а когда три дня прошли, она явилась, одетая в парчу, драгоценности и одежды, более великолепные, чем в первый раз. А я приготовил для нас трапезу раньше, чем она пришла, и мы поели и выпили и проспали, как обычно, до утра, и она дала мне пятнадцать динаров и сговорилась со мною, что через три дня придёт ко мне.

И я приготовил ей трапезу, и спустя несколько дней она явилась в платье ещё более великолепном, чем первое и второе, и спросила: «О господин мой, не красива ли я?» – «Да, клянусь Аллахом!» – ответил я. И она сказала: «Не позволишь ли ты мне привести с собою девушку лучше меня и моложе, чем я, годами, чтобы она поиграла с нами и посмеялась и развеселилось бы её сердце. Она давно уже скучает и просилась выйти со мною и провести со мной ночь». И, услышав её слова, я сказал: «Да, клянусь Аллахом!» И потом мы напились и проспали до

утра, и она вынула пятнадцать динаров и сказала: «Прибавь к нашей трапезе что-нибудь для девушки, которая придёт со мной», – и затем она ушла. А когда наступил четвёртый день, я собрал для неё, как обычно, трапезу, и после заката она вдруг явилась, и с нею какая-то женщина, завёрнутая в изар. Они вошли и сели, и, увидев это, я произнёс:

«Как чудно и дивно наше время, –
Хулитель отсутствует, небрежный,
Любовь, и восторг, и опьянение:
От части того исчезнет разум.

Блестит луна за покрывалом,
И ветвь изгибается в одеждах,
И розы ланит её цветущи,
Нарцисс же очень её истомен.

Безоблачна жизнь, как и люблю я.
И дружба с любимым совершенна!»

И я обрадовался и зажёл свечи и встретил их, радостным и счастливым; а они скинули бывшие на них одежды, и новая девушка открыла своё лицо, и я увидел, что она подобна полной луне, и прекраснее её я не видывал. И, поднявшись, я подал им еду и питьё, и мы поели и выпили, и я принялся кормить новую девушку и наполнять её кубок и пить с нею; и первая девушка втайне приревновала и воскликнула: «Клянусь Аллахом, не прекрасней ли эта девушка, чем я?» – «Да, клянусь Аллахом!» отвечал я. И она сказала: «Мне хочется, чтобы ты проспал с нею». – «Твой приказ у меня на голове и на глазах!» – отвечал я; и она встала и постлала нам, и я пошёл к девушке и проспал до утра. И я пошевелился и почувствовал, что я весь мокрый, и подумал, что вспотел, и стал будить девушку и потряс её за плечи, – и голова её скатилась с подушки. И ум мой улетел, и я воскликнул: «О благой покровитель, покрой меня!» И, увидев, что она зарезана, я сел (а мир сделался чёрен в моих глазах) и стал искать свою прежнюю подругу, но не нашёл её и понял, что это она зарезала девушку из ревности ко мне.

«Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! Как мне поступить?» – воскликнул я; и, подумав немного, я встал, снял с себя одежду и, выкопав посреди комнаты яму, взял девушку вместе с её драгоценностями и положил в яму и снова прикрыл её землёй и мраморными плитами. Потом я вымылся, надел чистую одежду и, взяв остаток своих денег, вышел из дома и запер его, и пошёл к владельцу дома и, укрепив свою душу, отдал ему тысячу за год и сказал: «Я уезжаю к моим дядям в Каир».

И я поехал в Каир и встретился с моими дядями, и они обрадовались мне, и оказалось, что они уже продали все свои товары. «Почему ты приехал?» – спросили они. И я ответил: «Я соскучился по вас», – и не сказал им, что со мной есть немного денег. И я пробыл с ними год, любясь на Каир и его Нил, и, наложив руку на оставшиеся у меня деньги, стал тратить их и пить и есть, пока не приблизилось время отъезда моих дядей. И тогда я убежал и спрятался от них, и они искали меня, но не услышали обо мне вестей и сказали: «Он, должно быть, вернулся в Дамаск», – и уехали. А я вышел и жил в Каире три года, пока у меня ничего не осталось из моих денег. А я каждый год посылал хозяину дома плату за него, и через три года моя грудь стеснилась (а у меня оставалась только годовая плата за дом), и тогда я поехал и прибыл в Дамаск и остановился в этом доме.

И хозяин его обрадовался мне; и я нашёл все комнаты запертыми, как и было, и открыл их и вынес вещи, находившиеся там, и нашёл под постелью, на которой я спал в ту ночь с зарезанной девушкой, золотое ожерелье, украшенное драгоценными камнями. Я взял его и вытер

с него кровь убитой девушки и посмотрел на него и немного поплакал, а после этого я прожил два дня и на третий день пошёл в баню и переменял одежду. И у меня совсем не было денег. И однажды я пошёл на рынок, и дьявол нашептал мне – в осуществление предопределённого, – и, взяв ожерелье, я отправился на рынок и отдал его посреднику. И он поднялся, и посадил меня рядом с хозяином моего дома и, обождав, пока рынок оживился, взял ожерелье и стал предлагать его украдкой, без моего ведома.

И вдруг оказалось, что ожерелье ценное принесло две тысячи динаров. И тогда посредник пришёл и сказал: «Это ожерелье – медная подделка, изделие франков, и цена за него дошла до тысячи дирхемов». А я отвечал ему: «Да, мы выковали его для одной женщины, чтобы посмеяться над нею. Моя жена получила его в наследство, и мы хотим его продать. Пойди получи тысячу дирхемов...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двадцать девятая ночь

Когда же настала двадцать девятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша сказал посреднику: «Получи тысячу дирхемов».

И посредник, услышав это, понял, что дело с ожерельем сомнительное, и пошёл к старосте рынка и отдал его ему, а староста отправился к вали и сказал: «Это ожерелье у меня украли, и мы нашли вора, который одет в одежду детей купцов».

И не успел я очнуться, как меня окружили стражники и забрали и отвели к вали; и вали спросил меня об этом ожерелье, и я сказал ему то же, что сказал посреднику, и вали засмеялся и воскликнул: «Во всем этом ни слова правды!»

И не успел я опомниться, как меня уже обнажили и стали бить плетью по бокам, и удары жгли меня, и я сказал: «Я украл его!», думая про себя: «Лучше тебе сказать, что украл его. Я не скажу, что обладательницу ожерелья у меня убили, – меня убьют за неё».

И записали, что я украл ожерелье, и мне отрубили руку и прижгли обрубок в масле, и я лишился чувств; но мне дали выпить вина, и я очнулся и, взяв свою руку, пошёл домой. И хозяин сказал мне: «Раз с тобой случилось подобное дело, уйди из моего дома и присмотри для себя другое место, так как ты обвинён в воровстве». А я отвечал ему: «О господин мой, потерпи дня два или три, пока я присмотрю себе помещение». – «Хорошо», – сказал он и ушёл и оставил меня, а я остался сидеть и плакал и говорил: «Как я вернусь к родным с отрубленной рукой? Они не знают, что я невиновен! Может быть, Аллах совершит что-нибудь благое», – и я горько заплакал.

И когда хозяин дома ушёл от меня, мною овладело великое горе, и я прохворал два дня, а на третий день, не успел я очнуться, как явился хозяин дома и с ним несколько стражников и староста рынка, и он утверждал, что я украл ожерелье. И я вышел к ним и спросил их: «Что случилось?» А они, не дав мне сроку, связали меня и накиннули мне на шею цепь и сказали: «Ожерелье, которое было у тебя, отнесли правителю Дамаска, везирию и судье, и они сказали, что это ожерелье пропало у правителя три года назад вместе с его дочерью».

И, когда я услышал от них эти слова, у меня упало сердце, и я воскликнул: «Погибла твоя душа, нет сомнения! Клянусь Аллахом, я непременно расскажу правителю мою историю, и если захочет, он меня убьёт, а если захочет – простит меня».

И когда мы пришли к правителю, он велел мне встать перед собою и, увидев меня, посмотрел на меня краем глаза и сказал присутствующим: «Почему вы отрубили ему руку? Это несчастный человек, и нет за ним вины; вы обидели его, отрубив ему руку». И, когда я услышал эти слова, моё сердце окрепло и душа моя успокоилась, и я воскликнул: «Клянусь Аллахом, о господин мой, я совсем не вор! Меня обвинили этим великим обвинением и побили плетью посреди рынка и принуждали меня сознаться, – и я солгал на себя и признался в краже, хотя и

не виновен в ней». И правитель сказал: «Нет за тобой вины!», а затем он заключил под стражу старосту рынка и сказал ему: «Отдай этому цену его руки, иначе я тебя повешу и возьму все твои деньги!» И он кликнул стражников, и они взяли старосту и уволокли его, а я остался с правителем. Потом сняли с моей шеи цепь с разрешения правителя и развязали мне руки, и правитель посмотрел на меня и сказал: «О дитя моё, будь правдив со мной и Расскажи мне, как к тебе попало это ожерелье? – И он произнёс:

Правдивым будь, хотя б потом истина
Огнём угрозы вечных мук жгла тебя».

«О господин мой, я скажу тебе правду», – ответил я и рассказал ему, что случилось у меня с первой девушкой и как она привела ко мне вторую и зарезала её из ревности, и изложил эту историю целиком. И, услышав это, правитель покачал головой и ударил правой рукой о левую и, положив на лицо платок, поплакал немного и произнёс:

«Я вижу, недуги мира множатся надо мной,
И тот, кто подвержен им, до смерти недужен.
За каждую встречу двух влюблённых – разлуки час,
А все, что предшествует разлуке, – немного».

И после этого он подошёл ко мне и сказал: «Знай, о дитя моё, что старшая девушка – моя дочь, и я охранял её с великой заботой, – а когда она стала взрослой, я послал её в Каир, и она вышла замуж за сына своего дяди; но он умер, и она приехала ко мне. И она научилась мерзостям у жителей Каира и приходила к тебе четыре раза, и потом она привела к тебе свою меньшую сестру, – а обе они родились от одной матери и любили друг друга. И когда со старшей случилось то, что случилось, она открыла свою тайну сестре, и та попросилась пойти с нею. А затем старшая вернулась одна, и я спросил про меньшую и увидел, что старшая плачет о ней; и она тайно сказала своей матери (а я был тут же), что случилось и как она зарезала свою сестру. И она все плакала и говорила: «Клянусь Аллахом, я не перестану плакать о ней, пока не умру!» И так и было. Посмотри же, дитя моё, что произошло! Я хочу, чтобы ты не перечил мне в том, что я тебе скажу: «Я женю тебя на моей меньшей дочке, она не родная сестра тем двум, и она невинна; и я не потребую от тебя приданого и назначу вам от себя содержание, и ты будешь у меня на положении сына».

«Хорошо, – сказал я, – могли ли мы думать!» И правитель тотчас же послал за судьёй и свидетелями и написал мою брачную запись, и я вошёл к его дочери, а он взял для меня у старосты рынка много денег, и я оказался у него на высочайшем месте. В этом году умер мой отец, и правитель послал от себя гонца, и тот привёз мне деньги, которые отец оставил, – и теперь я живу приятнейшей жизнью. Вот причина отсечения правой руки».

И я удивился этому и провёл у юноши три дня, и он дал мне много денег, и я уехал от него и прибыл в этот город, и жизнь моя здесь была хороша, и у меня с горбуном случилось то, что случилось».

«Это не более удивительно, чем история горбуна, – сказал царь Китая, и мне непременно следует вас всех повесить, но остался ещё портной, начало всех грехов. Эй, портной, – сказал он, – если ты мне расскажешь что-нибудь более удивительное, чем эта история, я подарю вам ваши проступки».

И тогда портной выступил вперёд и сказал:

Рассказ портного (ночи 29–31)

Знай, о царь нашего времени, – вот самое удивительное, что со мной вчера случилось и произошло. Прежде чем встретить горбатого, я был в начале дня на пиру у одного из моих друзей, у которого собралось около двадцати человек из жителей этого города, и среди нас были ремесленники: портные, плотники, ткачи и другие. И когда взошло солнце, нам подали кушанье, чтоб мы поели; и вдруг хозяин дома вошёл к нам, и с ним юноша-чужеземец, красавец из жителей Багдада, одетый в какие ни на есть хорошие одежды и прекрасный, но только он был хромым. И он вошёл к нам и приветствовал нас, а мы поднялись перед ним, и он подошёл, чтобы сесть, но увидел среди нас одного человека, цирюльника, и отказался сесть и хотел уйти от нас. Но мы схватили этого юношу, и хозяин дома вцепился в него, и стал заклинать его, и спросил: «Почему ты вошёл и уходишь?» И юноша отвечал: «Ради Аллаха, господин мой, не противься мне ни в чем! Причина моего входа в этом злосчастном цирюльнике, что сидит здесь». И, услышав эти слова, хозяин дома пришёл в крайнее удивление и сказал: «Как! этот юноша из Багдада, и его сердце расстроилось из-за этого цирюльника!» А мы посмотрели на юношу и сказали ему: «Расскажи нам, в чем причина твоего гнева на этого цирюльника?»

«О собрание, – сказал тогда юноша, – у меня с этим цирюльником в моем городе Багдаде произошло такое дело: это из-за него я сломал себе ногу и охромел, и я дал клятву, что больше никогда не буду находиться с ним в одном и том же месте или жить в городе, где он обитает, – и уехал из Багдада, и покинул его, и поселился в этом городе; и сегодняшнюю ночь я проведу не иначе как в путешествии».

«Заклинаем тебя Аллахом, – сказали мы ему, – расскажи нам твою историю!»

И юноша начал (а лицо цирюльника пожелтело): «О люди, знайте, что отец мой был одним из больших купцов Багдада, и Аллах великий не послал ему детей, кроме меня. И когда я вырос и достиг возраста мужей, мой отец преставился к милости великого Аллаха и оставил мне деньги, и слуг, и челядь, и я стал хорошо одеваться и хорошо есть. Но Аллах внушил мне ненависть к женщинам. И в какой-то из дней я шёл по переулкам Багдада, и мне встретилась на дороге толпа женщин, и я убежал и спрятался в тупике и присел в конце его на скамейку. И не просидел я минуты, как вдруг около дома, стоявшего там, где я был, открылось, и в нем показалась девушка, подобная луне в полнолуние, равной которой по красоте я не видел, и она поливала цветы, бывшие на окне. И девушка повернулась направо и налево и закрыла окно и ушла, и ненависть превратилась в любовь, и я просидел все время до заката солнца, исчезнув из мира. И вдруг едет кади нашего города, и впереди него рабы, а сзади слуги; и он сошёл и вошёл в дом, откуда показалась девушка, – и я понял, что это её отец. Потом я отправился в своё жилище огорчённый и упал, озабоченный, на постель; и ко мне вошли мои невольницы и сели вокруг меня, не зная, что со мной, а я не обратил к ним речи, и они заплакали и опечалились обо мне.

И ко мне вошла одна старуха и увидела меня, и от неё не укрылось моё состояние. Она села у моего изголовья и ласково заговорила со мной и сказала: «О дитя моё, скажи мне, что с тобой случилось, и я сделаю все для того, чтобы свести тебя с возлюбленной». И когда я рассказал ей свою историю, она сказала: «О дитя моё, это дочь кади Багдада, и она сидит взаперти; то место, где ты её видел, – её комната, а у её отца большое помещение внизу; и она сидит одна. Я часто к ним захожу, и ты познаешь единение с нею только через меня, – подтянись же!»

И, услышав её речь, я открыл свою душу. И мои родные обрадовались в этот день, и наутро я был здоров. И старуха отправилась и вернулась с изменившимся лицом к сказала: «О дитя моё, не спрашивай, что мне было от неё! Когда я сказала ей об этом, она ответила мне: «Если ты, злосчастная старуха, не бросишь таких речей, я, поистине, сделаю с тобою то, что

ты заслуживаешь!» Но я непременно вернусь к ней в другой раз». И когда я услышал это, моя болезнь ещё усилилась.

А через несколько дней старуха пришла и сказала: «О дитя моё, я хочу от тебя подарка!» И когда я услышал от неё это, душа вернулась ко мне, и я воскликнул: «Тебе будет всякое благо!» А она сказала: «Вчера я пришла к девушке, и, увидев, что у меня разбито сердце и глаза мои плачут, она сказала мне: «Тётушка, что это у тебя, я вижу, стеснена грудь?» И когда она сказала мне это, я заплакала и ответила: «О госпожа, я пришла к тебе от юноши, который тебя любит, и он из-за тебя близок к смерти». И она спросила (а сердце её смягчилось): «Откуда этот юноша, о котором ты упомянула?» И я ответила: «Это мой сын, плод моего сердца; он увидел тебя в окне несколько дней назад, когда ты поливала цветы, и, взглянув в твоё лицо, обезумел от любви к тебе; и когда я сказала ему в первый раз, что случилось у меня с тобою, его болезнь усилилась, и он не покидает подушек. Он не иначе как умрёт, несомненно». И она воскликнула (а лицо её пожелтело): «И все это из-за меня?» И я отвечала: «Да, клянусь Аллахом! Чего же ты хочешь?» – «Пойди передай ему от меня привет и скажи, что со мной происходит во много раз больше того, что с ним, – сказала она. – Как будет пятница, пусть он придёт к дому перед молитвой, и когда он придёт, я спущусь, открою ему ворота и проведу его к себе, и мы немного побудем вместе с ним; и он вернётся раньше, чем мой отец приедет с молитвы».

И когда я услышал слова старухи, мучения, которые я испытывал, прекратились и моё сердце успокоилось. Я дал ей одежды, которые были на мне, и она ушла, сказавши: «Успокой своё сердце»; а я молвил: «Во мне не осталось никакого страдания». И мои родные и друзья обрадовались моему выздоровлению.

И так продолжалось до пятницы. И вот старуха вошла ко мне и спросила о моем состоянии, и я сообщил ей, что нахожусь в добром здравье, а затем я надел свои одежды и умылся и стал ожидать, когда люди пойдут на молитву, чтобы отправиться к девушке. И старуха сказала мне: «Время у тебя ещё есть, и если бы ты пошёл в баню и снял свои волосы, в особенности после сильной болезни, это было бы хорошо». И я ответил ей: «Это правильно, но я обрею голову, а после схожу в баню».

И потом я послал за цирюльником, чтобы обрить себе голову, и сказал слуге: «Пойди на рынок и приведи мне цирюльника, который был бы разумен и не болтлив, чтобы у меня не треснула голова от его разговоров»; и слуга пошёл и привёл этого зловредного старца. И, войдя, он приветствовал меня, и я ответил на его приветствие, И он сказал мне: «Я вижу, ты отощал телом»; а я отвечал: «Я был болен». И тогда он воскликнул: «Да удалит от тебя Аллах заботу, горе, беду и печали!»

«Да примет Аллах твою молитву!» – сказал я; и цирюльник воскликнул: «Радуйся, господин мой, здоровье пришло к тебе! Ты хочешь укоротить волосы или пустить кровь? Дошло со слов ибн Аббаса – да будет доволен им Аллах! – что пророк говорил: «Кто подрежет волосок в пятницу, от того будет отвращено семьдесят болезней»; и с его же слов передают, что он говорил: «Кто в пятницу поставят себе пиявки, тот в безопасности от потери зрения и множества болезней».

«Оставь эти разговоры, встань сейчас же, обрею мне голову, я человек слабый!» – сказал я; и цирюльник встал и, протянув руку, вынул платок и развернул его, – у вдруг в нем оказалась астролябия с семью дисками, выложенными серебром. И цирюльник взял её и, выйдя на середину дома, поднял голову к лучам солнца и некоторое время смотрел, а потом сказал: «Знай, что от начала сегодняшнего дня, то есть дня пятницы – пятницы десятого сафара, года шестьсот шестьдесят третьего от переселения пророка (наилучшие молитвы и привет над ним!) и семь тысяч триста двадцатого от времени Александра, – прошло восемь градусов и шесть минут, а в восхождении в сегодняшний день, согласно правилам науки счисления, Марс, и случилось так, что ему противостоит Меркурий, а это указывает на то, что брить сейчас волосы

хорошо, и служит мне указанием, что ты желаешь встретиться с одним человеком, и это будет благоприятно, но после случатся разговоры и вещи, о которых я тебе не скажу».

«Клянусь Аллахом, – воскликнул я, – ты надоед мне и сделал мне нехорошее предсказание, а я призвал тебя лишь затем, чтобы побрить мне голову! Пошевеливайся же, выбрей мне голову и не затягивай со мной разговоров!» – «Клянусь Аллахом, – отвечал цирюльник, – если бы ты знал, что с тобой случится, ты бы ничего сегодня не делал. Советую тебе поступать так, как я тебе скажу, ибо я говорю на основании расчёта по звёздам».

И я сказал: «Клянусь Аллахом, я не видел цирюльника, умелого в науке о звёздах, кроме тебя, но я знаю и ведаю, что ты говоришь много пустяков. Я позвал тебя лишь для того, чтобы привести в порядок мою голову, а ты пришёл ко мне с этими скверными речами». – «Хочешь ли ты, чтобы я прибавил тебе ещё? – спросил цирюльник. – Аллах послал тебе цирюльника-звездочёта, сведущего в белой магии, в грамматике, синтаксисе, риторике, красноречии, логике, астрономии, геометрии, правоведении, преданиях и толкованиях Корана, и я читал книги и вытвердил их, принимался за дела и постигал их, выучил науки и познал их, изучил ремесла и усвоил их и занимался всеми вещами и брался за них. Твой отец любил меня за мою малую болтливость, и поэтому служить тебе моя обязанность; но я не болтлив, и не такой, как ты говоришь, и зовусь поэтому молчаливым, степенным. Тебе бы следовало восхвалить Аллаха и не прекословить мне, – я тебе искренний советчик, благосклонный к тебе, и я хотел бы быть у тебя в услужении целый год и чтобы ты воздал мне должное, и я не желаю от тебя платы за это».

И, услышав это от него, я воскликнул: «Ты убьёшь меня сегодня, несомненно...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до тридцати

Когда же настала ночь, дополняющая до тридцати, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что юноша сказал цирюльнику: «Ты убьёшь меня в сегодняшний день!» И цирюльник ответил: «О господин мой, я тот, кого люди называют Молчальником за малую болтливость в отличие от моих шести братьев, ибо моего старшего брата зовут аль-Бакбук, второго – аль-Хаддар, третьего – Факик, имя четвёртого – аль-Куз-аль-Асвани, пятого – аль-Фашшар, и шестого – Шакашик, а седьмого зовут ас-Самит⁶¹, – и это я».

И когда цирюльник продлил свои речи, – говорил юноша, – я почувствовал, что у меня лопаётся жёлчный пузырь, и сказал слуге: «Дай ему четверть динара, и пусть он уйдёт от меня, ради лика Аллаха! Не нужно мне брить голову!» Но цирюльник, услышав, что я сказал слуге, воскликнул: «Что это за слова, о господин! Клянусь Аллахом, я не возьму от тебя платы, пока не услужу тебе, и служить тебе я непременно должен! Я обязан тебе прислуживать и исполнять то, что тебе нужно, и я не подумаю взять с тебя деньги. Если ты не знаешь мне цены, то я знаю тебе цену, и твой отец, да помилует его Аллах великий, оказал нам милости, ибо он был великодушен. Клянусь Аллахом, твой отец послал за мной однажды, в день, подобный этому благословенному дню, и я вошёл к нему (а у него было собрание друзей), и он сказал мне:

«Отвори мне кровь!» И я взял астрорябию и определил ему высоту и нашёл, что положение звёзд для него неблагоприятно и что пустить кровь при этом тяжело, и осведомил его об этом; и он последовал моим словам и подождал, а я произнёс во хвалу ему:

Пришёл к господину я, чтоб кровь отворить ему.

Но вижу, пора не та, чтоб телу здоровым быть.

⁶¹ В переводе имена братьев цирюльника значат: аль-Бакбук – болтун, аль-Хаддар – крикун, Факик – говорун, аль-Куз-аль-Асвани – ассуанский кувшин (то есть рот его постоянно открыт, как горлышко кувшина), аль-Фашшар – брехун, Шакашик – пустомеля; имя же самого цирюльника, ас-Самит, означает: молчальник.

И сел я беседовать о всяких диковинах,
И знания свои перед ним я мудро развёртывал.

По сердцу ему пришлось внимать мне, и молвил он:
«Ты знания прошёл предел, о россыпь премудрости!»
И я отвечал: «Когда б не ты, о владыка всех,
Излил на меня познания, не был бы мудрым я.

Владеешь ты щедростью, и даром, и милостью,
О кладезь познания, рассудка и кротости!»

И твой отец пришёл в восторг и кликнул слугу и сказал ему: «Дай ему сто три динара и одежду!» – и отдал мне все это; а когда пришёл похвальный час, я отворил ему кровь. И он не прекословил мне и поблагодарил меня, и собравшиеся, которые присутствовали, поблагодарили меня. И после кровопускания я не мог молчать и спросил его: «Ради Аллаха, господин мой, чем вызваны твои слова: «Дай ему сто три динара»?» И он ответил: «Динар за звездочетство, динар за беседу и динар за кровопускание, а сто динаров и одежду – за твою похвалу мне».

«Да помилует Аллах моего отца, который знал подобного тебе!» – воскликнул я; и этот цирюльник рассмеялся и сказал: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммед – посол Аллаха! Слава тому, кто изменяет, но сам не изменяется! Я считал тебя разумным, но ты заговариваешься от болезни. Сказал Аллах в своей великой книге: «Подавляющие гнев и прощающие людям», – и ты во всяком случае прощён. Я не ведаю причины твоей поспешности, и ты знаешь, что твой отец и дед ничего не делали без моего совета. Ведь сказано: советчик достоин доверия, и не обманывается тот, кто советуется; а одна поговорка говорит: у кого нет старшего, тот сам не старший. Поэт сказал:

Когда соберёшься, что нужно, свершить,
Советуйся с мудрым и слушай его.

Ты не найдёшь никого, более сведущего в делах, чем я, и я стою на ногах, прислуживая тебе, и ты мне не наскучил, – так как же это я наскучил тебе? Но я буду терпелив с тобою ради тех милостей, которые оказал мне твой отец».

«Клянусь Аллахом, о ослиный хвост, ты затянул свои разговоры и продолжил надо мной свою речь! Я хочу, чтобы ты обрил мне голову и ушёл от меня!» – воскликнул я. И тогда цирюльник смочил мне голову и сказал: «Я понимаю, что тебя охватила из-за меня скука, но я не виню тебя, так как твой ум слаб и ты ребёнок, и ещё вчера я сажал тебя на плечо и носил в школу». – «О брат мой, заклинаю тебя Аллахом, потерпи и помолчи, пока моё дело будет сделано, и иди своей дорогой!» – воскликнул я и разорвал на себе одежды. И, увидев, что я это сделал, цирюльник взял бритву и начал её точить, и точил её, пока мой ум едва не покинул меня, а потом он подошёл и обрил часть моей головы, после чего поднял руку и сказал: «О господин, поспешность – от дьявола, а медлительность – от милосердия! – И он произнёс:

Помедли и не спеши к тому, чего хочешь ты,
И к людям будь милостив, чтоб милость к себе найти,
Над всякою десницею десница всевышнего,
И всякий злодей всегда злодеем испытан был».

«О господин мой, – сказал он потом, – я не думаю, чтобы ты знал моё высокое положение: моя рука упадёт на головы царей, эмиров, везирей, мудрецов и достойных, ибо мне сказал поэт:

Ремесла – что нити камней дорогих,
А этот цирюльник – что жемчуг средь них»
Вознёсся над мудрыми он высоко
И держит под дланями главы царей».

И я воскликнул: «Оставь то, что тебя не касается, ты стеснил мою грудь и беспокоил моё сердце!» А цирюльник спросил: «Мне кажется, ты торопишься?» – «Да, да, да!» – крикнул я; и тогда он сказал: «Дай себе время: поспешность – от сатаны, и она порождает раскаяние и разочарование. Сказал кто-то – приветствие и молитва над ним! – лучшее из дел то, в котором проявлена медлительность! А мне, клянусь Аллахом, твоё дело внушает сомнение. Я желал бы, чтобы ты мне сообщил, на что ты вознамерился: я боюсь, что случится нечто другое. Ведь до времени молитвы осталось три часа. Я не хочу быть в сомнении насчёт этого, – добавил он, – но желаю знать время наверное, ибо, когда мечут слова в неведомое, – это позор, в особенности для подобного мне, так как среди людей объявилась и распространилась слава о моих достоинствах, и мне не должно говорить наугад, как говорят обычно звездочёты».

И он бросил бритву и, взяв астробию, пошёл под солнце и долгое время стоял, а потом возвратился и сказал мне: «До времени молитвы осталось три часа – ни больше, ни меньше».

«Ради Аллаха, замолчи, – воскликнул я, – ты пронзил мою печень!» И цирюльник взял бритву и стал точить её, как и в первый раз, и обрил мне часть головы и сказал: «Я озабочен твоей поспешностью, и если бы ты сообщил мне о её причине, это было бы лучше для тебя: ты ведь знаешь, что твой отец и дед ничего не делали, не посоветовавшись со мною». И я понял, что мне от него нет спасения, и сказал себе: «Пришло время молитвы, а я хочу пойти к девушке раньше, чем народ выйдет с молитвы. Если задержусь на минуту – не знаю, каким путём войти к ней!»

«Сократись и оставь эти разговоры и болтовню, – сказал я, – я хочу пойти на пир к одному из моих друзей». И цирюльник, услышав упоминание о пире, воскликнул: «Этот день – день благословенный для меня! Вчера я пригласил несколько моих приятелей и забыл позаботиться и приготовить им что-нибудь поесть, а сейчас я подумал об этом. О, позор мне перед ними!»

«Не заботься об этом деле, раз ты узнал, что я сегодня на пиру, – сказал я. – Все, что есть в моем доме из кушаний и напитков, будет тебе, если ты закончишь моё дело и поспешишь обрить мне голову».

«Да воздаст тебе Аллах благом! Опиши мне, что у тебя есть для моих гостей, чтобы я знал это», – сказал цирюльник; и я ответил: «У меня пять родов кушанья, десять подрумяненных кур и жареный ягнёнок». – «Принеси это, чтобы мне посмотреть!» – воскликнул цирюльник; и я велел принести все это. И, увидев кушанья, он сказал мне: «Остаются напитки!» – «У меня есть», – отвечал я; и цирюльник воскликнул: «Принеси их!» И я принёс их, и он сказал: «Ты достоин Аллаха! Как благородна твоя душа! Но остаются ещё курения и благовония». И я дал ему свёрток, где был алоэ и мускус, стоящие пятьдесят динаров.

А времени стало мало, и моя грудь стеснилась, и я сказал ему: «Возьми это и обрей мне всю голову, и заклинаю тебя жизнью Мухаммеда, – да благословит его Аллах и да приветствует!» Но цирюльник воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму этого, пока не увижу всего, что там есть!» И я приказал слуге развернуть свёрток, и цирюльник выронил из рук астробию и, сел на землю, стал рассматривать благовония, куренья и алоэ, бывшие в свёртке, пока у меня не стеснилась грудь. А потом он подошёл, взял бритву и, обрив небольшую часть моей головы, произнёс:

«Ребёнок растёт таким, каким был его отец;
От корня, поистине, вздымается дерево.

Клянусь Аллахом, о дитя моё, – сказал он, – не знаю, благодарить ли тебя, или благодарить твоего отца, так как весь мой сегодняшний пир – это часть твоей милости и благодеяния. Но у меня нет никого, кто бы этого заслуживал, – у меня почтённые господа вроде Зваута – баневладельца, Салия – зерноторговца, Салита – торговца бобами, Суайда – верблюжатника, Сувейда – носильщика, Абу-Мукариша – банщика, Касима – сторожа и Карима конюха, Пкриши – зеленщика, Хумейда – мусорщика; и среди них нет человека надоедливой, буйной, болтливой или тягостной, и у каждого из них есть пляска, которую он пляшет, и стихи, которые он говорит. Но лучше в них то, что они, как твой слуга и невольник, не знают многоречивости и болтливости. Владелец бани – тот поёт под бубён нечто волшебное и пляшет и распевает: «Я пойду, о матушка, наполню мой кувшин!» Зерноторговец показывает умение ещё лучшее: и пляшет и поёт: «О плакальщица, владычица моя, ты ничего не упустила!» – и у всех отнимает душу, – так над ним смеются. А мусорщик так поёт, что останавливает птиц: «Новость у моей жены – точно в большом сундуке», и он красавец и весельчак, и о его красоте я сказал:

«За мусорщика я жизнь отдам из любви к нему.
Сколь нежен чертами он и гибок, как ветка!
Однажды его судьба послала, и молвил я
(А страсть то росла во мне, то снова спадала):

«Разжёл в моем сердце ты огонь!» И ответил он:
«Не диво, что мусорщик вдруг стал кочегаром».

И каждый из них в совершенстве развлекает ум весёлым и смешным. Но рассказ – не то, что лицемерие, – добавил он, – и если ты предпочтёшь явиться к нам, это будет любезнее и нам и тебе. Откажись от того, чтобы идти к твоим друзьям, к которым ты собрался; на тебе ещё видны болезни, и, может быть, ты пойдёшь к людям болтливым, которые говорят о том, что их не касается, или среди них окажется болтун, и у тебя заболит горло».

«Это будет когда-нибудь в другой день, – ответил я и засмеялся от гневного сердца. – Сделай моё дело, и я пойду, хранимый Аллахом всевышним, а ты отправляйся к своим друзьям: они ожидают твоего прихода».

«О господин, – сказал цирюльник, – я хочу только свести тебя с этими прекрасными людьми, сынами родовитых, в числе которых нет болтунов и многоречивых. С тех пор как я вырос, я совершенно не могу дружить с кем, кто спрашивает о том, что его не касается, и веду дружбу лишь с теми, кто, как я, немногословен. Если бы ты сдружился с ними и хоть один раз увидал их, ты бы оставил всех своих друзей». – «Да завершит Аллах благодаря им твою радость! Я непременно приду к ним в какой-нибудь день», – сказал я. И цирюльник воскликнул: «Я хотел бы, чтобы это было в сегодняшний день! Если ты решил отправиться со мною к моим друзьям, дай мне снести к ним то, что ты мне пожаловал, а если ты непременно должен идти сегодня к твоим приятелям, я отнесу эти щедроты, которыми ты меня почтил, и оставлю их у моих друзей, – пусть едят и пьют и не ждут меня, – а затем я вернусь к тебе и пойду с тобою к твоим друзьям. Между мной и моими приятелями нет стеснения, которое помешало бы мне их оставить; я быстро вернусь к тебе и пойду с тобою, куда бы ты ни отправился». – «Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – воскликнул я. – Иди к твоим друзьям и веселись с ними и дай мне пойти к моим приятелям и побыть у них сегодня: они меня ждут». – «Я не дам тебе пойти одному», – отвечал цирюльник. И я сказал: «Туда, куда я иду, никто не может пойти, кроме меня». Но цирюльник воскликнул: «Я думаю, ты условился с какой-нибудь женщиной, иначе ты бы взял меня с собою. Я имею на это больше права, чем все

люди, и я помогу тебе в том, что ты хочешь; я боюсь, что ты пойдёшь к чужой женщине и твоя душа пропадёт. В этом городе, Багдаде, никто ничего такого не может делать, в особенности в такой день, как сегодня, и наш вали в Багдаде – человек строгий, почтённый».

«Горе тебе, скверный старик, убирайся! С какими словами ты ко мне обращаешься!» – воскликнул я. И цирюльник сказал: «О глупец, ты думаешь: как ему не стыдно! – и таишься от меня, но я это понял и удостоверился в этом, и я хочу только помочь тебе сегодня сам.

И я испугался, что мои родные и соседи услышат слога цирюльника, и долго молчал. А нас настиг час молитвы, и пришло время проповеди; и цирюльник кончил брить мне голову, и я сказал ему: «Пойди к твоим друзьям с этими кушаньями и напитками; я подожду, пока ты вернёшься, и ты пойдёшь со мною».

И я не переставал подмазывать этого проклятого и обманывать его, надеясь, что он, может быть, уйдёт от меня, но он сказал: «Ты меня обманываешь и пойдёшь один и ввергнешься в беду, от которой тебе нет спасения. Аллахом заклинаю тебя, не уходи же, пока я не вернусь, и я пойду с тобой и узнаю, как исполнится твоё дело». – «Хорошо, не заставляй меня ждать», сказал я; и этот проклятый взял кушанья, напитки и прочее, что я дал ему, и ушёл от меня, и отдал припасы носильщику, чтобы тот отнёс их в его дом, а сам спрятался в каком-то переулке. А я тотчас же встал (а муэдзины уже пропели приветствие пророку) и надел свои одежды и вышел один, и пришёл в тот переулок и встал возле дома, в котором я увидел девушку, и оказалось, что та старуха стоит и ждёт меня. И я поднялся с нею в покой, где была девушка, и вошёл туда, и вдруг вижу: владелец дома возвратился в своё жилище с молитвы и вошёл в дом и запер ворота. И я взглянул из окна вниз и увидел, что этот цирюльник – проклятье Аллаха над ним! – сидит у ворот. «Откуда этот черт узнал про меня?» – подумал я; и в эту минуту, из-за того что Аллах хотел сорвать с меня покров своей защиты, случилось, что одна из невольниц хозяина дома совершила какое-то упущение, и он стал её бить, и она закричала, и его раб вошёл, чтобы выручить её, но хозяин побил его, и он тоже закричал. И проклятый цирюльник решил, что хозяин дома бьёт меня, и закричал, и разорвал на себе одежду, и посыпал себе голову землёю, и стал вопить и взывать о помощи. А люди стояли вокруг него, и он говорил: «Убили моего господина в доме кади!»

Потом он пошёл, крича, к моему дому, а люди шли за ним следом и оповестили моих родных и слуг; и не успел я опомниться, как они уже подошли в разорванной одежде, распустив волосы и крича: «Увы, наш господин!» А этот цирюльник идёт впереди них, в разорванной одежде, и кричит, а народ следует за ним. И мои родные все кричали, а он кричал среди шедших первыми, и они вопили: «Увы, убитый! Увы, убитый!» – и направлялись к тому дому, в котором был я.

И хозяин дома услышал шум и крик у ворот и сказал кому-то из слуг: «Посмотри, что случилось». И слуга вышел и вернулся к своему господину и сказал: «Господин, у ворот больше десяти тысяч человек, и мужчин и женщин, и они кричат: «Увы, убитый!» – и показывают на наш дом». И когда кади услышал это, дело показалось ему значительным, и он разгневался и, поднявшись, вышел и открыл ворота. И он увидел большую толпу и оторопел и спросил: «О люди, в чем дело?» И мои слуги закричали ему: «О проклятый, о собака, о кабан, ты убил нашего господина!» И кади спросил: «О люди, а что сделал ваш господин, чтобы мне убить его?..»

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать первая ночь

Когда же настала тридцать первая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что кади спросил: «Что сделал ваш господин, чтобы мне убить его? Вот мой дом перед вами».

И цирюльник сказал ему: «Ты сейчас бил его плетьюми, и я слышал его вопли». – «Но что же он сделал, чтобы мне убить его, и кто его ввёл в мой дом, и куда, и откуда?» – спросил кади. И цирюльник воскликнул: «Не будь скверным старцем! Я знаю эту историю и все обстоятельства. Твоя дочь любит его, и он любит её, и когда ты узнал, что он вошёл в твой дом, ты приказал твоим слугам, – и они его побили. Клянусь Аллахом, или нас с тобою рассудит только халиф, или выведи к нам нашего господина, чтобы его родные взяли его раньше, чем я войду и выведу его от вас и ты будешь пристыжен».

И кади ответил (а он говорил словно взнуданный, и его окутал стыд перед людьми): «Если ты говоришь правду, входи сам и выведи его».

И цирюльник одним прыжком вошёл в дом; и, увидев, что он вошёл, я стал искать пути к выходу и бегству, но не нашёл его раньше, чем увидел в той комнате, где я находился, большой сундук. И я влез туда и закрыл над собой крышку и задержал дыхание. А цирюльник вошёл в комнату и, едва войдя туда, снова стал меня искать и принялся соображать, в каком я месте, и, повернувшись направо и налево, подошёл к сундуку, где я был, и понёс его на голове, – и все моё мужество исчезло. Цирюльник торопливо пошёл; и поняв, что он не оставит меня, я открыл сундук и выбросился на землю и сломал себе ногу. И ворота распахнулись, и я увидел у ворот толпу.

А у меня в рукаве было много золота, которое я приготовил для дня, подобного этому, и для такого дела, как это, – и я стал сыпать это золото людям, чтобы они отвлеклись им. И люди стали хватать золото и занялись им, а я побежал по переулкам Багдада направо и налево, и этот проклятый цирюльник бежал за мной, и куда бы я ни входил, цирюльник входил за мною следом и говорил: «Они хотели огорчить меня, сделав зло моему господину! Слава Аллаху, который помог мне и освободил моего господина из их рук! Твоя неосмотрительность все время огорчала меня; если бы Аллах не послал меня тебе, ты бы не спасся от беды, в какую попал, и тебя бы ввергли в бедствие, от которого ты никогда бы не спасся. Сколько же ты хочешь, чтобы я для тебя жил и выручал тебя? Клянусь Аллахом, ты погубил меня своею неосмотрительностью, а ты ещё хотел идти один! Но мы не взыщем с тебя за твою глупость, ибо ты малоумен и тороплив».

«Мало тебе того, что случилось, – ты ещё бегаешь за мною и говоришь мне такие слова на рынках!» – воскликнул я, и душа едва не покинула меня из-за сильного гнева на цирюльника. И я вошёл в хан, находившийся посреди рынка, и попросил защиты у хозяина, и он не пустил ко мне цирюльника. Я сел в одной из комнат и говорил себе: «Я уже не могу расстаться с этим проклятым цирюльником, и он будет со мною и днём и ночью, а у меня нет духу видеть его лицо!»

И я тотчас же послал за свидетелями и написал завещание своим родным, и разделил свои деньги, и назначил за этим наблюдающего, и приказал ему продать дом и земли, и дал ему указания о больших и о малых родичах, и выехал, и с того времени я странствую, чтобы освободиться от этого сводника. Я приехал и поселился в вашем городе и прожил здесь некоторое время, и вы пригласили меня, и вот я пришёл к вам и увидел у вас этого проклятого сводника на почётном месте. Как же может быть хорошо моему сердцу пребывать с вами, когда он сделал со мною такие дела и моя нога из-за него сломана?»

И после этого юноша отказался есть; и, услышав его историю, мы спросили цирюльника: «Правда ли то, что говорит про тебя этот юноша?» И он отвечал: «Клянусь Аллахом, я сделал это с ним вследствие моего знания, разума и мужества, и если бы не я, он бы, наверно, погиб. Причина его спасения – только во мне, и хорошо ещё, что пострадала его нога, но не пострадала его душа. Будь я многоречив, я бы не сделал ему добра, но вот я расскажу вам историю, случившуюся со мною, и вы поверите, что я мало говорю и нет во мне болтливости в отличие от моих шести братьев.

Рассказ цирюльника о самом себе (ночь 31)

Я был в Багдаде во времена аль-Мустансира биллаха, сына аль-Мустади биллаха, и он, халиф, был в то время в Багдаде. А он любил бедняков и нуждающихся и сиживал с учёными и праведниками. И однажды ему случилось разгневаться на десятерых преступников, и он велел правителю Багдада привести их к себе в день праздника (а это были воры, грабящие на дорогах). И правитель города выехал и схватил их и сел с ними в лодку; и я увидел их и подумал: «Люди собрались не иначе как для пира, и они, я думаю, проводят день в этой лодке за едой и питьём. Никто не разделит их трапезы, если не я!» И я поднялся, о собрание, по великому мужеству и степенности моего ума и, сойдя в лодку, присоединился к ним, и они переехали и высадились на другой стороне. И явились стражники и солдаты правителя с цепями и накинули их на шеи воров, и мне на шею тоже набросили цепь, – и не от мужества ли моего это случилось, о собрание, и моей малой разговорчивости, из-за которой я промолчал и не пожелал говорить? И нас взяли за цепи и поставили перед аль-Мустансиром биллахом, повелителем правоверных, и он велел снести головы десяти человекам. И палач подошёл к нам, посадив нас сначала перед собою на ковре крови, и обнажил меч и начал сбивать голову одному за другим, пока не скинул голову десятерым, а я остался. И халиф посмотрел и спросил палача: «Почему ты снёс голову девяти?» И палач воскликнул: «Аллах спаси! Что бы ты велел сбить голову десяти, а я обезглавил бы девять!» Но халиф сказал: «Я думаю, ты снёс голову только девяти, а вот этот, что перед тобой, – это десятый».

«Клянусь твоей милостью, – ответил палач, – их десять!»

И их пересчитали, – говорил цирюльник, – и вдруг их оказалось десять. И халиф посмотрел на меня и спросил: «Что побудило тебя молчать в подобное время? Как ты оказался с приговорёнными и какова причина этого? Ты старец великий, но ума у тебя мало». И, услышав речи повелителя правоверных, я сказал ему: «Знай, о повелитель правоверных, что я – старец-молчальник, и у меня мудрости много, а что до степенности моего ума, моего хорошего разума и малой разговорчивости, то им нет предела; а по ремеслу я цирюльник. И вчерашний день, ранним утром, я увидел этих десятерых, которые направлялись к лодке, и смешался с ними и сошёл с ними в лодку, думая, что они устроили пир; и не прошло минуты, как явились стражники и наложили им на шею цепи, и мне на шею тоже наложили цепь, и от большого мужества я промолчал и не заговорил, – и это не что иное, как мужество. И нас повели и поставили перед тобой, и ты приказал сбить голову десяти; и я остался перед палачом, но не осведомил вас о себе, – и это не что иное, как великое мужество, из-за которого я хотел разделить с ними смерть. Но со мной всю жизнь так бывает: я делаю людям хорошее, а они платят мне самой ужасной отплатой».

И когда халиф услышал мои слова и понял, что я очень мужествен и неразговорчив, а не болтлив, как утверждает этот юноша, которого я спас от ужасов, – он так рассмеялся, что упал навзничь, и потом сказал мне: «О Молчальник, а твои шесть братьев так же, как и ты, мудры, учены и не болтливы?» – «Пусть бы они не жили и не существовали, если они подобны мне! – отвечал я. – Ты обидел меня, о повелитель правоверных, и не должно тебе сравнивать моих братьев со мною, так как из-за своей болтливости и малого мужества каждый из них стал калекой: один кривой, другой слепой, третий расслабленный, у четвёртого отрезаны уши и ноздри, у пятого отрезаны губы, а шестой – горбун. Не думай, повелитель правоверных, что я болтлив; мне необходимо все изложить тебе, и у меня больше, чем у них всех, мужества. И с каждым из них случилась история, из-за которой он сделался калекой, и я расскажу их все тебе.

Рассказ о первом брате цирюльника (ночь 31)

Знай, о повелитель правоверных, что первый из них (а это горбун) был по ремеслу портным в Багдаде, и он шил в лавке, которую нанял у одного богатого человека. А этот человек жил над лавкой, и внизу его дома была мельница. И однажды мой горбатый брат сидел в лавке и шил, и он поднял голову и увидел в окне дома женщину, подобную восходящей луне, которая смотрела на людей. И когда мой брат увидел её, любовь к ней привязалась к его сердцу, и весь этот день он все смотрел на неё и прекратил шитьё до вечерней поры. Когда же настал следующий день, он открыл свою лавку в утреннюю пору и сел шить, и, вдевая иглоку, он всякий раз смотрел в окно. И он опять увидел ту женщину, и его любовь к ней и увлечение ею увеличились. Когда же наступил третий день, он сел на своё место и смотрел на неё, и женщина увидела его и поняла, что он стал пленником любви к ней. Она засмеялась ему в лицо, и он засмеялся ей в лицо, а затем она скрылась от него и послала к нему свою невольницу и с нею узел с красной шёлковой материей.

И невольница пришла к нему и сказала: «Моя госпожа велит передать тебе привет и говорит: «Скрой нам рукою милости рубашку из этой материи и сшей её хорошо!»

И он отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» Потом он скроил ей одежду и кончил шить её в тот же день, а когда настал следующий день, невольница спозаранку пришла к нему и сказала: «Моя госпожа приветствует тебя и спрашивает, как ты провёл вчерашнюю ночь? Она не вкусила сна, так её сердце было занято тобою». И затем она положила перед ним кусок жёлтого атласа и сказала:

«Моя госпожа говорит тебе, чтобы ты скроил ей из этого куска две пары шальвар и сшил их в сегодняшний день».

И мой брат отвечал: «Слушаю и повинуюсь! Передай ей много приветов и скажи ей: «Твой раб послушен твоему повелению, приказывай же ему, что хочешь».

И он принялся кроить и старательно шил шальвары, а через некоторое время она показала ему из окна и приветствовала его знаками, то закрывая глаза, то улыбаясь ему в лицо; и он подумал, что добьётся её. А потом она от него скрылась, и невольница пришла к нему, и он отдал ей обе пары шальвар, и она взяла их и ушла; и когда настала ночь, он кинулся на постель и провёл ночь до утра, ворочаясь. А утром он встал и сел на своё место, и невольница пришла к нему и сказала: «Мой господин зовёт тебя». И, услышав это, он почувствовал великий страх, а невольница, заметив, что он испуган, сказала: «С тобой не будет беды, а только одно добро! Моя госпожа сделала так, что ты познакомишься с моим господином». И этот человек очень обрадовался и пошёл с невольницей и, войдя к её господину, мужу госпожи, поцеловал перед ним землю, и тот ответил на его приветствие и дал ему много тканей и сказал: «Скрой мне и сшей из этого рубашки». И мой брат отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – и кроил до тех пор, пока не скроил до вечера двадцать рубашек; и он весь день не попробовал кушанья. И хозяин спросил его: «Какая будет за это плата?» А он отвечал: «Двадцать дирхемов». И тогда муж женщины крикнул невольнице: «Поддай двадцать дирхемов!» И мой брат ничего не сказал. А женщина сделала ему знак, означавший: не бери от него ничего! И мой брат воскликнул: «Клянусь Аллахом, я ничего не возьму от тебя!» – и, взяв шитьё, вышел вон. А мой брат нуждался в каждом фельсе⁶², и он провёл три дня, съедая и выпивая лишь немного, – так он старался шить эти рубашки. И невольница пришла и спросила: «Что ты сделал?» И он отвечала «Готовы!» – и взял одежду, и принёс её к ним, и отдал мужу женщины, и тотчас же ушёл. А женщина осведомила своего мужа о состоянии моего брата (а мой брат не знал этого), и они с мужем сговорились воспользоваться моим братом для шитья даром и посмеяться над ним.

⁶² Фельс – мелкая медная монета.

И едва настало утро, он пришёл в лавку, и невольница явилась к нему и сказала: «Поговори с моим господином!» И он отправился с нею, а когда он пришёл к мужу женщины, тот сказал: «Я хочу, чтобы ты скроил мне пять фарджий!» И мой брат скроил их и, взяв работу с собою, ушёл. Потом он сшил эти фарджии и принёс их мужу женщины, и тот одобрил его шитьё и приказал подать кошель с дирхемами; и мой брат протянул уже руку, но женщина сделала из-за спины своего мужа знак: не бери ничего! Мой брат сказал этому человеку: «Не торопись, господин, времени довольно!» – и вышел от него и был униженнее осла, так как против него соединилось пять вещей: любовь, разорение, голод, нагота и усталость, а он только терпел. И когда мой брат сделал для них все дела, они потом схитрили и женили его на своей невольнице, а в ту ночь, когда он хотел войти к ней, ему сказали: «Переночуй до завтра на мельнице, будет хорошо!»

Мой брат подумал, что это правда так, и провёл ночь на мельнице один, а муж женщины пошёл и подговорил против него мельника, чтобы он заставил его вертеть на мельнице жёрнов.

И мельник вошёл к моему брату в полночь и стал говорить: «Этот бык бездельничает и больше не вертит жёрнов ночью, а пшеницы у нас много». И он спустился в мельницу и, наполнив насып пшеницей, подошёл к моему брату с верёвкой в руке и привязал его за шею и крикнул: «Живо, верти жёрнов, ты умеешь только есть, гадить и отливать!» – и взял бич и стал бить моего брата, а тот плакал и кричал, но не нашёл для себя помощника и перемалывал пшеницу почти до утра.

И тогда пришёл хозяин дома и, увидев моего брата привязанным к палке, ушёл, и невольница пришла к нему рано утром и сказала: «Мне тяжело то, что с тобой случилось; мы с моей госпожой несём на себе твою заботу». Но у моего брата не было языка, чтобы ответить, из-за сильных побоев и усталости.

После этого мой брат отправился в своё жилище; и вдруг приходит к нему тот писец, что написал его брачную запись, и приветствует его и говорит: «Да продлит Аллах твою жизнь! Таково бывает лицо наслаждений, нежности и объятий от вечера до утра!» – «Да не приветствует Аллах лжеца! – воскликнул мой брат. – О, тысячу раз рогатый, клянусь Аллахом, я пришёл лишь для того, чтобы молоть до утра вместо быка!»

«Расскажи мне твою историю», – сказал писец; и мой брат рассказал, что с ним было, и писец сказал: «Твоя звезда не согласуется с её звездой, но если хочешь, я переменю тебе эту запись». – «Посмотри, не осталось ли у тебя другой хитрости!» – ответил мой брат и оставил писца и ушёл на своё место, ожидая, не принесёт ли кто-нибудь работы ему на пропитание. Но вдруг приходит к нему невольница и говорит: «Поговори с моей госпожой!» – «Ступай, о дочь дозволенного, нет у меня дел с твоей госпожой!» – сказал мой брат; и невольница пошла и сообщила об этом своей госпоже. И не успел мой брат опомниться, как та уже выглянула из окна и, плача, воскликнула: «Почему, мой любимый, у нас нет с тобой больше дел?»

Но он не ответил ей, и она стала ему клясться, что все, что случилось с ним на мельнице, произошло не по её воле и что она в этом деле не виновата; и когда мой брат взглянул на её красоту и прелесть и услышал её сладкие речи, то, что с ним было, покинуло его, и он принял её извинения и обрадовался, что видит её. И он поздоровался и поговорил с нею и просидел некоторое время за шитьём, а после этого невольница пришла к нему и сказала: «Моя госпожа тебя приветствует и говорит тебе, что её муж сказал, что он сегодня ночует у своих друзей, и когда он туда уйдёт, ты будешь у нас и проспишь с моей госпожой сладостную ночь до утра».

А муж женщины сказал ей: «Что сделать, чтобы отвратить его от тебя?» И она ответила: «Дай я придумаю для него другую хитрость и ослаблю его в этом городе». (А мой брат ничего не знал о кознях женщин.) И когда наступил вечер, невольница пришла к нему и, взяв моего брата, воротилась с ним, и там женщина, увидав моего брата, воскликнула: «Клянусь Аллахом, господин мой, я очень стосковалась по тебе!» – «Ради Аллаха, скорее поцелуй, прежде всего!» – сказал мой брат. И едва он закончил эти слова, как явился муж женщины из соседней комнаты и крикнул моему брату: «Клянусь Аллахом, я расстанусь с тобой только у начальника

охраны!» И мой брат стал умолять его, а он его не слушал, но повёл его к вали, и вали приказал побить его бичами и, посадив на верблюда, возить его по городу. И люди кричали о нем: «Вот воздаяние тому, кто врывается в чужой гарем!» И его выгнали из города, и он вышел и не знал, куда направиться; и я испугался и догнал его и обязался содержать его, и привёл его назад и позволил ему жить у меня до сей поры».

И халиф рассмеялся от моих речей и сказал: «Отлично, о Молчальник, о немногоречивый!» – и велел выдать мне награду, чтобы я ушёл. Но я воскликнул: «Я ничего не приму от тебя, раньше чем не расскажу, что случилось с остальными моими братьями, но не думай, что я много разговариваю.

Рассказ о втором брате цирюльника (ночи 31–32)

Знай, о повелитель правоверных, что моего второго брата аль-Хаддара звали Бакбук, и это расслабленный. В один из дней случилось ему идти по своим делам, и вдруг встречает его старуха и говорит ему: «О человек, постой немного! Я предложу тебе одно дело, и если оно тебе понравится, сделай его для меня и спроси совета у Аллаха». И мой брат остановился, и она сказала: «Я скажу тебе о чем-то и укажу тебе путь к этому, но пусть не будут многословны твои речи». – «Подавай свой рассказ», – ответил мой брат. И старуха спросила: «Что ты скажешь о красивом доме и благоухающем саде, где бежит вода, и о плодах, вине и лице прекрасной, которую ты будешь обнимать от вечера до утра? Если ты сделаешь так, как я тебе указываю, то увидишь добро».

И мой брат, услышав её слова, спросил: «О госпожа, а почему ты направилась с этим делом именно ко мне из всех людей? Что тебе понравилось во мне?» И она отвечала моему брату: «Я сказала тебе – не будь многоречив! Молчи и пойдём со мною». И затем старуха повернулась, а мой брат последовал за нею, желая того, что она ему описала. И они вошли в просторный дом со множеством слуг, и старуха поднялась с ним наверх, и мой брат увидел прекрасный дворец.

И когда обитатели дома увидели его, они спросили: «Кто это привёл тебя сюда?» А старуха сказала: «Оставьте его, молчите и не смущайте его сердца, – это рабочий, и он нам нужен». Потом она пошла с ним в украшенную горницу, лучше которой не видали глаза; и когда они вошли в эту горницу, женщины поднялись и приветствовали моего брата и посадили его рядом с собою, а спустя немного он услышал большой шум, и вдруг подошли невольницы, и среди них девушка, подобная луне в ночь полнолуния. И мой брат устремил на неё взор и поднялся на ноги и поклонился девушке, а она приветствовала его и велела ему сесть; и он сел, она же обратилась к нему и спросила: «Да возвеличит тебя Аллах, есть в тебе добро?» – «О госпожа моя, все добро – во мне!» – отвечал мой брат. И она приказала подать еду, и ей подали прекрасные кушанья, и она стала есть. И при этом девушка не могла успокоиться от смеха, а когда мой брат смотрел на неё, она оборачивалась к своим невольницам, как будто смеясь над ним. И она выказывала любовь к моему брату и шутила с ним, а мой брат, осел, ничего не понимал, и от сильной страсти, одолевшей его, он думал, что девушка его любит и даст ему достигнуть желаемого.

И когда кончили с едой, подали вино, а потом явились десять невольниц, подобных месяцу, с многострунными лютнями в руках и стали петь на разные приятные голоса. И восторг одолел моего брата, и взяв кубок из её рук, он выпил его и поднялся перед нею на ноги; а потом девушка выпила кубок, и мой брат сказал ей: «На здоровье!» – и поклонился ей; и после этого она дала ему выпить кубок и, когда он выпил, ударила его по шее. И, увидя от неё это, мой брат вышел стремительно, а старуха принялась подмигивать ему: вернись! И он вернулся. И тогда девушка велела ему сесть, и он сел и сидел, ничего не говоря, и она снова стала бить его по затылку, но ей было этого недостаточно, и она приказала своим невольницам бить его, а сама говорила старухе: «Я ничего не видала лучше этого!» И старуха восклицала: «Да, заклиная тебя, о госпожа моя!»

И невольницы били его, пока он не лишился сознания, а потом мой брат поднялся за нуждою, и старуха догнала его и сказала: «Потерпи немножко: ты достигнешь того, чего ты хочешь». – «До каких пор мне терпеть? Я уже обеспамятел от подзатыльников», – сказал мой брат; и старуха ответила: «Когда она захмелеет, ты достигнешь желаемого». И мой брат вернулся к своему месту и сел. И все невольницы, до последней, поднялись, и женщина приказала им окурить моего брата и опрыскать его лицо розовой водой, и они это сделали; а потом она сказала: «Да возвеличит тебя Аллах! Ты вошёл в мой дом и исполнил моё условие, а всех, кто

мне перечил, я прогоняла. Но тот, кто был терпелив, достигал желаемого». – «О госпожа, – отвечал ей мой брат, – я твой раб и в твоих руках»; и она сказала: «Знай, что Аллах внушил мне любовь к веселью, и тот, кто мне повинуется, получает, что хочет». И она велела невольницам петь громким голосом, так что все бывшие в помещении исполнились восторга, а после этого она сказала одной девушке: «Возьми твоего господина, сделай, что нужно, и приведи его сейчас же ко мне».

И невольница взяла моего брата (а он не знал, что она с ним сделает), и старуха догнала его и сказала: «Потерпи, потерпи, осталось недолго!» И лицо моего брата просветлело, и он подошёл к девушке (а старуха все говорила: «Потерпи, ты уже достиг желаемого») и спросил старуху: «Скажи мне, что хочет сделать эта невольница?» И старуха сказала: «Тут нет ничего, кроме добра! Я – выкуп за тебя! Она хочет выкрасить тебе брови и срезать усы!» – «Краска на бровях сойдёт от мытья, – сказал мой брат, – а вот выдрать усы – это уже больно!» «Берегись ей перечить, – отвечала старуха, – её сердце привязалось к тебе». И мой брат стерпел, чтобы ему выкрасили брови и выдрали усы, и тогда невольница пошла к своей госпоже и сообщила ей об этом, и та сказала: «Остаётся ещё одна вещь – сбрей ему бороду, чтобы он стал безволосым».

К невольнице пришла к моему брату и сказала ему о том, что велела её госпожа, и мой дурак брат спросил: «А что мне делать с позором перед людьми?» И старуха ответила: «Она хочет это с тобой сделать только для того, чтобы ты стал безволосым, без бороды и у тебя на лице не осталось бы ничего колючего. В её сердце возникла большая любовь к тебе, терпи же: ты достигнешь желаемого».

И мой брат вытерпел и подчинился невольнице и обрил себе бороду, и девушка вывела его, и вдруг оказывается – он с накрашенными бровями, обрезанными усами, бритой бородой и красным лицом! И девушка испугалась его и потом так засмеялась, что упала навзничь и воскликнула: «О господин мой, ты покорила меня этими прекрасными чертами!» И она стала заклинять его жизнью, чтобы он поднялся и поплясал; и мой брат встал и начал плясать, и она не оставила в комнате подушки, которою бы не ударила его, и все невольницы тоже били его плодами вроде померанцев и лимонов, кислых и сладких, пока он не упал без чувств от побоев, затрепав по затылку и бросания.

И старуха сказала ему: «Теперь ты достиг желаемого. Знай, что тебе не будет больше побоев и осталось ещё только одно, а именно: у неё в обычае, когда она опьянеет, никому не давать над собою власти раньше, чем она снимет платье и шальвары и останется голой, обнажённой. А потом она велит тебе снять одежду и бегать и сама побежит впереди тебя, как будто она от тебя убегает, а ты следуй за ней с места на место, пока у тебя не поднимется зебб, и тогда она даст тебе власть над собою».

«Сними с себя одежду», – сказала она потом; и мой брат снял с себя все платье (а мир исчез для него) и остался нагим...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать вторая ночь

Когда же настала тридцать вторая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что брат цирюльника, когда старуха сказала ему: «Сними с себя одежду», – поднялся (а мир исчез для него) и снял с себя одежду и остался нагим, и тогда девушка сказала ему: «Вставай теперь и беги, и я тоже побегу, – и тоже разделась и воскликнула: «Если ты чего-нибудь хочешь, следуй за мной!» И она побежала впереди него, и он последовал за нею, и она вбежала в одно помещение за другим, и мой брат за ней, и страсть одолела его, и его зебб вёл себя, точно бесноватый. И она вбежала впереди него в тёмное помещение, и мой брат тоже за ней, и он наступил на тонкое место, и пол провалился под ним, и не успел мой брат опомниться, как оказался посреди улицы, на рынке кожевников, которые продавали и покупали кожи. И, увидев

моего брата в таком виде – нагого, с поднявшимся зобом, с бритой бородой и бровями и с красным лицом, торговцы закричали на него и захлопали в ладоши и стали бить его кожами, так что он лишился чувств. И его взвалили на осла и привезли к вали, и вали спросил их: «Кто это?» И они сказали: «Он упал к нам из дома везиря в таком виде». И тогда вали приказал дать ему сто ударов бичом по шее и выгнал из Багдада; и я вышел и догнал его и провёл его тайно в город, а затем я назначил ему то, что нужно для пропитания. И если бы не моё великодушие, я бы не стал терпеть подобного ему.

Рассказ о третьем брате цирюльника (ночь 32)

А что касается моего третьего брата, то его имя Фаик, и он слепой. Судьба и предопределение привели его однажды к большому дому, и он постучал в ворота, надеясь, что владелец дома заговорит с ним и он попросит у него что-нибудь. И владелец дома спросил: «Кто у ворот?», но никто ему не ответил, и мой брат услышал, как он опять спросил громким голосом: «Кто это?» Но мой брат не ответил ему и услышал, что он пошёл и дошёл до ворот, и открыл их, и спросил моего брата: «Что ты хочешь?» – «Чего-нибудь, ради Аллаха великого!» – сказал мой брат; и хозяин дома спросил: «Ты слепой?» – «Да», – отвечал мой брат; и тогда хозяин дома сказал ему: «Поддай мне руку», и брат подал ему руку, думал, что хозяин дома что-нибудь даст ему, а тот взял его руку и повёл его по лестнице, пока не довёл до самой верхней крыши, а мой брат предполагал, что он чем-нибудь его накормит и даст ему что-нибудь.

И, дойдя до конца, хозяин дома спросил моего брата: «Что ты хочешь, слепец?» И мой брат отвечал: «Хочу чего-нибудь ради Аллаха великого». – «Пошли тебе Аллах!» – сказал хозяин дома; и тогда мой брат воскликнул: «Эй ты, почему ты не сказал мне этого внизу?» А хозяин тогда отвечал: «О подлец, а ты почему не заговорил со мной сразу?» – А сейчас что ты хочешь со мною сделать?» – спросил его мой брат. «У меня ничего нет, чтобы дать тебе», – отвечал он; и мой брат сказал: «Спустись со мною по лестницам». – «Дорога перед тобою», – сказал хозяин дома. И мой брат пошёл и до тех пор спускался, пока между ним и воротами не осталось двадцати ступенек, но тут его нога поскользнулась, и он упал к воротам и раскрыл себе голову. И он вышел, не зная, куда направиться, и его догнали несколько его товарищей, слепых, и спросили: «Что досталось тебе в сегодняшний день?» И он рассказал им, что с ним произошло, а потом сказал: «О братья, я хочу взять немного из тех денег, что у меня остались, и истратить их на себя».

А владелец дома следовал за ним и слышал его слова, но мой брат и его товарищи не знали об этом человеке. И мой брат пришёл к своему дому и вошёл туда, и человек вошёл вслед за ним (а брат не знал этого), и мой брат сел, ожидая своих товарищей. И когда они вошли, он сказал им: «Заприте дверь и обыщите дом, чтобы не последовал за нами кто-нибудь чужой». И, услышав слова моего брата, тот человек встал и подтянулся на верёвке, свисавшей с потолка, а они обошли весь дом и никого не нашли. А потом они вернулись и сели рядом с моим братом, и, вынув бывшие у них деньги, сосчитали их, и вдруг их оказалось двенадцать тысяч дирхемов!

И они оставили деньги в углу комнаты, и каждый из них взял себе, сколько ему было нужно, а остаток денег они бросили на землю, а потом они поставили перед собой кое-какую еду и сели есть.

И брат услышал подле себя незнакомое жевание и сказал своим товарищам: «С нами чужой!» – и протянул руку, и его рука уцепилась за руку того человека – владельца дома. И они напали на него с побоями, а когда им надоело его бить, они принялись кричать: «О мусульмане, к нам вошёл вор и хочет взять наши деньги!»

И около них собралось много народу, и тот человек подошёл и привязался к ним и стал обвинять их в том же, в чем они обвиняли его, и зажмурил глаза, так что стал как будто слепым, как они, и никто не усомнился в этом. И он принялся кричать: «О мусульмане, я взываю к Аллаху и султану и прибегаю к Аллаху и к вали за советом!» И не успел он опомниться, как их всех окружили, и с ними моего брата, и погнали к дому вали.

И вали велел привести их к себе и спросил: «В чем ваше дело?» И этот человек сказал: «Смотри, но для тебя ничего не станет ясно без пытки! Начни с меня первого и попытай меня, а потом вот этого, моего поводыря», и он указал рукой на моего брата. И того человека протянули и побили четырьмя сотнями палок по заду, и побои причинили ему боль, и он открыл один глаз, а когда ему прибавили ударов, он открыл и второй глаз.

И вали спросил его: «Что это за дела, о проклятый?» И он отвечал: «Дай мне перстень пощады! Мы четверо притворяемся слепыми и обманываем людей, и входим в дома, и смотрим на женщин, и стараемся их погубить. У нас скопилась большая нажива – двенадцать тысяч дирхемов, и я сказал своим товарищам: «Дайте мне то, что мне следует, – три тысячи дирхемов»; а они побили меня и взяли мои деньги. И я прошу защиты у Аллаха и у тебя. Я имею больше всех права на мою долю, и мне хочется, чтобы ты узнал истинность моих слов. Побей каждого из них сильнее, чем ты бил меня, и они откроют глаза».

И тогда вали велел их пытать и начал прежде всего с моего брата, и его привязали к лестнице, и вали сказал ему: «О негодяи, вы отрицаете милость Аллаха и утверждаете, что вы слепы!» – «Аллах, Аллах! – воскликнул мой брат, – клянусь Аллахом, нет среди нас зрячего!» И его били, пока он не обеспамятел; и вали сказал: «Оставьте его, пусть он очнётся, и побейте его снова, второй раз». А потом он велел дать каждому из его товарищей больше чем по триста палок, и зрячий говорил им: «Откройте глаза, а не то вас ещё будут бить!» А затем этот человек сказал вали: «Пошли со мною кого-нибудь, кто принесёт тебе деньги; эти люди не откроют глаз: они боятся позора перед людьми». И вали послал и взял деньги, и дал из них этому человеку три тысячи дирхемов – его долю, как он утверждал, и взял остальное, и он выгнал троих слепцов из города.

И я вышел, о повелитель правоверных, и догнал моего брата и спросил о его положении, и он рассказал мне то, о чем я тебе говорил, и я тайно ввёл его в город и укладкой стал выдавать ему что есть и что пить».

И халиф засмеялся, услышав мой рассказ, и сказал: «Дайте ему награду и пусть он уйдёт!» Но я воскликнул: «Клянусь Аллахом, я не возьму ничего, пока не изложу повелителю правоверных, что случилось с моими братьями! Я ведь мало говорю.

Рассказ о четвёртом брате цирюльника (ночь 32)

А что до моего четвёртого брата, о повелитель правоверных, – продолжал я, – (а это кривой) то он был мясником в Багдаде и продавал мясо и выращивал баранов, и к нему шли покупать мясо вельможи и люди состоятельные. И он нажил на этом большие деньги и приобрёл выючных животных и дома и провёл таким образом долгое время. И однажды, в один из дней, он был у своей лавки, и вдруг подле неё остановился старик с большой бородой и подал ему несколько дирхемов и сказал: «Дай мне на это мяса», – и, отдав деньги, ушёл (а мой брат дал ему мяса). И он посмотрел на серебро старика и увидел, что его дирхемы белые и блестят, и отложил их отдельно в сторону.

И старик продолжал ходить к нему пять месяцев, и мой брат бросал его дирхемы отдельно в сундук, но потом он пожелал их вынуть и купить на них баранов, и открыл сундук, но увидел, что все, что есть в нем, – белая нарезанная бумага.

И мой брат принялся бить себя по лицу и кричать; и народ собрался вокруг него, и он рассказал свою историю, и все удивились ей. А потом мой брат, как обычно, зарезал барана и повесил его перед лавкой и стал говорить: «Аллах! Если бы пришёл этот скверный старец!» И не прошло минуты, как старик подошёл со своим серебром, и тогда мой брат встал и вцепился в него и принялся вопить: «О мусульмане, ко мне! Послушайте мою историю с этим нечестивым!»

И, услышав его слова, старец спросил: «Что тебе приятнее: отстать от меня или чтобы я тебя опозорил перед людьми?» – «А чем ты меня опозоришь?» – спросил брат. «Тем, что ты продаёшь человеческое мясо за баранину», – отвечал старик. «Ты лжёшь, проклятый!» – воскликнул мой брат; и старик сказал: «Тот проклятый, у кого человек в лавке повешен». – «Если дело обстоит так, как ты сказал, мои деньги и моя кровь тебе дозволены», отвечал мой брат. И тогда старик сказал: «О собрание людей, если хотите подтверждения моим словам и моей правдивости – войдите в лавку». И люди ринулись в лавку моего брата и увидели, что тот баран превратился в повешенного человека; и, увидав это, они вцепились в моего брата и закричали: «О неверный, о нечестивый!» И самый дорогой для него человек колотил его и бил по лицу и говорил: «Ты кормишь нас мясом сынов Адама!», а старец ударил его по глазу и выбил его.

И люди понесли этого зарезанного к начальнику охраны, и старец сказал ему: «О эмир, этот человек режет людей, продаёт их мясо как мясо баранов, и мы привели его к тебе. Встань же и соверши правосудие Аллаха, великого, славного!» И мой брат защищался, но начальник не стал его слушать и велел дать ему пятьсот ударов палками, и у него взяли все деньги, а если бы не деньги, его бы, наверное, убили.

И мой брат поднялся и пошёл наобум и вошёл в большой город; он подумал: «Хорошо бы сделаться башмачником», – и он открыл лавку и сидел, работая, чтобы прокормиться. И в один из дней он вышел по делу и услышал топот коней и спросил об этом, и ему сказали: «Это царь выезжает на охоту и ловлю». И мой брат стал смотреть на красоту царя, а взор царя встретился со взором моего брата, – и царь опустил голову и сказал: «К Аллаху прибегаю от зла этого дня!» – и повернул поводья своей лошади и воротился; и все слуги тоже воротились. А потом царь приказал слугам, и они догнали моего брата и больно побили его, так что он едва не умер. И мой брат не знал, в чем причина этого, и вернулся в своё жилище в невменяемом состоянии. И после этого он пошёл к одному человеку из слуг царя и рассказал ему, что с ним случилось, и тот так засмеялся, что упал навзничь, и сказал ему: «О брат мой, знай, что царь не в состоянии смотреть на кривого, в особенности если он крив на правый глаз; он его не отпустит раньше, чем убьёт».

Услышав такие слова, мой брат решил бежать из этого города, и поднялся и вышел из него, и переправился в другую местность, где никого не было, кто бы знал его, И провёл там долгое время. А после этого мой брат стал размышлять о своём деле. И однажды он вышел прогуляться и услышал за собою топот коней и сказал: «Пришло веление Аллаха!» И он стал искать места, где бы скрыться, но не нашёл, и посмотрел – и вдруг видит: закрытая дверь. И он толкнул эту дверь, и она упала, и мой брат вошёл и увидел длинный проход и вошёл туда. И не успел он опомниться, как двое людей вцепились в него, и они сказали моему брату: «Слава Аллаху, который отдал тебя нам во власть! О враг Аллаха, вот уже три ночи, как ты не даёшь нам спать и нам нет покоя, и ты заставил нас вкусить смерть!» – «О люди, в чем ваше дело?» – спросил мой брат; и они сказали: «Ты обманываешь нас и хочешь нас опозорить! Ты придумываешь хитрости и хочешь зарезать хозяина дома! Мало было тебе и твоим пособникам разорить его! Но вынь нож, которым ты каждую ночь грозишь нам!» И они обыскали его и нашли у него за поясом нож; и мой брат сказал им: «О люди, побойтесь Аллаха! Знайте, что моя история удивительна». – «А какова твоя история?» – спросили они. И он рассказал свою историю, желая, чтобы его отпустили. И они не стали слушать моего брата и не обратили внимания на его слова, и разорвали его одежду, и нашли на нем следы ударов плетьюми, и сказали: «О проклятый, вот следы ударов!» И потом моего брата привели к вали, и мой брат сказал про себя: «Я попался за мои грехи, и никто не освободит меня, если не Аллах великий». И вали спросил моего брата: «О несчастный, что побудило тебя на это дело? Ты вошёл в дом для убийства!» И мой брат воскликнул: «Ради Аллаха прошу тебя, о эмир, выслушай мои слова и не торопись со мною!» Но вали сказал: «Станем мы слушать слова вора, у которого на спине следы побоев! С тобой сделали такое дело не иначе как за большой грех», – прибавил вали и велел дать моему брату сто ударов; и моего брата побили сотнею ударов и посадили на верблюда и кричали о нем: «Вот воздаяние, и наименьшее воздаяние, тому, кто врывается в чужие дома!»

И вали приказал выгнать его из города, и мой брат пошёл наобум, и, услышав об этом, я пошёл к нему и расспросил его, и он рассказал мне свою историю и то, что с ним случилось, и я все время ходил с ним кругом города, пока о нем кричали, а когда его выпустили, я пришёл к нему и взял его тайно и привёл в город и стал выдавать ему что есть и что пить.

Рассказ о пятом брате цирюльника (ночи 32–33)

А что касается моего пятого брата, то у него были отрезаны уши, о повелитель правоверных, и был он человек бедный и просил у людей по вечерам, а днём тратил выпрошенное. А отец наш был дряхлый старик, далеко зашедший в годах, и он умер и оставил нам семьсот дирхемов; и каждый из нас взял по сто дирхемов. И мой пятый брат, взяв свою долю, растерялся и не знал, что с нею делать; и когда он так раздумывал, вдруг пришло ему купить на эти деньги всякого рода стеклянной посуды и извлечь из неё пользу. И он купил на сто дирхемов стекла, поставил его на большой поднос и сел в одном месте продавать его. А рядом с ним была стена, и он прислонился к ней спиной и сидел, размышляя о самом себе.

И он думал: «Моих основных денег в этом стекле – сто дирхемов, а я продам его за двести дирхемов и затем куплю на двести дирхемов стекла и продам его за четыреста дирхемов, и не перестану продавать и покупать, пока у меня не окажется много денег. И я куплю на них всяких товаров, драгоценностей и благовоний и получу большую прибыль, а после этого я куплю красивый дом, и куплю невольников и коней и золотые седла, и стану есть и пить, и не оставлю в городе ни одного певца или певицы, которых бы я не привёл к себе. И если захочет Аллах великий, я накоплю капитал в сто тысяч дирхемов...» И все это он прикидывал в уме, а поднос со стеклом стоял перед ним; и он думал дальше: «А когда денег станет его тысяча дирхемов, я пошлю посредниц, чтобы посвататься к дочерям царей и везирей, и посватаюсь к дочери везира, – до меня дошло, что она совершенна по красоте и редкой прелести, – и дам за неё в приданое тысячу динаров; и если её отец согласится – так и будет, а если не согласится – я возьму её силой, наперекор его носу. И когда она окажется в моем доме, я куплю десять маленьких евнухов, и куплю себе одежду из одежд царей и султанов, и сделаю себе золотое седло, которое выложу дорогими самоцветами, а потом я выведу, и со мною будут рабы – пойдут вокруг меня и впереди меня, и я поеду по городу, и люди будут меня приветствовать и благословлять меня. А потом я войду к везиру, отцу девушки (а рабы будут сзади меня, и впереди меня, и справа от меня, и слева от меня), и когда везирь меня увидит, он поднимется мне навстречу и посадит меня на своё место, а сам сядет ниже меня, так как он мой тесть. А со мной будут два евнуха с двумя кошельками, в каждом кошельке по тысяче динаров, и я дам ему тысячу динаров в приданое за его дочь и подарю ему другую тысячу динаров, чтобы он знал моё благородство, и щедрость, и величие моей души, и ничтожность всего мирского в моих глазах. И если он обратится ко мне с десятью словами, я отвечу ему парой слов и уеду к себе домой. А когда придёт кто-нибудь из родных моей жены, я подарю ему денег и награжу его одеждой; а если он явится ко мне с подарком, я его верну ему и не приму, – чтобы знали, что я горд душой и ставлю свою душу лишь на её место. А потом я велю им привести меня в порядок, и когда они это сделают, я прикажу привести невесту и как следует все уберу в моем доме, а когда придёт время открывания, я надену самую роскошную одежду и буду сидеть в платье из парчи, облокотясь и не поворачиваясь ни вправо, ни влево, – из-за моего большого ума и степенности моего разума. И моя жена будет стоять предо мною, как луна, в своих одеждах и драгоценностях, и я не буду смотреть на неё из чванства и высокомерия, пока все, кто будет тут, не скажут: «О господин мой, твоя жена и служанка стоит перед тобой, соизволь посмотреть на неё, ей тягостно так стоять». И они много раз поцелуют предо мною землю, и тогда я подниму голову и взгляну на неё одним взглядом, а потом опущу голову к земле. И её уведут в комнату сна, а я переменю свою одежду и надену что-нибудь лучшее, чем то, что на мне было; и когда невесту приведут ко мне, я не взгляну на неё, пока меня не попросят много раз, а потом я посмотрю на неё и опущу голову к земле, – и я все время буду так делать, пока её открывание не окончится...»

И Шахразад устал, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать третья ночь

Когда же настала тридцать третья ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что брат цирюльника думал: «А потом я опущу голову к земле и всё буду так делать, пока её открывание не кончится. А после я прикажу кому-нибудь из слуг подать кошель с пятью сотнями динаров, и когда невеста будет тут, я отдам его прислужницам и велю им ввести меня к невесте. И когда меня введут, я не стану смотреть на неё и не заговорю с ней из презрения, чтобы говорили, что я горд душой. И её мать придёт и поцелует мне голову и руку и скажет: «О господин, взгляни на твою служанку, она хочет твоей близости, залечи же её сердце». А я не дам ей ответа; когда она это увидит, она встанет и поцелует мне ноги несколько раз и скажет: «О господин мой, моя дочь красивая девушка, которая ещё не видала мужчины, и когда она увидит в тебе такую сдержанность, её сердце разобьётся. Склонись же к ней и поговори с нею». И она поднимется и принесёт мне кубок с вином, и её дочь возьмёт кубок, и когда она подойдёт ко мне, я оставлю её стоять перед собой, а сам облокочусь на вышитую подушку, не глядя на неё, – из-за величия своей души, – пока она мне не скажет, что я султан, высокий саном, и не попросит меня: «О господин мой, заклинаю тебя Аллахом, не отвергай кубка из рук твоей служанки, ибо я твоя невольница». Но я ничего ей не отвечу; и она будет ко мне приставать и скажет: «Его обязательно надо выпить», – и поднесёт его к моему рту; и я махну рукой ей в лицо и отпихну ногой и сделаю вот так!» – и он взмахнул ногой, и поднос со стеклом упал (а он был на высоком месте) и свалился на землю, и все, что было на нем, разбилось.

И мой брат закричал и сказал: «Все это от величия моей души!» И тогда, о повелитель правоверных, он стал бить себя по лицу, и разорвал свою одежду, и начал плакать и бить себя; и люди смотрели на него, идя на пятничную молитву, и некоторые смотрели и жалели его, а другие о нем не думали. И мой брат был в таком состоянии: ушли от него и деньги и прибыль. И он просидел некоторое время плача; и вдруг видит – красивая женщина едет на муле с золотым седлом, и с нею несколько слуг, и от неё веет мускусом, а едет она на пятничную молитву. И когда она увидела стекло и состояние моего брата и его плач, её взяла печаль, и сердце её сжалилось над ним, и она спросила о его положении; и ей сказали: «С ним был поднос стеклянной посуды, благодаря которой он кое-как жил, и посуда разбилась, и его постигло то, что ты видишь». И тогда она позвала одного из слуг и сказала ему: «Дай то, что есть с тобой, этому бедняге»; и слуга дал моему брату кошелек, где он нашёл пятьсот динаров, и когда они попали в его руки, он едва не умер от сильной радости.

И мой брат принялся благословлять ту женщину и вернулся в своё жилище богатым и сидел размышляя; и вдруг – стучат в дверь. И он встал и открыл и видит – незнакомая старуха. И она сказала ему: «О дитя моё, знай, что время молитвы уже близко, а я не совершила омовения, и мне бы хотелось, чтобы ты меня пустил к себе в дом омыться». – «Слушаю и повинуюсь!» – сказал мой брат и вошёл и велел ей входить, и когда она вошла, он дал ей кувшин для омовения.

И мой брат сел, и сердце его трепетало от радости из-за динаров, и потом он завязал их в кошель; и когда он покончил с этим, старуха завершила омовение и, подойдя туда, где сидел мой брат, сотворила молитву в два раката, а затем помолилась за моего брата хорошей молитвой. И он поблагодарил её за это и, протянув руку к динарам, дал ей два динара и сказал про себя: «Это от меня милостыня». И когда старуха увидела динары, она воскликнула: «Да будет Аллах превознесён! Почему ты смотришь на того, кто тебя любит, как на нищего? Возьми твои деньги, они мне не нужны, и положи их опять к себе на сердце; а если ты хочешь встретиться с той, кто тебе их дал, я сведу её с тобою – она моя подруга». – «О матушка, – спросил мой брат, – как ухитриться попасть к ней?» И она сказала: «О дитя моё, она имеет склонность к человеку богатому; возьми же с собой все свои деньги и следуй за мной, и я приведу тебя к

тому, что ты хочешь. А когда ты встретишься с ней, употреби все, какие есть, ласки и приятные слова, и ты получишь из её прелестей и её денег все, что хочешь».

И мой брат взял с собой все своё золото и поднялся и пошёл с ней (и он сам не верил этому); а старуха все шла, и мой брат следовал за нею до одних больших ворот. И она постучала, и вышла невольница-гречанка и открыла ворота, и тогда старуха вошла и велела моему брату войти с нею, и он вошёл в большой дом и большую комнату, пол которой был устлан удивительными коврами, и там были повешены занавеси. И мой брат сел и положил золото перед собой, а свой тюрбан он положил на колени; и не успел он опомниться, как появилась девушка, лучше которой не видали смотрящие, и она была одета в роскошные одежды. И мой брат поднялся на ноги; и когда девушка увидела его, она засмеялась ему в лицо и сделала ему знак сесть. А потом она велела запереть дверь и, подойдя к моему брату, взяла его за руку, и они оба отправились и пришли к уединённой комнате и вошли в неё, и оказалось, что она устлана разной парчой.

И мой брат сел, и она села с ним рядом и немножко поиграла с ним, а затем она поднялась и сказала: «Не двигайся с места, пока я не приду!» – и скрылась от моего брата на некоторое время. И когда он так сидел, вдруг вошёл к нему чёрный раб огромного роста, и у него был обнажённый меч. «Горе тебе, – воскликнул он, – кто привёл тебя в это место и что ты здесь делаешь?» И когда мой брат увидел его, он не был в состоянии дать ему никакого ответа, и у него оцепенел язык, так что он не мог вымолвить слова. И раб взял его и снял с него одежду и до тех пор бил его мечом плашмя, пока он не упал без чувств на землю от побоев, и скверный раб подумал, что он прикончил его. И мой брат услышал, как он говорит: «Где солильщица?» И к нему подошла девушка, нёсшая в руке большое блюдо, где было много соли, и раб все время присыпал ею раны моего брата, но тот не двигался, опасаясь, что раб узнает, что он жив, и убьёт его и его душа пропадёт.

Потом невольница ушла, – говорил рассказчик, – и раб крикнул: «Где погребщица?» И старуха подошла к моему брату и потащила его за ногу в погреб и бросила его туда на множество убитых. И он провёл в этом месте два полных дня, и Аллах сделал соль причиной его жизни, так как она остановила кровь; и мой брат нашёл в себе силу, чтобы двигаться, и поднялся в погребе, и открыл над собою плиту (а он боялся), и вышел вон.

И Аллах даровал ему защиту, и брат вошёл в темноту и скрылся в этом проходе до утра, а когда наступило утреннее время, эта проклятая старуха вышла на поиски другой дичи, и брат вышел за нею следом, а она не знала этого. И он пришёл в своё жилище и не переставал лечиться, пока не выздоровел, и следил за старухой, все время смотря, как она хватала людей одного за другим и приводила их в тот дом, но ничего не говорил.

А потом, когда вернулись к нему его дух и сила, он взял тряпку, сделал из неё кошель, наполнил его стеклом и привязал к поясу. И он переоделся, чтобы его никто не узнал, и надел платье, и, взяв меч, спрятал его под платье, и когда увидел старуху, сказал ей на языке персиян: «О старуха, я чужеземец и прибыл сегодня в этот город и никого не знаю. Нет ли у тебя весов, вмещающих пятьсот динаров? Я тебе подарю немного из них». И старуха ответила: «У меня сын меняла, и у него есть всякие весы. Пойдём со мною, раньше чем он уйдёт со своего места, и он свешает твоё золото». – «Иди впереди меня!» – сказал мой брат; и она пошла, а брат сзади, и, подойдя к воротам, она постучала, и вышла та самая девушка и открыла ворота. И старуха засмеялась ей в лицо и сказала: «Я сегодня принесла вам жирный кусок мяса». И девушка взяла моего брата за руку и ввела его в то помещение, куда он входил прежде. И она немного посидела подле него и поднялась и сказала: «Не уходи, пока я не вернусь к тебе», и ушла. И не успел мой брат опомниться, как пришёл проклятый раб, и с ним был тот обнажённый меч. И он сказал моему брату: «Поднимайся, проклятый!» – И мой брат поднялся, и раб пошёл впереди него, а брат мой шёл сзади; и он протянул руку к мечу, что был у него под платьем, и ударил им раба, и скинул ему голову с плеч, потащил его за ногу к погребу и крикнул: «Где солильщица?»

И тогда пришла девушка с блюдом, в котором была соль, и, увидав моего брата и в его руке меч, она бросилась бежать, но брат последовал за нею и ударил её и отрубил ей голову. А потом он закричал: «Где старуха?» И она пришла, и брат спросил её: «Узнаешь ты меня, скверная старуха?» А она отвечала: «Нет, господин». И мой брат сказал: «Я владеец денег, к которому ты пришла, и ты у меня омылась и помолилась и призвала меня сюда». – «Побойся Аллаха и подумай ещё о моем деле», – сказала старуха; но мой брат и не посмотрел на неё и так ударил её, что разрубил на четыре куска, а потом он вышел искать девушку; и когда она увидела его, её ум улетел, и она воскликнула: «Пощады!» И мой брат пощадил её.

«Что привело тебя к этому чёрному?» – спросил он тогда её; она сказала: «Я была невольницей одного купца, а эта старуха заходила ко мне, и я с нею подружилась. И в один из дней она сказала мне: «У нас свадьба, равной которой никто не видел, и я хочу, чтобы ты посмотрела на неё». И я отвечала ей: «Слушаю и повинуюсь!», потом я надела свою лучшую одежду и драгоценности и взяла с собою кошелек с сотнею динаров и пошла с нею, и она привела меня в этот дом. И, войдя, я не успела опомниться, как этот чёрный взял меня, и я в таком положении уже три года из-за хитрости проклятой старухи». – «А есть у него что-нибудь в этом доме?» – спросил мой брат, и она сказала: «У него есть много, и если ты можешь это перенести, перенеси, попросив совета у Аллаха».

И мой брат поднялся и пошёл с нею, и она открыла сундуки, в которых были мешки, и мой брат впал в недоуменное, а девушка сказала ему: «Иди теперь и оставь меня здесь и приведи кого-нибудь, чтобы снести деньги». И мой брат вышел и нанял десять человек и пришёл к воротам, но нашёл их открытыми и не увидел ни девушки, ни мешков, кроме немногих, – одни только ткани. Он понял, что девушка обманула его, и взял оставшиеся деньги и, открыв кладовые, забрал то, что в них было, и ничего не оставил в доме, и провёл ночь радостный.

А когда настало утро, он нашёл у ворот двадцать солдат, которые вцепились в него и сказали: «Вали тебя требует». И они взяли его, и мой брат стал проситься у них пройти в свой дом, но они не дали ему времени вернуться домой, и мой брат обещал им много денег, но они отказались. И они крепко связали его верёвкой и повели, и им встретился по дороге один его приятель, и мой брат уцепился за его полу и стал просить его постоять с ним, чтобы помочь ему освободиться из их рук. И этот человек остановился и спросил их, в чем с ним дело; и они сказали: «Вали приказал нам привести его к себе, и вот мы идём с ним». И друг моего брата попросил их освободить его, с тем что он даст им пятьсот динаров, и сказал им: «Когда вернётесь к вали, скажите ему: «Мы его не нашли». Но они отвергли его слова и взяли моего брата, таща его вниз лицом, и привели его к вали; и когда вали увидел моего брата, он спросил его: «Откуда у тебя эти ткани и деньги?» – «Я хочу пощады», – сказал мой брат; и вали дал ему платок пощады, и тогда брат рассказал ему о том, что случилось и что произошло у него со старухой, с начала до конца, и о бегстве девушки и сказал вали: «А то, что я взял, возьми из этого, сколько хочешь, и оставь мне, на что кормиться». И вали взял все деньги и ткани и побоялся, что весть об этом дойдёт до султана, и сказал моему брату: «Уходи из этого города, а не то я тебя повешу!» И мой брат отвечал: «Слушаю и повинуюсь!» – и ушёл в какой-то город, и на него напали воры и раздели его и побили и обрезали ему уши. И я услышал весть о нем и вышел к нему, и взял для него одежду, и привёл его тайно в город, и стал ему выдавать что пить и что есть.

Рассказ о шестом брате цирюльника (ночь 33)

А что касается моего шестого брата, о повелитель правоверных, то у него отрезаны губы. Он обеднел и вышел однажды поискать чего-нибудь, чтобы удержать в теле жизнь; и вот, когда он шёл какой-то дорогой, он вдруг видит прекрасный дом с широким, высоким портиком, а возле ворот – слуги и люди, приказывающие и запрещающие. И он спросил кого-то из стоявших там, и тот сказал: «Это дом одного из семьи Бармакидов». И тогда мой брат подошёл к привратникам и попросил у них чего-нибудь, и они сказали: «Войди в ворота дома – найдёшь то, что любишь, у нашего господина». И мой брат вошёл под портик и прошёл под ним и достиг дома, красивого до предела красоты и изящества, и посреди него был сад, подобного которому он не видел, а пол в нем был выложен мрамором, и повешены были там занавеси.

И брат мой остался в недоумении, не зная, куда направиться, и пошёл к возвышенной части покоя, и увидел человека с красивым лицом и бородой; и тот, увидев моего брата, поднялся к нему и приветствовал его и спросил его о его положении, и брат сообщил ему, что он нуждается.

И, услышав слова моего брата, этот человек проявил сильное огорчение и, взявшись рукою за свою одежду, разорвал её и воскликнул: «Я живу в этом городе, а ты в нем голодаешь! Мне не вынести этого!»

И он обещал ему всякие блага и сказал: «Ты непременно должен разделить со мной соль». И мой брат ответил: «О господин, у меня нет терпения, и я сильно голоден!» И хозяин крикнул: «Эй, мальчик, подай таз и кувшин! – и сказал: Подойди и вымой руки». И мой брат поднялся, чтобы помыть руки, но не увидел ни таза, ни кувшина. А хозяин стал делать движения, точно он моет руки, и потом крикнул: «Подайте стол!» Но мой брат ничего не увидал. И тот человек сказал ему: «Пожалуйста, поешь этого кушанья, не стыдись!» – и стал делать движения, как будто он ест, и говорил моему брату: «Удивительно, как ты мало ешь! Не ограничивай себя в еде, я знаю, как ты голоден!» И мой брат стал делать вид, что ест, а хозяин говорил ему: «Ешь и смотри, как хорош и как бел этот хлеб». Но брат ничего не видел и думал про себя: «Этот человек любит издеваться над людьми». «О господин мой, – сказал ему мой брат, – я в жизни не видал хлеба белее и вкуснее этого». И он отвечал: «Его испекла невольница, которую я купил за шестьсот динаров». Потом хозяин дома крикнул: «Эй, мальчик, подай мясной пирог, первое кушанье, и прибавь в него жиру!» И спросил моего брата: «О гость, заклинаю тебя Аллахом, видел ли ты пирог лучше этого? Ради моей жизни, ешь, не стыдись! Эй, мальчик, – крикнул он затем, – подай нам мясо в уксусе и жирных куропаток!» И сказал моему брату: «Ешь, гость, ты голоден и нуждаешься в этом». И мой брат стал ворочать челюстями и жевать, а тот человек требовал кушанье за кушаньем, но ничего не приносили, и он только приказывал моему брату есть.

Потом он крикнул: «Эй, мальчик, подай нам цыплят, начинённых фисташками!» И сказал моему брату: «Заклинаю тебя жизнью, о мой гость, этих цыплят откармливали фисташками, – поешь же того, чему подобного ты никогда не ел, и не стыдись». – «О господин мой, это хорошо!» – отвечал мой брат; и хозяин стал подносить руку ко рту моего брата, как бы кормя его, и перечислял блюда, расхваливая их моему брату, который был голоден, и его голод ещё увеличился, так что ему хотелось хотя бы ячменной лепёшки. «Видел ли ты пряности лучше тех, что в этих кушаньях?» – спросил он потом; и мой брат ответил: «Нет, господин». И тот сказал: «Ешь хорошенько и не стыдись!» – «Мне уже довольно еды», – отвечал мой брат; и хозяин дома крикнул: «Уберите это и подайте сладости!» И сказал моему брату: «Поешь вот этого, это прекрасное кушанье, и покушай этих пышек. Заклинаю тебя жизнью, возьми эту пышку, пока с неё не стек сок». – «Да не лишусь я тебя, о господин мой!» – воскликнул мой брат и принялся расспрашивать его, много ли мускуса в пышках; и хозяин дома отвечал: «У

меня обычно кладут в каждую пышку мискаль мускуса и полмискаля амбры». И при всем этом мой брат двигал головой и ртом и играл челюстями. «Ешь этот миндаль, не стыдись», – сказал хозяин дома; и мой брат отвечал: «О господин мой, с меня уже довольно, я не в состоянии что-нибудь съесть!» А хозяин дома воскликнул: «О гость, если хочешь чего-нибудь съесть и насладиться, Аллахом, Аллахом заклинаю тебя, не будь голоден!» – «О господин, – сказал мой брат, – как может быть голоден тот, кто съел все эти кушанья?» И потом мой брат подумал и сказал про себя: «Обязательно сделаю с ним дело, после которого он раскается в таких поступках!» А тот человек крикнул: «Подайте нам вино!» И слуги стали двигать руками в воздухе, точно подают вино. И хозяин подал брату кубок и сказал: «Возьми этот кубок, и если вино тебе понравится, скажи мне». – «О господин, – отвечал мой брат, – оно хорошо пахнет, но я привык пить старое вино, которому двадцать лет». – «Постучись-ка в эту дверь – ты сможешь несколько его выпить», – сказал хозяин; и мой брат воскликнул: «О господин, твоей милостью!» – и сделал движение рукой, как будто пьёт, а хозяин дома сказал: «На здоровье и в удовольствие!» Потом он сделал вид, что выпил, и подал моему брату второй кубок, и тот выпил и сделал вид, что опьянел, а затем мой брат захватил его врасплох и, подняв руку так, что стало видно белизну его подмышки, дал ему затрещину, от которой зазвенело в помещении. И он дал ему ещё затрещину, второй раз, и тот человек воскликнул: «Что это, негодяй?» И мой брат отвечал: «О господин мой, ты был милостив к твоему рабу, и ввёл его в свой дом и дал ему поесть пищи и напоил его старым вином, и он охмелел и стал буяннить, но ты достаточно возвышен, чтобы снести его глупость и простить ему вину».

И, услышав его слова, хозяин дома громко рассмеялся и сказал: «Я уже долгое время потешаюсь над людьми и издеваюсь над друзьями, но не видел ни у кого такой выносливости и сообразительности, чтобы проделать со мною все эти дела. А теперь я простил тебя; будь же моим сотрапезником взаправду и никогда не расставайся со мной». И он велел вынести множество сортов кушаний, которые упомянул вначале, и они с моим братом ели, пока не насытились, а затем они перешли в комнату для шитья; и вдруг там оказались невольницы, подобные лунам, и они стали петь на все голоса и под все инструменты, а потом оба принялись пить, и их одолел хмель; и тот человек подружился с моим братом так, что стал ему точно брат, и полюбил его великой любовью, и наградил его. А когда настало утро, они снова принялись за еду и питьё, – и так продолжалось в течение двадцати лет. А потом тот человек умер, и султан захватил его имущество и то, что было у моего брата, и султан отбирал у него деньги, пока не оставил его бедняком, ничего не имеющим.

И мой брат вышел, убегая наобум; и когда он был посреди дороги, на него напали кочевники и взяли его в плен. Они привели его к себе в стан, и тот, кто его забрал, стал его мучить и говорил ему: «Выкупи у меня твою душу за деньги, а не то я тебя убью!»; а мой брат плакал и говорил ему: «Клянусь Аллахом, у меня ничего нет! Я твой пленник, делай со мной, что хочешь».

И кочевник вынул нож и отрезал моему брату губы и все сильнее приставал к нему с требованиями. А у кочевника была красивая жена, и когда он выходил, она предлагала себя моему брату и старалась прельстить его, а он отказывался; но когда наступил один из дней и она стала соблазнять брата, он принялся играть с нею и посадил её к себе на колени. И в это время её муж вдруг вошёл к ней: и, увидав моего брата, воскликнул: «Горе тебе, проклятый, теперь ты хочешь испортить мою жену!» И он вынул нож и отрезал ему зебб и, взвалив моего брата на верблюда, бросил его на горе и оставил.

И мимо него проходили путешественники, и они узнали его, и накормили и напоили, и сообщили мне, что с ним случилось; и я пришёл к нему и понёс его, и принёс его в город, и назначил ему всего достаточно. И вот я пришёл к тебе, о повелитель правоверных, и побоялся уйти отсюда, прежде чем расскажу тебе: это было бы ошибкой. Ведь за мною шесть братьев и я забочусь о них».

И когда повелитель правоверных услышал мою историю и то, что я рассказал ему о моих братьях, он засмеялся и сказал: «Твоя правда, о Молчальник, ты немногоречив, и в тебе нет болтливости, но теперь уходи из этого города и живи в другом!» – И он выгнал меня под стражей.

И я входил в города и обходил области, пока не услышал о его смерти и о том, что халифом стал другой, и тогда я пришёл в этот город; и оказалось, что мои братья уже умерли. И я пошёл к этому юноше и сделал с ним наилучшие дела, и если бы не я, его наверное бы убили, но он обвинил меня в том, чего во мне нет. И то, о собрание, что он передал о моей болтливости, – ложь. Из-за этого юноши я обошёл многие страны, пока не достиг этой земли и не застал его у вас, и не от моего ли это великодушия, о благое собрание?»

И когда мы услышали историю цирюльника и его многие речи и то, что он обидел этого юношу, мы взяли цирюльника и схватили его, и заточили, и сели, спокойные, и поели, и выпили, и пир продолжался до призыва к послеполуденной молитве. И потом я вышел и пришёл домой, и моя жена насупилась и сказала: «Ты веселишься и развлекаешься, а я грущу! Если ты меня не выведешь и не будешь со мной гулять остаток дня, я разорву верёвку нашей близости и причина нашей разлуки будет в тебе».

И я вышел с нею, и мы гуляли до вечера, а затем мы вернулись и встретили горбуна, который был пьян через край, и он говорил такие стихи:

«Стекло прозрачно, – и ясно, как вино,
Что они похожи, и смутно дело тут:
И как будто есть вино, а кубка нет,
И как будто кубок есть, а нет вина».

И я пригласил его и вышел купить жареной рыбы, и мы сели есть, а потом моя жена дала ему кусок хлеба и рыбы и сунула их ему в рот, и заткнула его, и горбун умер; и я снёс его и ухитрился бросить его в дом этого врача-еврея, а врач изловчился и бросил его в дом надсмотрщика а надсмотрщик ухитрился и бросил на дороге христианина-маклера. Вот моя история и то, что я вчера пережил, – не удивительное ли это истории горбуна?»

И, услышав эту историю, царь Китая затряс головой от восторга и проявил удивление и сказал: «Эта история, что произошла между юношей и болтливым цирюльником, поистине лучше и прекраснее истории лгуна-горбуна!»

Потом царь приказал одному из придворных: «Поймите с портным и приведите цирюльника из заточения: я послушаю его речи, и он будет причиной освобождения вас всех; а этого горбуна мы похороним...»

И Шахразадку застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать четвёртая ночь

Когда же настала тридцать четвёртая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Китая сказал: «Приведите ко мне цирюльника, и он будет причиной вашей освобождения, а этого горбуна мы похороним, – ведь он со вчерашнего дня мёртвый – и сделаем ему гробницу».

И не прошло минуты, как придворный с портным отправились в тюрьму и вывели оттуда цирюльника и шли с ним, пока не остановились перед царём. И, увидев цирюльника, царь всмотрелся в него – и вдруг оказывается, что дряхлый старик, зашедший за девяносто, с чёрным лицом, белой бородой и бровями, обрубленными ушами и длинным носом, и в душе его – глупость. И царь засмеялся от его вида и сказал: «О Молчальник, я хочу, чтобы ты рассказал мне какую-нибудь из твоих историй». И цирюльник спросил: «О царь времени, а какова исто-

рия этого христианина, и еврея, и мусульманина, и мёртвого горбуна, который среди вас, и что за причина этого собрания?» – «А почему ты об этом спрашиваешь?» – сказал царь Китая; и цирюльник отвечал: «Я спрашиваю о них, чтобы царь узнал, что я не болтун и я не виновен в болтливости, в которой они меня обвиняют. Я тот, чьё имя Молчальник, и во мне есть доля от моего имени, как сказал поэт:

Не часто глаза твои увидят прозванного,
Чтоб не был, коль вступишь, в прозвание весь смысл его».

«Изложите цирюльнику историю этого горбуна и то, что случилось с ним в вечернюю пору и что рассказывали еврей, христианин, надсмотрщик и портной», – сказал царь; и они это сделали (а в повторении нет пользы!), и после этого цирюльник покачал головой и воскликнул: «Клянусь Аллахом, это, поистине, удивительная диковина! Откройте этого горбуна!»

И ему открыли горбуна, и он сел около него и, взяв его голову на колени, посмотрел ему в лицо и стал так смеяться, что перевернулся навзничь, а потом воскликнул: «Всякая смерть удивительна, но о смерти этого горбуна следует записать золотыми чернилами!» И все собравшиеся оторопели от слов цирюльника, и царь удивился его речам и спросил: «Что с тобой, о Молчальник? Расскажи нам». И цирюльник ответил: «О царь времени, клянусь твоей милостью, в лгуне-горбуне есть дух!» И цирюльник вынул из-за пазухи шкатулку и, открыв её, извлёк из неё горшочек с жиром и смазал им шею горбуна и жилы на ней, а потом он вынул два железных крючка и, опустив их ему в горло, извлёк оттуда кусок рыбы с костью, и когда он вынул его, оказалось, что он залит кровью. А горбун один раз чихнул, и вскочил на ноги, и погладил себя по лицу, и воскликнул: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед – посланник Аллаха!» И царь и присутствующие удивились тому, что они воочию увидели.

И царь Китая так смеялся, что лишился чувств, и присутствующие тоже; и султан сказал: «Клянусь Аллахом, это удивительная история, и я в жизни не слышал диковиннее её!»

«О мусульмане, о все воины, – спросил потом султан, – видели ли вы в жизни, чтобы кто-нибудь умер и потом ожил? Если бы Аллах не послал ему этого цирюльника (а он был причиной его жизни), горбун наверное бы умер».

И все сказали: «Клянёмся Аллахом, это удивительная диковина!» А потом царь Китая приказал записать эту историю золотыми чернилами, и её записали и затем положили в казну царя. А после этого он наградил еврея, христианина и надсмотрщика, каждого из них драгоценной одеждой, и велел им уходить; и они ушли. А затем царь обернулся к портному и наградил его драгоценной одеждой и сделал своим портным; он назначил ему выдачи и помирил его с горбуном, и наградил горбуна дорогой и красивой одеждой и назначил ему выдачи, сделав его своим сотрапезником, а цирюльника он пожаловал и назначил его главным цирюльником царства и своим собутыльником. И они пребывали в сладостнейшей и приятнейшей жизни, пока не пришла к ним Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний.

Но это нисколько не удивительнее рассказа о двух везирах и Анис-аль-Джалис». – «А как это было?» – спросила Дуньязада.

Рассказ о двух везирях и Анис аль-Джалис (ночи 34–38)

Дошло до меня, о счастливый царь, – сказала Шахразада, – что был в Басре царь из царей, который любил бедняков и нищих и был благосклонен к подданным и одаривал из своих денег тех, кто верил в Мухаммеда, да благословит его Аллах и да приветствует! И он был таков, как сказал о чем один:

Повелитель ваш, если конный враг кружит вокруг него,
Поражает рать неприятелей остросрежущим,
И в сердцах копьём он черты проводит.
Столь гневен он,
Когда видишь ты, как он всадников под щитом разит.

И звали его царь Мухаммед ибн Сулейман аз-Зани, и у него было два везиря, один из которых прозывался аль Муин ибн Сави, а другого звали аль-Фадл ибн Хакан. И аль-Фадл ибн Хакан был великодушнейший человек своего времени и вёл хорошую жизнь, так что сердца соединились в любви к нему, и люди единодушно советовались с ним, и все молились о его долгой жизни – ибо в нем было чистое добро и он уничтожил зло и вред.

А везирь аль-Муин ибн Сави ненавидел людей и не любил добра, и в нем было одно зло, как о нем сказано:

Прибегай к достойным сынам достойных, – поистине,
Породит достойный и сын достойных-достойных.
И оставь злодеев, сынов злодеев, – поистине,
Породят злодеи, сыны злодеев – злодеев.

И люди, насколько они любили аль-Фадла ибн Хакана, настолько ненавидели аль-Муина ибн Сави.

И властью всемогущего случилось так, что царь Мухаммед ибн Сулейман аз-Зейни однажды сидел на престоле своего царства, окружённый вельможами правления, и позвал своего везиря аль-Фадла ибн Хакана и сказал ему: «Я хочу невольницу, которой не было бы лучше в её время и чтобы она была совершенна по красоте и превосходила бы других стройностью и обладала похвальными качествами».

И вельможи правления сказали: «Такую найдёшь только за десять тысяч динаров». И тогда султан крикнул своего казначея и сказал: «Отнеси десять тысяч динаров аль-Фадлу ибн Хакану!» – и казначей исполнил приказание султана.

А везирь ушёл, после того как султан велел ему ходить каждый день на рынок и передать посредникам то, что мы говорили, и чтобы не продавали ни одной невольницы выше тысячи динаров ценою, пока её не покажут везиру. И невольниц не продавали, прежде чем их покажут везиру, но никакая невольница, что попадала к ним, не нравилась ему.

В один из дней вдруг пришёл ко дворцу везиря аль-Фадла ибн Хакана посредник и, увидя его на коне, въезжающим в царский дворец, схватил его стремя и сказал:

«О ты, кто обычай царства снова воссоздал!
Везирь – о, да будешь ты обрадован вечно!
Умершую щедрость ты опять воскресил средь нас,
Да будут труды твои Аллаху приятны!»

«О господин, – сказал он потом, – то, что отыскать было прежде благородное повеление, – готово!» – и везирь воскликнул: «Ко мне с нею!» И посредник на некоторое время скрылся, и пришла с ним девушка стройная станом, с высокой грудью, насурьмлѣнным оком и овальным лицом, с худошавым телом и тяжкими бѣдрами, в лучшей одежде, какая есть из одежд, и со слюной слаще патоки, и её стан был стройнее гибких веток и речи нежнее ветерка на заре, как сказал о ней кто-то:

Диковина прелести, чей лик, как луна средь звѣзд,
Великая в племени газелей и нежных серн.
Властитель престола дал ей блеск и возвышенность,
И прелесть, и ум, и стан затем, что похож на ветвь,

И в небе лица её семь звѣзд на щеке у ней,
Как стражи её хранят они от смотрящего.
И если захочет муж похитить хоть взгляд у ней –
Сожгут его демоны речей её жаром звѣзд.

И когда везирь увидел её, он был ею восхищён до пределов восхищения, а затем он обратился к посреднику и спросил его: «Сколько стоит эта невольница?» – и тот ответил: «Цена за неё остановилась на десяти тысячах динаров, и её владелец клянётся, что эти десять тысяч динаров не покроют стоимости цыплят, которых она съела, и напитков, и одежд, которыми она наградила своих учителей, так как она изучила чистописание, и грамматику, и язык, и толкование Корана, и основы законовѣдения и религии, и врачевание, и времяисчисление, и игру на увеселяющих инструментах». – «Ко мне с её господином!» – сказал везирь, и посредник привёл его в тот же час и минуту, и вдруг, оказывается, он человек из персиян, который прожил, сколько прожил, и судьба потрепала его, но пощадила, как сказал о нем поэт:

Потряс меня рок и как потряс-то!
Ведь року присуща мощь и сила.
Я раньше ходил не уставая –
Теперь же устал, хоть не хожу я.

«Согласен ли ты взять за эту невольницу десять тысяч динаров от султана Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни?» – спросил везирь, и персиянин воскликнул: «Клянусь Аллахом, я предлагаю её султану ни за что – это для меня обязательно!» И тогда везирь велел принести деньги, и их принесли и отвесили персиянину.

И работорговец подошёл к везиру и сказал ему: «С разрешения нашего владыки везира, я скажу!» – «Подавай, что у тебя есть!» – ответил везирь, и торговец сказал: «По моему мнению, лучше тебе не приводить этой девушки к султану в сегодняшний день: она прибыла из путешествия, и воздух над нею сменился, и путешествие поистерло её. Но оставь её у себя во дворце на десять дней, пока она не придёт в обычное состояние, а потом сведи её в баню, одень её в наилучшие одежды и отведи её к султану – тебе будет при этом полнейшее счастье».

И везирь обдумал слова работорговца и нашёл их правильными. Он привёл девушку к себе во дворец и отвёл ей отдельное помещение и каждый день выдавал ей нужные кушанья, напитки и прочее, и она провела таким образом некоторое время.

А у везира аль-Фадла ибн Хакана был сын, подобный луне, когда она появится, с лицом как месяц и румяными щеками, с родинкой, словно точка амбры, и с зелёным пушком, подобно тому, как поэт сказал о нем, ничего не упуская:

Он луна, что взором разит своим, когда всмотрится.
Или, как ветвь – губящая стройностью, когда склонится.
Как у зипджей⁶³ кудри, как золото цвет лица его,
Он чертами нежен, а стан его на тростник похож.

О жестокость сердца и нежность стройных боков его!
Отчего нельзя от сердца к стану послать её?
Коль была бы нежность боков его в душе его,
Никогда бы не был жесток с влюблённым и злобен он.

О хулящий нас за любовь к нему, будь прощающим!
Кто отдаст мне тело, что взято в плен изнурением?
Виноваты здесь лишь душа и взоры очей моих;
Так забудь упрёки, оставь меня в этой горести!

И юноша не знал об этой невольнице, а его отец научил её и сказал: «О дочь моя, знай, что я купил тебя только как наложницу для царя Мухаммеда ибн Сулеймана аз-Зейни, а у меня есть сын, который не оставался на улице один с девушкой без того, чтобы не иметь с нею дело. Будь же с ним настороже и берегись показать ему своё лицо и дать ему услышать твои речи». И девушка отвечала ему: «Слушаю и повинуюсь!» – и он оставил его и удалился.

А по предопределённому велению случилось так, что девушка в один из дней пошла в баню, что была в их жилище, и одна из невольниц вымыла её, и она надела роскошные платья, так что увеличилась её красота и прелесть, и вошла к госпоже, жене везира, и поцеловала ей руку, и та сказала: «На здоровье, Анис аль-Джалис! Хороша ли баня?» – «О госпожа, – отвечала она, – мне недоставало только твоего присутствия там». И тогда госпожа сказала невольницам: «Пойдёмте в баню!» – и те ответили: «Внимание и повиновение» И они поднялась, и их госпожа меж ними, и она поручила двери той комнаты, где находилась Анис аль-Джалис, там маленьким невольницам и сказала им: «Не давайте никому войти к девушке!» И они отвечали: «Внимание и повиновение!»

И когда Анис аль-Джалис сидела в комнате, сын везира, а звали его Нар-ад-дин Али, вдруг пришёл и спросил о своей матери и о девушках, и невольницы ответили: «Они пошли в баню».

А невольница Анис аль-Джалис услышала слова Нур-ад-дина Али, сына везира, будучи внутри комнаты, и сказала про себя: «Посмотреть бы, что это за юноша, о котором везир говорил мне, что он не оставался с девушкой на улице без того, чтобы не иметь с ней дело! Клянусь Аллахом, я хочу взглянуть на него!» И поднявшись (а она была только что из бани), она подошла к двери комнаты и посмотрела на Нур-ад-дина Али, и вдруг оказывается – это юноша, подобный луне в полнолуние. И взгляд этот оставил после себя тысячу вздохов, и юноша бросил взгляд и взглянул на неё взором, оставившим после себя тысячу вздохов, и каждый из них попал в сети любви к другому.

И юноша подошёл к невольницам и крикнул на них, и они вбежали от него и остановились вдалеке, глядя, что он сделает. И вдруг он подошёл к двери комнаты, открыл её и вошёл к девушке и сказал ей: «Тебя мой отец купил для меня?» И она отвечала: «Да», – и тогда юноша подошёл к ней (а он был в состоянии опьянения), и взял её ноги, и положил их себе вокруг пояса, а она сплела руки на его шее и встретила его поцелуями, вскрикиваниями и заигрываниями, и он стал сосать ей язык, и она сосала ему язык, и он уничтожил её девственность.

⁶³ Зипджи – чернокожие жители о-ва Занзибара (в восточной Африке); нередко это название распространялось и на всех негров вообще.

И когда невольницы увидели, что их молодой господин вошёл к девушке Анис аль-Джалис, они закричали и завопили, а юноша уже удовлетворил нужду и вышел, убегая и ища спасения, и бежал, боясь последствий того дела, которое он сделал. И, услышав вопли девушек, их госпожа поднялась и вышла из бани (а пот капал с неё) и спросила: «Что это за вопли в доме? – и, подойдя к двум невольницам, которых она посадила у дверей комнаты, она воскликнула: – Горе вам, что случилось?» И они, увидав его, сказали: «Наш господин Нур-ад-дин пришёл к нам и побил нас, и мы убежали от него, а он вошёл к Анис аль-Джалис и обнял её, и мы не знаем, что он сделал после этого. А когда мы кликнули тебя, он убежал». И тогда госпожа подошла к Анис аль-Джалис и спросила её: «Что случилось?» – и она отвечала: «О госпожа, я сижу, и вдруг входит ко мне красивый юноша и спрашивает: «Тебя купил для меня отец?» И я отвечала: «Да!» – и клянусь Аллахом, госпожа, я думала, что его слова правда, – и тогда он подошёл ко мне и обнял меня». – «А говорил он тебе ещё что-нибудь, кроме этого?» – спросила её госпожа, и она ответила: «Да, и он взял от меня три поцелуя». – «Он не оставил тебя, не обесчестив!» – воскликнула госпожа и потом заплакала и стала бить себя по лицу, вместе с невольницами, боясь за Нур-ад-дина, чтобы его не зарезал отец.

И пока это происходило, вдруг вошёл везирь и спросил, в чем дело, и его жена сказала ему: «Поклянись мне, что то, что я скажу, ты выслушаешь!» – «Хорошо», – отвечал везирь. И она повторила ему, что сделал его сын, и везирь опечалился и порвал на себе одежду и стал бить себя по лицу и выщипал себе бороду. И его жена сказала: «Не убивайся, я дам тебе из своих денег десять тысяч динаров, её цену». И тогда везирь поднял к ней голову и сказал: «Горе тебе, не нужно мне её цены, но я боюсь, что пропадёт моя душа и моё имущество». – «О господин мой, а как же так?» – спросила она. И везирь сказал:

«Разве ты не знаешь, что за нами следит враг, которого зовут аль-Муин ибн Сави? Когда он услышит об этом деле, он пойдёт к султану...»

И Шахразадз застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать пятая ночь

Когда же настала тридцать пятая ночь, она сказала: «Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь говорил своей жене: «Разве ты не знаешь, что за нами следит враг, по имени аль-Муин ибн Сави, и когда он услышит об этом деле, он пойдёт к султану и скажет ему: «Твой везирь, который, как ты говоришь, тебя любит, взял у тебя десять тысяч динаров и купил на них девушку, равной которой никто не видел, и когда она ему понравилась, он сказал своему сыну: «Возьми её, у тебя на неё больше прав, чем у султана». И он её взял и уничтожил её девственность. И вот эта невольница у него». И царь скажет: «Ты лжёшь!» – а он ответит царю: «С твоего позволения, я ворвусь к нему и приведу её тебе». И царь прикажет ему это сделать, и он обыщет дом и заберёт девушку и приведёт её к султану, а тот спросит её, и она не сможет отрицать, и аль-Муин скажет: «О господин, ты знаешь, что я тебе искренний советчик, но только нет мне у вас счастья». И султан изуродует меня, а все люди будут смотреть на это, и пропадёт моя душа». И жена везиря сказала ему: «Не дай никому узнать об этом – это дело случилось втайне – и вручи своё дело Аллаху в этом событии». И тогда сердце везиря успокоилось.

Вот что было с везирем. Что же касается Нур-ад-дина Али, то он испугался последствий своего поступка и проводил весь день в садах, а в конце вечера он приходил к матери и спал у неё, а перед утром вставал и уходил в сад. И так он поступал месяц, не показывая отцу своего лица. И его мать сказала его отцу: «О господин, погубим ли мы девушку и погубим ли сына? Если так будет продолжаться, то он уйдёт от нас». – «А как же поступить?» – спросил её везирь. И она сказала: «Не спи сегодня ночью и, когда он придёт, схвати его – и помирись. И отдай ему девушку – она любит его, и он любит её, а я дам тебе её цену».

И везирь подождал до ночи и, когда пришёл его сын, он схватил его и хотел его зарезать, но мать Нур-ад-дина позвала его и спросила: «Что ты хочешь с ним сделать?» – «Я зарежу его», – отвечал везирь, и тогда сын спросил своего отца: «Разве я для тебя ничтожен?» И глаза везиря наполнились слезами, и он воскликнул: «О дитя любви, как могло быть для тебя ничтожно, что пропадут мои деньги и моя душа?» И юноша отвечал: «Послушай, о батюшка, что сказал поэт:

Пусть и грешен я, но всегда мужи разумные
Одаряли грешных прощением всеобъемлющим.
И на что же ныне надеяться врагам твоим,
Коль они в почине, а ты по месту превыше всех?»

И тогда везирь поднялся с груди своего сына и сказал: «Дитя моё, я простил тебя!» – и его сердце взволновалось, а сын его поднялся и поцеловал реку своего отца, и тот сказал: «О дитя моё, если бы я знал, что ты будешь справедлив к Анис аль-Джалис, я бы подарил её тебе». – «О батюшка, как мне не быть к ней справедливым?» – спросил Нур-ад-дин.

И везирь сказал: «Я дам тебе наставление, дитя моё: не бери, кроме неё, жены или наложницы и не продавай её». – «Клянусь тебе, батюшка, что я ни на ком, кроме неё, не женюсь и не продам её», – отвечал Нур-ад-дин и дал в этом клятву и вошёл к невольнице и прожил с нею год. И Аллах великий заставил царя забыть случай с этой девушкой.

Что же касается аль Муина ибн Сави, то до него дошла весть об этом, но он не мог говорить из-за положения везиря при султани.

А когда прошёл год, везирь аль-Фадл ибн Хакан отправился в баню и вышел оттуда вспотевший, и его ударило воздухом, так что он слёг на подушки, и бессонница его продлилась, и слабость растеклась по нему.

И тогда он позвал своего сына Нур-ад-дина Али и, когда тот явился, сказал ему: «О сын мой, знай, что удел распределён и срок установлен, и всякое дыхание должно испить чашу смерти». И он произнёс:

«Умираю! Преславен тот, кто бессмертен!
Я уверен, что скоро мёртвым я буду.
Нет в деснице владыки смертного власти,
И тому лишь присуща власть, кто бессмертен».

«О дитя моё, – сказал он потом, – нет у меня для тебя наставления, кроме того, чтобы бояться Аллаха и думать о последствиях дел, и заботиться о девушке Анис аль-Джалис». – «О батюшка, – сказал Нур-ад-дин, – кто же равен тебе? Ты был известен добрыми делами и за тебя молились на кафедрах!»

И везирь сказал: «О дитя моё, я надеюсь, что Аллах меня примет!» И затем он произнёс оба исповедания⁶⁴ и был приписан к числу людей блаженства.

И тогда дворец перевернулся от воплей, и весть об этом дошла до султана, и жители города слышали о кончине аль-Фадла ибн Хакана, и заплакали о нем дети в школах. И его сын Нур-ад-дин Али поднялся и обрядил его, и явились эмиры, везири, вельможи царства и жители города, и в числе присутствующих на похоронах был везирь аль-Муин ибн Сави. И кто-то произнёс при выходе похорон из дома:

⁶⁴ То есть он произнёс обе части мусульманского исповедания веры: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – посланник Аллаха».

«В день пятый расстался я со всеми друзьями
И мыли потом меня на досках от двери.
И сняли все то с меня, в чем прежде одет я был,
И снова надели мне одежду другую.

Снесли меня четверо на шеях в моленную,
И многие близ меня с молитвой стояли;
С молитвой надгробною, когда ниц не падают,
И все, кто мне другом был, о мне помолились.

Потом отнесли меня в жилище со сводами,
Где дверь не откроется, хоть кончится время».

И когда схоронили аль-Фадла ибн Хакана в земле и вернулись друзья и родные, Нур-ад-дин тоже вернулся со стенаниями и плачем, и язык его состояния говорил:

«В день пятый уехали они перед вечером,
Когда попрощались мы – простились и тронулись.
И только уехали – за ними душа ушла.

«Вернись», – я позвал её, – спросила: «Куда вернусь?
В то тело, где духа нет и крови иссякнул ток,
Где кости одни теперь гремят и встречаются?»

Ослепли глаза мои от плача безмерного,
И на уши туг я стал – не слышат они теперь».

И он пребывал в глубокой печали об отце долгое время и в один из дней, когда он сидел в доме своего отца, вдруг кто-то постучал в дверь. И Нур-ад-дин Али поднялся и отворил дверь, и вошёл один из сотрапезников и друзей его отца, и поцеловал Нур-ад-дину руку, и сказал: «О господин мой, кто оставил после себя подобного тебе, тот не умер, и такой же был исход для господина первых и последних. О господин, успокой свою душу и оставь печаль!»

И тогда Нур-ад-дин перешёл в покой, предназначенный для сидения с гостями, и перенёс туда все, что было нужно, и у него собрались его друзья, и он взял туда свою невольницу. И к нему сошлись десять человек из детей купцов, и он принялся есть кушанья и пить напитки и обновлял трапезу за трапезой и стал раздавать и проявлять щедрость.

И тогда пришёл к нему его поверенный и сказал ему: «О господин мой, Нур-ад-дин, разве не слышал ты слов кого-то: «Кто тратит не считая – обеднеет не зная», а поэт говорит:

Я деньги храню и дальше от них гоняю –
Известно ведь мне, что дирхем – мой щит и меч мой,
И если раздам я злейшим врагам богатство,
Сменю средь людей я счастье своё на горе.

Так съем же их я и выпью я их во здравье,
Не дав никому из денег моих ни фельса.
И буду хранить богатства свои от всех я,
Кто скверен душой и дружбы моей не хочет.

Приятнее так, чем после сказать дурному:
«Дай дирхем мне в долг, – я пять возвращу – до завтра.
А он отвратит лицо от меня, и будет
Душа тут моя подобна душе собаки.

Как низки мужи, лишённые состоянья,
Хоть были бы их заслуги ярки, как солнце.

О господин, эти значительные траты и богатые подарки: уничтожают деньги», – сказал он потом.

И когда Нур-ад-дин Али услышал от своего поверенного эти слова, он посмотрел на него и ответил: «Из всего, что ты сказал, я не буду слушать ни слова! Я слышал, как поэт говорил:

Коль есть у меня в руках богатство и я не щедр,
Пусть будет рука больна и пусть не встаёт нога!
Подайте скупого мне, что славен стал скупостью,
И где, покажите, тот, что умер от щедрости!»

«Знай, о поверенный, – прибавил он, – я хочу, чтобы, если у тебя осталось достаточно мне на обед, ты не отягощал меня заботой об ужине».

И поверенный ушёл от него своей дорогой, а Нур-ад-дин Али предался наслаждениям, ведя приятнейшую жизнь, как и прежде, и всякому из его сотрапезников, кто ему говорил: «Эта вещь прекрасна!» – он отвечал: «Она твоя как подарок». А если другое говорил: «О господин мой, такой-то дом красив!» Нур-ад-дин отвечал ему: «Он подарок тебе».

И Нур-ад-дин до тех пор устраивал для них трапезу в начале дня и трапезу в конце дня, пока не провёл таким образом год. А через год, однажды, он сидит и вдруг слышит: девушка Анис аль-Джалис произносит стихи:

«Доволен ты днями был, пока хорошо жилось,
И зла не боялся ты, судьбой приносимого.
Ночами ты был храним и дал обмануть себя,
Но часто, хоть ночь ясна, случается смутное».

Когда она кончила говорить стихотворение, вдруг постучали в дверь, и Нур-ад-дин поднялся, и кто-то из его сотрапезников последовал за ним, а он не знал этого. И, открыв дверь, Нур-ад-дин Али увидел своего поверенного и спросил его: «Что случилось?» И поверенный отвечал: «О господин мой, то, чего я боялся, – произошло». – «А как так?» – спросил Нур-ад-дин, и поверенный ответил: «Знай, что у меня в руках не осталось ничего, что бы стоило дирхем, или меньше, или больше, и вот тетрадь с расходами, которые я произвёл, и записи о твоём первоначальном имуществе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.